

Теофил Лапинский
(Теффик-Бей)

ГОРЦЫ КАВКАЗА

И ИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ
БОРЬБА ПРОТИВ
РУССКИХ

*Описание очевидца
Теофила Лапинского
(Теффик-бея)
полковника и командира
польского отряда
в стране
независимых горцев*

Нальчик 2021

Лапинский Т.

Л24

Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бей) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. – 346 с.

ISBN 978-5-93681-238-5

Теофил Лапинский (1827–1886) – польский офицер, участник Кавказской войны, воевавший на стороне черкесов; на Кавказе был известен как Теффик-бей. В 1863 году издал в Гамбурге книгу «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских» (*Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen*), в которой рассказал о своем участии в Кавказской войне, дал описание народов региона.

Вот как характеризовал Т. Лапинского Александр Герцен в «Былом и думах»: «Лапинский был в полном слове кондотьер. Твердых политических убеждений у него не было никаких. Он мог идти с белыми и красными, с чистыми и грязными; принадлежа по рождению к галицийской шляхте, по воспитанию – к австрийской армии, он сильно тянул к Вене. Россию и всё русское он ненавидел дико, безумно неисправимо. Ремесло свое, вероятно, он знал, вел долго войну и написал замечательную книгу о Кавказе», рассказывающую о борьбе адыгов за свою независимость на последнем этапе Кавказской войны.

Лапинскому удалось «подметить многие самобытные черты народного характера, ознакомиться с образом ведения войны, с внутренним гражданским бытом племен». Перед нами «живая картина гражданского строя адыгов и политического положения племен относительно друг друга и в отношении Турции и России в тот момент, когда начался последний акт вековой борьбы их с Россией, окончившейся полною эмиграцией туземцев из Закубанского края. С этой стороны сочинение Т. Лапинского проливает совершенно новый свет на этот уголок Кавказа и имеет высокий интерес». Так была охарактеризована означенная работа в рецензии на нее, опубликованной в 1864 году в VI выпуске «Записок Кавказского отдела Императорского Русского географического общества».

Впервые книга Теофила Лапинского на русском языке увидела свет только в 1994 году в издательском центре «Эль-Фа», который возглавлял один из руководителей настоящего издательства; впоследствии она не переиздавалась, став библиографической редкостью.

© Т. Лапинский, 2021

© Издательство М. и В. Котляровых,
2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя Кавказ и должен быть еще отнесен к Европе, однако эта страна в общем немногим более известна, чем самые отдаленные и наиболее неприступные места на земле. Географические, этнографические и статистические описания тех частей, которые были оккупированы русскими, более чем скудны, причем необходимо отметить, что Европа получала большинство сведений о Кавказе от иноземцев, особенно от немецких путешественников. Русские данные едва ли можно удостоивать серьезного внимания, так как они, кроме своей скудности, еще противоречивы. Есть ли это со стороны русских небрежность или это политика? Так как при вскрытии действительного положения они должны были бы обнажить и свои слабые стороны, то это трудно решить. Но если даже открытые для сообщения части страны еще очень мало известны, то области независимых и охваченных оборонительной войной кавказцев до сих пор для науки были во всех отношениях окутаны полным мраком.

Я не в состоянии дать общее описание Кавказа. Такая работа потребовала бы много времени и серьезного изучения, а при отсутствии каких-либо основательных предварительных работ должна была бы проводиться с большим трудом и осторожностью. Я откладываю это на будущее время.

В предлагаемом труде читатель найдет только подробное описание независимого народа – абазов, или, как называют их в Европе, черкесов, которые живут вдоль восточного берега Черного моря, на равнине приблизительно в 2000 квадратных миль, и образуют народ численностью более полутора миллионов человек.

Этот наполовину христианский народ, принадлежащий к индоевропейской расе, и сейчас еще, когда татарские племена Каспийского моря отказались от сопротивления и допустили взять в плен своего вождя Шамиля, выдерживает всю тяжесть натиска Московского государства и защищает с железной настойчивостью свою независимость. Описывая этот народ, который во многих отношениях столь же мало известен русским, как и европейцам, я

полагаю, что пополнил пробел в наших сведениях о Кавказе, и поэтому моя работа может принести некоторую пользу для общего описания этой горной страны. Подробное топографическое обозрение и карту страны я не осмеливаюсь присоединить, потому что незнание страны русскими есть одно из важнейших условий возможности сопротивления абазов. Читатель, следовательно, поймет, что я не имею права злоупотреблять доверием народа, который мне, первому чужестранцу, позволил изучить свою страну. Я ссылаюсь поэтому на карту Карла Коха, который в 1834 году много путешествовал на Кавказе, т.е. в Грузии и Армении, и издал лучшую в настоящее время карту Кавказа. Хотя Абазия здесь представлена очень поверхностно и недостаточно, эта карта, однако, может удовлетворить того, кто не собирается основательно изучать эту страну, что при настоящих обстоятельствах почти и невозможно.

Напротив, я считал позволительным в интересах самих абазов и был уполномочен ими самими к тому, чтобы сделать известными статистические данные страны. Повсюду имеется весьма ложное представление о силе сопротивления, числе и материальных вспомогательных средствах абазов. Повсюду их считают горсткой отважных и неповинующихся разбойников, которые живут в неприступных горах, не признают ни закона, ни права и не хотят подчиняться правильному государственному порядку, даже полагают, что от подчинения черкесов русскому господству цивилизация только выиграет. Заблуждение достойное сожаления! Есть огромная разница между абазами и турками, собственно – черкесами, татарами и народами Дагестана семитско-туранской расы. Абаз, который представляет уже в физическом отношении красивейшую индоевропейскую породу людей, имеет также свойственное этой расе умственное превосходство, которого, как известно, недостает полуевропеизированному москвиту. Находясь в течение многих столетий под угрозой потери своей независимости со стороны татар, турок и позднее русских, он оставался отделенным и отрезанным от своих европейских соплеменников, терял постепенно всякое понятие о христианстве и был Европой так окончательно забыт, что там и поныне еще едва знают, к какой расе принадлежит этот героический форпост, который до сих пор препятствует укреплению Московского государства.

На картах Кавказа отвели, как бы в шутку, маленькому абазскому племени – осетинам почетное место в семье индоевропейских народов, не зная, что как раз эти осетины образуют одну и ту же семью с в двадцать раз более многочисленными адыгами. Что еще больше подтверждает их племенное родство с индоевропейцами – это характер их цивилизации: сохранение их личного достоинства и независимости, сердечность их семейных уз, привязанность к родине, благородная храбрость и при этом отвращение к ненужному кровопролитию, их преимущественное занятие земледелием и их равнодушие к торговле.

Площадь Абазии, число народонаселения и число боеспособных и вооруженных мужчин почти в десять раз больше, чем в княжестве Черногории, независимость которого, однако, признана Европой. Берег простирается в длину почти на 200 морских миль. Сама страна, одна из плодороднейших на земле, могла бы прокормить народность в шесть раз большую. Правда, разница состоит в том, что Черногория имеет могущественного единоверца и покровителя на севере, как христианская страна пользуется симпатией Европы и, наконец, борется с лежащей при последнем издыхании Турцией, в то время как абазы, находясь под протекторатом Турции, навязывающей им магометанство как условие своей симпатии, приносящей им более вреда, чем пользы, остаются не только безразличными для Европы, но еще, почти на протяжении человеческой жизни, находятся в состоянии непрерывной войны с одной из крупнейших держав мира.

Если бы беспристрастно провести параллель между заслугами перед миром абазов и черногорцев, то перевес был бы на стороне первых. Никто не может оспаривать, что сопротивление абазов помешало распространению московского могущества на Персию и Азиатскую Турцию и ослабляет его до настоящего времени и что в продолжение столетий благодаря абазам татарские орды и турецкие войска не могли сделать себе на своем пути в Европу операционную базу из абазских гор, в то время как на остальном Кавказе они встретили мало сопротивления. Напротив, нельзя сказать, чтобы существование Черногории мешало продвижению османов на север или служило форпостом Европе против турок. Как раз наоборот: в продолжение столетия Черногория является форпостом современных монголов против Западной Европы. Что касается религии, то я уверен, что, если бы христианский мир не-

много побеспокоился об этом, абазы за 10 лет сделались бы лучшими христианами, чем черногорцы.

В феврале 1857 года я вступил в сопровождении слабого польского отряда на землю абазов и образовал для подкрепления народа в его борьбе против русских отряд полевой артиллерии, до этого времени совершенно неизвестный род оружия для абазов. С этого времени до 1860 года, в котором неотложные обстоятельства, о которых читатель узнает ниже, принудили меня к возвращению в Европу, я с моим отрядом принимал участие во всех значительных битвах, во всех народных совещаниях, изучил по необходимости язык абазов и сделался, так сказать, их членом. Это дает мне возможность издать подробное описание Абазии. До этого времени только немногие европейцы приезжали как гости на абазский берег, и при естественном недоверии народа им было невозможно проникнуть дальше в страну и узнать ее. Со стороны русских только пленники или дезертиры проникали в глубь страны, и им было совершенно запрещено собирать какие-либо сведения. Абазы, находясь на низкой ступени развития, сами не знают своей страны; я не встречал ни одного абазы, который бы мог мне дать хотя бы наполовину правильные сведения о всей стране в целом. Обычно им знакома только местность, в которой они живут, а если кто-либо из них знает все свое племя, то он уже является мудрым и сведущим человеком. Что касается статистических сведений, я должен был собирать их с большим трудом, отрывочно и постепенно, чтобы позднее из этого составить приблизительно правильное целое.

Я стремился прежде всего доказать, что как в моральных, так и в материальных интересах Европы нельзя дать погибнуть этому родственному народу и забыть его так окончательно, как это имело место до сих пор. Нигде европейская цивилизация так быстро не пустила бы корни, как у абазов, дух которых подготовлен к принятию цивилизации благодаря существованию еще живых воспоминаний о христианстве. Пребывание европейцев в их стране, открытие вопреки международному праву вечно блокируемого морского берега привело бы к более быстрому развитию европейской культуры среди абазов, чем это когда-либо будет среди турок. Но для этого необходимо, чтобы абазы были защищены, с одной стороны, от порабощения их Россией и, с другой стороны, предохранены от турецкого протектората и магоме-

танской пропаганды. Если бы захотели использовать средства, затрачиваемые ежегодно в большинстве случаев бесполезно на обращение в христианство полудиких негров и папуасов, для восстановления христианства среди этого когда-то христианского и в высшей степени интересного народа, то это имело бы неисчислимые преимущества как для политических интересов Европы, так и для интересов христианской религии и цивилизации. Велика будет перед человечеством заслуга тех, которые поддержат спасение этого прекрасного народа от духовной и материальной гибели.

Автор

ТОМ ПЕРВЫЙ

Глава первая

Географическое положение Кавказа. – Реки. – Горы. – Недостаточное описание страны. – Народы Кавказа. – Разделение по расам и народностям. – Грузино-армяне. – Абазы. – Туранские народы. – Русские и европейские поселенцы. – Русское господство. Отношение различных народов к русскому правительству. – Численность населения. – Военные силы русских. – Линейные войска. – Черноморские и донские казаки и казаки новой линии. – Милиция. – Некоторые замечания о способе ведения войны русскими и о последнем походе в Малую Азию.

Кавказ лежит между 39 и 45 градусами долготы и между 35 и 47 градусами широты. С запада он замыкается Черным морем от впадения реки Кубани до впадения реки Чурук-Су, с востока – Каспийским морем от впадения реки Кумы до впадения реки Куры. Естественные границы с севера образуют реки Кубань и Кума, на юге – Чурук-Су, Аракс и Кура. Кроме названных здесь пяти рек достойны внимания еще Койсу и Терек, которые впадают в Каспийское море, потом Рион, Ингур, Бзыбь, которые вливаются в Черное море. Внутри страны нужно еще упомянуть реки: Алаза и Иорк – на юго-востоке и Лаба – на севере, но, кроме них, ни один из бесчисленных ручьев, впадающих частью в оба моря, частью в упомянутые реки, в сущности, нельзя назвать рекой. Большая часть этих речек обыкновенно летом пересыхает, но каждая дождливая погода наполняет их русла и превращает их в большие потоки на несколько часов или дней.

Не считая южных и северных равнин, лежащих по Араксу, Кубани и Куме, Кавказ почти повсюду горист. С полным правом его называли тысячевершинным, потому что горы и узкие долины беспрерывно сменяют друг друга, однако высокие, как в Швейцарии, горы редки. Самая высокая горная вершина Эльбрус –

2895 сажень, потом следует Казбек, высота которого 2587 сажень. Потом Инал, Алагес и Кинджал, которые выше 2000 сажень. Еще с дюжину гор превышают 1000 сажень, другие же бесчисленные горные вершины редко превышают 500 сажень. На всех этих горах, за исключением тех мест, где лежит вечный снег, имеется роскошная растительность.

На Кавказе мало озер. Самое большое – Готшау-озеро; Тшелдир, Зачхамас, Туман и Тапарман незначительны. Характерно, что почти все снежные горы и озера находятся в центре страны, ближе к югу.

Климат вообще самый здоровый в мире, но, смотря по местности, различный. В то время как на севере вдоль Кумы и Кубани ледяные северные и северо-восточные ветры приносят часто суровые холода, климат тех частей страны, которые защищены горами, в общем можно сравнить с Северной Италией. В стране произрастают все южные плоды.

Кавказ до сегодняшнего дня, несмотря на все усилия, которые прилагали частью русское правительство, частью частные путешественники, далеко еще не так известен, чтобы можно было дать точное статистическое, географическое и этнографическое описание этой страны. Лучшее, что до сих пор появилось в печати об этой стране, – это карта и описание ее К. Коха. В большое заблуждение впадают все статистики и этнографы, которые до сих пор писали об этой стране, когда они многочисленные диалекты, на которых разговаривают на Кавказе, принимают за различные языки, а каждое отдельное племя – за национальность. Иностраный путешественник, который, кроме русского языка (да и для него он часто нуждается в переводчике), не знает ни одного из тамошних языков, удивлен, что почти на каждом шагу слышит по-новому звучащий говор; он останавливается и спрашивает, как называется этот народ. Ему говорят название местности или фамилию. И вот на карте появляется новый народ; если же еще поверить многочисленным сказаниям, по которым большинство старых и новых писателей судят о Кавказе, то тогда легко составить представление о происхождении этого народа, его истории, количестве населения и т.д. Нередко также название одного племени принимается за название целого народа. Никому не приходило в голову, как это происходит, что во всем Кавказе все жители одинаково одеваются, их жилища, пища, нравы и обычаи очень

мало различаются, а оружие и конская сбруя повсюду одинаково изготавливаются и украшаются.

Если бы, например, азиатский географ и этнограф объехал бы быстро Австрийскую империю, не говоря ни на одном из господствующих в государстве языков, как это имеет место почти у всех исследователей Кавказа, то он увеличил бы каждый из 10–20 главных языков еще на дюжину диалектов и нашел бы от 120 до 150 народов. В Великобритании столкнулись бы с системой такого поверхностного исчисления более чем на 50 языков; кроме того, какая разница в нравах и обычаях, одежде и питании крестьян, разница, которую часто встречают на протяжении одного дня путешествия! Такое различие, как подтвердит каждый знающий Кавказ, в этой стране встречается меньше, чем во всем остальном мире. На великом пути переселения народов, конечно, каждый народ оставлял свои частицы, но со временем различные более близкие племена находили друг друга и сливались вместе.

Жители Кавказа принадлежат к трем семьям народов, а именно: к индоевропейским – абазы, которых неправильно называют в Европе черкесами, осетины, сванеты, мингрельцы, грузины, армяне и курды, персы (таджики), маленькие племена, как гудамары, чевнуры, пшавы, тушины, и европейские пришельцы, как малороссы, немцы и т.д.; к туранской семье народов принадлежат: ногайские татары, турки, кумыки, авары, затем татарские и московские пришельцы. К семитской: лезгины, чеченцы и кабардинцы, затем туземные и переселившиеся евреи. Среди аварцев, чеченцев, кабардинцев и среди казаков новой линии все расы сильно перемешаны.

Индоевропейская раса занимает почти четыре пятых страны, количество жителей распространено по стране в том же самом отношении. Две другие расы, которые между собой сильно перемешаны, занимают приблизительно пятую часть страны на северо-востоке и образуют также примерно пятую часть народонаселения.

По народностям Кавказ может быть также разделен на три различных части, а именно: во-первых, на армяно-грузин, к которым могут быть причислены также живущие на юго-востоке маленькие таджикские племена, на юге – племена, родственные курдам. Эта первая группа, которая в русских владениях занимает площадь приблизительно в 3500 квадратных миль с населени-

ем около трех миллионов душ и к которой еще могут быть причислены армянские народы оккупированных турками и персами частей страны до Эрзерума и озера Ван и Урмия, имеет все условия к тому, чтобы образовать самостоятельное христианское государство с территорией около 5000 географических квадратных миль и населением более чем четыре миллиона душ.

Армяне и грузины – в основном один и тот же народ, что бы ни говорили. С первого взгляда можно отличить армян и грузин от всякой другой национальности, но никто не сможет отличить грузина от армянина. Их религия, нравы и обычаи одни и те же, их история, их политические несчастья объединили их. Браки между грузинами и армянами часты и многочисленны. В указанной нами местности четыре пятых жителей исповедуют армяно-христианскую веру, едва только одна десятая часть – магометанскую, другая десятая часть состоит из язычников, среди которых часто встречаются поклонники солнца у таджиков и поклонники дьявола у курдов ¹.

Вторая группа народов охватывает в племенном и расовом отношении родственных абазам жителей Большой Кабарды, сванетов и осетин. Все этнографы согласны в том, что нужно считать маленький народ осетин принадлежащим к индо-германской расе. Однако они совершенно изолируют этот народ и игнорируют то, что он является родственным многочисленному народу – абазам, который представляет собой чистейшую и прекраснейшую индо-германскую расу. Из моего дальнейшего описания будет видно, что эти народы по своему характеру также являются европейцами. Этой группой занимается страна более чем в 200 квадратных миль, из которой половина, и именно Кабарда, Осетия, Сванетия и Южная Абазия, более или менее находится под русским владычеством, другая половина – вся Северная Абазия независима и охвачена войной. Все подушное население этой народности составляет около полутора миллионов, из которых приблизительно 900 000 независимы. По религии находящаяся под русским владычеством часть – слабохристианская, независимая часть – слабомагометанская; в последней местами встречается христианская религия, смешанная с языческими обрядами. Язык – абазский; адыгский, убыхский, сванетский и осетинский – простые диалекты, между которыми адыгский диалект – самый чистый и является разговорным для большинства населения.

Третью группу народов можно считать состоящей из кумыков, жителей Малой Кабарды, чеченцев, аварцев и лезгин. Эта группа занимает приблизительно 1200 квадратных миль вдоль Каспийского моря. Население насчитывается не более 600 000 душ. Основная раса – туранская, но сильно смешана с семитской. Лезгины, по-видимому, происходят от одного еврейского племени, которое простиралось через Чечню до Кабарды. Христианская религия, смешанная с еврейскими обычаями, с давних времен известна в этих горах. Впервые, при вторжении русских, господствующей религией стало магометанство. Различные племена, которые не имели никаких форм управления, собирались под знаменем Магомета и давали смелых и фанатичных монахов. Магометанская религия нашла еще большую поддержку во многих татарских фамилиях, которые или с давних пор осели в стране, или в последнее время, при наступлении русских, бежали в горы. Не прошло 20 лет, как эти племена стали мусульманскими. В последнее время известный шейх Шамиль был почти государем в стране, и он был тем, кто окончательно укрепил веру Магомета и сделал ее господствующей.

С 1859 года, после взятия в плен Шамиля русскими, еще сопротивлявшаяся часть Дагестана прекратила борьбу, но это перемирие еще нельзя назвать покорением; по последним сведениям, борьба опять вспыхнула во многих местах.

Так как я лично не был в этой части страны, то не хочу вдаваться в описание ее, чтобы не злоупотреблять доверием моих читателей. Я так много читал литературы о независимых кавказских народах и так мало нашел серьезного и правдивого, что не хочу увеличивать количество без пользы пишущих авторов, однако то, за что могу ручаться с полной уверенностью, считаю нужным сделать известным.

В Европе представляют шейха Шамиля романтическим героем и безграничным повелителем кавказских горцев. Русские сообщения были особенно склонны укреплять это убеждение. Географ и этнограф Мальге-Браун и другие ставят его без околичностей во главе черкесов (абазов, или адыге).

Шамиль никогда не был в Абазии, стал же известным там только по имени впервые с 1845 года. Круг его деятельности ограничивался предпочтительно Чечней; он был меньше воином, чем имамом и кадием². Он призывал народ к фанатичной борьбе про-

тив русских. Это верно, но нужно принять во внимание, что также и без такого фанатизма сопротивление этих отважных и свободных племен было неизбежно. Живущие возле Черного моря абазы не фанатизированы, и магометанство только ослабило их сопротивление. Несмотря на это, они до сих пор сохранили независимость. Все татары, турки, башкиры и другие туранские народности были столетиями ревностные мусульмане, однако они почти без сопротивления подчинились русским, большее число их уже крещено и русифицировано. Пленение Шамиля было не следствием проигранных сражений или продолжительной безнадежной борьбы, приведшей к деморализации и катастрофе, но просто следствием внутреннего возмущения, которое принудило Шамиля искать у русских защиты; для того чтобы спасти положение, он симулировал в последний момент сражение с русскими, которое окончилось с обеих сторон без кровопролития. Причиной внутреннего возмущения было то, что население утомилось от непосильных поборов Шамиля и его мюридов³; религиозное лицемерие, которое служило личиной жадности, было ему противно. Перед Шамилем стояла перспектива или погибнуть под пулями своих соплеменников, или спасти свою жизнь и свои деньги (что, кстати сказать, каждый истинный мусульманин больше ценит, чем свою жизнь), отдав себя в руки русских. В этом меня серьезно уверяли многие чеченцы и лезгины, с которыми в 1860–1861 годах я разговаривал в Константинополе.

Возможно, это было в интересах русских – представить пленение Шамиля как конец восстания в Дагестане; утверждали же русские и дружественные русским газеты в своем победоносном опьянении, что после этого события также было сломлено сопротивление адыге; достоверно то, что, несмотря на удаление Шамиля, никто не может переступить гор Дагестана с русской стороны, что хотя народ, правда, не оказывал сопротивления взятию в плен имама, но также и не присягнул на верность царю. С этого времени там господствует перемирие, которое каждый момент может быть прервано кровавым сражением.

Я не сомневаюсь, что русские покорят страну и население будет ассимилировано (что никогда не может случиться у западных абазов), но это будет возможно только после многих сражений.

Если когда-нибудь покорение этих племен закончится, то русское правительство сможет образовать из них страшную мили-

цию. Ассимиляция будет происходить легче, чем всех остальных кавказских народностей и племен, потому что орды, составленные из туранской и семитской рас, принадлежат к одной народности с москвитями. Это дикие, кровожадные, жадные к добыче племена, но они легко принимают железное ярмо при условии удовлетворения их алчности и кровожадности. Шамиль с его манерой повелевать не господствовал бы над абазами и двадцати четырех часов; из трех набобов ⁴, которых он к ним послал, два первых умерли насильственной смертью.

Я не верю, чтобы народы Дагестана могли быть объединены в одну государственную группу, они могут быть организованы только как военные колонии по образцу казаков. Причина этого лежит меньше в неограниченной любви к свободе этих горцев (т.к. духовный деспотизм Шамиля превзошел, может быть, русский в жестокости и продолжался почти 30 лет), чем в смешении многих маленьких племен, которые говорят на разных диалектах и не образуют национальный союз, как абазы или армяно-грузины, а соединены только новым, не особенно глубоким религиозным фанатизмом; особенно же причина этого заключается в самом духе всех народов туранской расы, которые только в постоянной борьбе смогли сохранить образ политического существования, в их страсти к убийству и добыче и в лени этой расы.

Все пороки, которыми обладают кавказские народы, развиты в большей степени у жителей Дагестана, кроме того, они имеют еще некоторые, абазам и другим совсем неизвестные. Это в особенности вероломство среди своих, фанатизм и жестокость к врагу. Изувечение трупов, отрезание голов, ушей, рук и ног, убийства невооруженных, гнусности над женщинами и детьми, которыми у дагестанцев сопровождается война, совсем неизвестны у абазов. Дагестанец охотно за хорошую плату вступает в русские войска, и служащие под названием черкесов отряды почти сплошь состоят из дагестанских добровольцев; также и среди линейных казаков на Тереке многие поступают в войска, крестятся и скоро русифицируются.

Изучая внимательно историю всех казаков, я нахожу, что эта страшная милиция повсюду имеет именно то же самое происхождение и повсюду сначала обозначалась именем «черкес». Казаки Днепра – единственные, которые имеют много славянской крови, но казаки Дона почти сплошь состоят из татар и одной не-

большой части московитов. Казаки Урала и Оренбурга – это смесь татар, турок, башкир, тунгусов, киргизов, туркмен, калмыков и только немного московитов. Весь этот сброд, который еще недавно оказывал сильное сопротивление русским, теперь уже крещен, говорит по-русски и образует благоустроенные полки, авангард России в ее завоевательных походах в Азии. Так, роковым образом, все дикие, жадные до добычи племена Дагестана, родственные по духу московитам, рано или поздно отдадут на службу России свое оружие, обращенное раньше против нее.

Так же, как, с одной стороны, я не согласен, что после взятия в плен Шамиля борьба в Дагестане прекратилась, и думаю, что русским еще предстоят кровопролитные битвы, прежде чем они смогут приучить эти дикие орды к своей службе, таково же мое твердое убеждение, что если вскоре не будет найдено средство, которое даст возможность изгнать из их соседства русских, то еще нынешнее поколение увидит их как благоустроенные казачьи войска в авангарде русской армии, против Малой Азии, Персии и, может быть, против Индии.

Число русских и других европейских колонистов, несмотря на долгое господство русских, в большей части Кавказа еще незначительно. Причина прежде всего в том, что в России ждут полного покорения и до этого не хотят рисковать собой и своим капиталом. Если исключить поселения казаков и армию, о которых мы будем говорить позднее, можно считать число европейских поселенцев не свыше 300 000 человек. Большинство из них живет в городах, преимущественно это колонии немцев около Тифлиса, затем духоборов, молокан и скопцов ⁵, религиозных сект, преследуемых в самой России, но свободно исповедующих свою веру на Кавказе.

Несравнимо большего успеха, чем колонизация, достиг русский язык на Кавказе. Свыше половины жителей владеет уже этим языком, который стал господствующим во всех городах. Меньше всего известен русский язык среди абазов. Быстрее всего изучают его татары; среди чеченцев, аварцев и лезгин, даже среди независимых, этот язык очень распространен.

Несмотря на все усилия и жертвы, которые делало русское правительство в течение столетия для покорения и русификации Кавказа, эта работа подвигается вперед еще с большим трудом и медленно, и можно сказать, что со времени Екатерины II рус-

ские сделали относительно очень мало и их господство в настоящий момент немного более обеспечено, чем во времена великой царицы.

Теперь мы рассмотрим отношение жителей к русскому правительству. При ближайшем знакомстве мы должны по этим отношениям разделить народы Кавказа на четыре группы.

Во-первых, население, платящее налог и повинующееся русским законам. Оно состоит из переселенцев и колонистов – линейных и черноморских казаков: татар, турок и части армян. Эта часть народонаселения, не считая регулярной армии, представляет число приблизительно в 1 200 000 душ обоого пола.

Во-вторых, народы, которые признают верховную власть царя и поставляют милицию для службы России, но мало или совсем не платят податей, повинуются своим собственным законам, не сложили оружие и только терпят русское господство. Это грузины и большая часть армян, таджики (персы), кабардинцы, курды, некоторые мелкие племена. Их общее число составляет приблизительно 2 200 000 душ.

В-третьих, народы, или только номинально признающие суверенитет царя, или только заключившие вид перемирия с русскими, не платящие податей и не поставляющие милицию; их набеги должны сдерживаться силой. Это южные абазы, сванеты, осетины, мелкие племена самурзаканцев, бесленеевцев, карачаевцев и татар Эльбруса, восточные кавказцы и сподвижники Шамиля – кумыки, чеченцы, аварцы и лезгины. Число их можно считать 1 200 000 душ.

В-четвертых, народы, находящиеся в состоянии войны, против которых русская армия в настоящий момент оперирует со всей мощью и относительно которых читатель найдет в этом сочинении возможно точное описание. Это северные абазы (адыге), которых неправильно называют в Европе и Турции черкесами. Число их может приблизительно составить 900 000 человек. Теперь мы сделаем общую сводку народонаселения Кавказа.

Русских подданных.....	1 200 000 душ
Наполовину покоренных.....	2 200 000 -»-
Живущих в перемирии с русскими.....	1 200 000 -«-
Находящихся в состоянии войны	900 000 -«-

Всего народонаселения5 500 000 душ

Может быть, это и слишком смелое желание – определить для Кавказа точное число жителей, поэтому я охотно соглашаюсь с тем, что могу ошибиться в моих данных на 10 процентов, но, думаю, не больше. Во всяком случае, мне кажется, что не будет слишком рискованным предположить это количество на площади в 7000 географических квадратных миль. Я должен был в конечном счете основываться на собственном опыте и на нем, так же как и на детальных исследованиях, которые я провел в различных частях страны, базировать мои вычисления. Кавказ населен гуще, чем это может показаться на первый взгляд путешественнику, и предположение о нахождении 900 душ на одной квадратной миле скорее преуменьшено, чем преувеличено. Я не мог почерпнуть сведений из официальных русских статистических данных, так как знал бессовестность, с которой такие данные создавались в России.

Один маленький пример. Я согласен, что русское правительство могло еще как-нибудь определить в круглых цифрах число первой части вышеприведенных народов; я твердо убежден, что число жителей второй части ему неизвестно; каким образом возможно правительству, даже только приблизительно, определить число душ непокоренных горцев, в страну которых не ступала еще нога ни одного европейца? Это, однако же, не препятствует московским статистикам называть их число, а европейским статистикам с благоговейной точностью их переписывать. Так, читаю я в одном официальном русском альманахе: «Лезгинская раса имеет 397 701 душу, черкесская, или адыгейская, – 290 549; сванеты (которых, между прочим, насчитывается приблизительно 2600 семейств) – 1639 человек» и т.д. Я не знал, должен ли я смеяться или удивляться; смеяться над наивностью русского чиновника, который преподносит такие статистические шутки своему правительству и всему миру (такие фарсы хороши в романе Поля де Кока, но неуместны в государственном альманахе), или же мне удивляться спокойствию, с которым русское правительство позволяет себя дурачить или с непонятной наивностью само издевается над всем миром.

Как доказательство, насколько можно полагаться на официальные статистические данные, может еще служить следующий пример: господин М. И. Х. Шницлер, который в 1835 году издал в С.-Петербурге очень солидный труд по географии, истории и

статистике русского государства под названием «Россия, Польша и Финляндия и т.д.» и который высказывает скорее слишком большую снисходительность, чем строгую справедливость в своих суждениях о России, говорит на странице 36-й о Московской губернии: «При общем измерении в 1795 году оказалось, что площадь губернии составляет 575 географических кв. миль, но эти данные были неверны. Все статистики соглашались уменьшить число до 474. Господин Арсеньев в 1831 году допускает 480 кв. миль». Недурно! Так, в 36 лет губерния суживается на 100 квадратных миль, на одну пятую часть. Дальше господин Шницлер на странице 37-й говорит об этой же Московской губернии: «Население предполагается различно. Г-н Шторх принимает в 1795 году число в 1 139 000; Вихман в 1813 году – 1 246 000; Цианбловский в 1814 году – 945 800; Хассель в 1829 году – 1 337 900 и г-н Арсеньев в 1831 году – 1 200 000. Официальная статистика в 1796 году показывает 825 972 чел. обоего пола».

Таким образом, если в самой маленькой губернии России, лежащей в сердце государства и заключающей в себе вторую столицу, может царить такая путаница, самым ярким образом доказывающая неправильность официальных данных, то как же можно относиться иначе, чем полусерьезно, к географическим, статистическим и этнографическим басням, издаваемым Россией о Кавказе. Стоящая здесь русская армия под названием постоянного армейский корпус, имеющая главную квартиру в Тифлисе, может быть разделена в тактическом отношении на три главных части: а) регулярные линейные войска, в) регулярные казачьи войска, с) нерегулярная кавказская местная милиция.

Регулярные линейные войска

19, 20, 21-я дивизии линейной пехоты	
по 16 батальонов 48 батальонов.....	48 батальонов
1 гренадерская бригада из 8 батальонов.....	8 – «–
Стрелки.....	6 – «–
3 бригады черноморской пехоты из	
6 батальонов.....	18 – «–
12 грузинских линейных батальонов.....	12 – «–
Пехоты.....	92 батальона

Кавалерия

1 дивизия драгун из 4 полков по 8 эскадронов 32 эскадрона

Артиллерия

2 бригады конной артиллерии из 2 батарей	
по 8 орудий.....	32 орудия
4 бригады пехотной артиллерии из 4 батарей	
по 12 орудий.....	192 – «–
1 бригада горной артиллерии из 4 батарей	
по 8 орудий.....	32 – «–
Крепостная к резервная артиллерия.....	6000 человек
Инженерные войска.....	3000 – «–
Штабные войска, администрация,	
транспортный военный обоз.....	2500 – «–
8 штрафных рот по 250 душ.....	2000 – «–
2 роты скопцов.....	500 – «–

Если считать один батальон в 850 человек, один эскадрон в 150 человек, на каждое орудие 25 человек, то пехота состоит из 78 200, кавалерия из 4800, полевая артиллерия с 236 орудиями из 6400 человек. Вся регулярная армия составляет 103 400 человек, с полевой артиллерией в 256 орудий.

Казачьи войска на Кавказе

17 полков донских казаков по 6 эскадронов.....	102 эскадрона
2 бригады конной донской казачьей	
артиллерии из 2 батарей по 8 орудий.....	32 орудия
18 полков линейных казаков по	
6 эскадронов.....	108 эскадронов
1 бригада пехоты линейных казаков	
в 4 батальона.....	4 батальона
3 бригады конной артиллерии линейных	
казаков из 2 батарей по 8 орудий.....	48 орудий
12 полков черноморских казаков по	
6 эскадронов.....	72 эскадрона
9 батальонов пехотных черноморских казаков.....	9 батальонов
2 бригады конной артиллерии черноморских	
казаков.....	32 орудия

Итого казачьих войск

Донских казаков: эскадронов – 102, батальонов – 0, орудий – 32.

Линейных казаков: эскадронов – 108, батальонов – 4, орудий 48.

Черноморских казаков: эскадронов – 72, батальонов – 9, орудий – 32.

Всего: эскадронов – 282, батальонов – 13, орудий – 112.

Так как подсчет казаков следует производить при полном комплекте, то, следовательно, казачья армия состоит из 42 300 человек конницы, 13 000 человек пехоты и 2800 канониров. Итого 58 100 человек с 112 орудиями.

Милиция Грузии, Имеретии, Кабарды и Дагестана организована в нерегулярные полки, батальоны или просто отдельные роты и образует номинальный наличный состав в 40 000 пехотинцев и 10 000 конных, в целом почти 50 000 человек. Они не имеют артиллерии.

Общая сводка армии

Регулярной армии.....	103 400 человек	256 орудий		
Казачьих войск.....	58 100	–»–	112	–»–
Милиции.....	50 000	–»–	–	–»–

Итого Кавказской армии ... 211 500 человек, 368 орудий

Эта армия может быть подкреплена флотом Каспийского моря, который насчитывает 12 пароходов и много парусных судов, и оренбургским корпусом. Как регулярная армия, так и казаки имеют, кроме того, на время войны резервные войска, призыв которых может довести армию до 300 000 человек. Это официальные данные, от которых можно смело отбросить четвертую часть. Несмотря на это, однако же, верно, что Кавказская армия легко может быть доведена до внушительных размеров – больше чем 200 000 человек.

Кроме знакомства с количественным составом армии одинаково важно и знакомство с моральным и материальным состоянием ее.

Линейная пехота состоит, как выше сказано, из бригады гренадер, трех дивизий пехоты, трех бригад черноморских войск и двенадцати регулярных грузинских батальонов.

Гренадеры – это красивое, великолепное войско, но так как их очень берегли и почти не посылали против горцев, они не приобрели на Кавказе большого военного опыта. Пехота трех дивизий, так же как и стрелковые батальоны, – недурна, но не так хороша, как в главной русской армии. Причина отчасти в том, что Кавказская армия находится вдали от контроля правительства, отчасти также от характера рекрутского набора. Есть предписание, что каждый из шести мобилизационных армейских корпусов в России поставляет определенный годовой контингент в Кавказскую армию. Этим обстоятельством пользуются полковые командиры, чтобы избавиться от плохих и негодных солдат. При введении даже строжайшего контроля (чего на самом деле нет) заинтересованные офицеры нашли бы средства и повод обойти этот контроль. Офицеры Кавказской армии также пополнялись такими, которые не могли оставаться по той или другой причине в своем полку.

Служба в Кавказской армии почти равносильна наказанию, ссылке; многочисленные политические осужденные или только находящиеся на подозрении кончали свою жизнь в солдатской шинели на Кавказе; долгое время годовой рекрутский контингент в Царстве Польском зачислялся в эту армию. Три линейные бригады черноморской пехоты и грузинские линейные батальоны представляют из себя на первый взгляд, может быть, самую жалкую пехоту во всем русском войске. Плохо вооруженные, т.к. большинство из них имеет еще старые кремневые ружья, составленные не только из отбросов главной армии, но также и кавказского корпуса, они, благодаря вечной борьбе с непрерывными опасностями, трудностями и лишениями, превратились в действительно хорошее войско. Эти батальоны образуют гарнизоны бесчисленных фортов или крепостей ⁶. Во всех походах, работах, трудностях и опасностях они составляют авангард. Всегда в уединенных гарнизонах, часто годами лишённые контроля вышших офицеров, они подвергнуты произволу и корыстолюбию их начальства. Дезертирство очень значительно, несмотря на то, что горцы часто выдают дезертиров за деньги и постоянно продают их между собою как рабов; и если бы перебежчики находили действительную защиту у неприятеля, то я думаю, что дезертирство подвергло бы опасности существование этого войска.

Регулярная кавалерия, состоящая из четырех полков драгун, обучена пешему и конному бою. Из этого следует, что она не стала кавалерией и не может считаться посредственной пехотой. Люди, лошади, вооружение и седла тяжелы для войска, задачей которого в основном является быстрое передвижение. Я читал много русских и иностранных романов, в которых драгуны Кавказа играют блестящую роль. Я не знаю, насколько это верно в войне с чеченцами и лезгинами, однако же несколько сомневаюсь в этом, т.к. далеко не настолько воинственные абадзехи летом в 1858 году на реке Лабе напали с 300 всадниками на 4 эскадрона драгун, рассеяли их и взяли у них 36 пленных и 82 лошади. Это было в первый и последний раз, когда драгун употребили против адыгов; последние никогда не считали их за серьезных врагов.

Артиллерия, бесспорно, хороша, но не имеет случая отличиться, так как горцы не могут противопоставить русским пушки; в частых и тяжелых походах они находят единственный способ усовершенствоваться. Донские казаки на Кавказе не на своем месте. Этот кавалерист с его чрезмерно длинной пикой, привыкший блуждать взором далеко по бесконечным степям своей страны на степном коне, не привыкшем к лесным и горным тропам, не может быть полезен между высокими горами, лесами и кустами. Он служит только посмешищем для друзей и врагов и употребляется больше для сторожевых постов на равнинах, поддержания связи, сопровождения путешественников, транспорта и арестантов и различных малоопасных экзекуций. Для этой последней службы он незаменим.

Линейные казаки образуют прекраснейшее войско на Кавказе и являются грозой восточных горцев. Не уступая им в дикости, жестокости, варварстве и смелости, они превосходят их военной организацией, имеют лучшее оружие и лошадей. Их одежда, вооружение, седла и уздечки лошадей отличаются только лучшим качеством от чеченских и лезгинских. Екатерина II положила основание этим казачьим колониям на Тереке. С этого времени растут полки и станицы⁷. Но резкое увеличение началось с 1856 года: кавалерийские полки увеличились на третью часть, пехота – на половину. Причина лежала в том, что многие племена были деморализованы безуспешной войной, которую вела половина Европы против русских, и записались в казачьи списки. Теперь горцы, которые прежде подчинялись Шамилю, сжаты между станицами ли-

нейных казаков. Эти казаки состоят из разных национальностей, населяющих русское государство. Большинство – коренные жители Дагестана. Встречается между ними и много поляков. Целые семьи, которые должны были отправиться в Сибирь, предпочитали воспользоваться предоставленным им выбором и записывались в казаки. Солдаты, присужденные за какой-либо политический проступок к вечной службе на Кавказе, пользовались также предоставленным им выбором. Но вся эта смесь из поляков, русских, татар, грузин, чеченцев, аварцев, лезгин, евреев и т.д. имеет теперь одну религию и один язык – русский, и каждый новый приезжий русифицируется в короткое время.

С некоторых пор приток диких горных жителей Восточного Кавказа, записывающихся в линейные казаки и переезжающих в станицы, необыкновенно увеличился, и это убеждает меня в высказанном прежде мнении: если в последней битве, которая скоро произойдет между дагестанскими племенами и русскими, горцам не будет оказана помощь, признаков которой не видно, то имена этих племен скоро исчезнут, и эти страшные казачьи колонии будут в состоянии через 20 лет предоставить для службы царю столь же многочисленные, но гораздо более храбрые, чем Дон, полки. Они выставляют, как я отметил, теперь около 20 000 человек войска всех видов оружия, имеют, кроме того, еще гораздо более сильные резервы. Народонаселение с некоторого времени сильно увеличивается, в этот момент его можно считать не меньше 300 000 душ. До сих пор они употреблялись только против восточных кавказцев, впервые в 1858 году увидели абазы на Западном Кавказе несколько полков этих варварских и смелых воинов, первое выступление которых было способно внушить страх и ужас их новым врагам. В последнем восточном походе стояли некоторые полки линейных казаков из армии Муравьева перед Карсом в Малой Азии и особенно выделялись среди всех русских полков.

Черноморские казаки не живут на Черном море, как показывает название, но вдоль реки Кубани. Эти казаки образовали раньше знаменитую военную республику запорожцев на островах и вдоль реки Днепр. Они находились под покровительством польского короля, и хотя, с одной стороны, они оказывали много услуг республике, с другой – были очень вредны и опасны благодаря своему беспокойному характеру.

Когда Польша пала, в С.-Петербурге было принято решение уничтожить эту казачью республику. Русское войско окружило Сечь ⁸, и народ был частью отправлен в Сибирь, частью распределен между казаками на Дону; небольшая часть бежала через Дунай в турецкие владения и основала там колонии в Добрудже. Их потомство живет и до сих пор под покровительством Порты, они управляются собственными законами и в случае войны выставляют для службы султану кавалерию. В каждой войне против русских можно видеть этих казаков, бьющихся с храбростью и ненавистью. Большая часть запорожцев получила в 1792 году разрешение Екатерины II построить вдоль Кубани станицы и переселиться туда. Эти остатки некогда могучих запорожцев были организованы по-военному и образуют в настоящее время корпус черноморских казаков. Менее жадные до добычи и не такие свирепые, как линейные казаки, они не уступают последним в храбрости. Они единственные среди казаков России, у которых преобладает славянская кровь и которые говорят не на официальном великорусском, а на их старом малороссийском, или русинском, языке; их нравы мягче, они занимаются земледелием, скотоводством и рыболовством и ведут значительную торговлю хлебом, воловьими кожами, икрой и сушеной рыбой; большинство из них состоятельны, многие даже богаты. Они образуют передовые посты русских против адыгов, и положение их местности принуждает их непрерывно быть на страже против нападений их соседей. При военных операциях они образуют авангарды русской армии против адыгов. Их конница превосходна и приобрела опыт в вечной войне, но еще лучше их пехота, которая не имеет себе равной в Кавказской армии. Они вооружены охотничьими карабинами, и абазы говорят, что они предпочитают иметь дело лучше с целым батальоном русской пехоты, чем с сотней черноморских стрелков. Их артиллерия считается также лучшей в Кавказской армии. Эти казаки никогда не имели большой привязанности к русскому правительству, но последнее время, когда русское правительство все более и более нарушает их привилегии и когда, несмотря на договоры, им навязывают чужих офицеров из русских полков в их войска, они стали чрезвычайно раздражены, и имея они у своих соседей, адыге, какую-либо поддержку, не раз уже вспыхнули бы волнения, и это было бы тем более опасно для правительства, что на Дону также имеется много недовольных.

К тому же это старое племя казаков среди всех казачьих племен пользуется наибольшим уважением и считается как бы их главой. Кроме их контингента, около 20 000 человек, они могут созвать еще почти столь же сильный резерв. Их народонаселение не превышает 200 000 душ. Кроме того, в Черномории имеется еще большое число переселившихся малороссов, а также татар, черкесов и единичных евреев. Много башкир и калмыков служат как табунщики и пастухи. Но черноморские казаки не смешиваются так легко, как казаки новой линии, с этими чуждыми расами.

Милиция, которую выставляют на службу России различные наполовину покоренные народы и племена Кавказа, довольно хорошо организована и вооружена. Она предназначена защищать свою страну против неприятельских набегов, для экспедиций против горцев она призывается только в крайнем случае. В случае внешней войны часть ее обязана служить и вне своих границ. В походе Муравьева в Малую Азию она показала, что является столь же храброй, как и хорошо дисциплинированной.

Россия владеет Кавказом посредством системы отдельных фортов. Страны, где каждый житель вооружен, где местность как будто создана для сопротивления, где мало больших городов, а в иных частях страны совсем нет даже поселений, которые могли бы служить неприятелю пунктом опоры и снабжать его продовольствием, не могут быть завоеваны несколькими выигранными сражениями. Следовательно, было необходимо создать пункты опоры, благодаря которым племена могли бы постепенно принуждаться к повиновению. Эта система была проведена русскими в большом масштабе. Во всей стране, за исключением тех мест, которые еще не могли быть оккупированы, разбросана целая сеть бесчисленных маленьких и больших военных укреплений. Эти военные укрепления имеют 50, 100, 500, часто до 2000 человек пехоты, необходимое число казаков и вооружены соответствующим числом пушек. Обыкновенно они образуют правильный четырехугольник, окруженный валом и рвом, часто также палисадом. Казармы, возведенные внутри форта и прочие постройки бывают обыкновенно из дерева, часто с камышовыми и соломенными крышами и не могут выдерживать даже незначительной канонады. Крепости вдоль берегов Черного моря, разрушенные только со времени Восточной войны, были построены немного основательнее, большинство из них было окружено стенами, а

внутренние постройки воздвигнуты из камня и кирпича. Крепости в наполовину покоренных странах, как Грузия, Имеретия, Армения и т.д., удалены друг от друга на довольно дальнее расстояние; они служат также тюрьмами и местом пребывания русских чиновников, титул которых обыкновенно значительнее, чем круг их деятельности в стране. Часто такие крепости дают основание новым городам и базарам, которые русские закладывают на Кавказе. Русские поселенцы и купцы, армяне, греки и евреи поселяются под покровительство крепостных пушек. Многие такие места, где вначале стояла маленькая крепость, обратились теперь в цветущие торговые пункты.

Чем дальше входишь в страны, в которых живут независимые народы или только номинально признающие царя, тем чаще и крепче крепости, гражданское население встречается все реже и на внешней линии совсем исчезает, сношение становится труднее и может только поддерживаться патрулями или даже большими отрядами.

Эти крепости находятся в таком состоянии, что почти ни одна из них не может выдержать серьезного нападения регулярной армии, но для горцев, вооруженных легкими ружьями и короткими саблями, при этом несведущих в регулярном ведении войны, они все же малодоступны. Если бы горцы были подкреплены 2000 хорошего войска и двумя-тремя артиллерийскими батареями, то эта паутина пала бы сама собой. Тогда не только народы, ведущие войну и вынужденные к перемирию, могли бы дышать свободнее, нет, даже наполовину покоренные изменили бы, вероятно, свой образ мысли.

Концентрация больших войсковых корпусов довольно затруднительна даже теперь, когда каждая из многих крепостей служит опорным пунктом корпуса и может снабжать его из своих продовольственных магазинов короткое или долгое время. Корпус от 10 до 12 тысяч человек, о большем и говорить нечего, не может отважиться на наступательную операцию, которая отдалит его больше чем на 4–6 дней от своей базы, потому что доставка продовольствия и военного снаряжения всегда очень тяжела, а часто совсем невозможна.

Разрушение части крепостей сделало бы еще более тяжелыми концентрацию и операции русской армии и принудило бы последнюю в некоторых случаях искать точки опоры в больших

городах и прикрывать их от набегов. Образование одного, хотя бы маленького, но хорошо обученного регулярного отряда для подкрепления воюющих кавказцев (абазский народ – последний, который поднимает еще оружие против русских), было бы, может быть, единственным средством, которое могло бы воспрепятствовать завоеванию Кавказа. Без этой материальной помощи, которая имела бы также большое моральное значение для всех народов Кавказа, можно быть готовым к скорому разрешению кавказского вопроса, т.е. к безусловному покорению Кавказа в ближайшем будущем.

Необъяснимое равнодушие, с которым союзники отнеслись к этому вопросу во время последней Восточной войны, оказало по крайней мере ту пользу, что Россия немного приподняла свою маску и показала миру, какую военную силу она имела в своем распоряжении до покорения Кавказа для войны с Анатолией; из этого можно сделать вычисление, какими громадными войсками она сможет оперировать, когда эта страна будет в ее полной власти.

Русско-кавказская армия могла в 1855 году выделить в Крым 3 бригады пехоты и послать 50 000 человек для взятия Карса. Остается еще приблизительно 140–150 тысяч человек русских войск на Кавказе для обуздывания горцев. Что было бы с Анатолией и, может быть, с Константинополем, в каком положении оказалась бы осаждающая армия союзников под Севастополем, если бы Муравьев, прикрытый с тыла и флангов, не с 50 000 человек, а со всей Кавказской армией в 200 000 душ ворвался бы в Малую Азию?

Никто, кто серьезно хочет изучить это положение, не сможет отрицать, что, как только будет сломлено сопротивление горцев, как только Россия сделается действительным господином Кавказа и племена восточных кавказцев будут превращены в казачьи полки, чему уже положено начало, в таком случае вся Кавказская армия, более многочисленная, чем сегодня, будет представлена для завоевания Малой Азии и для большого похода против Индии.

Кто сможет тогда думать о десанте и диверсии на кавказском берегу, если охранители этого берега, рыцарские адыги, будут изгнаны и их страна будет оккупирована русскими? Ведь в течение 30 лет силы русского войска и флота не могли овладеть этими бе-

регами, которые защищались только горстью плохо вооруженных людей, не организованных в регулярные войска.

Независимым кавказским народам делали упреки в том, что они не сумели использовать шансы, которые им предоставила последняя Восточная война, не использовали и не приняли участия в войне. Каковы были причины этого и на кого падает вина, мы постараемся разъяснить в ходе этого сочинения.

Примечания

¹ В то время как старые этнографы причисляли армяно-грузин к индоевропейской семье народов, все новейшие согласны в том, что этот народ надо обозначать как принадлежащий к семитской семье. Этот последний взгляд кажется наиболее правильным по многим основаниям, особенно принимая во внимание физические национальные признаки армяно-грузин.

² Имам – высшее духовное лицо. Кадием называется ученый законник и судья, в магометанских странах, где Коран почитается как всеобщая священная книга законов, священник является одновременно и судьей.

³ Мюридами назывались магометанские монахи, в Турции их называют дервишами. Есть много видов этого ордена. Дервиши, или мюриды, которых Шамиль сформировал в Дагестане, образовали его личную гвардию и были в стране ревностными исполнителями его повеления. Они отличались своей храбростью перед врагами, но также и своим фанатизмом и жадностью, и их непосильным поборам можно приписать то, что Шамиль стал ненавистен народу и впоследствии был им покинут. Во многих описаниях представляют мюридов как суровых фанатиков, которые презирают все земные блага и посвящают себя служению и смерти за религию. Это сказки. Редко встречались такие люди среди них, большинство мюридов Шамиля были женаты, состоятельны и занимали введенные им военные и гражданские должности.

⁴ Наиб значит по-арабски «заместитель»; начальник местности или многих племен для каждой провинции или для каждого племени назначает наиба, как в Европе государь назначает губернаторов. Шамиль, который в Дагестане хотел ввести форму управления, назначил 24 наиба, позднее увеличил число их до 40.

⁵ Скопцами называется одна из неисчислимых религиозных сект в России, имеющая страшный обычай после рождения первого ребенка увечить себя и своих жен; более фанатичные не ждут и этого обстоятельства. Многие умирают от этой операции. Так как эта секта в такой

стране, как Россия, где земля нуждается в людях, вдвойне опасна и подлежит наказанию, то они неумолимо преследуются. Из мужчин и женщин в Сибири, в Оренбурге, на Кавказе образуют особые исправительные колонии, население которых употребляется для тяжелых работ. Из молодых и здоровых образуют особые арестантские роты, которые употребляют в крепостях. Никогда скопец не бывает амнистирован.

⁶ Крепостью по-русски называется укрепленный пост: от слов «крепкий» и «пост». В сухопутной и морской армиях русские употребляют, вследствие бедности их языка, множество немецких и голландских выражений, которые они по своему желанию переименовывают, чтобы образовать из них русские слова.

⁷ Станицей называется русское селение, которое укреплено валом, рвами, палисадом и высоким забором и вооружено двумя или более пушками. Каждая станица в состоянии некоторое время оказывать сопротивление горцам.

⁸ Сечь – главная квартира прежнего Запорожья, местопребывание атамана, епископа и администрации; там были также артиллерийские, оружейные, амуниционные и продовольственные магазины казаков

Глава вторая

Страна независимых кавказцев. – Географическое и топографическое положение. – Горы. – Реки. – Берег Черного моря. – Климат. – Пути и дороги. – Границы. – Почва. – Земледелие. – Ремесла. – Производство пороха и оружия. – Коневодство и скотоводство. – Овцы и козы. – Пчеловодство. – Дичь. – Рыбы. – Минералы. – Торговля. – Трудности сообщения. – Ввоз и вывоз.

Я перехожу к описанию независимой части Абазии – страны адыгов. Я не осмеливаюсь, как уже было указано в предисловии, вдаваться в более подробное топографическое описание и должен ограничиться для ориентации читателя только некоторыми замечаниями.

Естественными границами страны являются: с запада – Черное море, с севера и востока – река Кубань, с юга – маленькая река Бзыбь. Лежащая между этими границами поверхность земли составляет приблизительно немногим более 1000 географических квадратных миль. Вдоль берега Черного моря от Анапы до Пицунды страна гориста; горный хребет, узкий и низкий в своем начале

на севере, становится шире и выше к югу, где начинаются снеговые горы. На этом горном хребте берут начало бесчисленные ручьи, которые вливаются на западе в Черное море, на востоке и севере – в притоки Кубани; все эти ручьи и речки, за исключением Лабы, незначительны и только при сильных оттепелях и дождях превращаются моментально в реки.

Вдоль берегов Кубани, от ее начала до впадения, страна низменна и ровна. Равнина занимает вообще две седьмых части, а гористая часть – пять седьмых страны адыгов. Круто от берега поднимающиеся горы менее плодородны, видимая с моря земля представляет неприветливый, печальный вид, можно сравнить всю береговую полосу с рядом каменных зубов, между которыми низвергаются в море бесчисленные потоки. Эти берега как будто созданы для контрабандной торговли и для пиратов. Неглубокое и каменистое дно делает их опасными для каждого большого корабля, который должен держаться на милую от берега. Довольно сносные якорные стоянки у Анапы, Суджука, Геленджика, Туапсе и Вардане, однако они не представляют защиты от штурма и ветра. Русский флот понес в этих якорных стоянках большие потери, особенно в Суджуке. Единственный от Азовского моря вплоть до турецкой границы порт, представляющий порядочную защиту, – это Сухум-Кале.

Ах, я забыл: царь Александр II дал название гавани также и Поти. В Суджуке могла бы быть сооружена одна из лучших гаваней Черного моря, но для этого необходимы организация страны, мир и большие расходы; до сих пор только легкие барки, которые могут плыть в мелкой воде, могут употребляться вдоль абазских берегов. Из бесчисленных тущоб, которые почти неприступны, пираты могут с большой легкостью оказывать значительные препятствия русской торговле в Черном море и делать блокаду берегов трудной и даже невозможной; но, к их несчастью, адыги не моряки, и это облегчает блокаду.

Климат адыгской страны можно сравнить со Средней Европой, однако господствует большая разница в температуре между горной и плоскостной частью страны. На равнине дует ледяной северный и северо-восточный ветер из степей России, холода достигают часто более 20 градусов, Кубань и другие реки затягиваются толстым ледяным покровом, и большие снежные массы покрывают своим саваном равнину. В горах и горных долинах,

где северные ветры имеют меньшую силу, напротив, никогда не бывает больших морозов. Зима редко продолжается больше двух месяцев. Летом бывает часто дождливая погода; как во всех горных странах, там также часты и сильные грозы.

Климат один из самых здоровых на земле; кроме лихорадки, которая встречается только на Кубани и в близлежащих равнинах и которая для тамошних уроженцев малоопасна, другие болезни в стране почти неизвестны; врачей совсем не найдешь; лекарств там не знают, хотя в горах произрастает большое количество великолепнейших и редкостных трав; однако имеется некий род хирургов, которые очень удачно излечивают раны, но не принимают никаких ампутаций; они высоко почитаемы. Обычно болезни, особенно лихорадка, лечатся заклинаниями, амулетами и в последнее время чтением вслух стихов из Корана. Какая мрачная судьба! Русские, которым повсюду предшествует моральная и физическая испорченность, влили также и здесь, возможно против их желания ¹, неизвестный яд в кровь народа. Женщины и девушки из Абазии, которые попадали в руки русских на море или на суше и потом были выкуплены их семьями, приносили в страну заразную болезнь, после того как они служили игрушкой в грубых развлечениях русской солдатчины, что было тем более опасным, что эта болезнь незнакома населению, оно не знало никаких лечебных средств против нее. Ее называли *uguss smage* (русская немощ). Недуг был в некоторых местностях довольно распространен; бедные люди узнали впервые от нас, с каким врагом они имеют дело, и научились некоторым средствам против этой болезни; они сделают все, надеюсь, чтобы воспрепятствовать распространению болезни. Их чистая, не испорченная кровь и их умеренность облегчают вообще всякое лечение.

Леса в стране адыгов находятся еще в первобытном состоянии; преобладает дуб; однако мало больших и здоровых деревьев, в чем, может быть, виновна отчасти густота лесов, отчасти же каменистая почва, которая здесь часто встречается на небольшой глубине в земле. Впрочем, тут имеются все виды деревьев. Всевозможные виды диких фруктовых деревьев и дикого винограда растут в большом количестве, можно считать, что дикие фруктовые деревья занимают пятую часть лесов. Вся страна густо заросла лесом, за исключением степей на один или два часа пути

от берегов Кубани, где страна низменна, безлесна, но весьма плодородна и богата травой. Две трети всей поверхности страны еще покрыты лесом.

Дорог и путей, собственно, нет. Некоторые дороги, которые русские проложили перед Восточной войной, чтобы установить связь между крепостями, были разрушены жителями и теперь заросли уже диким кустарником. В равнинах там и сям есть дороги, по которым с большим трудом могут продвигаться отдельные телеги, в горах и это невозможно. Связь поддерживается узкими пешеходными тропинками, на которых европеец-пешеход и местная лошадь могли бы сломать себе шею, в то время как абазская лошадь проходит там с полной уверенностью.

Границы страны созданы природой как бы нарочно для оборонительной войны. Берега Черного моря почти неприступны, потому что неприятель, едва сойдя на берег, натывается на горы, заросшие высоким густым лесом и прорезанные тысячами лесных потоков и пропастей. Ни города, ни деревни, только там и сям единичные покинутые или сожженные дворы; за каждым кустом, за каждым деревом, за каждым камнем – подкарауливающий неприятель, который появляется или исчезает, как привидение.

Кубань – также превосходная граница, вязкие берега ее с болотами, поросшими высоким камышом, делают постройку мостов и переходы реки очень тяжелыми, к этому нужно еще прибавить, что последняя после трехдневного дождя чрезмерно поднимается и угрожает устроенным средствам сообщения; кроме того, лихорадка, которая уроженцам мало вредна, обычно сильно поражает чужеземные отряды.

Границы южной части защищены высокими непроходимыми горами. Неприятель, который не уверен в нейтралитете жителей Южной Абазии, не может предпринимать с этой стороны никаких операций. Кроме того, жители юга возлагают ответственность за каждое нападение русских на своих соседей и одноплеменников, христианских абазов, и так как месть их более страшна, чем русская угроза, то они не допускают, чтобы из их страны предпринимались враждебные походы против адыгов.

Восточная граница вдоль Кубани, от ее слияния с Лабой, менее всего защищена. Река Кубань, здесь еще узкая и мелкая, не образует достаточного барьера против русского нашествия. Здесь неприятель также сделал значительные успехи и оттеснил или

уничтожил пограничные племена. Всякое сопротивление адыгов против регулярных войск невозможно, потому что страна большей частью плоска и имеет много безлесных равнин, где русская артиллерия – страх адыгов – может принимать дающее перевес участие в битве.

Почва Абазии самая плодородная на земле. Как равнина, так и горы производят все виды хлебных злаков. Возделываются пшеница, кукуруза, ячмень и овес; кроме того, собирают еще очень много проса, особенно в горах. В последнее время получило весьма большое распространение возделывание кукурузы – отчасти по причине большого плодородия этого вида хлебного злака, урожай которого здесь очень высокий, отчасти же потому, что турецкие хлеботорговцы охотнее всего покупают кукурузу и лучше всего за нее платят. Из овощей до сих пор известны только немногие, как лук, красный перец, чеснок, петрушка, огурцы, капуста и тыква. Последние достигают редкой величины. Другие овощи неизвестны, в том числе и картофель. Я оставил жителям немного картофеля, желтой репы и различных семян и, так как они с большой охотой занялись посадкой и им особенно понравился картофель, думаю, что они этим воспользуются. Из стручковых разводят фасоль в большом количестве и очень хорошего качества; горох и бобы редки. Повсюду встречаются превосходные сахарные дыни и арбузы. Дикая виноградная лоза растет по всей стране; в то время, когда крепости Суджук и Геленджик принадлежали русским, они основали прекрасные виноградники, где виноградная кисть получалась так же хороша, как и в Крыму. Но северные абазы пренебрегают разведением винограда, в противоположность южным, которые занимаются этим с усердием. В Убыхе вырабатывается много вина, которое очень крепко и вкусом сходно с вином греческих островов. Все виды фруктовых деревьев произрастают очень хорошо, и, хотя на них затрачивается сравнительно мало труда, здесь можно найти все сорта хороших фруктов. Прекраснейшие луга встречаются не только на равнинах, но также на плоскогорьях самых высоких гор, однако не используется и третья часть трав и не заготавливается сено.

Преимущественное занятие адыга – земледелие, которое дает ему и его семье средства к жизни. Земледельческие орудия находятся еще в примитивном состоянии и, т.к. железо редко, очень дороги. Плуг тяжел и неуклюж, но это не только особенность Кав-

каза; я вспоминаю, что видел столь же неуклюжие сельскохозяйственные орудия в Силезии, которая, однако, принадлежит к Немецкому Союзу; в плуг впрягаются от шести до восьми быков. Борона заменяется несколькими пучками крепких шипов, которые кое-как служат тому же назначению. Их топоры и мотыги довольно хороши. На равнинах и на менее высоких горах употребляются большие двухколесные телеги для перевозки сена и хлеба. В такой телеге не найдешь ни гвоздя, ни кусочка железа, но тем не менее они долго держатся и могут везти от восьми до десяти центнеров. На равнине телега приходится на каждые две семьи, в горной части – на каждые пять семей; в высоких горах она уже не встречается. Во все упряжки употребляются только быки, но не лошади.

Коневодство, со времени вторжения русских через Малую Кубань к Лабе и с потерей большей части сенокосных и пастбищных мест, очень понизилось. Скотоводство все еще в довольно плохом состоянии.

Лошадь, это другое «я» абаза, средней величины, сильна и вынослива, хотя и не красива. Достоинство внимания твердое копыто лошади; так как железо там – очень редкая вещь, то лошади не подковываются, но, несмотря на это, выдерживают длинные и быстрые переходы без повреждения копыт. Адыг, с одной стороны, очень заботится о сохранении своей лошади, с другой – требует от нее часто почти невозможного. И стар и млад имеют обыкновение непрерывно гонять лошадей, скакать через рвы и изгороди, в бешеном беге внезапно останавливать лошадь, скакать в гору и под гору; всякая другая лошадь при таком положении скоро бы погибла. Когда адыг после долгой поездки приезжает домой или на ночевку, то он оставляет лошадь на несколько часов стоять под седлом, прежде чем даст ей сена. Скребница и щетка неизвестны, лошадь моют и летом и зимой. Корм состоит из овса или ячменя, но большей частью ее кормят кукурузой. Кроме сена кормом служит также просяная солома. Взнуздывание и седлание просты и для образа жизни и способа ведения войны жителей очень практичны. Легкий недоуздок с тонким мундштуком, деревянное, не более десяти фунтов весом седло, положенное на короткую толстую шерстяную покрывку, на деревянном седле хорошо набитая подушка из сафьяна, грудные и хвостовые ремни, как и подпруга, крепкие и узкие, стремяна настолько узкие, что в них часто едва можно всунуть не более как

носок ноги, ремни стремян широкие и длинные – таково снаряжение лошади. Подушка для сидения часто украшена серебряной каймой, на узде и на переднем и заднем ремне прикреплены в виде украшения пуговицы из серебра или меди, продолговатые или круглые, часто прекрасно сделанные.

Бешеная скачка имеет своим последствием то, что у многих лошадей понурый вид; так как всадник сидит высоко, то управление лошадью шенкелями невозможно; они повинуются только поводу и камши ² – короткому, из кожи скрученному кнуту, который постоянно находится в работе и без которого ни один адыг не сядет на лошадь. Лошади с раннего возраста подготавливаются к военной службе, для этого проводятся примерные сражения, их заставляют привыкать к ружейному огню и приучают повиноваться голосу своего хозяина, так что часто бывает удивительно, как быстро многочисленный отряд находит своих в беспорядке пасущихся лошадей и сидит уже на них, готовый к сражению. Легкое и простое взнуздывание и оседлывание, так же, как и проворство людей, приводит к тому, что адыгу не нужно и половины того времени, которое требуется европейскому кавалеристу для посадки. Конюшнями служат маленькие, пристроенные к саклям сарайчики, которые вмещают не больше четырех-шести лошадей; они большей частью плохо построены, и лошади сильно страдают от холода. Здоровая лошадь с неиспорченными ногами встречается до восьмилетнего возраста, позднее уже редко.

Хорошая лошадь стоит по тамошним ценам от 40 до 50 серебряных рублей ³. Прежде было много табунов лошадей во владении богатых жителей на Лабе и Малой Кубани, теперь мало семейств, которые имеют больше 12–15 лошадей. Но зато мало и таких, которые совсем не имеют лошадей. В общем можно считать, что в среднем на каждый двор приходится 4 лошади, что составит для всей страны около 200 000 голов. На равнине число лошадей вдвое больше, чем в горах.

Как я уже только что отметил, скотоводство очень запущено. Скот на равнинах крупнее, крепче и многочисленнее, чем в горах. С ним обращаются небрежно, адыг – плохой хозяин, который редко надлежащим образом распределяет свою солому и сено, и если осенью скот стоит по брюхо в соломе, в начале весны часто терпит голод. Рогатый скот не знает стойл, летом и зимой находится под открытым небом. В среднем можно считать 10 голов

крупного рогатого скота на двор, что составит для всей страны около 500 000 голов.

Овцы плохой породы, но к ним относятся с большей заботливостью, чем к рогатому скоту; их держат в довольно удовлетворительно закрытых стойлах. Шерсть груба и различного цвета. Так как овцы и козы пасутся вместе на пастбище, то это имеет, естественно, плохое влияние на первых. Раньше пограничные жители держали большие стада овец, теперь это встречается редко. На всю страну можно насчитать не более одной четвертой миллиона этих животных.

Козы – численно самое распространенное домашнее животное в стране. Молоко и мясо коз, вследствие превосходных пастбищ, очень хорошие; козье мясо, которое в некоторых странах считается почти несъедобным, здесь вкуснее, чем баранина. Адыги держат многочисленные стада коз, многие семьи имеют их несколько тысяч штук, и можно считать, что этих полезных животных в стране свыше полутора миллионов. Коза находится только зимой под крышей, но и тогда она днем выгоняется в лес и сама находит себе в снегу какую-нибудь пищу.

Буйволов и коров имеется много в восточных равнинах страны, ослы и мулы встречаются только в южных горах. Свиной раньше держали много, но со времени введения магометанства свинья как домашнее животное исчезла.

Из птиц держат кур, уток и гусей, особенно много разводят индюшек, но адыг очень редко берет на себя труд заботиться о домашней птице, которая кормится и размножается как попало.

Пчеловодством в Абазии занимаются с усердием, и горный мед превосходен. Изобилие ароматических цветов облегчает содержание большого количества пчел; я видел в некоторых дворах тысячи пчелиных ульев. Многие из этих полезных насекомых без нужды уничтожаются, так как перед выниманием меда погибают от дыма. Мед и воск составляют один из главных видов торговли.

Равнины и горы кишат всякого рода дичью. Многочисленнее всех дикие свиньи, которые часто встречаются целыми стадами; очень много имеется зайцев, часты – косули, реже – олени и дикие козы. Волк, шакал и лиса, так же как и лесная кошка, и реже встречающийся медведь являются единственными охотниками леса, потому что адыг – плохой охотник, отчасти по нерадивости, отчасти же из-за недостатка пороха. Лишь когда дикие свиньи и

косули опустошают его посевы и огороды, а волки и шакалы начнут душить его овец, коз и индюшек в его дворе, решается он сделать по ним выстрел. Охотничьих собак, кроме небольшого количества борзых, которых держат на равнинах Кубани, нет; дворовая собака часто охотится на свой риск. Дикая птица всякого рода водится во множестве, на Кубани много фазанов; нет также недостатка в хищных птицах всех видов – орлах и коршунах.

Адыг столь же мало занимается рыболовством, как и охотой. Море у берегов, бесчисленные маленькие и большие реки кишат всеми сортами рыб, которых никто не трогает. В общем, жители имеют отвращение к дичи и рыбе. Редко можно встретить вблизи Кубани в доме рыбные кушанья.

В илистых водах Кубани ловятся пиявки очень хорошего сорта, которые составляют значительную отрасль торговли и отправляются через Константинополь до Марселя.

Южные горы богаты всеми видами минералов. Жители, несмотря на это, не извлекают никакой пользы из своего богатства, т.к. незнакомы с горным делом; однако золото, серебро, медь, свинец и железо в небольшом количестве добываются и обрабатываются. Один сведущий европейский горный мастер, которому я поручил объездить для исследования горы, сделал мне почти баснословное донесение о минеральных богатствах страны. Не имея средств, чтобы предпринять серьезную работу, я должен был, к сожалению, отказаться от эксплуатации. Каменной соли нет, зато много соляных источников, которые, однако, очень редко используются жителями, т.к. турецкие купцы снабжают их дешевой солью. Несколько минеральных источников находится в восточной части, важнейшие из них – в начале реки Псыкупс в Абадзехии.

В стране, в которой не существует городов, не может быть и речи о настоящих ремеслах и искусствах. Все, что употребляет адыг, производится дома. Женщины из овечьей шерсти изготавливают некрасивое, но прочное коричневое или грязновато-белое сукно. Из конопли, собираемой на собственных полях, ткут грубое полотно, которое довольно плохо белится. Воловьи шкуры грубо обрабатываются мужчинами, из овечьих и козьих шкур, напротив, изготавливается довольно хороший сафьян. Адыг – также и строитель своего жилища; сожгут русские его дом – в несколько дней он опять его восстанавливает. Свои повозки и земледельческие орудия делает он сам.

Все одеяние и обувь изготавливаются дома женщинами и девушками. Они же с большим вкусом и искусством занимаются вышивкой серебром, которой адыг охотно украшает свое платье. Дома же приготавливаются очень хорошие матрацы, подушки и одеяла; покрывки обычно из цветного ситца, шелка или атласа. Даже у бедных бывают всегда чистые и аккуратные постельные принадлежности, которые после оружия составляют важнейшую часть его движимого имущества; у богачей встречается немалая роскошь в постельных принадлежностях, которые у них имеются в большом количестве, часто на 50 и больше персон.

Вне дома изготавливаются только циновки и бурки⁴. Циновки, которыми в каждой хижине покрыт пол, плетутся с большим искусством в местностях, где растет хороший камыш; многие семьи занимаются только этим промыслом и торговлей своими товарами в стране; выработка бурок, для изготовления которых требуется много усилий, есть также род промышленности; лучшие приготавливаются в Абадзехии.

Кузнецы очень многочисленны в стране. Они почти повсюду оружейных и серебряных дел мастера и в своей профессии очень искусны. Почти непостижимо, как они с их немногими и недостаточными инструментами могут изготавливать превосходное оружие. Золотые и серебряные украшения, которые вызывают восхищение европейских любителей оружия, изготавливаются с большим терпением и трудом скудными инструментами. Оружейные мастера очень уважаемы и хорошо оплачиваются, конечно, редко наличными деньгами, а почти всегда натурой.

Большое число семейств занимается исключительно изготовлением пороха и получает от этого значительную прибыль. Порох – самый дорогой и самый необходимый товар, без которого здесь никто не может обойтись. Порох не особенно хорош и уступает даже обыкновенному пушечному пороху. Он изготавливается грубым и примитивным способом, потому невысокого качества. В селитре нет недостатка, так как селитровые растения в большом количестве растут в стране; наоборот, мало серы, которую большей частью получают извне (из Турции).

Этим заканчивается перечень ремесел, так как всех бесчисленных предметов, которые в Европе рассматриваются как необходимые для жизни человека, адыг не знает и в них не нуждается.

О регулярной торговле в стране, которая, так сказать, представляет огромный лагерь, окруженный с суши и моря врагами, не может быть, собственно, и речи. Границы страны стерегутся русскими войсками, и всякая торговля с врагом совершенно невозможна; однако иногда случалось, что русские начальники разрешали маленькую торговлю на некоторых пограничных пунктах и у некоторых крепостей и даже поощряли к этому, чтобы привлечь к себе адыгов таким образом; но это никогда долго не продолжалось и такая меновая торговля была очень незначительна.

В годы войны, от 1854-го до 1856 года, берега впервые почти за 30 лет были деблокированы, и сообщение с Турцией сделалось свободным. В это короткое время производство продуктов в стране почти удвоилось. До войны всякое сообщение было бесконечно тяжелым. Русские охраняли из своих крепостей от Анапы до Пицунды абазский берег, и не только непрерывно пароходы и другие суда крейсировали и поддерживали блокаду между многочисленными, в пяти-шести часах пути друг от друга отстоящими крепостями, но патрулировали еще канонерки с экипажами от 30 до 40 человек, так что берег был заключен в железный обруч. Русские суда захватывали все так называемые контрабандные суда, топили или сжигали их. Несмотря на это, привлекаемые большой прибылью лазские ⁵ купцы из Трапезунда и других береговых пунктов Анатолии приезжали на их легких сандалах ⁶ и снабжали горцев необходимыми товарами. Я лично знаю одного старого лазского моряка, который с 1830 года делал между анатолийским и абазским берегами ежегодно 5–6 поездок туда и обратно и имел счастье ни разу не попасть в руки русских.

Сандал как бы создан для этой опасной торговли. Это легкое судно, которое при благоприятном ветре оставляет позади любой русский пароход, не боится мелей и утесов, которыми изобилует абазский берег, т.к. может плыть в неглубокой воде, в то время как неприятельским судам приходится лавировать на расстоянии часа от берега, а при каждой буре они должны удаляться далеко в море, ибо выброшенное на берег судно и экипаж гибнут. Как только сандал подходит, его тотчас же подтягивают к берегу и охраняют или же тащат вверх по течению одной из многочисленных впадающих в море рек и таким образом спасают от шпионского глаза русского крейсера.

Пока русские держали берег в осаде, господствовал между комендантами некоторых крепостей и близживущими горцами род молчаливого перемирия, и последним было дозволено приходить к крепости, заниматься торговлей и даже ездить самим на русских судах в Турцию. В некоторых местах дело заходило так далеко, что господа коменданты (с позволения ли их правительства или без него – мне неизвестно) ввели постоянные ввозные и вывозные пошлины; последняя была установлена для рабов, смотря по их стоимости, от 5 до 20 серебряных рублей. Этот факт, о котором я (так как он мне сначала показался невероятным) навел самые верные справки, полностью был мне подтвержден как большим количеством туземцев, так и лазскими купцами, которые сами платили часто эту пошлину. Что скажут на это английские филантропы, которые были в высшей степени возмущены, когда абазы во время Восточной войны по требованию их комиссаров не хотели уничтожить рабство, а равно отказаться от работ торговли?

После окончания Восточной войны берега были вновь блокированы. Вначале было разрешено русским держать только два военных корабля в Черном море, но так как это было недостаточно для блокировки абазского берега, то русские уполномоченные потребовали на Парижском конгрессе, чтобы число их было увеличено до десяти. Европейские великие державы согласились на это и лишили адыгов возможности пользоваться свободной торговлей на Черном море, приняли, так сказать, косвенное участие в попытке России покорить этот народ.

Я думаю, что снисходительность к слабым была бы честнее, не говоря уже о том, что это было бы также больше в интересах Европы, чем принимать сторону сильного, который и без того может употребить огромные силы против бедного адыгского народа.

Уничтожение русских крепостей вдоль черноморского побережья, которые русские после потери их флота под Севастополем не так легко опять могли восстановить, сделало блокаду труднее и связь Абазии с Турцией легче, чем это было до войны.

Едва 2 процента ведущих торговлю сандалов попадает в руки русских крейсеров, но все-таки регулярная торговля невозможна. Турецкие купцы назначают цены, какие они хотят, и адыг должен благодарить бога, что он может все-таки всегда продать

свои продукты хоть за какую-нибудь цену и приобрести себе необходимые товары, как шерстяные ткани, соль, серу и т.д. Многие из купцов наживают себе часто значительное состояние, так как получают в Трапезунде и на анатолийском берегу более 100 процентов прибыли, но эта контрабандная торговля в виду русских крейсеров очень опасна. Многие от этой торговли сразу теряли богатство и свободу, а иногда и жизнь. Судьба такого купца, товары которого всегда рассматриваются как военная контрабанда, даже если он везет только хлеб или соль, как правило, незавидна. Если он имеет еще какой-нибудь капитал и в состоянии выкупить себя и своих матросов, то он может считать себя еще счастливым: он отделяется несколькими месяцами тяжелой работы в цепях и потерей своего имущества; но если он не может выкупиться, то после нескольких тысяч ударов розог определяется на службу царю и навсегда заключается в одну из многочисленных исправительных рот.

Торговля производится следующим образом. Купец в Трапезунде или другом месте близ берега Анатолии отправляет одного или нескольких ортаков ⁷ в Абазию. Так как ввозятся только дорогостоящие товары (особенно полотно), то можно на один груз импортируемого товара экспортировать товаров (зерно и тому подобное) в 10 и более раз. Ортаки устраиваются в безопасном месте вблизи берега и посылают в страну извещение о своем прибытии, о роде своего товара и о цене, по которой они намереваются закупать. Во всех пунктах берега, куда только сандал может проникнуть, приготовлены навесы, вроде магазинов, которые отдают внаем купцам живущие в этом месте адыги. Когда ортак наполнил свой магазин, то отправляет с какой-либо оказией извещение и ожидает сандалы для погрузки своих товаров. Когда сандалы прибывают, то втаскиваются в безопасные места и ожидают попутного ветра; а до этого внимательно наблюдают с гор, не покажется ли неприятельский крейсер в море. Если все безопасно и ветер хорош, то сандал выходит в море и через 5–6 часов он уже вне опасности. При очень благоприятном ветре сандал проходит путь от Туапсе до Трапезунда, т.е. расстояние в 156 морских миль, в 10–12 часов. Лишь при очень неблагоприятной погоде он употребляет более 30 часов.

Ввозимые товары – это шелковые ткани, сукно, белые и цветные бумажные ткани, полотно, железная и медная кухонная и

домашняя посуда, маленькие зеркала, гребни и различные мелочные товары, золотые и серебряные нитки, сталь, сера, соль и очень немного пороха. Все другие товары не имеют сбыта. Все эти товары плохого и дешевого сорта, а сбываются за баснословные цены.

Вывозимые товары – это зерно всех сортов, но особенно кукуруза, потом кожи крупного рогатого скота, овечьи и козьи шкуры, шкуры разных диких зверей, воск, мед, сало и масло. Вывозится также много пивов, которые отправляются до Марсея.

Деньги употребляются при сделках только в небольшом количестве и они играют больше номинальную роль; все основывается на меновой торговле. Мелкие монеты совсем неизвестны. Адыг знает только русский серебряный рубль (и называет его «сомми» или же «манат»); золотые или мелкие серебряные монеты мало известны; медные монеты не имеют цены. Вообще, адыг не выпускает из рук золотую или серебряную монету, которая попадает к нему, но скорее несет ее к серебряных дел мастеру и заставляет этим украсить свое оружие. Меры и гири турецкие; однако хлебная мера в стране адыгов меньше, чем в Турции, она заключает в себе вместо 20 только 15 око; одно око равно 2,5 венского фунта.

В 1857 году я провел в продолжение некоторого времени регулярный контроль в гавани Геленджика и получал еженедельно подробный рапорт о ввозе и вывозе. В мае на 45 сандалах было ввезено 3542 куска белой и цветной бумажной материи, 84 куска, или топ ⁸, шелковых тканей, 320 маленьких и больших штук кухонной и домашней посуды из меди и железа, 68 око стали, 310 око серы, около 10 000 око соли, кроме того – разные мелочные товары. Стоимость всех этих товаров по трапезундским ценам едва достигала 10 000 серебряных рублей.

Вывезено было за это же время на 43 сандалах: 22 650 сапек ⁹ хлеба, почти только кукуруза, 533 кожи крупного рогатого скота, 362 овечьих и козьих шкуры, 105 око воска, 258 око меда, 1312 око масла, кроме того – 14 ящиков пивов. Стоимость вывоза также по трапезундским ценам превышает 25 000 серебряных рублей.

Так как ежегодно к абазскому берегу приходит и от него уходит от 2500 до 3000 сандалов, то я думаю, что смогу сделать при-

близительно правильное исчисление для ввоза и вывоза. Если я вышеупомянутые цифры стоимости умножу на 60, то стоимость ввозимых ежегодно из Турции в страну адыгов товаров можно будет принять за 600 000, а вывозимых – за 1 500 000 серебряных рублей.

Примечания

¹ Я часто слышал и читал, что русские на Оренбургской линии систематически распространяли эту болезнь среди киргизских племен, чтобы деморализовать и уничтожить эти народы.

² У всех народов Кавказа и Восточной России этот кнут принадлежит до известной степени к снаряжению всадника.

³ Стоимость денег у адыгов меняется каждое мгновение, смотря по курсу, по которому привозят купцы свои товары, рубль стоит то 16 локтей хлопчатобумажной материи, то 12, иногда 8 или только 6. В основном, локоть материи заменяет маленькую или большую монету.

⁴ Бурка – короткая легкая накидка без рукавов и воротника, которая редко бывает ниже колен. Она из козьей шерсти, необычайно крепка и прочна и не боится никакого дождя, очень практична и почти необходима в этой стране.

⁵ Лазами называются живущие от Трапезунда до русско-кавказской границы вдоль берега Черного моря наполовину греческие, наполовину турецкие народы, которые теперь исповедуют магометанскую веру. Лазы находились еще не так много лет тому назад в частой и ожесточенной борьбе с турками и еще до сих пор сохранили часть своей независимости. Они самые лучшие и искусные моряки у берегов Черного моря и единственные хорошие матросы в оттоманском флоте.

⁶ Сандал – маленькое турецкое, обычно одномачтовое, судно, которое может быть нагружено до двух-трех сотен центнеров.

⁷ Ортаком называется по-турецки компаньон в торговле.

⁸ Топ – кусок полотна, бумажной или шелковой материи от 32 до 40 локтей.

⁹ Сапетка – хлебная мера адыгов, которая вмещает 15 око.

Глава третья

Происхождение и значение слова «черкес». – Первая встреча черкесов с абазами. – Вероятное происхождение названий «абаз», «адыге», «сван», «осетин». – Прежние поселения на Западном Кавказе. – Сходство абазов с живущими в европейской Турции албанцами или арнаутами. – Армяне в Абазии. – Разделение адыге по народностям, племенам, фамилиям и дворам. – Разделение по рекам. – Разделение по мехкеме, или судебным дворам. – Статистический обзор народа. – Религия: бывшая католическая часть, языческая часть и греко-армянская часть. – Воспоминания о генуэзцах. Латинский крест. – Христианское богослужение. – Греческая мифология. – Греческий крест. – Магометанство.

Слово «черкес» очень старо и вначале употреблялось для названия разбойничьих банд, которые свирепствовали на берегах реки Днепр. Оно составлено из турецко-татарских слов «чер» или «чар» (подстергать, искать) и «кес» (отрезать, грабить, убивать).

Первые черкесы, которых мы встречаем в истории, были бандой разбойников с большой дороги разных национальностей, среди которых господствовал турецко-татарский элемент. Они жили от своих многочисленных стад скота и табунов лошадей, но больше всего – от грабежа и войн, не признавали ни власти татарского хана, ни турецкого султана и назывались своими соседями разбойниками и мошенниками или, что то же самое, черкесами. Из-за панцирного снаряжения, которое многие из них носили, назывались они также кайзаками. Их главная квартира носила название Черкассы и находилась на том месте, где еще и ныне стоит город того же названия на реке Днепр. Многочисленные польские и малорусские беглецы усиливали эти банды, а когда славянский элемент стал доминирующим, татарская часть черкесов ушла на Дон; оставшиеся на Днепре стали называться кайзаками, а позднее – казаками.

Черкесы, отошедшие на Дон, основали там Новые Черкассы, называемые теперь Ново-Черкасск. Когда под влиянием московских великих князей Дон начал также организовываться по-военному, черкесы смешались с татарскими, московскими, а также русскими пришельцами¹ и приняли постепенно греческо-христианскую веру, как и имя – казаки. Вольная часть, которая

не хотела принимать христианскую веру, потянулась дальше на восток и осела на равнинах между Каспийским и Черным морями, севернее рек Кубани и Терека, где она смешалась с разбойничьими татарскими племенами кочевников и сделала караванную торговлю опасной. Дикие банды, которые встречались в ордах крымских и оттоманских войск под именем черкесов, были контингентом пиратов с Днепра, Дона, Кубани и Терека, служивших только как вспомогательное войско и не находившихся под непосредственным начальством турецкого султана и татарского хана.

Когда после взятия и покорения Крыма русские начали продвигаться на Кавказ, то они столкнулись с черкесами. После нескольких горячих сражений одни покорились, другие отступили частью на правый берег Терека, частью на левый берег Кубани. На оставленных ими берегах обеих рек русское правительство устроило казачьи колонии, и на Тереке были основаны новые колонии – линейных казаков, с которыми с самого начала смешались многие черкесы, на Кубань были переселены польские запорожские колонии с Днепра ². Черкесы принесли в кавказские местности, куда они бежали, свои татарские обычаи и свою магометанскую религию; в Дагестане они смешались вскоре с живущими там семитскими и туранскими племенами. В Абазии они имели другую судьбу.

Когда черкесы осели вдоль берегов Кубани и в Кабарде в конце прошлого столетия, число их было еще значительно. Они увеличились, если можно верить преданию их потомков, еще на 20 000 всадников. Пехоты они не имели. В четыре раза большее количество было частью уничтожено русской войной, или покорилось русским, или ушло через Терек на восток. Левый берег Кубани ко времени прихода черкесов был почти необитаем; только большие стада рогатого скота и овец паслись на равнинах, собственники которых, абазы, жили в глубине страны в горах. Между черкесами-разбойниками и наполовину дикими абазами возникла ожесточенная борьба, которая в конце концов закончилась неблагоприятно для первых. За исключением немногих семей, которые искали защиты под стенами турецких фортов Анапы и Суджука, и некоторых других семей, осевших на Кубани между реками Псекупс и Пшада, они должны были очистить страну шапсугов и абадзехов и были оттеснены за Лабу и Малую

Кубань до Кабарды. Не более 50 семей смешалось с абазами и поселилось среди последних.

На Малой Кубани образовались маленькие племена черкесов, которые постепенно сильно смешались с абазами и в которых в конце концов сделался господствующим абазский элемент. Эти маленькие племена подчинялись своим черкесским князьям и делились на бзедох, темиргай, хатокай, иарохей, бёсней, карачай, мокош и т.д.

Но большая часть черкесов направилась в Кабарду, где они вступили в борьбу с прежними жителями, потомками семитско-иудейских лезгин и наполовину христианских абазов, и осталась победителями. Жители Кабарды приняли вскоре магометанство, но сохранили адыгский язык, который был также принят черкесами, с примесью большого количества татарских слов. Население Кабарды смешалось, и три расы (индогерманская, которую представляли абазы, туранская, которую представляли черкесы, и семитская, которую представляли лезгины) слились вместе; однако многие черкесские фамилии сохранили княжество и дворянство (хан и мурза), которые существуют еще до сих пор.

Нападение русских, которым Кабарда не могла оказать успешного сопротивления, общая опасность сблизила абазов с черкесами. Первые, которые населяли и богатые равнины по Большой Кубани, защищенные широкой, трудно переходимой рекой и горами, подвергались не такой большой опасности, как мелкие, живущие на равнинах вдоль Малой Кубани, смешанные с черкесами пограничные племена, которые должны были выдержать первый удар русских. В беспрестанной борьбе все более и более сливались эти племена воедино, многие черкесские фамилии отошли внутрь Абазии и, хотя они жили разбросанно, образовали среди абазов свое собственное племя под именем Эзден-Тлако и были названы абазами ворк, что означает «рыцарь» или «благородный». Все они были магометанской религии, опытны в войне и лучше вооружены, чем абазы, у которых преобладали 50 лет тому назад еще лук и стрелы вместо огнестрельного оружия; во всех военных походах они были вследствие этого вождями. Но вскоре они стали злоупотреблять своим положением, притесняли своих соседей и вступали, когда видели в этом выгоду, в переговоры с русскими, предавали страну, которая приняла их гостеприимно, и даже поступали сами открыто на службу к русским в надежде

укрепить этим при помощи последних свои узурпированные привилегии. Абазы, которые рассматривали черкесов как чужих (ибо только некоторые честолюбивые абазские фамилии благодаря интригам пробрались в дворянство), начали уставать от своих гостей. Сами они были уже из-за продолжительной борьбы знакомы с военным ремеслом, приобрели лучшее оружие и могли, таким образом, обходиться без своих покровителей. В истории последних лет Абазии мы будем говорить об уничтожении влияния черкесов; здесь мы только скажем, что ныне дворянство совсем не пользуется уважением, а играет лишь печальную роль в стране, составляя едва полпроцента населения, и адыгский народ смотрит на них с ненавистью, недоверием и даже с презрением.

В этом кратком обзоре истории черкесов я хочу опровергнуть заблуждение, которое в ходу во всей Европе. Совершенно неправильно, когда народы Кавказа, абазы, так же, как и дагестанские племена, обозначаются именем черкесов. Не существует больше черкесского народа³; остатки его на Кавказе сами не называют себя больше так и исчезают все больше день за днем. С прошлого года остаток их в значительном количестве выселяется в Турцию. С гораздо большим правом можно назвать всех казаков России, за исключением запорожцев Кубани, черкесами, так как они потомки этих старых разбойников с больших дорог и среди них сохранился черкесский дух.

Абазы, которые ныне последними сражаются на Кавказе за свою независимость, принадлежат к индоевропейской расе и имеют племенное и языковое родство с жителями христианского княжества Абазии, со сванетами и осетинами, которые, хотя и независимы, находятся с русскими в состоянии своего рода перемирия. Они называют себя также адыге и считают себя, так же как и все абазы, за один и тот же народ с живущими в европейской Турции арнаутами или албанцами, которые также рассматривают их как своих братьев. Среди них распространено предание, что два брата со своими семьями пришли с юга на реку Ефрат, там они разделились: одни направились на северо-запад, другие – на северо-восток. Среди народов, у которых нет ни книг, ни письменности, ни памятников, так что можно только из народных преданий сделать исторические предположения, трудно попытаться до истинной истории. Между прочим сказание говорит, что этот народ ранее жил на большой реке по названию Абаза,

которая вливается в Восточное море, но уже столетия тому назад они стали продвигаться все больше на северо-запад, к Черному морю. Действительно, есть на юго-востоке Кавказа довольно значительная река, которая, однако, называется Алаза, а не Абаз; конфигурация равнины перед Дарьяльским ущельем, заселенной абазскими племенами, поразительно подтверждает правильность предания, касающегося перехода абазов с юго-востока на северо-запад. Местность по течению реки Алазы, по преданию, заселенная абазами, на старых картах обозначается как Албания.

Название «адыге», которое северные абазы присвоили себе в отличие от южных, по их словам, состоит из слов «ади» или «аде» (потом или позднее) и «ге» (быть или приходить) и обозначает позднее прибывших или позднее переселившихся. Племя сванетов получило свое название от высоких гор их страны: «высоко» значит «шуа». Осетины получили свое имя от «оссе» – снег, потому что горы их страны покрыты вечным снегом. Если бы путешествовавшие географы и этнографы были знакомы с местным языком и русские были бы добросовестны в своих сообщениях и более осведомлены, то путаница, которая господствует в картах и описаниях Кавказа, была бы невозможна.

Абазы при своем продвижении на север встретили армяно-грузинские, греческие и генуэзские поселения вдоль берега Черного моря: первых – на юге, вторых – дальше на север и последних – еще севернее. Этим объясняется также, что у южных абазов стал господствовать армянский двойной крест; у живущих в центре – греческо-языческие обряды, у северных – простой латинский крест. Что греческие колонисты не передали переселившимся абазам христианства, объясняется тем, что эти колонисты состояли из потомков беглецов и сосланных из Греции ⁴ и, может быть, не имея никакой связи с родиной, были сами язычниками.

Что еще, собственно, существует и не может ускользнуть от глаз внимательного наблюдателя, это значительное количество грузинских физиономий в Южной, греческих – в Средней и романских – в Северной Абазии, что является следствием смешения абазов с прежними жителями. Сванеты очень сильно смешаны с грузинами. Только живущее на крайнем востоке и окруженное татарскими племенами племя абазов – осетины сохранили первоначальную расу в полной чистоте или, может быть, смешались с остатками сарматов. Осетины большей частью блондины

и имеют белокурые или желтоватые бороды, которые они охотно красят в рыжеватый цвет. С живущими в Южной Абазии туранскими или турецкими племенами самурзаканцев, так же как с живущими на Кубани и у Эльбруса черкесами и татарами, абазы смешиваются очень мало.

Некоторое количество армян живут еще до сего времени разбросанно в собственных коммунах в стране адыгов и в целом составляют приблизительно 300 дворов с населением в 6000 душ. Они приняли язык, обычаи и нравы, короче говоря – весь образ жизни адыгов, но строго сохранили свои старые религиозные обряды. Однако в этом и состоит вся их религия: они соблюдают множество постов, их хижины полны икон, которые они получают из Грузии; они не имеют духовенства и принимают участие, когда представляется случай (и они не могут без этого обойтись), в христианских или языческих богослужениях абазов; или совершают также с магометанами омовение и молитвы. Они, правда, принимают участие во всех больших сражениях абазов с русскими, и хотя не так воинственны, но зато ведут свое хозяйство лучше и они состоятельнее, чем абазы. Они часто также торговцы и маклеры. Адыге называют их гиурджи (грузины) и рассматривают их как земледельцев; только в последнее время, с распространением магометанства, подверглись они некоторому влиянию магометанского духовенства.

Как я уже заметил, мои данные о происхождении абазов основываются только на народных сказаниях, т.к. другого достоверного материала для изучения их истории не существует.

Что еще более подтверждает одинаковое происхождение абазов с арнаутами или албанцами, это то обстоятельство, что судьба им определила совершенно одинаковое местопребывание. Арнауты населяют горную цепь на восточном берегу Адриатического моря, абазы – горную цепь на восточном берегу Черного моря. Северные арнауты – католики, средние были язычниками и сделались магометанами, южные – восточные христиане; точно так же северные абазы были католиками, средние были язычниками и в последнее время частично сделались магометанами ⁵, – восточные христиане. Арнауты и абазы выдержали с турками ожесточенную борьбу и утвердили свою независимость; теперь как те, так и другие служат турецким интересам ⁶.

Между тем как черкесы, дагестанцы, лезгины и прочие носят, несомненно, следы своего происхождения от татар или евреев в своих глазах и чертах лица, так что даже неопытный европейский наблюдатель узнает в них с первого же взгляда чуждую расу, абаз является великолепным представителем индоевропейской расы. Турка, татарина, еврея и настоящего москвитя можно как угодно замаскировать европейцем, и все-таки он чрезвычайно редко сможет скрыть свое происхождение, но никто не заподозрит не-европейца в абазе, одетом в шляпу и фрак. Абаз несколько выше среднего роста, стройный и сильный по сложению, но более мускулист, чем крепок в кости. Они имеют большей частью каштановые волосы, прекрасные темно-синие глаза, маленькие стройные ноги. Белокурые или рыжеволосые девушки считаются красавицами. Чрезвычайно редко встречаются люди, которые имели бы телесные недостатки. Во время трехлетнего пребывания в их стране я не видел ни одного горбатого.

Когда вступаешь на землю свободной Абазии, то сначала не можешь понять, каким образом народ, у которого почти каждый ребенок носит оружие, который не имеет писаных законов, исполнительной власти, даже начальников и предводителя, может не только существовать, но еще противостоять долгие годы такому колоссу, как Россия, и сохранить свою независимость.

Причина этому – крепкая социальная организация народа, опирающаяся на национальные традиции и обычаи, которая не только охраняет личность и имущество каждого, но также делает трудными и почти невозможными все физические и моральные попытки к покорению страны.

По своей внутренней организации адыге разделяются на три народности. Самая многочисленная – шапсуги, затем следуют абадзехи; самая малочисленная – убыхи. Первая ограничена на севере Кубанью, на востоке – Абадзехией, на юге – убыхами, на западе – Черным морем. Прикрытая от нападения русских с востока и юга, она защищает Кубань и берега Черного моря.

Вторая по многочисленности народность – абадзехи, ограниченные на севере и востоке Кубанью, на юге – убыхами, на западе – шапсугами. Абадзехия не имеет непосредственного сообщения с Черным морем. Ее северная и восточная границы слабы и часто страдают от военных действий русских.

Третья, наименьшая, народность – убыхи, окруженные на севере Абадзехией, с востока и юга – княжеством Абазией и некоторыми маленькими независимыми племенами, на юго-западе и западе – Черным морем и шапсугами. Убых доступен русскому нападению только со стороны моря.

Народности шапсуги и абадзехи разделяются каждая на восемь племен (тлако). Из этих восьми племен каждые два родственны между собою и образуют, собственно, одно племя, причем каждое из восьми племен шапсугов состоит в родстве с одним из восьми племен абадзехов. Каждое из племен разделяется на несколько фамилий (тлако-сик), а эти, в свою очередь, – на несколько семей или дворов (юнэ). Но все племена, фамилии и дворы одной народности живут смешанно между собой, и в каждой местности представлены все племена и фамилии. Административное деление, если можно употребить это выражение, – это каждая сотня фамильных дворов (юнэ-из), которая, так сказать, представляет деревню, простирающуюся на одну и более квадратных миль, и образует, до известной степени, маленькую независимую республику, которая управляется старшинами, и вся страна есть федерация таких маленьких республик. Эта федерация тем более сильна, что жители юнэ-из крайнего запада или севера состоят в родстве с жителями юнэ-из крайнего востока или юга, и это родство высоко и свято ими почитается. Каждый юнэ-из посылает на совещание страны или народности двухвыборных. Внутри каждая сотня дворов делится на десятки дворов (юнэ-ипс), и 10 представителей образует с имамом совет и суд своего юнэ-из.

Другое разделение страны – по рекам. Как бы много юнэ-из ни располагалось по реке (иногда их может быть 20 и более), но на советы, военные собрания и суды всегда избирается от каждого племени только двое старшин⁷ – представителей всех жителей, живущих по реке, так что 16 старшин с двумя кадиями во главе образуют совет и суд всех лежащих на реке юнэ-из. Чтобы точно обозначить адыга, нужно назвать его народность, его племя и его род, его реку и указать название его сотни дворов. Например: Ендрис Хантох, Емис, шапсуг, Антхир, Окецикос. Это значит: Ендрис из фамилии Хантох, из племени Емис, народности шапсугов, который живет на реке Антхир в сотне дворов, или юнэ-из, Окецикос.

Третье, новое, разделение страны, которое, однако, еще не очень укрепилось и встречается только в некоторых частях страны, но даже и там довольно нерегулярно, это – по мехкеме, магометанским судам, о которых я буду говорить позднее.

В одном фамильном дворе (юнэ) живут кроме родителей все их женатые и неженатые сыновья и незамужние дочери; рабы, как бы они ни были многочисленны, также всегда причисляются ко дворам. Такие семьи очень многочисленны, т.к. часто вместе живут несколько братьев со своими семействами; часто в одном юнэ живет до 100 душ обоего пола. Я никогда не встречал меньше 10, а почти всегда – больше 20 жителей⁸; поэтому беру число жителей одного юнэ в среднем 17 человек, что мне кажется скорее слишком низким, чем преувеличенным. В народности шапсугов считают 276 юнэ-из, из которых в треугольнике между Анапой, Суджуком и Атекумом, или в малогористой местности Натухай, находится 54, в равнинах Догай – 97 и в горах – 125 юнэ-из. Со времени наступления русских в Натухай (1856) и в равнины Шапсуга (1860) большое число подвергшихся опасности жителей ушли в горы и там поселились.

Народность абадзехов исчисляют в 183 юнэ-из. Кроме них к абадзехам принадлежат еще много маленьких пограничных племен, из которых многие слились в одну-две фамилии и рассеялись в Абадзехии; некоторые еще живут в их старых общинах, но изо дня в день все больше сливаются вместе. Старые люди показывали мне по Малой Кубани и по Лабе пустынные области, где еще 30–40 лет назад стояли многочисленные юнэ-из, от которых не осталось более следа. Эти пограничные племена были, как уже замечено раньше, черкесского происхождения, но очень сильно смешались с адыгами, пока в конце концов абазский элемент не сделался преобладающим, так что на десяток адыгов едва ли найдется один черкес. Племена кемирхай, науруз, мансур, тафне и другие почти исчезли, из еще существующих бзедох с одиннадцатью юнэ-из является самым значительным. Потом следует демиргой с тремя юнэ-из; другие, как хатохай, босней, ярохай, макош, кабартай, карачай и т.д., состоят каждый из одного-единственного юнэ-из. Так как все эти племена принадлежат к абадзехам, то общее число юнэ-из составит 203.

Третья народность независимых адыгов – убыхи образуют только одно племя, которое разделяется на много фамилий и

живет в 46 юнэ-из. Так как в этой местности число рабов очень велико и, пожалуй, составляет более третьей части населения, то можно исчислять количество жителей каждого юнэ-из не меньше чем в 25 душ. Таким образом, шапсугов оказывается в 276 юнэ-из (считая каждый в 1700 жителей) 469 200 душ, абадзехов в 203 юнэ-из – 345 100 и убыхов в 46 юнэ-из (считая по 25 душ каждый юнэ) 115 000 душ, что в круглых цифрах составит около 900 000 душ предполагаемого мною населения независимой части Абазии, или страны адыгов.

Приблизительно лет 30 тому назад черкесы и абазы отличались друг от друга по религии гораздо больше, чем теперь. В то время как первые исповедывали магометанскую веру, последние соблюдали христианские обряды, сильно смешанные с языческими. Некоторые историки утверждают, что христианство было введено в горах грузинской царицей Тамарой. Помимо того, что существование этой набожной и храброй княгини ⁹, почитаемой, кстати сказать, по всему Кавказу, до сих пор исторически не доказано и, может быть, является мифом, достоверно также известно, что грузинские войска не проникали в горы. Напротив того, несомненно, что христианские и магометанские войска жестоко бились на равнинах Кубани. Многочисленные могильники ¹⁰, в которых еще и теперь находят различные татарские, грузинские и другие монеты и оружие, служат этому лучшим доказательством.

Как я уже заметил раньше, самым основательным предположением является то, что пришедшие с юго-востока абазы приняли религию жителей, которых они нашли в стране, но эта религия была ими недостаточно воспринята или же этот народ, отрезанный целые столетия турками, татарами, а впоследствии русскими от родственных ему христианских народов и лишенный всякого общения с ними, с течением времени сохранил только внешнее знание веры, впал в прискорбное заблуждение и в последнее время бросился в объятия магометанства.

Религия жителей Абазии четко различаема по трем регионам. От устья реки Кубань до устья маленькой речки Шапсуха, впадающей в Черное море, господствовало латинское письмо. Еще сегодня можно найти множество надгробных памятников с латинскими надписями и простым крестом, высеченным из камня или сделанным из дерева. Новые мусульмане охотятся за этими символами и старательно уничтожают их. В могилах находят ору-

жие с латинскими надписями и гербом Республики Генуя, а также значительное количество золотых, серебряных и медных монет генуэзской чеканки; часто – до десяти и более – встречаются в могилах сабли, изготовленные генуэзскими оружейными мастерами.

Генуэзцы, эти предприимчивые вооруженные купцы, имели свои конторы на севере Абазии. Из Феодосии в Крыму они отправляли свои товары в Анапу, Содшак, Геленджик. Отсюда дороги вели на Кубань, а с правого берега реки караваны тянулись до Каспийского моря. Этот путь связывал генуэзскую торговлю с Северным Туркестаном, с Персией и Китаем. Следы данных торговых связей видны и сегодня. Самыми важными из них являются достаточно хорошо сохранившаяся проложенная в скале дорога от Месиба через горы до реки Абин, след от дороги в лесу Адербе, а также остатки европейских жилищ из каменной кладки, и, наконец, руины крепости на вершине высокой горы у Шипсо Хур. Земляные валы и ров видны и сейчас, сохранился и полуразрушенный колодец, который, вероятно, был очень глубоким и который могли построить только европейские рабочие. Но самым убедительным доказательством является множество надгробных памятников.

Итак, можно с большой уверенностью предположить, что адыги переняли католическую веру у генуэзцев; после же ухода чужеземцев впали в непонятную религиозную путаницу, в результате которой сохранился только символ христианства – крест. Этот божественный символ свято чтят даже сегодня; там, куда магометанство проникло силой, его можно найти во всех хижинах. Часто я был удивлен тем, что видел крест, вышитый или вплетенный в намазлык ¹¹. Обращенный в новую веру мусульманин наклоняет свою голову и касается лбом креста, не представляя его значения. И в самом деле, никто из туземцев не смог мне объяснить его значения. Он священен, так как его носил Иесха ¹², сын великого Тха ¹³. В большом божественном почете здесь и Мара ¹⁴, которую почитают здесь как Тха-нан (матерь Божью). Но кем она является – матерью Бога-отца или Бога-сына, они не знают и, кроме этого имени и креста, не имеют ни малейшего представления о христианской вере.

Как самый большой праздник в стране адыгов отмечается день в июле, когда Мара вознеслась с земли на небеса. Легенда гласит,

что она в этот день спускается на землю, участвует в празднествах, и тех, кто ее поминает, благословляет и хранит от несчастья, оставаясь при этом незримой.

Чтобы дать представление о религиозных обрядах этого маленького народа, некогда бывшего христианским, хочу подробно описать один из ритуалов, который я наблюдал от начала до конца с большим вниманием и интересом. Это было летом 1858 года. Я был занят организацией переписи населения, взиманием налогов и т.д. у горских народов, проживающих на реке Пшат. Однажды утром мне сообщили о депутации, и тут же появились шесть седобородых старцев, которые пригласили меня на праздничное богослужение по старинному обычаю страны.

Многие жители заметили, что некоторые из моих солдат носили на груди маленькие крестики, а также было замечено, что я и мои солдаты, проезжая в горах Пшата мимо креста, зачастую встречающегося по дороге, по обычаю нашего польского отечества снимали каждый раз шапки, в то время как черкес, или турак, или вновь обращенный адыг обычно встречали этот символ презрительным взглядом или пренебрежительным жестом, а при случае их разрушали или уничтожали. Это все, сказали мне старики, передавалось в горах из уст в уста, поэтому народ надеялся, что мы не откажем в своем присутствии на празднике. Мне было слишком любопытно видеть праздник, чтобы я мог отказаться от приглашения. В полдень я поскакал в сопровождении двух офицеров и восьми солдат за депутатами, к которым присоединилась толпа более чем в сотню всадников, на указанное место, отдаленное не более чем на час пути от моей последней квартиры.

Первый взгляд на предназначенное для богослужения место вызвал в моей памяти то, что я читал о священной дубраве древних друидов. Мощные столетние дубы, образующие круг, бросали густую тень на род грубого каменного алтаря, в середине которого возвышался очень старый, грубо сделанный деревянный крест. Вокруг алтаря стояли четыре молодых быка, восемь баранов и восемь козлов, которых держали за рога молодые мужчины. На каменной плите, заменяющей престол, стояли большие чаши с хлебом, пшеничными и маисовыми пирогами, медом и маслом, а также сосуды с молоком и со шветтом ¹⁵. Против алтаря в середине жертвенных животных стоял высокий, очень бодрый ста-

рик с прекрасной серебряной бородой и обнаженной головой. По бокам его – два мальчика: стоящий с левой стороны держал три (одна в другую поставленные) деревянные чаши, а с правой стороны – три ножа различной величины на круглой доске. В отдалении полукругом у алтаря стояли мужчины с меховыми шапками под мышкой, немного далее назад – многочисленная группа женщин и девушек. Приблизительно в 100 шагах от алтаря горели широким полукругом около 30 костров, над каждым из них висел большой котел, в котором кипятилась вода.

Высокий старик молился перед алтарем; его взгляд был пристально устремлен на символ спасения, значения которого он не понимал. Он молился. Его губы двигались, руки то поднимались вверх, то опускались крестообразно на грудь; это движение повторяли все мужчины. Я приблизился настолько, насколько позволяло мне приличие, чтобы уловить смысл молитвы; к этому времени я мог уже понимать почти все сказанное на адыгском языке. Слова «Tha dahe, tha ichuha, tamitsehki; Iesha, tha-ok! Mara, tha-nan, tha! tha!»¹⁶, которые повторялись всем собранием (мужчинами – с глубокими вздохами, а женщинами – протяжными плаксиво-певучими голосами), раздавались непрестанно у меня в ушах. Я был не в состоянии уловить другие слова, а когда позднее расспрашивал старика о смысле его молитвы, он делал таинственное лицо и не хотел ничего сказать; но я убежден, что бедняк сам не знал ничего больше. Ни он сам, ни присутствующие при этом не крестились.

После того как собрание приблизительно в течение четверти часа повторяло и пело за стариком молитвенные слова, стало сразу тихо; старик надел свою шапку на голову, что проделали за ним все мужчины, повернулся к стоящему около него справа мальчику, взял нож с доски, повернулся ко мне и кивнул мне подойти поближе; затем он дал мне в руку нож, который я должен был передать моему соседу, этот – стоящему около него и так далее. Нож быстро переходил из рук в руки и возвратился после того, как все мужчины прикоснулись к нему, опять назад к старику, который взял теперь чашу из рук слева стоящего мальчика и сделал знак, чтобы ему подвели первое жертвенное животное. Шесть здоровых парней повалили молодого быка перед серединой каменного алтаря на землю и держали его так, пока старик, бормоча все время слова «Tha! Tha!» и т.д., разрезал ему горло

и нацедил кровь в чашу. Тогда убитое животное было убрано, и после того, как другие три быка таким же образом пали под жертвенным ножом, животных потащили к кострам, где занялись их приготовлением.

Снова, поднимая глаза и руки и окровавленный нож к кресту, старик произнес громким голосом знакомые слова, а все собрание повторило их за ним. Потом он взял с доски второй нож, который, так же как первый, сделал круг, и им были зарезаны восемь баранов; кровь была отцежена во вторую чашу, и животных оттащили к котлам. Снова поворот к кресту и короткая молитва; потом с такой же церемонией был взят третий нож и им зарезаны козлы. В конце опять последовала короткая молитва.

Старик был заметно утомлен, несмотря на его редкую бодрость и ловкость, которые он обнаружил при убивании жертвенных животных; бойня продолжалась более часа. Три наполненные жертвенной кровью деревянные чаши были поставлены на большую плиту справа от каменного престола, и сейчас же к ним стали тесниться старые и молодые, чтобы как-нибудь смочить в крови кусочек сукна или полотна или хотя бы кончик пальца, т.к. это считается хорошим средством против болезней человека и животных и против колдовства. Я заметил также, что многие мужчины роняли несколько капель на свое оружие; однако я не мог, несмотря на мои вопросы, узнать, какую пользу это должно принести.

Первый акт окончился, теперь начался второй. Неженатая молодежь отправилась вместе к котлам и огню и начала проворно сдирать кожи, разрубать мясо и приготавливать обед. Мои европейские спутники, которым уже стало скучно, побежали к кострам. Я же не хотел упускать из виду импровизированного священника. Следующая сцена была, так сказать, богослужением женатых людей. Старик стоял в нескольких шагах от креста; мужчины и женщины подходили один за другим с различными просьбами и жалобами, которые должны были через его посредничество быть переданы Тха: у одного заболел ребенок, другой потерял свой урожай; у этого пал скот, у того брат попал в плен к русским; один хочет предпринять поход против неприятеля, у другого жена бесплодна ¹⁷, жена третьего рожала дочерей, а не сыновей.

Старик выслушивал эти и подобные им жалобы каждого с большой серьезностью; потом направлялся к алтарю, брал свою меховую шапку под мышку и бормотал некоторое время, потом опять возвращался на прежнее место, чтобы выслушать следующих. Один из верующих был, видимо, озлоблен и сильно возмущен. «Что делает он, великий Тха? – закричал он громким голосом и с гневно сверкающими глазами. – Я всегда первый в служении ему, моих самых лучших животных, мой лучший мед я приношу в жертву, а моя старая мать лежит в постели уже два года, не может ни жить, ни умереть. Если он ни о ком не заботится, что тогда будет?! Все его оставят и пойдут к новому богу, к Аллаху и к Магомету, что уже и без того многие сделали». Эта угроза не очень-то понравилась старику, и он строго остановил жалобщика, что также сделали и другие абазы, отстаивавшие великого Тха против Аллаха и Магомета с большим красноречием.

Теперь началась христианская часть богослужения. Старик подошел к алтарю, взял в руки большую плоскую лепешку и сказал внушительным голосом, обернувшись к собранию: «Хлеб, который вы принесли великому Тха в жертву, лежал на его столе и сделался святым, ешьте этот хлеб, и это принесет вам счастье». Он отламывал маленькие кусочки от лепешки и разделил таким образом ее и несколько других между присутствующими. Затем он взял деревянный сосуд, наполненный шветтом, и все пили из него один за другим. Я уже выше заметил, что в этой части церемонии принимали участие только женатые мужчины и замужние женщины. Она имеет много сходства с причащением святых тайн, мне казалось, что я нахожусь на богослужении в первые времена христианства.

После того как каждый съел свой кусок лепешки и выпил свой глоток, старик произнес еще раз обычную молитву, которая была хором повторена присутствующими, и этим закончилось богослужение. Большинство направилось к кострам, другие образовали группы в тени священной рощи. Все ожидали пира.

Как только кушанья были приготовлены, они были принесены. Девушки и молодые люди обслуживали по абазскому обычаю старших. Все уселись в группы по шесть-восемь человек вокруг маленьких низеньких круглых столиков; жертвенные животные, сваренные с просяной кашей, исчезли в зубах проворных адыгов, которые никогда не страдают отсутствием аппетита. Несмотря на

огромное количество принесенных съестных припасов, ничего не осталось, кроме костей. Все население одного юнэ-из принимало участие в пиру.

Лежавшие на алтаре кушанья, однако, остались нетронутыми. Они предназначаются или для того, чтобы подкрепить заблудившегося странника, или же великий дух ночью посылает за ними своих слуг, что рассматривается как очень хороший знак для страны. Это чудо всегда случается, как я слышал; но я сильно подозреваю, что почтенный священник к этому причастен. Жертвенные ножи, чаши и кожи жертвенных животных также принадлежат ему по праву.

Размышляя, я поехал домой. Это народ той же самой расы, как и мы, который внешне почти не отказался от христианства, который нельзя назвать варварами, так как он цивилизованнее, чем крестьяне многих европейских стран, который, так сказать, живет у ворот Европы и насчитывает полтора миллиона душ; в чем же причина, думал я, что ни одна из многих католических и протестантских миссий не попыталась посеять семена Евангелия на этой так хорошо подготовленной почве? Идут же миссионеры в Китай и Японию, в глубины Африки и Австралии, делались же попытки обратить в христианство низшие расы, папуасов и жителей Огненной Земли; но никто не позаботился о духовном спасении одного из прекраснейших и от природы интеллигентнейшего из народов! Я не мог дать себе другого ответа, как то, что прошло уже несколько столетий, как религия в Европе должна была уступить свое место политике. И, таким образом, произошло то, что до тех пор, пока могущественная еще в то время Турция имела притязания на эти страны, все избегали вызывать гнев Порты религиозной пропагандой. Теперь же, когда могущественная Россия стремится покорить страну, боятся возбудить неудовольствие царя. Пока Турция делала попытки поработить страну, она оставалась по крайней мере по некоторым обрядам христианской, когда же Россия начала ее завоевывать, она сделалась магометанской. Как все это произошло, читатель узнает в следующих главах; мое собственное убеждение – та европейская нация, которая возьмет под свою защиту абазов против турецких и русских претензий, та и введет свою религию в эту страну.

Мы говорили о бывшей католической части, теперь переходим к центральной части страны, лежащей на берегу Черного моря, где, как кажется, господствовало древнегреческое язычество, следы которого сохранились до сих пор. Магометанство проникло туда меньше, чем в горы, в равнинах же Абадзехии оно распространилось очень сильно ¹⁸. Правда, иногда встречается крест, но редко; вместо этого во многих местностях попадаются удивительные, вырезанные из дерева изображения языческих домашних богов. Предания древней греческой мифологии остались еще живы в представлении горцев. Тха-шуа ¹⁹ – великий и могущественный бог, который имеет еще целую семью подчиненных ему богов – Тха-цику.

Кроме того, каждый лес, каждая река, каждая гора имеют своих духов-покровителей: Мезимтха, Пситха, Кусхамтха (лесной бог, речной бог, горный бог). Абазы насчитывают двадцать два крупных божества, и их подразделение имеет большое сходство с греческим. Странное заблуждение: между языческими богами нашла место святая дева Мария, мать великого бога, и высоко почитается; Иисус же неизвестен. Я часто видел священные рощи, дубы, украшенные разноцветными лентами, под которыми жители совершают свои богослужения; туда приносятся также кушанья и напитки для богов, но настоящего богослужения я не мог заметить. Мне рассказывали, и в особенности о мусульманах, что жители стыдятся своих старых суеверий, что только старые люди втайне совершают свои различные языческие обряды и колдовство, что, напротив, молодые сделались уже настоящими мусульманами, но так как они еще не научились молиться, как это полагает правоверному, то предпочитают совсем не молиться ни на старый, ни на новый лад.

На юге страны адыгов, в Убыхии, магометанство также не очень распространилось. Оно известно только некоторым потомкам черкесов и пришельцам из Лавистана. Так как Убыхия ведет издавна большую торговлю рабами с Турцией, то работоторговцы также сделались ревностными магометанами, чтобы заслужить расположение турок. В княжестве Абазии найдется лишь несколько отдельных магометанских семейств. Здесь встречается опять крест, но уже не простой латинский, как на севере, но двойной – греко-армянский. Религиозные понятия жителей

и их богослужение ничем не отличаются от тех, о которых мы говорили выше; однако русское правительство у южных абазов, сванетов и осетин построило несколько русских церквей и поставило русских попов для богослужения, но большинство этих церквей было разрушено, попы изгнаны, а сохранившиеся еще церкви никем не посещаются. Абазы видят в этих стараниях не желание русского правительства обратить их в русско-греческое христианство, но средство поработить их, и в этом они правы. О начале распространения и о современном состоянии магометанства в стране адыгов я буду подробно говорить в связи с историей последних лет абазского народа. Здесь только замечу, что если бы христиане употребили хотя бы десятую часть усилий, времени и энергии магометан, то вся страна была бы теперь христианской.

Примечания

¹ Если я делаю разницу между выражениями «русский» и «московит», то опираюсь на утверждение многих превосходных географов, этнографов и историков, которые доказывают что московиты не принадлежат, как русские, к индогерманской, но к туранской расе. В последнее время русский ученый из Киева господин Духинский привел неопровержимые доказательства, что московиты – смесь финнов и татар, хотя и приняли, и то только в последнем столетии, внешне религию и язык русских, но по их происхождению, истории, прошлому и их духу совершенно чужды как русским, так и полякам и другим славянам. Господин Духинский с большим талантом поставил расовый вопрос и убедительно доказал его значение, и т.к. он опирается только на факты, а не на предположения, то разработанная им доктрина имеет большую и блестящую будущность.

² См. главу 1.

³ Черкесами называется племя в средней орде киргизов, которое во время своего кочевья зимой обычно располагается на восточном берегу Каспийского моря. Это племя насчитывает до 15 000 человек обоего пола.

⁴ Известно, что Кавказ был местом ссылки Греции – греческой Сибири. После введения христианства среди греков, во времена римского владычества, ссылка на Кавказ больше не практиковалась.

⁵ Магометанство арнаутов не очень твердо, большей частью они только разыгрывают магометан, чтобы получать места в турецкой армии и администрации.

⁶ Можно еще до настоящего времени рассматривать арнаутов как независимых. Они не платят почти никаких податей, не поставляют рекрутов, не принимают гарнизонов и управляются по своим старинным законам. Но большое число их поступает за хорошую плату на службу в солдаты и как полицейские наводят страх на турок и райя.

⁷ Старшин называют тамадами (предводитель, мудрый), но вообще так называют и стариков, и отцов семейств в их дворах.

⁸ Есть фамильные дворы (юнэ), где число жителей превышает 100 человек. Совершенно невозможно определить число жителей страны с точностью, т.к. записей о рождении, смерти и браке не существует. Я должен был в моих статистических данных основываться только на вероятных исчислениях. Но так как в некоторых юнэ-из я предпринял точный подсчет людей, лошадей, скота и оружия и число юнэ-из мне также точно известно, то я думаю, что, считая данные в круглых цифрах, не буду далек от истины.

⁹ Странно то, что имя знаменитой грузинской царицы составлено из абазских слов: «Тха» – бог, «Мара» – Мария. Не имеет ли это имя другого значения?

¹⁰ Эти насыпные земляные курганы находятся повсюду, где проходили вереницы людей во время переселения народов. Весь юг России, Южная Польша, Молдавия, Валахия и равнины Венгрии усеяны такими курганами.

¹¹ Намазлык – коврик (или маленькая циновка), на котором мусульманин делает намаз (читает молитву).

¹² Иисус.

¹³ Бог.

¹⁴ Мария.

¹⁵ Шветт – это род жидкой просяной каши, смешанной с медом, отвратительный на вкус и на вид, но крепкий напиток. Другой вид шветта – это приготовленный из меда напиток, очень вкусный, прозрачный и очень крепкий.

¹⁶ «Прекрасный бог! Великий бог! Мы бедные (молимся тебе)! Иисус, сын бога! Мария, мать бога! Бог! Бог!»

¹⁷ Бесплодие считается большим несчастьем и позором.

¹⁸ См. последние годы абазской истории в главах 9 и 10.

¹⁹ Вероятно, имя Тха происходит от Теос или Деус.

Глава четвертая

Законы адыгов. – Коран и адыге хабзе, или обычное право. – Виды суда. – Мехкеме. – Кровная месть. – Наказания. – Языки и диалекты. – Письменность. – Магометанские школы. – Способности и стремление к знаниям молодых абазов. – Отсутствие памятников. – Сказания и сказки. – Объяснители снов. – Сказание о Прометее. – Общественное деление адыгов. – Князья. – Дворяне. – Свободные. – Старшины народа. – Духовенство и судьи. – Рабы и их положение. – Работоторговля. – Рабы, девочки и мальчики, в Константинополе. – Жилище адыгов. Их питание. – Кушанья и напитки. – Одежда мужчин и женщин.

Ко времени введения Корана он является законом для всех принявших магометанскую веру, а так как все считаются мусульманами, то должны были бы исполнять этот закон. Но это не так. Во-первых, число сведущих в Коране еще очень незначительно, особенно в гористых частях, и потому адыги не могут так легко отвыкнуть от своих старых обычаев. В основном господствует еще старое обычное право.

Коран достаточно известен; кроме того, здесь не место для трактата о магометанском законодательстве, поэтому я ограничусь беглым очерком абазских законов и существующего у этого народа судопроизводства. Так как не существует письменности для адыгов, то нет также и писаного свода законов. Судьи судят по старинным обычаям. Если кто-нибудь хочет затеять против другого тяжбу, то отправляется к двум старшинам своего племени в юнэ-из, в котором живет. Они созываются по два старшины от каждого племени и, кроме того, одного или нескольких сведущих в Коране имамов или кадиев. Если процесс не очень серьезный, то призывают от каждого племени только по одному старшине. Так как все судьи обыкновенно неграмотны, но иногда охотно разыгрывают хороших мусульман и хотят судить по Корану, то кадий, особенно когда он хорошо владеет речью, легко справляется со своей задачей. Все эти новые законники обыкновенно умеют из каждого процесса извлечь свою пользу, откуда их изворотливость вошла в поговорку в стране. Если обыкновенный суд не может разрешить спорное дело или одна из сторон протестует против решения, то процесс откладывается до ближайшего

большого народного собрания, когда на суде присутствуют самые опытные и уважаемые старшины всех восьми племен и пользующиеся большой известностью кадии.

За осужденного или обвиняемого отвечает все племя, которое в случае нужды поддерживает и защищает его. Если он присужден к уплате штрафа и его собственных средств не хватает, то он собирает их сперва у своей фамилии и, если этого недостаточно, у своего племени, переходя из дома в дом. Согласие на это он получает от старшин своего племени, которые ему передают кусок бумаги с приложенным на нем знаком племени или печатью. Каждый в таком случае обязан ему помогать; если же он не получает того знака, то это означает, что он покинут своим племенем, а если не имеет собственных средств, то убивается или продается в рабство противной партией, особенно если дело идет о цене крови. Если тяжба происходит между лицами разных народностей, например, между шапсугами и абадзехами, то судьи обеих народностей собираются на границе, обсуждают дело сначала отдельно, а потом совместно, и если они не могут прийти к соглашению, то выбирают третейского судью от третьей народности. Чужестранцы (например, турецкие купцы в прибрежных местностях) также охотно приглашаются в качестве третейских судей.

Если возникает пограничная или другого рода ссора между абазскими народностями, то образуются только два судебных лагеря – из Северной Абазии, т.е. от шапсугов и абадзехов, и из Южной, т.е. из Убыхии, княжества Абазии, сванетов и осетин. Крайне редко случается, чтобы судебный приговор не исполнялся; в таком случае возникала иногда внутренняя кровная вражда.

Единственный случай, когда суд может приговорить к смерти, – это открытая или тайная служба у врага, но и в таком случае судьи обыкновенно довольствуются высшим денежным штрафом, который точно так же, как за убийство и за смертельный удар, устанавливается в 2000 серебряных рублей¹. Если же все племя отказывается помочь осужденному, что всегда происходит в первом случае, то, если он по тамошним понятиям человек состоятельный, он разорен, если же он не имеет средств, то продается в рабство. Невольный смертельный удар или сознательное ранение, обнажение сабли и угроза ею влекут за собою штраф от 100 до 1000 серебряных рублей. Случайное ранение, угроза ружьем или пистолетом наказываются штрафом от 10 до 500 рублей;

воровство – от 10 до 1000 рублей и возвращением украденного имущества. Если кто без ведома владельца обрежет хвост лошади, что рассматривается, я не знаю почему, как самое большое оскорбление, то должен заплатить штраф до 500 рублей. Самый маленький штраф – один серебряный рубль, который равняется козе. Хозяин дома, с гостем которого случится какая-либо беда или в доме которого гость будет обворован, должен дать удовлетворение и возместить убытки ему или его фамилии.

Самый тяжелый случай – это кровная месть. Этот ужасный обычай всех нецивилизованных горцев стоит и здесь ежегодно жизни многим людям. Часто брат или другой родственник недоволен платой за кровь, или не согласен с приговором, или слишком нетерпелив в ожидании последнего и убивает или самого убийцу, или кого-нибудь из его племени. Из-за этого возникают бесконечные нападения и убийства; в народе убух с 12 по 17 октября 1859 года, т.е. в течение пяти дней, было убито 42 человека из двух семейств. Все племя должно было взяться за оружие, чтобы прекратить кровопролитие. Введение мехкеме ², помещения для арестованных и муртазиков ³ долгое время обуздывало адыгов; когда же пала сила наиба, это варварство вспыхнуло тем необузданнее, чем дольше оно сдерживалось.

Много еще можно было бы сказать о различных старинных законах адыгов, но это завело бы слишком далеко. С введением Корана создалась такая путаница, что кроме адыгских судей, которые это положение очень хорошо использовали для себя, никто в этом разобраться не может. В стране адыгов есть пословица: «Каждый раз, как кади открывает Коран, у тебя в хлеве становится одной козой меньше, будь ты жалобщик или обвиняемый».

Все абазские племена говорят на одном языке, который распадается на два главных диалекта. Живущие на севере и северо-востоке, как шапсуги, абадзехи и кабардинцы, говорят на адыгском диалекте; южные абазы, как убухи и жители княжества Абазия, сванеты и осетины, говорят на южном диалекте. Эти два главных диалекта сильно отличаются друг от друга, приблизительно как нижненемецкое наречие от верхненемецкого. Они разделяются еще на несколько подчиненных диалектов, в которых только выговор имеет незначительную разницу. В кабардинском языке примешано много грузинских и татарских слов, также много татарских слов у маленьких пограничных абадзехских племен, ко-

торые, как неоднократно было упомянуто, первоначально были черкесскими. Адыгский язык не имеет ни малейшего сходства ни с каким другим, произношение трудно из-за многих гортанных звуков, кроме того, уроженец Адыге говорит обыкновенно очень быстро и проглатывает многие слоги, так что трудно улавливать слова. Впрочем, этот язык довольно богат и более удобен для пения и для поэзии, чем турецкий. Адыги не имеют письменности, поэтому вся их история основывается только на преданиях и сказаниях. Со времени распространения магометанства арабский язык, язык Корана, сделал значительные успехи. В Абадзехии и некоторых частях равнины Шапсугии основаны духовные школы, в которых изучаются Коран и арабское письмо. Во время моего пребывания там число учащихся мальчиков во всей стране доходило почти до 1000.

Все документы пишутся теперь по-арабски. Судьи и старшины приняли магометанский обычай вместо своей подписи прикладывать печать, на которой их имя вырезано арабскими буквами. Грамотные, которых сейчас еще очень мало, но число которых, однако, поразительно быстро увеличивается, пытались ввести род арабской письменности для адыгского языка, но это до сих пор осталось без результата.

На турецком языке говорят только торговцы рабами или те, которые долгое время жили в Константинополе; на берегах Черного моря встречаются тут и там лица, которые благодаря общению с турецкими купцами немного научились по-турецки и служат этим последним толмачами.

Среди жителей равнины у русской границы встречаются люди, имевшие по временам сношения с русскими или бывшие на военной службе или в плену у врага, которые более или менее хорошо говорят по-русски; но число их невелико.

Естественно, что европейские языки, письменность и литературные произведения незнакомы народу, который до Восточной войны имел очень ограниченное представление о существовании Европы и весь мир делил на русский и турецкий ⁴.

Молодые адыги имеют исключительное стремление к учению и хорошие дарования; в Константинополе очень часто проданные в рабство мальчики достигают высокого звания; чтобы выучить то, что изучает турок, адыгу требуется наполовину меньше времени. Часто я видел мальчиков, которым попала в руки какая-

либо старая книга, печатный или написанный лист бумаги, бегущих за солдатом с настойчивой просьбой объяснить им, что там написано. Два мальчика 13–14 лет, которые приобрели дружбу одного унтер-офицера, научились в продолжение года не только говорить по-польски, но и достаточно хорошо читать и писать. Водя карандашом по витиеватым строчкам книги, с кусочком бумаги перед собой, они были в состоянии полдня читать по слогам и писать каракули, не двигаясь с места и забывая часто о еде.

Как адыги не имеют письменности, так не имеют они и памятников. Кроме каменных и деревянных крестов, я не видел в горах ничего, что могло бы дать представление о прошлом этого народа.

Учеными людьми у них считаются толкователи снов, предсказатели и рассказчики преданий и сказок. Сны играют большую роль у этого народа. Как только несколько абазов, старых или молодых, мужчин или женщин, соберутся для серьезного дела или для удовольствия, начинают рассказывать по очереди свои сны, которые объясняются толкователем. Есть также, так сказать, официальные разъяснители снов, обыкновенно старые мужчины или женщины, которые, как и их коллеги во всех странах, неохотно занимаются этим делом даром. Слова таких толкователей снов имеют большой вес; поэтому абаз не принимает того, что ему отсоветует толкователь снов, или же делает это, но очень неохотно.

Желая очень видеть такого волшебника, я пригласил к себе самого известного толкователя снов. Я нашел, что он такой же знаток в этом деле, как его коллеги в Европе, с той разницей, что он, не зная ни книг, ни карт, предсказывал мне на горохе, по бараньим костям и ладони блестящую будущность и много желательных вещей. Я обошелся с ним любезно и отпустил его с маленьким подарком. Если его пророчество и не принесло мне никакой пользы, то дружба с ним сослужила мне большую службу. Все сны, которые он с тех пор толковал абазам, приносили всегда какую-нибудь пользу мне и моему отряду; однако за это добрый пророк часто брал с меня контрибуцию, а когда я уезжал из страны, он, несмотря на его преклонный возраст, пришел, чтобы попрощаться со мной и получить от меня еще подарок, и предсказывал всем, что я скоро опять возвращусь.

Среди бесчисленных сказаний есть такие, которые могут быть только отзвуком предания о Прометее и происходят из древних

времен, когда Кавказ служил местом ссылки греков. Все народы Кавказа знают это сказание и рассказывают его так или иначе; абаз рассказывает его так: «На высокой горе, где лежит вечный снег (он подразумевает Эльбрус), на высочайшей вершине находится большая, круглая, очень тяжелая каменная плита. На середине этой плиты сидит древний старик. Белоснежные волосы покрывают его голову, его борода почти достигает ног, все его тело густо заросло белыми волосами, его ногти на руках и на ногах длинные и имеют форму когтей орла, его глаза красны и сверкают, как горящие угли. Вокруг шеи, посередине тела, на руках и ногах у него надеты тяжелые бронзовые цепи, которые прикованы к каменной плите. Так сидит и страдает он много тысяч лет. Прежде он был лучшим служителем великого Тха, и за его большой ум и благочестие еще при жизни был облечен большим доверием Тха. Но ему в голову пришли плохие мысли, он захотел быть таким же могущественным и даже могущественнее, чем сам великий Тха; и так как он знал многие его тайны и думал, что все доступно его пониманию, то захотел низвергнуть Тха. Тогда началась между ними продолжительная борьба, и наконец безрассудный был побежден и в наказание прикован на высокой горе. Только немногие люди могли его видеть, потому что подъем к нему связан с тысячами опасностей. Никто, однако, не может видеть его два раза, и те, которые пробовали это сделать, назад не вернулись. Однако есть в горах старики, которые с ним разговаривали, но им запрещено рассказывать все, что они видели и слышали. По их рассказам, старик становится весел и бодр, когда видит живого человека. Он спрашивает каждого о трех вещах: пришли ли в страну чужестранцы и построили ли города и деревни, обучается ли уже по всей стране молодежь в школах, дают ли много урожая дикие овощи и фруктовые деревья. Он спрашивает об этих трех вещах с большим любопытством, а когда обычно получает отрицательный ответ, то делается вне себя от печали». Этому преданию верят все.

Есть еще много преданий и сказок о заколдованных горах, где злые духи охраняют большие клады, о крылатых конях и т.д. Есть пророчества, что когда неприятель продвинется до того или другого места, то страна будет покорена. Между Мезиб и Пшатом, в труднодоступных горах, нагромождена такая масса камней, которая очень редко встречается на земле. Особенно три камня имеют

сказочную величину. Предание говорит, что под этими камнями похоронен старый король со своими сокровищами, а его дух охраняет теперь клады и не допускает врага приблизиться к могиле. Если неприятельские войска расположатся лагерем вокруг этих могил, то наступит конец свободе гор. Я спросил, не раскапывали ли до сего времени этих мнимых могил. Люди удивленно посмотрели на меня и заметили, что это невозможно из-за массы камней, которые их покрывают, и такая попытка опасна и в другом отношении. Однако смельчаки предлагали мне попытаться. Я, правда, велел взорвать на воздух один камень в надежде сделать какую-нибудь интересную находку. Но напрасно копали и искали, я потерял только время, труд и много порошу, который мог использовать с большей пользой на Кубани.

В стране абазов существуют четыре касты: князья (пши), дворяне (уорки или уздени), свободные (тфохотли) и рабы (пшитли). В Южной Абазии, которая состоит в молчаливом перемирии с русскими, в княжестве Абазии и особенно в Кабарде число пши и уорков очень велико. Они сохранили еще свои прерогативы, и их влиянию можно приписать, что южные племена прекратили борьбу. В Кабарде, как мы уже заметили, – это дворянство черкесского или татарского происхождения; в других племенах – это абазы, которые в различные времена и различным образом завладели дворянским титулом. В северной части сохранилось еще много дворянских фамилий, но они потеряли не только свои права, но даже всякое значение. За исключением нескольких абазских семейств в странах Шапсугии и Абадзехии они непременно черкесского, а в Убыхе – абазского происхождения. В стране адыгов есть только четыре княжеских фамилии: Зан-заде в Шапсуге, последним и единственным отпрыском которого является Карабатыр Ибрагим, сын умершего Сефер-паши; многочисленная семья князей Бзедох; князья Темиргоя и князья Хатохая. Кроме того, в стране рассеяно еще несколько дворов, в которых живут потомки уорков. Эти черкесы образуют еще теперь особое племя Эзден – Тлако и женятся только между собой; поэтому татарская раса сохранилась еще почти чистой среди них. Все более притесняемые и преследуемые абазами, они были принуждены, для безопасности своей личности и своего имущества, войти в абазские племена. Они все еще состоятельнее, чем абазы, т.к. имеют больше земли и много рабов; они с болью вспоминают о своем

потерянном величии и держатся всегда вместе; они не очень хорошие патриоты, и многие из них служат у русских, потому что им очень бы хотелось, чтобы русская система вошла в силу в их стране. Русские, которые надеялись на содействие этих уорков, отличали их всячески и не скупились на княжеские титулы, которые они давали каждому уорку. Но, вместо того чтобы чего-нибудь достигнуть этим, они повредили только своему влиянию, так как можно быть уверенным, что не только плохой, но и хороший совет, если он исходит от пши или уорка, не будет исполнен абазами, которые исключили их из всех совещаний страны.

Однако есть между уорками, к сожалению, только немногие абазские семейства, которые никогда не вступали в переговоры с русскими и всегда держались с народом; между другими заслуживают хорошего отзыва Цациок в Джубге, Абат на Абине, Берзек и Брак в Убыхии. Благодаря этим фамилиям остатки черкесов, пши и уорки могли еще удержаться в стране адыгов; потому что абазы уже на многих своих народных собраниях серьезно обсуждали, не будет ли лучше уничтожить всю эту чужую касту или прогнать к русским, ее покровителям. Они мало занимаются земледелием, а если имеют землю, то обрабатывают ее при помощи рабов. Если не имеют земли, как, например, сын Сефер-паши и многие другие, то ездят из дома в дом по стране и живут хорошо, т.к. абазское гостеприимство требует приютить и накормить каждого. Они находят себе также всякие занятия, при которых без усилий можно что-нибудь заработать. Так, например, придумывают различные политические посольства от адыгов, о которых те ничего не знают, едут в Константинополь, обманывают там всячески турок и, когда наберут немного денег, возвращаются обратно с бумагами и письмами, которые выдают за фирманы султана, чтобы этим придать себе значение. Со времени последней Восточной войны появилась мода: письма, написанные бог знает на каком языке, передавать от иностранных посольств в Константинополе народу адыгов. Вся эта ложь выдумывается уорками, чтобы приобрести утерянное ими уважение. Многие служат теперь русским проводниками или шпионами. Жаль, что эта каста пошла по такому плохому пути, так как они храбры перед неприятелем и имеют страсть к войне. Все уорки и пши, за исключением немногих абазских семейств, фанатичные магометане. Их больше всего

в Убыхии, довольно много в Абадзехии, но их только единицы в Шапсугии.

Массу народа составляют абазы (адыги), которые как раньше уже было отмечено, разделяются на племена и фамилии. Каждый адыг является тфохотлем (свободным, принадлежащим племени). Пши и уорки, когда их принимают в племя, также становятся тфохотлями и вступают в права и под защиту племени. Между тфохотлями нет различия сословий; они живут в полном равенстве между собой. Старшие из среды народа, судьи, вожди и советчики их называются тамадами. Эта должность не выборная и не наследственная. Большое состояние и многочисленная семья, блестящие подвиги против врага, острый ум, красноречие, в последнее время – знание Корана, но прежде всего – преклонный и богатый опытом возраст дают право иметь место и голос в совете старшин. Однако и решение тамад не всеильно, потому что если народ ими не доволен, то он не исполняет желания старшин и принудить его к этому невозможно.

Духовенство в стране адыгов можно разделить на два класса. К первому относится старое христианско-языческое, называемое дшиур⁵, которое, как неграмотное, никогда не пользовалось большим уважением и вследствие этого не могло соперничать с магометанским, выступившим с таинственным, полным мудрости Кораном, который, как рассказывают адыгам, написал сам великий Тха. Эти старые священники совершают открыто свое богослужение и обряды только в некоторых местностях по берегу Черного моря; большею же частью они молятся тайком; новое магометанское духовенство их ненавидит и преследует. Это последнее со времени появления в стране наиба Мохамед-Эмина за последние 14 лет очень увеличилось в количестве и завоевало большое уважение.

Во многих юнэ-из построены деревянные мечети, с которых призывают в определенные часы на молитву и где происходят также и моления. Наиб, по примеру Шамиля, попытался ввести мюридов. Так как кроме частых молитв главным занятием новой религиозной общины было безделье и грабеж тех, которые не принимали Коран или не следовали его предписаниям, то вначале наиб нашел много прозелитов, однако скоро здоровый и свободный дух народа воспротивился этому фанатичному учреждению, оно потеряло его доверие. Теперь иногда встречаются обо-

рванные бродяги, которые пользуются, где им это еще удастся, гостеприимством и суеверием народа и разыгрывают турецких святых, но они служат скорее предметом насмешки, чем благоговения.

Низшую общественную ступень у адыгов составляют пшитли⁶ – рабы. Рабство – татарский обычай, который черкесы ввели у абазов. Рабы – это потомки военнопленных, женщины и дети, похищенные в Южной России, в Черномории, Грузии и при различных раздорах между племенами, и адыги, ставшие рабами по приговору суда. Число рабов значительно, но не одинаково в различных частях страны. В Убыхии они составляют почти четвертую часть народонаселения, в Абадзехии – десятую, в Шапсугии – едва двадцатую. Не следует связывать представление о положении раба со значением, придаваемым обычно этому слову. Русский крепостной был бы вправе завидовать положению абазского раба. Раб работает не больше, а часто еще меньше своего господина. Он вооружен, и его движимое имущество является его собственностью. Семья раба имеет собственное жилище, часть поля для собственного пользования, и часто рабы владеют значительным количеством лошадей, волов, овец и коз. Владелец не может обращаться с рабом по своему произволу, а этот имеет право привлекать своего господина к суду и подавать на него жалобу. Если он не может выдержать угнетения своего хозяина, то со всей семьей и движимым имуществом переходит к соседу и находит у него защиту до окончания процесса. В худшем же случае рабы могут спастись бегством из одной страны в другую, как, например, из Шапсугии в Абадзехию, и вопрос об их выдаче дает повод к длительным процессам или даже войне, поэтому те, которые имеют рабов, очень остерегаются доводить их до крайности. Однако беглый раб не получает свободы, т.к. всюду, куда бы он ни пришел, считается рабом; он имеет только право выбрать себе нового хозяина.

Рабы вступают в брак только между собой. Хозяин должен купить рабу жену, но ни в коем случае не может навязать ему женщину, которой тот не хочет. Если свободная женщина выходит замуж за раба или свободный женится на рабыне, то он и их дети являются свободными. Дети, родители которых не свободны, остаются собственностью своего господина. Ни один ребенок раба не может быть продан без согласия своих родителей, и пятая

часть платы за проданного идет семье проданного. В стране продажа поодиночке не в обычае; всегда продается вся семья. Продажа поодиночке встречается только в Турции. Еще одна особенность. Рабы считаются отдельным племенем – пшитли-тлако, на суде имеют своего защитника, созывают собственные собрания и вместе защищают свои права ⁷.

У пши и уорков встречается наибольшее число рабов, однако редко бывает, чтобы собственник имел больше четырех-пяти семейств рабов, т.е. больше 80–100 человек обоего пола. Значительная торговля рабами ведется с Турцией, и большею частью работниками-турками, имеющими своих компаньонов в стране; они получают от этой торговли большую выгоду. Наибольший спрос имеется на детей от 6 до 12 лет и на молодых людей, способных к военной службе, которые покупаются турками для сдачи вместо себя в армию. Взрослые, особенно красивые, девушки тоже имеют спрос; однако они считаются неверным товаром, т.к. обычно такая девушка не может привыкнуть к новой жизни в Турции и чахнет там, несмотря на комфорт, которым она часто бывает окружена в большинстве турецких гаремов. Ей страшно в городах, в больших, пышно убранных комнатах, в которых она не может весело прыгать и шуметь, как в своих горах; тоска по родине переходит иногда в неизлечимую болезнь, и часто нет другого средства спасти бедную девушку от верной смерти, как отослать ее обратно в горы. Только отвезенные в Турцию в раннем детстве привыкают к турецкой жизни, забывают даже родной язык и не тоскуют по родине. Пожилые люди продаются чрезвычайно редко.

Цены бывают разные. Мальчик никогда не продается в стране дешевле 100 серебряных рублей, девушка, если она только сносно сложена, достигает 300, но не превышает почти никогда 500 рублей, раб, годный для военной службы, стоит обыкновенно 200 рублей. Торговец рабами получает прибыли почти всегда втрое, вчетверо, часто даже в десять раз больше. Красавица, которая покупается в знатный гарем или в сераль султана, оплачивается иногда от 50 до 100 тысяч пиастров (приблизительно от 2500 до 5000 талеров); о более высоких ценах я не слышал. Некоторые абазы привозят своих рабов сами в Константинополь на продажу и ждут часто там месяцами, пока продадут свой товар.

Многие также, особенно из Убыхии, как благородные, так и свободные, привозят собственных детей и продают их в рабство,

однако это считается позором и вызывает в стране презрение. Другие привозили своих дочерей, если они очень красивы, в Константинополь, чтобы выдать их замуж за турок и получить большую цену за невесту. Турки часто предпочитают брать абазских девушек в жены для своих сыновей, так как родство с другими турецкими семействами нередко имеет свои неприятные стороны. Большинство просто покупает девочек-рабынь, которых они воспитывают в своих гаремах, в жены для своих сыновей.

Убыхи, у которых имеется самое большое количество рабов, поставляют самый значительный контингент в гаремы Константинополя и благодаря этой торговле имеют самые большие связи с турками. Последние позволяют сознательно или несознательно обманывать себя хитрым абазам. Дети рабов, из которых мужчины часто поднимаются до высоких должностей в Турции, а женщины составляют блестящую партию, уверяют турок, что они княжеского происхождения, чему те охотно верят и уверяют других. Все проданные в Турции абазы держатся вместе и помогают друг другу. Таким образом, возвысившийся раб находит в каждом приезжающем в Константинополь абазе услужливого человека, который очень охотно признает его родственником; жители Убыхии особенно охотно принимают родство с возвысившимся рабом, и т.к. каждый житель Убыхии знает, что он с титулом бей (князь) принимается лучше турками, то все они принимают этот титул. Добрые турки, не знающие, что во всем Убыхе не существует ни одной княжеской фамилии, в высшей степени довольны иметь своей женой купленную за несколько сот талеров черкесскую принцессу.

Приехав в Париж, я от души смеялся, увидев в одной иллюстрированной парижской газете изображенного в фантастическом черкесском костюме одного такого абазского раба, возвысившегося в Константинополе милостями гарема до звания паши, но при этом не умевшего писать и читать. За воровство и убийство он был лишен должности и заключен в тюрьму. Обычно серьезная газета представляла беглого раба, бежавшего из тюрьмы и спасшегося во Франции, черкесским принцем, которому черкесский престол принадлежит по праву, являющимся объектом политического преследования как турок, так и русских.

Один очень почтенный и искусный писатель издал биографию этого человека и по его указаниям – очерки о Черкесии, которые

я прочитал с тем большим удивлением, что я только недавно покинул Абазию. Я думал, что читаю о совершенно другой стране. Когда я позднее познакомился с автором, он мне открыто признался, что просил безграмотного раба, с которым мог объясняться только при посредничестве переводчика, дать ему сведения о его родине. Многие из первых парижских журналов сделали то же самое. Таким образом, если одному человеку удалось в Париже провести так много серьезных и одаренных людей, то нет ничего удивительного, что эти люди в Константинополе, где один поддерживает другого своей ложью, могут провести как угодно доверчивых турок. Это отречение от своего происхождения было бы еще небольшим преступлением, хуже то, что все живущие в Турции абазы не обладают ни искрой истинного патриотизма, ни бескорыстной любовью к своему отечеству, у проданных рабов это не очень удивительно, но есть также много свободных, которые среди турок в магометанском фанатизме душат прежнюю любовь к своему старому отечеству – Абазии.

Число живущих на Востоке абазов можно считать приблизительно в 50 000 человек обоего пола, из которых большая часть обладает хорошим состоянием, а многие даже очень богаты. Они горды тем, что они адыги, или, как говорят в Константинополе и Европе, черкесы, они хвалятся охотно своей национальностью и выдают себя, хотя они и рабы, за родственников и братьев воинов, сражающихся за свою свободу, но неслыханное дело, чтобы хотя один из живущих постоянно в Турции адыге принес для своего отечества личную или денежную жертву. В Константинополе знают только убыхов как представителей адыгов, в то время как абадзехи и многочисленные находящиеся в вечной войне шапсуги почти неизвестны. Это объясняется тем, что девять десятых находящихся в Турции рабов привезены из Убыхии, а Адыгея так же мало известна туркам, как и европейцам. Последствия этого, как мы увидим дальше, губительны для страны; шарлатаны из Убыхии и некоторые проницательные урки, поддерживаемые рабами в Константинополе, обманывали Порту, так же как и посольства союзных государств, и эксплуатировали во время последней Восточной войны интерес к своей стране в своих собственных целях.

Можно сильно ошибиться, представив себе назначенного к продаже абазу несчастным, подавленным и полным отчаяния. Напротив, мысль попасть в Стамбул – золотой город, где пребы-

вает падишах, властитель мира, преследует молодых девушек с детских лет. Часто случается между свободными, что брат и сестра входят в соглашение и последняя продается; это дает возможность брату увеличить свое хозяйство, богато украсить свое оружие, обеспечить себя запасом пороха или купить себе жену⁸. Сестра же делает иногда, особенно если она красива, блестящую партию, и тогда случается, хотя и редко, что она вспоминает о далеком брате (который в Стамбуле может быть, конечно, не меньше князя) и посылает ему в горы что-нибудь от своих излишков. Не было случая, чтобы переселившийся в Турцию абаз опять когда-нибудь вернулся в свои горы.

Жилища адыгов патриархально просты. Каждый двор устраивается следующим образом. Высокий, хорошо сплетенный забор, законченный сверху терновником, заключает в себе неправильную площадь. Середина площади пуста. С одной стороны полукругом стоят сакли, с другой – загон для рогатого скота и стойла для овец и коз. В середине саклей находится юнэ-шуа⁹, где живет глава семейства со своей женой и детьми, не достигшими еще 12 лет. В этой же сакле хранится самое значительное имущество семейства: постели, железная посуда для приготовления пищи, медные кувшины для воды, сундуки с одеждой, полотном, сафьяном, также запас оружия и пороха. Сакля делается или из дерева, или только из плетеных ивовых прутьев. Стены хорошо вымазаны глиной и снаружи, как и внутри, побелены; пол из хорошо утрамбованной глины, крыша, поддерживаемая поперечными балками, из досок, на которые часто положена солома; потолок обыкновенно так низок, что часто его можно задеть головой, и состоит только из бревен, так что изнутри видно крышу. Большой очаг с камином из досок или из плетня, обмазанного глиной, находится посередине; с обеих сторон (часто только с одной стороны) очага находится небольшое возвышение, которое служит кроватями. Двери из крепкого дуба и запираются только изнутри деревянным задвигающимся засовом; стеклянные окна неизвестны. Небольшое отверстие в стене, снабженное ставнем, служит для освещения комнаты, которая зимой, когда закрыты двери и ставни, освещается огнем очага. Под той же крышей, отделенная только легкой перегородкой, к каждой хижине пристроена маленькая конюшня, в которой могут стоять пять-шесть лошадей. Дверь стойла запирается изнутри сакли задвигающимся засовом.

Такая сакля составляет одну комнату, иногда большая сакля бывает разделена легкой перегородкой на две половины; в одной живет семья, в другой хранится имущество. Во всем доме не увидишь ни замка, ни гвоздя. Внутренняя обстановка очень проста; она состоит только из камышовых подстилок и положенных на них маленьких подушек; столы и стулья неизвестны. Скамейки очень редки. Постельные принадлежности днем складываются и раскладываются только перед сном.

Несмотря на более чем скромный вид, эти сакли довольно уютны, т.к. содержатся очень чисто. Однако же зимой они очень холодны. Ветер наносит иногда через большую дымовую трубу хлопья снега в комнату, и, хотя дрова ничего не стоят и огонь постоянно горит, комната не нагревается; в то время как спереди можно изжариться от огня, со спины замерзаешь. Все абазские сакли совершенно одинаковы, и их внутреннее убранство одинаково. В этом же дворе, в котором живут родители, у их детей отдельные сакли. Каждый женатый сын имеет свою собственную саклю для себя и для своей семьи, также и взрослые дочери, и если семейство многочисленно, то 12–15 таких саклей стоит во дворе, все они обращены фасадом к середине площади. Приблизительно в 20 шагах от большой сакли построены амбары и кладовые, каждый на четырех крепких сваях до трех футов высоты. Эти амбары малы, но многочисленны, и у зажиточных находится часто 10 и более таких построек, сзади саклей стоят также хорошо отгороженные стога сена и соломы, плохо защищенные стойла для буйволов, овец и коз, навесы для домашней птицы и загон для рогатого скота, который летом и зимой стоит под открытым небом. Фруктовые сады и огороды, особо огороженные, примыкают к двору. Если владелец двора имеет одну или несколько семей рабов, то дворы их построены вблизи их владельца и совершенно по тому же образцу, как было описано, так что дворы рабов и князей ничем не отличаются. Холостые рабы, которые не имеют семьи, живут во дворе владельца в собственных саклях. Вне двора возвышается на расстоянии от 50 до 100 шагов сакля для гостей (хадши-юнэ), в которой не живут и которая предназначена только для гостей. Даже бедный адыг никогда не забывает построить саклю для гостей на своем дворе.

Адыг ищет для постройки двора место в лесу или вблизи его, отчасти чтобы скрыться от взоров врага, отчасти из-за нужды в

дровах, чтобы иметь их под рукой. Большинство дворов построены около рек, ручьев или источников; на равнинах жители копают колодцы, которые имеют сходство с теми, которые я видел на Тейсе в Венгрии. В общем такой двор напоминает крестьянскую усадьбу в странах Восточной Европы с той только разницей, что дома в последних содержатся не так чисто.

Обычаи адыге, конечно, теперь единственные во всем мире и имеют много сходства с патриархальными обычаями наших предков. В семейном дворе отец является неограниченным господином, которому повинуются по первому знаку. Пока он жив, все сыновья обязаны оставаться с ним. Только после его смерти могут они по своему желанию разделиться и выделить свои хозяйства, однако первенец является наследником двора и большей части движимого имущества.

Мать (многоженство редко и впервые введено магометанами) имеет в доме такой же авторитет, как отец, и почитается благоговейно всем семейством. Она руководит хозяйством, и все женщины и девушки находятся в ее распоряжении; первые не имеют права вести отдельное хозяйство или кухню. Мать разделяет одежду, заботится и наблюдает за ее изготовлением. Кушанья варятся для всех вместе по ее указаниям, и два раза в день, за час до обеда и сейчас же после захода солнца, она сама делит их между всеми.

Пища абазов лучше и обильнее, чем у крестьян большей части Европы, и ее главное достоинство – это чистота, с которой приготавливаются кушанья. Хлеба выпекается мало, и его заменяет любимая шва-паста – круто сваренная просяная каша или, за недостатком ее, каша из кукурузы.

Чтобы дать читателю представление об абазском обеде, я хочу описать один из них полностью, как его подают в среднезажиточном доме.

Когда приходит время обеда, то прежде всего в комнате для гостей появляется юноша или мальчик с умывальным тазом и кувшином тепловатой воды, другой несет мыло и полотенце. Так как им известны только ложка и нож, с вилкой они незнакомы и твердые кушанья едят пальцами, то необходимо вымыть себе руки. Когда это окончено, вносятся кушанья по турецкому обычаю, но употребляется только деревянная посуда¹⁰. Маленькие столики, высотой самое большее в фут, ставятся перед гостями, каждое ку-

шанье – на отдельном столике. К описываемому завтраку были поданы следующие кушанья: приготовленный в соусе из красного перца индюк, пироги из пресного теста с сыром, маленькие пшеничные пирожки с великолепным, только что вынутым из улья сотовым медом, пресные пироги с мясом, мелко нарезанная баранина, приготовленная в соусе из перца, опять другой формы пирожки с медом, поджаренные в масле ломтики сыра с хлебом, потом кислые сливки с просяной кашей. Обед состоял из очень хорошего, сильно приправленного перцем супа, из баранины (всегда приносится целый баран), красных бураков и кислой капусты; напоследок – пирожки с медом. При каждом кушанье, для которого требуется хлеб, его место заменяют куски просяной каши, разложенные вокруг столика. Столы один за другим приносятся и уносятся; после знатных гостей ест их прислуга; или после старших – младшие ¹¹, потом идут случайно присутствующие и соседи, а напоследок – рабы, потому что есть обычай, что из кушаний, которые приносятся гостям, не должно ничего уноситься обратно в кухню. После еды нужно опять хорошо вымыть руки. У богатых людей часто подается 20–30 кушаний, которые выглядят только иначе, но в основном сходны.

Конечно, адыги только в праздники едят дома такое количество блюд, но в общем они живут хорошо. Зато они переносят с редкой выносливостью голод, когда подвергаются этому во время неприятельских набегов, падежа скота и нашествия саранчи. Эти три бича с незапамятных времен не оставляют их почти ни одного года в покое.

В стране адыгов имеется прекрасная вода, и это, так сказать, единственный напиток народа. Однако в южных частях производят крепкое вино, кое-где некоторые гонят водку. Обычно они готовят к своим праздникам швett и крепкий мед.

Одежда мужчин так же проста, как красива и удобна. Они носят доходящий ниже колен длинный кафтан из туземного серовато-белого или коричневого сукна. Богатые стараются достать заграничное сукно светлых цветов. Кафтан без подкладки, с широкими длинными рукавами, которые покрывают руки, без воротника и спереди закрывающий часть груди. Этот кафтан всегда на талии застегивается рядом маленьких пуговиц и затягивается узким кожаным ремнем. На каждой стороне груди находится помещение для 36–40 штук патронов, которые выточены из дерева

или кости и воткнуты в определенные отверстия. Эти помещения для патронов, которые дают груди вид органа, у зажиточных бывают украшены серебряной вышивкой. Под длинным кафтаном носят немного более короткий кафтан из тонкого сукна, шелка или хлопчатобумажной ткани светлого цвета. Кафтан делается на подкладке со стоячим воротником, длинными рукавами и застегивается от шеи до середины тела. Под этим кафтаном находится еще второй – из белой хлопчатобумажной ткани, сделанный точно так же, но немного короче, чем первый, и служащий жилетом. Широкие, к щиколотке суживающиеся панталоны из туземного или иностранного сукна (красные панталоны предпочитают) завершают одежду. Головной убор состоит из высокой барашковой шапки на толстой подкладке, которая может выдержать сильный сабельный удар. Обувь состоит из полусапог из цветного сафьяна, которые сшиты совсем как носки, по мерке. На них надеваются еще маленькие башмаки – как галоши. Одежда и обувь у зажиточных обшита узким серебряным галуном. Против холодов адыг носит зимой длинную овечью шубу. Против дождя служат бурка и башлык, капюшон которого надевается на шапку. Когда адыг садится на лошадь или уезжает из дома, то надевает, кроме того, гамаши выше колен. Одежда у всех мужчин на Кавказе совершенно одинакова, за исключением головного убора, который у татар и грузин другой, и для этой горной, поросшей лесом и кустарником страны, не имеющей ни проселочных, ни больших дорог, где можно идти только пешком или ехать верхом, очень практична. Линеинные казаки на Тереке имеют такую же одежду.

Одежда женщин состоит из длинной верхней одежды, которая доходит почти до щиколотки, спереди открытая, без воротника и с длинными рукавами. Под ней находится длинный кафтан, который доходит ниже колен и сверху донизу застегивается; на талии он охвачен широким поясом, часто богато вышитым золотом и серебром. Панталоны широки и очень длинны. Обувь та же, что и у мужчин. Очень красив головной убор. Он состоит из высокого чепца формы сахарной головы, как можно видеть на портретах женщин XIV века. Этот чепец очень богато расшит, и с верхушки его сзади почти до пола спускается покрывало. Замужние женщины носят более низкие чепцы. Материи для платьев большей частью пестрые, у богатых – шелк и атлас. Дома женщины ходят неряшливо, но для праздничных случаев даже самая бедная име-

ет приличное платье. Абазы заботятся очень мало о своей собственной одежде, но подвергают себя всяким лишениям, чтобы получить хорошее оружие для себя и красивое платье для своих жен и дочерей. Женщины и девушки плетут свои волосы в длинные косы и показываются без покрывала.

Примечания

¹ Десять серебряных рублей обозначает одну штуку рогатого скота.

² Мехкеме – по-арабски «судебная палата». Наиб Мохамед-Эмин ввел такие судебные палаты. На определенное количество юнэ-из был устроен двор, в котором были построены помещения для судей, начальника полиции судебного округа и его муртазиков с необходимыми конюшнями. Кроме того, в этом же дворе была выстроена мечеть и помещение для арестованных. Теперь все эти мехкеме лежат в развалинах.

³ Муртазик – полицейский, жандарм.

⁴ Как доказательство, как далеко турки, которые в политике были учителями адыгов, ушли вперед в своих понятиях о мировом положении, может служить следующий вполне достоверный анекдот. Один европейский офицер, который в последнюю Восточную войну служил у турок, встретил однажды под Севастополем хорошо ему знакомого турецкого Лива-пашу (бригадного генерала). После обычных приветствий толстый паша радостно воскликнул: «Ну, слава богу, война окончена!» – «Как так?» – спросил удивленный офицер. «Разве ты не слышал большую новость?» – «Какую?» – «Царь Николай умер.» – «Это я, конечно, слышал, но что общего имеет это с окончанием войны?» – «Так ты не знаешь? Ну кому будут теперь повиноваться русские?» – «Его сыну Александру.» – «Я не думаю.» – «Я знаю это наверное.» – «Но, мой дорогой, падишах не даст фирмана его сыну прежде, чем тот не покорится». – «Что за фирман?» – «О вы, франки, франки; все-то вы знаете, а часто вам неизвестны самые простые вещи. Разве ты не знаешь, что Николай имел фирман от падишаха и так же, как и все другие короли, был провозглашен им царем? По этой причине ему удалось поднять русских на войну; но его сына, который не имеет фирмана, едва ли они будут слушаться, и поэтому он должен будет заключить мир. Понимаешь ли ты теперь?» Офицер, смеясь, ушел от него. Немного позднее встречает он своего толстого друга в Константинополе. «Ага, – было первое восклицание того, – разве я был неправ? Разве Александр не должен был заключить мир? Только теперь Магомет Киприсли-паша отвез ему в Петербург его фирман и его назначение». Добрый паша был совершенно счастлив, что он оказался прав, он был уже дивизионный генерал и, без сомнения, будет маршалом, а может быть, и министром.

⁵ В отличие от «гяур», магометанского бранного слова для иноверцев.

⁶ Слово «пшитли» составлено из двух слов: «пши» – князь и «тли» – его или собственный – и означает «собственность князя».

⁷ Убийство или ранение раба наказывается лишением права иметь рабов и тяжелым штрафом, который виновный должен уплатить племени рабов, если не хочет сделаться жертвой кровной мести. По магометанским законам каждый раб, принявший магометанство, должен получить свободу через семь лет, но этот закон не исполняется ни в Абазии, ни даже в Турции.

⁸ Когда адыг женится, то он должен внести семье своей жены деньги за невесту. См. следующую главу.

⁹ Юнэ-шуа – главное здание или большой дом.

¹⁰ Деревянная посуда, блюда, чарки и ложки сделаны адыгами с большим искусством и украшены разной пестрой росписью: блюда бывают различной величины, суповые чашки имеют часто невероятные размеры. Глиняная посуда совершенно неизвестна.

¹¹ Не принято, чтобы молодые люди сидели за одним столом со старшими. Отец не ест никогда за одним столом со своим сыном, старший брат с младшим. Женщины и девушки едят отдельно и никогда не едят в присутствии мужчин.

Глава пятая

Занятия адыгов. – Обычаи. – Характер. – Пороки и добродетели. – Воровство. – Женщины и девушки. – Их занятия. – Гостеприимство. – Прием гостей. – Приют. – Барды и певцы. – Рождение. – Женильба. – Свадьба. – Похороны. – Поминки. – Праздник вознесения на небо девы Марии.

Мужчины занимаются главным образом земледелием, а также скотоводством, коневодством и пчеловодством. Они более трудолюбивы, чем другие народы, живущие на востоке; но т.к. их работа не приносит большой выгоды, а плоды земли могут быть вывезены только в небольшом количестве, следовательно, все должно потребляться в стране, то они сделались ленивы и работают ровно столько, чтобы удовлетворить свои потребности. Адыг по натуре храбр, решителен, но не любит бесполезно проливать кровь и не жесток. Ему нравится подвижная жизнь, однако он неохотно остается долго вдали от своей родины. Он больше всего на свете любит свои леса и горы; свою личную свободу он рассматривает

как высшее благо; кротостью и убеждением он позволяет собой руководить, как ребенком, и переносит даже строгость, но восстает против всякой несправедливости. Он ревниво относится к своей военной славе, но чистосердечно восхищается храбростью другого, даже своего врага. Отрезанный от общения с остальным миром, с незапамятных времен окруженный только врагами (сначала турками, потом русскими), он вначале чрезвычайно недоверчив к чужим. Легкомысленный, целый день скачущий и распеваящий, почти равнодушный, когда горит его сакля и гибнет его имущество и когда его тело разрублено и прострелено, он, однако, имеет глубокую любовь к своей семье. Его послушание родителям, его согласие в браке могли бы служить примером любому цивилизованному народу. Дети воспитываются очень разумно. Ребенка никогда не бьют и даже не ругают. Ничем не стесняемая свобода женщин и девушек, казалось, должна бы благоприятствовать распушенности нравов; несмотря на это, почти все девушки добродетельны, того же нельзя сказать про замужних женщин. Ревность не играет большой роли в быте адыгов.

Один из самых больших недостатков этого народа – ложь. Никогда нельзя верить обещаниям адыга: чем торжественнее он уверяет, тем более следует быть уверенным в его коварстве. Он говорит очень много, очень щедр на лесть и на предложение своих услуг, но когда доходит до дела, он отрекается с большой наглостью. Лжецы среди своих, они еще более обманывают врагов, и кто полагается на рассказы туземцев о стране, оказывается жестоко одурачен. Этот отвратительный порок лжи отчасти является следствием печального состояния страны; принужденные русскими держать в тайне положение своей страны и даже свои мысли, обманываемые и обсчитываемые алчными лазскими купцами, единственными чужестранцами, с которыми им приходится иметь дело, адыги почти вынуждены прибегать ко лжи. Недостаточность религиозных понятий также является одной из причин развития этого порока.

Коран, который в корне осуждает обман, был введен честными и любивыми мужами, не гнушавшимися никакими средствами для распространения и укрепления своего влияния и способствовавшими широкому распространению данного порока. Пожилые люди уверяли меня, что в былые времена слово значило куда больше, чем ныне, и что еще сегодня клятве на Коране верят

куда меньше, чем простому рукопожатию по старому обычаю. Если чужеземец хочет чувствовать себя в этой стране в безопасности, ему необходимо стать членом какого-нибудь рода или семьи, одновременно тем самым получив и право гражданства. С этой целью собирались старейшины рода или семьи, устраивали смотр- совет, давали друг другу слово и пожимали руки в подтверждение того, что будут общаться как родственники и братья, помогать во всем. В каждом случае необходим карар ¹ – только тогда можно надеяться, что адыг выполнит свои обязательства. Неразрывный союз заключают два друга, если они после совершения карара надрезают мизинец и высасывают друг у друга несколько капель крови. Такая дружба священнее, чем самое близкое кровное родство, а его разрыв – неслыханное дело. Старые черкесские княжеские семьи и уорки, которые женились только между собой, охотно искали возможности заключения союза с абазами, ставшими более сильными, чем они. Заключалось это в том, что черкес отдавал своего новорожденного сына на воспитание в одну из влиятельных абазских семей, чтобы ребенок кормился с абазскими детьми молоком одной матери. Подобное молочное родство высоко ценится. Если адыг заключил карар, то он его очень редко нарушает; всеобщее презрение, а часто и кровная месть преследуют за измену.

Воровство – второй большой порок в этой стране, и примечательно, что в местностях, где мало черкесов или вообще их нет, воровство также редкость. Чаще всего воруют детей, рабов, лошадей и волов. Совершить воровство, несмотря на отсутствие полиции и замков, как правило, очень непросто. Как только во дворе или на пастбище исчезает скотина и замечается кража, пастухи стреляют из ружей и издают своеобразный пронзительный крик, который можно услышать очень далеко. Каждый житель, который слышит этот крик, повторяет его, стреляя при этом из ружья или пистолета. В мгновение всюду слышны только резкие крики и выстрелы. Все мужское население выскакивает на улицу, стреляя и крича, чтобы занять все пути и тропинки. Пока одни охраняют все ходы и выходы, другие с собаками обыскивают кустарники и лес. Если же вор сел на украденного коня и убегает или воров несколько, то начинается многочасовая дикая погоня-охота с ужасным шумом. При этом жители всех близлежащих мест стараются поймать воров. Последние отстреливаются, но если их поймают,

обычно не сопротивляются. Очень редко вор может исполнить свое намерение, если у него нет в запасе нескольких часов или помощника из той местности, где он намерен совершить кражу. Ворованная скотина, как правило, сразу забивается, шкура с нее снимается, разрезается на куски и быстро выделывается, чтобы от кражи не осталось никакого следа. Чем дальше находятся русские, тем меньше происходит краж, чем ближе – тем больше.

Русские – лучшие покупатели краденых детей, лошадей и рогатого скота. Вор уверен, что ему удастся быстро снести свою добычу, и если его не видали, то он может опять возвратиться к своим и совершить новые похищения. Пши и уорки – наиболее опасные и известные воры в стране. Пойманный на месте преступления вор, как правило, раздевается до рубашки и не отпускается на волю раньше, чем он сам или его фамилия выплатит выкуп. Но очень опасно ранить или убить вора, ибо в этом случае его фамилия требует деньги за кровь.

Попытки набов положить предел воровству некоторое время увенчивались успехом, но начавшиеся затем ссоры имели следствием ужасающее увеличение воровства. Но если последнее, к сожалению, обычно, то грабежи и разбои – нет. Никогда не случается, чтобы воры ворвались даже в наименее охраняемый двор или чтобы одинокий путник на дороге был ограблен или даже убит. Причина этому – особенная, но крепкая организация общественного союза в этом народе, где все ответственные один за другого, каждое племя, каждая фамилия – за принадлежащих к ним и живущие каждого юнэ-из – за преступление, совершенное на их земле.

Соседи живут между собою в согласии, которое могло бы служить примером для сельских жителей в Европе; полевые работы производятся всегда сообща несколькими соседями. Если один из дворов разорен пожаром, падежом скота или нападением врага, если русские взяли в плен кого-нибудь из фамилии и необходим выкуп, то приходят на помощь не только соседи, но и члены фамилии, живущие в отдаленнейших местах страны, и если этого недостаточно, то помочь обязано все племя. Таким образом, естественно, что в этой стране так же мало бедных, как богатых; нищие неизвестны.

Замужние женщины – несчастнейшие существа в Адыгее. Кроме того, что они должны помогать мужчинам в полевых работах,

они делают сукно, полотно, одежду и обувь. Они должны натащить в дом воды и дров, ухаживать за скотом, даже и за лошадьми, приготовить обед и вести все хозяйство. Зимой они очень страдают от холода из-за недостатка одежды; но самое тяжелое – это молоть муку. В стране только изредка встречаются маленькие водяные мельницы. Каждый двор имеет свои ручные мельницы, которые очень плохи. Заготовленной муки нигде нет; женщины ежедневно мелют лишь то количество муки, которое необходимо на хозяйственные нужды. Следует отметить, что, тогда как женщины замучены работой, девушек, как у богатых, так и у бедных, очень оберегают. Они освобождены от всех тяжелых домашних и полевых работ, занимаются только шитьем и вышиванием и достигают в этом большого искусства. Чужеземцы бывают чрезвычайно удивлены, найдя под соломенной крышей абазской сакли нежных, хорошо одетых девушек с белыми руками, не носящими ни малейших следов тяжелой работы. Между девушками встречаются настоящие красавицы, но, едва выйдя замуж, они теряют быстро свою красоту, и через год замужества бедняжку едва можно узнать. Впрочем, они добродушные, услужливые, веселые создания и не такие робкие, хотя и более добродетельные, чем турчанки. Вообще же на земле не найдешь более легкомысленного и веселого народа; абаз смеется целый день, легко переходит от самого большого огорчения к бешеной радости и не в состоянии сделать и сохранить серьезное, мрачное лицо.

Лучшее качество адыгов – это гостеприимство. Путник может проехать всю страну насквозь без копейки денег, и нигде его не задержат, и в каждом дворе, куда он зайдет, он найдет кров, постель и еду для себя, стойло и корм для своей лошади. Можно, не спрашивая позволения, сойти с лошади перед саклей для гостей и войти в нее – таков обычай. Сейчас же со двора приносятся матрацы, подушки, вода и полотенца, в камине зажигается большой огонь и хозяин дома и его семья прислуживают гостю. Невежливо спрашивать, откуда он приехал, куда едет, кто он. Хозяин только приветствует гостей и не начинает разговора, пока они сами не спросят или не начнут рассказывать. Приезд чужестранца и уважаемого гостя – событие во всей местности. Из всех близлежащих дворов спешат люди, чтобы увидеть гостя, послушать от него новости и принять участие в пиршестве, которое является следствием такого посещения.

Часто сакля битком набита народом, но туземцы все же держатся вдали от гостя, чтобы его не беспокоить, и, как хозяева, так и любопытные, не смеют в присутствии гостя сесть или разговаривать друг с другом; это считается высшей неучтивостью. Ни один состоятельный путешественник не может быть лучше обслужен в европейском отеле, чем гость в низенькой абазской сакле под соломенной крышей. Начиная с хозяина дома до последнего мальчика-раба, все следят за его малейшим знаком.

Неприятно обыкновение жителей, не спуская глаз, пристально смотреть на прибывшего. Часто в переполненной сакле 30–40 пар глаз, жутко блестящих из-под мохнатых меховых шапок, пристально устремлены на гостя. Их приветствие коротко. Адыг здоровается словами: «О шхашши» («Добро пожаловать»). Ему отвечают: «Каго-апши» («Добро пожаловать и тебе»). Перед очень старыми людьми и девушками встают, но шапки не снимают, даже не прикасаются к ним. Только женщины, здороваясь, прикасаются к своему головному убору, точно по-военному отдают честь. Коротко прощальное приветствие: «Отхатш» («Оставайтесь счастливы»); на это отвечают; «Отмаф» («Добрый путь»). В последнее время введены магометанские приветствия, но они не идут к гостеприимной сердечности адыгов.

Через час после прибытия гостя подается незатейливая еда, обычно пирог с медом или молоко; но основательной еды приходится долго ждать, ибо чем более уважаем гость, тем больше и дольше готовится кушанье, так что иногда не удается пойти спать до полуночи. Лошадей расседывают, кормят, поят и моют без того, чтобы гостю об этом пришлось заботиться.

Когда гость отдохнул и удобно устроился, его обычно ожидает приятное посещение. Это девушки из этого или соседнего двора (замужние не показываются). Девушки обыкновенно входят в саклю медленно и со скромным достоинством, безмолвно приветствуют, прикасаясь по-военному рукой к своему головному убору, и становятся около дверей. Долг гостя, как бы стар и знатен он ни был, подняться и пригласить девушек сесть около себя; после некоторого сопротивления девушки занимают место, и, т.к. они и без европейского воспитания очень остроумны, понятливы и чистосердечны и при этом очень скромны, беседа с ними имеет свою приятность. Эти милые девушки осматривают внимательно платье гостя и берут с собой в саклю все разорванное или испор-

ченное, чтобы привести в порядок к отъезду гостя. Приход девушек является как бы сигналом к прекращению серьезного разговора, и если гости согласны, то молодые люди начинают «хоред». Это значит, что один пляшет в середине комнаты, в то время как остальные сидят, поют и в такт бьют в ладоши; какой-нибудь старый бард играет на своей трехструнной скрипке. И скоро хижина дрожит от прыжков и выстрелов, ибо каждую минуту кто-нибудь из зрителей стреляет из пистолета в крышу или дымовую трубу, так что куски глины летят во все стороны; выстрелы заменяют наше «браво» и служат аплодисментами актерам. В таких случаях девушки не пляшут и не поют, но только поощряют наиболее ловких словами и взглядами.

По этому поводу я должен упомянуть об абазских бардах. Этих патриархальных певцов уважают и боятся. Каждый хороший или плохой поступок, храбрость и трусость, корыстолюбие и самопожертвование, гостеприимство и скупость, красота и любовь, так же как легкие нравы, находят своих панегиристов или беспощадных сатириков. Ими воспеваются старые сказания, геройские поступки и подвиги, различные чудесные истории. Я видел весной 1857 года во время сильной перестрелки на реке Адагум, как один такой бард влез на дерево, откуда он далеко раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по именам боязливых. Адыг больше всего на свете боится быть названным трусом в национальных песнях – в этом случае он погиб: ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране. Присутствие популярного барда во время битвы – лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость.

Когда наступает время ужина, девушки прощаются и уходят, т.к. обычай не позволяет им есть вместе с мужчинами. Все присутствующие мужчины принимают участие по очереди в пире, по окончании которого гости остаются одни и могут пойти на покой. Утром люди из соседних дворов собираются опять в сакле для гостей; около десяти часов приносится завтрак, после которого сядутся лошади и гости приготавливаются к отъезду.

Хозяин дома обычно провожает своих гостей до ворот или до границ своих полей, а важного гостя – до следующей остановки. По желанию гостя ему дают проводников. Если путники опасаются чего-либо в той местности или в том дворе, где они ночуют, то

долг хозяина дома – окружить саклю для гостей стражей и даже самому охранять дверь, а также дать прикрытие до следующей остановки. Он является ответственным за все плохое, что может случиться с его гостем, и считается высшим позором, если этот последний пожалуется на плохой, скупой прием или на какое-нибудь зло, причиненное ему лично или его имуществу. Адыг считает гостеприимство за такую священную обязанность, что откажет лучше себе в чем-либо необходимом, чтобы только удовлетворить гостя; так как такое посещение, особенно знатного гостя, который приезжает со многими спутниками, очень обременительно для хозяина дома, то считается неучтивым оставаться в одном доме больше двух ночей, хотя хозяин никому не укажет на дверь. В Адыгее много лентяев, особенно уорков, которые эксплуатируют гостеприимство хозяев и под разными предлогами переезжают из дома в дом, чтобы хорошо питаться самим и кормить своих лошадей за чужой счет.

Жилище адыга – неприкосновенное убежище. Каждый переступивший его порог оказывается под защитой хозяина дома, даже если он его личный враг. Полиции, которая вводилась в некоторых местах, было очень трудно действовать в этой стране, где народ крепко держится за свои старые обычаи; чтобы схватить преступника, надо применять особую осторожность и хитрость.

Я хочу попробовать дать небольшую картину различных важных моментов домашнего быта адыгов.

Есть обычай, чтобы жена не разрешалась от бремени в доме своего мужа; для этой цели она отправляется к своей матери или к какой-либо пожилой родственнице. Абазские женщины очень плодовиты, редко встречаются матери, которые имели бы меньше шести детей. После разрешения от бремени срок выздоровления матери продолжается редко более трех-четырёх дней, после чего она возвращается к своему мужу и бодро принимается опять за работу. Глава семьи, не всегда отец, дает имя новорожденному ребенку; крещение неизвестно, также чрезвычайно редко производится и магометанское обрезание, адыги только подчиняются против своего желания этому религиозному предписанию. В последнее время вошло в обычай присваивать себе и называть детей мусульманскими именами, например: Магомет, Мустафа, Али и т.д. Вообще же рождение ребенка не влечет за собой никаких празднеств, оно проходит, так сказать, совсем незамеченным.

Более важной считается женитьба и различные связанные с ней обычаи. Ни одну девушку не отдают против ее желания, но она также не смеет взять себе мужа без согласия своих родителей. Жених старается, насколько возможно, узнать девушку раньше; как и повсюду, здесь также принимается во внимание состоятельность и значение родителей обеих сторон, затем – хорошее поведение, ловкость девушки в женских рукоделиях; обращают также очень большое внимание на взаимное влечение и красоту. Если жениху разрешается навещать девушку в семье ее родителей, то это означает уже их молчаливое согласие; ему остается тогда только заслужить расположение девушки. Когда они договорились, то назначается ночь, когда жених должен увезти девушку. Увоз невесты – старый обычай, который адыги переняли у черкесов, похищавших большею частью раньше своих жен; хотя теперь о женитьбе договариваются заранее, все-таки делается вид, что девушка похищается и что жених должен заплатить деньги за невесту как штраф за увоз.

Когда наступает назначенная ночь, жених садится на лошадь и, сопровождаемый верхом несколькими своими друзьями, приближается тихо и с большими предосторожностями ко двору, где живет его возлюбленная. Кроме невесты, которая тайком готовится маленький сверток со своими лучшими платьями, в тайну посвящены только родители, которые, однако, притворяются глухими и слепыми. Девушка прислушивается. Раздается легкий свист за забором двора. Невеста незаметно выскальзывает из сакли и из двора и скоро оказывается в объятиях жениха, который вскакивает на лошадь, куда поднимает и ее, и, возвещая выстрелом из револьвера о своем триумфе, удаляется бешеным галопом. Его спутники прикрывают его с тыла, стреляют из ружей и издают особенный пронзительный крик, который означает увоз. По этой тревоге вооруженные мужчины этого двора бросаются к своим лошадям, все соседи также бегут к лошадям и начинается дикая погоня, сопровождаемая ужасными воплями. Между тем похититель имеет преимущество и молча бешено мчится к месту, где его невеста будет в безопасности. Но его спутники беспрерывно кричат и стреляют и группами или в одиночку принимают различные направления, чтоб ввести в заблуждение погоню.

Горе жениху, если его настигнут! С ним обращаются тогда, как с обыкновенным вором; у него отбирают невесту, лошадь, ору-

жие, срывают с тела одежду; кроме того, еще жестоко высмеивают и сочиняют про него насмешливые стихи; свои вещи он должен выкупить дорогими подарками и попытать счастья во второй раз; но часто случается, что девушка его больше не хочет, ей за него стыдно, она считает его неуклюжим.

Если же все сошло удачно, то он привозит невесту в дом своего близкого друга, где уже приготовлены сакли и кушанья для молодой пары, и без дальних церемоний брак заключен. В продолжение целого месяца молодая пара живет только друг другом и своей любовью. В это время муж с восходом солнца оставляет хижину и направляется к какому-либо другу по соседству, где проводит целый день, только с наступлением темноты возвращаясь в объятия своей жены. В продолжение медового месяца он не смеет показываться на глаза своим родителям и ни одному пожилому и уважаемому мужчине, и если встречает такого на дороге, то бежит, как будто совершил какое-нибудь преступление.

Когда медовый месяц окончился, то невесту навещают ее мать и незамужние сестры. Она покидает двор, где провела это время, и ее ведут со многими провожатыми, с пением и ружейными выстрелами на другой двор, более близкий к дому мужа, обычно не дальше от него четверти часа пути. Здесь она живет последние восемь дней, которые проводит вне дома своего супруга, и в это время не должна его принимать. Ее мать, ее сестры и некоторые ее знакомые составляют ее общество.

Между тем жених к тридцатому дню prepares несколько голов рогатого скота, овец или коз, в зависимости от своего состояния, несколько повозок с пирогами и хлебом, несколько бочек меда и шветт, а также различные хорошо завернутые подарки, которых никто не видел, для своих родителей. Его родственники, друзья и знакомые собираются после отъезда невесты во дворе, где проходил медовый месяц, и оттуда процессия, которую ведут два его друга, направляются к дому его родителей. Он сам, однако, остается и ждет результатов переговоров.

Между тем шествие движется вперед при непрекращающихся выстрелах из ружей и пении; оно останавливается только во дворе родителей жениха; два предводителя, которые играют роль посредников между родителями и сыном, входят в большую саклю, где их ожидают родители. Друзья жениха здороваются и передают приветствие от их сына; они в красивых словах рассказывают

об их сыне, о невесте, достоинства которой превозносят до небес, говорят о счастье, которое молодая пара ожидает от брака, о многих детях, которых они произведут на свет и которые будут радостью для бабушки и бабушки, и т.д., а в конце смиренно просят разрешить молодым войти во двор и приготовить для них юнэ.

Родители разыгрывают из себя разгневанных: они ничего не хотят знать о безумствах сына, они не имеют средств платить деньги за невесту и тому подобные вещи. Но посредники не дают себя испугать и удваивают свое красноречие; шум перед большим юнэ становится все сильнее, и наконец они затрагивают слабые стороны родителей, главный порок и добродетель адыгов – их жадность и их гостеприимство. Они достают подарки, предназначенные для родителей, состоящие из оружия и предметов одежды; также приглашают их осмотреть рогатый скот, овец, коз и продукты, которые им посылает сын. Отец становится все мягче, но мать не желает ничего брать и ни на что смотреть. Тогда посредники, в свою очередь, сердятся и объявляют, что это позор для всего двора – не впускать в юнэ так много хороших друзей их сына, которые совершили такой далекий путь, и отправлять их назад голодными, не послав с ними хороших вещей сыну. Тогда отец больше не может устоять, он соглашается на приезд молодых и приглашает в гости всех присутствующих. Но мать неумолима: она соглашается принять только сына, но не невесту, она ничего о ней не слышала, она не понимает, как совершился этот брак, она ни о чем не знает, должна сначала навести справки и т.д.

Как только отец появляется в дверях юнэ с обоими посредниками, их встречают воплями восторга и выстрелами; двое лучших наездников садятся на коней и мчатся к тому месту, где ждет их сын, чтобы сообщить ему хорошие вести. Остальных угощают привезенными припасами и вином, скот убивают и готовят кушанья. Пир, к которому собираются все соседи, продолжается, пока не съедят и не выпьют все приготовленное. Когда все кончено, расходятся по домам. В ту же ночь молодой супруг приходит тихонько во двор, где уже определено для него и для его жены особое юнэ, заходит ненадолго к родителям, встречается ими очень сурово несколькими короткими вопросами и потом, в продолжение восьми дней, занимается своими обычными делами с непривычным усердием, чтобы показать, что он хочет наверстать потерян-

ное время. В продолжение восьми дней он, как уже было сказано, не видит свою жену. На девятый день после возвращения мужа в отцовский дом приводится невеста, и это, собственно, и есть свадьба, в которой, однако, муж не принимает участия. Он удаляется очень рано из дома, и его не видно целый день.

Свадебное шествие и свадьба сопровождаются следующими церемониями. Скоро после восхода солнца сходятся из всех ближайших, часто и из очень отдаленных дворов, длинными вереницами, женщины и девушки (среди которых находятся также и сестры невесты) в своих самых лучших платьях, в повозках, пешком или на лошадях к юнэ, где невеста со своей матерью встречает прибывающих. Все приходящие несут невесте подарки в виде хлеба, пирогов, меда и масла, а также напиток из меда и шветт, из которых часть съедается сейчас, а другая накладывается на повозки. Двое женатых и двое холостых молодых людей, так же как две женщины и две девушки, выбираются провожатыми невесты и устраивают процессию, которая выходит со двора в таком порядке: впереди едут верхом провожатые мужчины на плохих лошадях, плохо одетые и плохо вооруженные (причина будет объяснена позднее); затем следуют все мужчины верхом и пешком; верховые скачут вокруг, все поют и стреляют из ружей и кроме оружия снабжены еще длинными толстыми палками. Затем следует группа замужних женщин с двумя женщинами-провожатыми во главе, идущими очень чинно и степенно; за ними следуют попарно молодые девушки; среди них идет невеста в лучшем платье, в последний раз в шапочке, которую носят молодые девушки, и так густо закрытая покрывалом, что ее нельзя разглядеть. Ее ведут под руки две подружки, и она идет медленно, с трудом, опираясь на них. Подружками выбираются веселые, остроумные девушки, которые импровизируют и запевают подходящие к случаю стихи, которые подхватываются хором всеми девушками. Дальше следуют повозки со съестными припасами; шествие замыкают несколько пожилых мужчин верхом.

Между тем во дворе родителей собирается целая толпа родных, знакомых и соседей, но главным образом рабов; все имеют в руках длинные палки. В большой сакле сидит мать, одетая по праздничному и окруженная несколькими пожилыми соседками. Отец находится в другой сакле, смотрит на все в оконное отверстие, но сын во дворе не показывается.

Когда свадебное шествие подходит к воротам, стоящие внутри спрашивают, чего хотят люди, собравшиеся в таком большом количестве. Им отвечают, что это их не касается, т.к. жена N. N. едет в свою юнэ и пригласила в дом гостей. Идут долгие разговоры, увещевания, даже просьбы; все напрасно, свадебную процессию не хотят впускать. Тогда провожатые свадебного шествия с поднятыми бичами бросаются в густую толпу, чтобы проложить себе дорогу; всадники и пешие с дикими криками следуют за ними. Завязывается притворная борьба, многие бросаются со двора, чтобы завладеть невестой, но девушки образуют вокруг нее плотное кольцо и поют хором, чтобы ободрить своих спутников, мужчины носятся и кричат, как вырвавшиеся на волю черти, бесчисленные выстрелы щелкают в воздухе, палочные удары и удары плетью сыплются на меховые шапки и плечи, и я не посоветовал бы непривычному человеку подходить близко к этой дикой суматохе.

Одному из моих солдат, которому было любопытно посмотреть вблизи, сильно досталось от обеих сторон, т.к. никто не знал, на какой стороне он был. Хуже всего приходится двум предводителям. Лошадей у них отнимают. Оружие и платье срывают с тела и отдают только за хороший выкуп; это причина, почему в такой день они появляются плохо вооруженными, плохо одетыми и на плохих лошадях. В конце всегда побеждает наступающая сторона. Мужчины, собравшись толпой, удаляются в глубь двора, женская часть процессии входит в ворота. Замужние женщины с двумя провожатыми женщинами направляются в большую саклю, девушки с невестой посередине становятся рядами, как солдаты, и поют различные песни под руководством веселых подружек. Конечно, все песни имеют отношение к свадьбе. Невеста все еще закутана в покрывало и совсем не видит, куда она идет. Мужчины продолжают стоять спокойно против них шагах в 50–60 и наблюдают за очаровательным фронтом.

Между тем в большой сакле между матерью и двумя женщинами, сопровождавшими невесту, разыгрывается такая же комедия, как восемь дней тому назад между родителями и посланными от их сына. Мать отказывается принять новую невестку, заставляет себя долго просить, однако посредницы одерживают верх при помощи своего красноречия и подарков, которые они приносят от имени невесты. Все женщины теперь входят во двор, невеста переходит из рук своих подружек, которые сначала отказываются

ее выдать, в руки посредниц, и под предводительством своей матери отводится в большую саклю; женщины и девушки следуют за ними. Первые входят в саклю, последние и мужчины образуют две группы по обеим сторонам дверей и поют на два хора; мужчины восхваляют храбрость и состоятельность молодого и удачу молодой, которая нашла себе такого мужа; девушки отвечают похвалой красоте, невинности и искусству в женских рукоделиях молодой и дают понять, что муж должен очень подтянуться, чтобы сделаться достойным молодой.

Между тем невеста представляется своей свекрови. Это происходит очень серьезно и с большим достоинством. Мать молодой женщины снимает, после обычного поклона и ответа на него, покрывало со своей дочери, затем обе матери подходят друг к другу и сердечно обнимаются, молодая женщина почтительно целует руку своей свекрови, которая видит ее в первый раз. Эта последняя внимательно рассматривает свою невестку и кончает всегда тем, что красота и хороший вид девушки далеко превысили ее ожидания, что она очень довольна выбором своего сына и надеется, что получила хорошую помощницу в хозяйстве, которая народит ей много внуков, и тому подобными любезностями. Бедная невеста не смеет сесть в присутствии своей свекрови. Она стоит у дверей, а когда приносится кушанье для ее матери и остальных пожилых женщин, выходит в сопровождении двух приведших ее женщин из сакли во двор, где ее встречают восторженные крики и пение собравшейся молодежи, и так как теперь она показывается без покрывала, то все смотрят на нее с любопытством. Ее отводят в саклю мужа, и она больше не принимает участия в свадебном веселье.

Существует обычай, что молодая подносит маленькие подарки собственной работы наиболее уважаемым гостям на память о ее свадьбе.

Между тем на дворе начинается настоящее веселье. Девушки снова становятся в ряды, мужчины – против них, и начинается пляска. Музыку представляют несколько трехструнных скрипок и мужской хор под управлением опытного барда. Молодые парни выскакивают поодиночке из рядов, хлопая в ладоши и танцуя, каждый приближается к девушке, которая ему нравится. Подойдя к ней, он поет несколько строф своего сочинения и кладет ей руку на плечо, это служит сигналом для его друзей и ее поклонников к

выстрелам из ружей. Чем красивее и желаннее девушка, тем больше раздаются выстрелов, таким образом, частая стрельба считается за большую честь, тогда как большим стыдом для девушки считается, если на нее не обращают внимания. Потом парни и девушки берутся за руки и образуют круг, который то смыкается, то расходится; девушки двигаются медленно, зато парни прыгают и шумят, во все горло распевая, испуская военный клич и стреляя из пистолетов совсем около голов и лиц девушек, так что от порохового дыма часто даже чернеют лица. Но это совершенно не пугает храбрых девушек; наоборот, они хвастаются, возвращаясь со свадьбы с почерневшими лицами, хотя это своеобразное ухаживание на первый взгляд кажется тем опаснее, что адыг никогда не стреляет холостыми патронами, но почти никогда не бывает слышно и о несчастных случаях.

После танца начинаются скачки. Вне двора ставится доска для цели, мимо которой, стреляя, проносятся бешеным галопом всадники. Наиболее смелые подлетают к группе девушек, хватают одну из них поперек туловища, поднимают с быстротой молнии на лошадь и с этой дорогой ношей проносятся мимо доски, стреляя в цель. Кто таким образом попадет в цель, получает премию как память о невесте. Пороха на свадьбе расходуется чрезвычайно много, но это единственная роскошь адыга. Стрельба – его высшая радость.

Когда общество, наконец, устало от пляски, пения и стрельбы, приносится на бесчисленных маленьких столиках обед, ставятся бочки с медом и шветт, и все едят и пьют вволю. Этим пиром оканчивается свадьба. Женщины и девушки прощаются с молодой, которая остается одна со своей матерью и сестрами до следующего дня. Мужчины уходят домой, и все рассеиваются. К вечеру на недавно еще таком оживленном дворе тихо и пустынно. Отец выходит из своего убежища и первый раз видит свою сноху. После захода солнца приходит домой ее муж, и на следующее утро, когда все еще спят, молодая женщина, которая должна вставать первой, уже принимается за работу. Нежные, не привыкшие к работе руки бедняжки скоро покрываются мозолями, и первый месяц в доме мужа, или, вернее, в доме его родителей, очень отличается от проведенного в любви и комфорте медового месяца. Бедные молодые женщины, которые первое время под строгим

взглядом свекрови должны работать больше других, чувствуют себя вначале очень несчастными и часто плачут.

Жена приносит своему мужу только себя и никакого приданого; наоборот, он должен сам за нее платить. Цена за невесту достигает от 100 до 2000 рублей серебром, которые выплачиваются оружием, лошадьми, скотом и товарами и должны быть внесены через месяц после свадьбы. Для этой цели однажды, по прошествии указанного времени, появляется перед саклей для гостей свекра посол от отца – пожилой родственник невестки с толпой всадников за получением денег за нее. Адыг имеет обыкновение охотно брать, но с трудом отдавать, и прежде всего – бесконечно много говорить, поэтому они много и долго торгуются. Оружие, лошади и т.д. предлагаются приехавшим по слишком высокой цене, тогда как они соглашаются их принять только по очень низкой. Часто такой отряд остается у хозяина на несколько дней, и т.к. обычай принимать гостя лучшим образом не может быть обойден, то такая масса гостей после и без того дорого стоившей свадьбы и рядом с выплатой цены за невесту оказывается очень обременительной для двора.

Когда обе стороны, наконец, приходят к согласию, чем обычно это дело кончается, то гости удаляются. Весь торг ведет отец, которому помогает молодая; мужа в это время не бывает дома.

Но деньги, отданные за невесту, не пропадают для семьи даром. Когда жена чувствует приближение родов, она едет к своей матери и там получает часть платы за невесту для новорожденного. Если у нее бывает много детей, то деньги, отданные в уплату за невесту, не только возвращаются в дом, но родители отдают дочери даже больше, чем получили сами.

Если брак расторгается, что случается очень редко, то жена находит приют у своих родителей, а деньги за невесту обеспечивают ее содержание. Вообще, жена адыга не рабыня его, муж не обращается с ней по своему произволу, как у восточных и магометанских народов, ибо она всегда находится под защитой своей фамилии. Если муж оскорбит жену, или отвергнет ее легкомысленно или по злобе, или не хочет платить цену за невесту, то в последнем случае у него уводят жену хитростью или силой, а между фамилиями начинается вражда, которая часто кончается кровопролитием.

В Адыгее нет врачей; только в некоторых местностях старые женщины занимаются лечением, как говорят в народе, при по-

мощи колдовства. Если же они не могут помочь и какой-нибудь член фамилии лежит при последнем издыхании, то обитатели двора и соседи собираются вместе, кричат и поют, чтобы испугать смерть и облегчить умирающему последние минуты. Как только они убедятся, что умирающий испустил последний вздох, мужчины и женщины затягивают протяжные и пронзительные причитания, которые продолжаются почти час. По этому знаку готовятся все соседи, скоро начинают подходить группы мужчин и женщин, каждая процессия у ворот двора принимается плакать и рыдать и со всеми признаками дикого отчаяния медленно двигается к сакле, где лежит умерший, который между тем уже омыт, чисто одет и лежит в полном одеянии, с шапкой на голове и оружием около него; прибывающие смотрят на него в последний раз, мусульмане читают краткую молитву. Когда скорбящие выходят из сакли, им предлагается закуска.

Притворство пошло в обычай у адыгов. Характерно, что все без различия, даже и те, которые никогда не знали умершего или даже при жизни были его жесточайшими врагами, во время официального путешествия от ворот до ложа умершего страшно рыдают и высказывают свое глубокое горе. Но это не мешает им с большим аппетитом есть предложенные кушанья. Выйдя со двора, никто не думает больше о мертвеце. Этот плач и эти посещения близких и дальних продолжаются три дня. С солнечного восхода поднимает семья свои вопли, которые продолжаются весь день.

На четвертый, а у магометан уже на второй день труп относится на кладбище. Только мужчины, а если умерла женщина, то и замужние женщины, но никогда не девушки, сопровождают труп. Гробы неизвестны. Покойник лежит на широкой, покрытой черным доске и полностью одет и вооружен. Подойдя к могиле, труп кладут около разрытой ямы и один из старших в фамилии произносит обычно довольно длинную надгробную речь, в которой он отмечает добродетели, поступки и заслуги усопшего. После этого ближайшие наследники снимают оружие и стреляют из ружей и пистолетов в могилу, после чего труп опускается туда же и засыпается землей. Раньше зарывали оружие вместе с мертвецом, теперь это больше не делается. Вокруг могилы ставят деревянную изгородь, а на могилу кладется простой камень без надписи. С введением магометанства к древним обычаям присоединились многие предписанные Кораном обряды.

Через 14 дней после похорон фамилия усопшего дает похоронный обед. Приглашения рассылаются соседям, и кушанья, и особенно напитки, готовятся в большом количестве. Всякий гость в этот день желанен. На этом обеде не поют и не стреляют. Народ собирается серьезно и спокойно, каждый произносит краткую молитву за умершего, и потом хозяева угощают кушаньями и напитками; гость может также взять с собой пироги, мед и шветт. На могилу кладутся пироги и ставятся кувшины со шветтом, каждый приходящий может есть сколько хочет. Это единственный ритуал, на котором адыги много пьют. Похоронные обеды хадахус повторяются из года в год, но только по последнему умершему.

Внешнее выражение горя у адыга, как говорилось раньше, гораздо значительнее, чем действительно испытываемая им печаль; обычно смерть даже ближайших родственников принимается им с большим спокойствием, почти равнодушием. Они верят в будущую лучшую и вечную жизнь (в награду, но не в наказание) после смерти и представляют ее совершенно сходной с земной, с той только разницей, что она будет лучше и приятнее и не прекратится смертью.

Праздничные и торжественные дни введены магометанами; раньше адыги знали только один-единственный национальный праздник, который даже и в настоящее время, когда Коран сделал большие успехи, считается в стране самым значительным и адыгами очень почитается и свято соблюдается. Этот праздник падает на начало июля и называется жителями днем вознесения на небо матери бога – Марии; это одно из важнейших из еще оставшихся в памяти народа воспоминаний о господствовавшем здесь когда-то христианстве. В этот единственный день в году запрещается всякая тяжелая работа, каждый надевает лучшее платье, и по всей стране раздаются пение и выстрелы.

Обряды при рождении, женитьбе и похоронах одинаковы у свободных и у рабов. За последних все издержки несет их хозяин; во всем остальном все выполняется совершенно одинаково, и нет никакой разницы между свободным и рабом.

Примечание

¹ Карар – то же самое, что контракт, соглашение. Слово персидско-татарского происхождения.

Глава шестая

Вооружение адыгов. – Ружья. – Пистолеты. – Сабли. – Кинжалы. – Старое оружие. – Лук и стрелы. – Кольчуги. – Приблизительное количество вооруженных. – Пешее и конное войско. – Военные игры и упражнения. – Русские дезертиры и военнопленные. – Их печальное положение. – Адыги, попавшие в плен к русским. – Некоторые примеры осуществляемой русскими деморализации. – Обмен беглых рабов и беглых солдат.

Вооружение адыге в сравнении с современным европейским вооружением очень отстало и мало приспособлено для регулярной массовой войны, но прекрасно для борьбы в одиночку, в лесу и горах и достаточно для конницы против русских казаков. Вооружение всадника и пехотинца одинаково. Вполне вооружен тот, кто имеет ружье (скоинг), пистолет (скоинг-сик), кривую саблю (шаш-хуа), кинжал или ятаган (кама). В последнее время встречаются также кое-где револьверы, можно увидеть иногда короткие пищали, лук и стрелы, секиры и пики. Часто встречаются еще кольчуги.

Ружье – длины обыкновенного европейского пехотного ружья, без штыка; оно очень легко, с длинным, узким и слабым прикладом; затвор кремниевый, превосходной и тонкой работы, потому что медные пистоны в стране не изготавливаются: шомпол деревянный. Часто стволы и замки гравированы золотом и серебром очень красиво и искусно, приклады украшены золотом, серебром и слоновой костью. Хорошее, богато украшенное ружье оценивается более чем в 300 серебряных рублей, посредственное – в 10 серебряных рублей. Дальнобойность ружья редко достигает более 250–300 шагов, его точность не особенно велика; нарезные стволы редки, однако этот недостаток наверстывается, насколько возможно, упражнением, верной рукой и острым глазом адыга, и в перестрелке они почти всегда превосходят русскую линейную пехоту. Все ружья, которые попадают им в руки, сейчас же переделываются ими на свой лад; они чувствуют почти отвращение к тяжелым мушкетам. В каждом юнэ-из имеется один или несколько оружейных мастеров, которые, правда, медленно, но искусно изготавливают новое оружие или переделывают и починяют старое. Ружья носят в непромокаемом чехле из козьей кожи шерстью

наружу и на ремне за спиной. Этот способ ношения ружья превосходен как для всадника, так и для пешехода, потому что ружье не только защищено от сырости и ржавчины, но, кроме того, не утомляет солдата и может быть с такой же легкостью вытащено из чехла, как сабля из ножен.

Пистолет – длины обыкновенного кавалерийского пистолета, но очень легкий. Он также имеет кремниевый затвор и устроен таким образом, чтобы можно было выстрелить легче и удобнее левой рукой, чем правой. Он прикрепляется на длинной, надетой на шею перевязи, вышитой шелковыми и серебряными нитками, и засунут позади за узкий сабельный ремень. Пистолет – самая дорогая часть вооружения. Приклад пистолета даже у бедных отделан очень красиво. Дальноточность и верность выстрела очень посредственны. Абаз пользуется пистолетом, из которого он стреляет левой рукой, в сражении только на близком расстоянии, когда он обнажил саблю или кама.

Сабля состоит из короткого, обыкновенно в три пальца шириной, чуть изогнутого клинка и слегка изогнутой рукоятки без эфеса. Встречается очень много старых превосходных клинков с грузинскими, турецкими, арабскими и латинскими надписями; странным образом можно видеть также много венгерских клинков из времен императрицы Марии Терезии. Ножны сделаны из дерева. Обтянуты сафьяном и часто богато украшены, так же как и сабельный эфес. Она пристегивается кругом талии на кожаном ремне, остра как бритва, и в руке ловкого адыга является страшным оружием. Старые клинки часто имеют большую ценность, рассматриваются как родовое имущество и ни за какую цену не уступаются чужим.

Ятаган (кама) состоит из прямого заостренного клинка длиной в один фут и в три пальца шириной, с прямой, в два дюйма длины, богато украшенной рукояткой. Ножны такие же, как и у сабли, но обыкновенно окованы серебром. Клинок заострен с обеих сторон и тоже острый как бритва. Кама прикрепляется спереди на сабельном ремне и является домашним оружием, которое адыг никогда не снимает.

Из всего, что абазы видели в последней Восточной войне у европейцев, их высшее удивление возбудили револьверы, и многие принесли значительные жертвы, чтобы приобрести себе это оружие.

Короткие ручные пищали, которые встречаются не очень часто, употребляются только всадниками, которые прикрепляют их к седлу. Лук и стрелы можно видеть только у очень старых людей, которые с присущим их возрасту отрицательным отношением к каждому новшеству пренебрегают употреблением огнестрельного оружия. Я встречал, к моему удивлению, очень хороших стрелков, попадающих стрелами в цель на 300–400 шагов.

Секиры в настоящее время сделались тоже редкостью. Изредка они встречаются у всадников, прикрепленные к седлу. Пики, или длинные, окованные железом палки, носят только бедняки и рабы, которые не имеют средств приобрести себе оружие. Всадники не употребляют и не знают копий, и те, которые представляют черкесов вооруженными копьями, не видели их или неверно осведомлены. Адыг любит свое оружие больше всего на свете и кладет на его сохранение больше забот, чем на свою собственную персону. Его оружие всегда находится в таком блестящем состоянии, что самый лучший европейский солдат может взять с него пример. Каждый кусок золота или серебра, который попадет в его руки, сейчас же относится им к серебряных дел мастеру, чтобы тот украсил им его оружие. Он с детства привык владеть оружием. Чтобы успокоить плачущего ребенка, отец насыпает ему несколько зерен пороха на ручку или дает пару свинцовых пуль для игры. В состоятельных семействах мальчики имеют маленькие ружья, пистолеты, сабли и кама; десятилетние мальчики смело гоняют лошадей, попадают уже часто в цель и так привыкают к оружию, что позднее не могут уже жить без него. Адыги – хорошие стрелки; это происходит оттого, что они не упускают случая для упражнения в стрельбе; обыкновенно держатся маленькие пари, которые проигрывающий выполняет с большой пунктуальностью. Каждый раз, когда видишь группу всадников, слышишь непрерывно стрельбу, то кто-нибудь бросает свою шапку на землю и держит пари на несколько патронов пороха на то, чтобы поднять ее на полном скаку лошади или попасть в нее на дальнем расстоянии из ружья или пистолета; то выбирается для цели дерево, а всадники упражняются в том, чтобы попасть в него на полном скаку. Стрельба, пение, щелканье бичом и бешеная езда взад и вперед – приятнейшее времяпрепровождение для всех. Даже глубокие старики, которые в этой стране сохраняют удивительную бодрость, не пренебрегают стрельбой или скачкой на пари.

В отношении вооружения адыгский народ разделяется на четыре группы, а именно: всадники, которые вооружены вполне, т.е. ружьем, пистолетом, саблей и кама; вполне вооруженные пехотинцы; не вполне вооруженные; мужское население, которое не имеет оружия.

Основываясь на переписи оружия, которую я имел возможность устроить в некоторых местностях, я хочу привести самое меньшее и самое большее число и вывести из них среднее.

В 1858 году в одном юнэ-из на реке Богандур, в равнинах Шапсугии, и в 1859 году в одном юнэ-из на реке Ципсис, в горах Абадзехии, старшины сообщили мне следующие сведения о количестве мужчин, способных носить оружие, о количестве лошадей и обычного оружия.

	В Боган- дуре	В Ципсисе	Среднее число на одно юнэ- из	521	юнэ-из
Мужчин, способных носить оружие	506	383	444	231	324
Верховых лошадей с седлами	142	84	113	57	873
Ружей	376	243	309	160	989
Пистолетов	409	293	351	182	871
Сабель	468	255	361	188	080
Кинжалов, кама	481	268	375	195	375

Судя по этим вычислениям, следует считать для всей независимой страны адыгов почти 150 000 хорошо вооруженных воинов, из которых 100 000 человек пехоты и 50 000 кавалеристов. Еще остается запас в 40 000 не вполне вооруженных и столько же невооруженных. Как во всех моих статистических данных, я привожу не точные, но только приблизительные числа. Во всяком случае, число это не преувеличено.

На вопрос, как это было возможно, что 150 000 хорошо вооруженных воинов Адыгеи не смогли нанести большого вреда русским, можно ответить, что ведь вся гигантская мощь России не была в состоянии в течение срока целой человеческой жизни

ни принудить этот народ к подчинению. Кроме того, 150 000 вооруженных – еще не 150 000 солдат, которых можно по желанию перемещать и направлять. Надо принять во внимание, что не все могут идти на войну, потому что в таком случае их семьи и они сами должны были бы умереть с голоду, что концентрация больших масс в настоящее время не возможна, т.к. народ не имеет ни военной организации, ни продовольственных магазинов, ни начальника, ни запаса пороха, и даже если бы эти трудности были устранены, то незнание правил ведения войны, недостаток в артиллерии и хорошем вооружении делает для адыгов невозможным наступательное продвижение вперед против русских и сопротивление в открытом сражении. Однако как нерегулярные вспомогательные отряды они оказали бы большую пользу регулярным войскам, чем русские казаки или арабские и турецкие баши-бузуки¹. В оборонительной войне против турок и русских они сделали больше, нежели можно было от них ожидать.

Русские военнопленные и перебежчики были с незапамятных времен единственными европейцами, которые ступали на землю Адыгеи, и так как число их, особенно перебежчиков, очень значительно, то мы должны на этом остановиться немного обстоятельнее.

В России издавна принято зачислять политически осужденных офицеров и солдат сомнительного поведения и т.д. в Кавказскую армию. В течение многих лет весь годовой контингент рекрутов из польских провинций также направлялся туда. Если уже во всей русской армии много ненадежного элемента, который удерживается только железной дисциплиной, то на Кавказе его особенно много. Обстоятельства таковы (и правительство это знает), что осужденные принуждены носить солдатское платье и сражаться против врага, хотя бы они и желали перейти к нему.

Почему тысячи осужденных, которые рассматривают службу в Кавказской армии равносильной ссылке в Сибирь, предпочитают лучше переносить свой тяжелый жребий, чем перейти к врагу царя, известно немногим. Русский солдат, который бежит к абазам, принимается не как друг или гость. Первая мысль абазы, что перебежчик – подосланный шпион или изменник; и действительно, встречалось раньше, что солдаты или в солдатское платье переодетые офицеры посылались изучать страну. Многие проводили там много лет и вели тяжелую жизнь раба, им редко удава-

лось бегство; многие за свое слишком большое рвение к службе платили жизнью.

Перебежчик рассматривается тем, кто его первый встретит, как его собственность, как хорошая добыча; если он имеет лошадь, оружие и деньги, то все это у него отбирается, даже одежду на теле оставляют редко. Адыг ведет его в свой двор, там бреет ему голову, накидывает на него изодранное в куски платье, и он остается во дворе как раб так долго, пока владелец не пожелает продать его дальше. Обычно же его держат в доме, особенно если он хороший ремесленник, например, кузнец или шорник. В таком случае хозяин покупает ему необходимые инструменты, устраивает мастерскую и получает прибыль от его работы. Если он ничего не умеет, его употребляют для полевых работ, ухода за скотом и всяких хозяйственных работ.

Если семья им довольна, ему предлагают вступить в брак. Если он с этим соглашается, то владелец ищет девушку-рабыню, чтобы купить ее ему в жены. Свадьба происходит с такой же торжественностью, как и у свободных, и с этого времени беглец вступает в племя рабов (пшитль-тлако). Его дети, так же как он сам и его жена, делаются собственностью его господина.

Таким образом, женившись, русский беглец становится под покровительство тех же законов, которым подчиняется каждый абаз из племени рабов. Неженатый же может быть продан и использован по произволу хозяина. Для него опасно оставаться неженатым и по другим основаниям, как мы увидим дальше.

Беглец не получает оружия и не может принимать участия ни в какой борьбе против русских, как бы сильно он этого ни желал; нужны многие годы, чтобы абаз утратил свое недоверие. В черкесских магометанских семействах беглеца принуждают принять их веру. Употребляются всевозможные обманные обещания, лесть, угрозы, чаще же – плохое обращение, чтобы заставить его отказаться от своей старой веры. Если несчастный поддается соблазну, то все-таки не получает обещанной свободы и остается рабом, с ним и обращаются как с таковым. Рабов русского происхождения держат вдали от тех местностей, которые более подвергаются нападениям русских, поэтому их немного в равнинах Шапсугии и Абадзехии; напротив, много в горах, большинство же в Убыхии, куда никогда не достигает неприятель и откуда невозможно бегство. В южных частях Абазии, в местностях, населен-

ных абазскими племенами, осетинами и сванетами, имеется также большое количество перебежчиков, с которыми равным образом обращаются как с рабами. Многих продают турецким купцам и как контрабандный товар доставляют на анатолийский берег, откуда они отправляются дальше в глубину Малой Азии, большей частью в Курдистан. Турецкое начальство закрывает глаза на эту торговлю и не оказывает такому несчастному никакого покровительства. Только немногим удастся бежать под покровительство английского или французского консульства, и в этом случае обыкновенно консулы принимают участие в несчастном и доставляют ему возможность получить личную свободу. В стране курдов в Малой Азии имеется большое число таких христианских рабов, их участь там тяжелее, чем у абазов.

Только немногие беглецы принимают магометанскую веру, и только немногие позволяют себя уговорить взять жену. Большинство предпочитают терпеть свою жестокую судьбу и надеются всегда на улучшение их положения. Лишение личной свободы есть уже преступление, которое абазы совершают по отношению к каждому русскому беглецу, но еще возмутительнее то, что большая часть последних из корыстолюбия или по другим основаниям выдавалась назад русским, где их ожидал расстрел или медленная ужасная смерть под ударом палок или розог. Часто выдача беглеца происходит для освобождения из русского плена какого-нибудь адыга. В таком случае тот, кому это поручено, обходит все дворы, где, как ему известно, находятся также рабы, и старается купить их подешевле.

Эта отвратительная торговля благоприятствует русским офицерам, которые за освобождение пленных мужчин, женщин и детей адыгов, кроме суммы, соответствующей имущественному состоянию пленного, требуют еще выдачи одного или нескольких беглецов. Часто также перебежчики продаются алчными абазам русским за деньги или за товары, и доходнее продать беглеца, чем пленного солдата, т.к. за последнего платят не более 10 серебряных рублей за голову, первые же приносят от 60 до 100 рублей. Те беглецы, которые женятся и принимают магометанскую веру, не опасаются более выдачи русским; несмотря на это, число ренегатов очень незначительно, но очень часты самоубийства. Действительно, печально положение такого бедного беглеца. Предмет недоверия, презрения и насмешек, едва прикрытый лохмотьями,

большую часть года подвергающийся мучительнейшему голоду, продаваемый как скот, он имеет только один выход – покончить свое существование в этих негостеприимных для него горах или подвергнуться нечеловеческой жестокости русских законов.

Число ежегодно бегущих к абазам русских солдат, как сказано, очень велико. Я считаю, приблизительно около 4000 человек, из которых три пятых находятся в Шапсугии и Абадзехии, две пятых – в Убыхии. Едва десятая часть жената и оставила христианскую религию (в большинстве случаев это великороссы). Больше половины перебежчиков – поляки, затем малороссы. Менее многочисленны великороссы и казаки. Последние поголовно негодяи, которые совершили какое-либо преступление в армии; татары также переходят часто к абазам, где они надеются найти единоверцев. Они, однако, очень ошибаются в своих расчетах, с ними обращаются так же, как и с другими. Можно считать число беглецов-татар ежегодно в среднем до 600 человек, из которых три шестых части остаются в стране как рабы, две шестых части продаются турецким купцам и одна шестая отводится к русским.

Сильное дезертирство дает печальное представление о моральном состоянии русской армии; положение русского солдата в Кавказской армии должно быть действительно отчаянным, если он, хорошо зная ужасную будущность, его ожидающую, ибо постоянно видит своих несчастных товарищей, приводимых со связанными руками абазам, и сам является орудием, которым с утонченной бесчеловечностью приводится в исполнение наказание, несмотря на это, оставляет свои ряды и ищет у врага сомнительного покровительства. Если бы не глупость и жадность абазов, в этом случае очень важных союзников русских, если бы была какая-нибудь организация в стране, которая дала бы возможность извлечь пользу из этой слабой стороны русской армии, то последняя была бы скоро серьезно скомпрометирована громадным бегством из войска.

Нужно отнести к чести некоторых благородных и рассудительных адыгов, что они все испробовали, чтобы прекратить эту позорную и вредную торговлю. Очень мудрую и гуманную политику проводил в этом отношении наиб Мохамед-Эмин. Во время своего господства он преследовал строгими наказаниями тех, которые были виновны в позорном оскорблении обычая гостеприимства; он устроил даже в Абадзехии на реке Шавготча (вблизи истоков

ее) род христианской солдатской колонии, где было собрано в то время около 800 человек, которые занимались всевозможными ремеслами и земледелием. Эта колония изо дня в день делалась все более цветущей, беглецы приобретали себе постепенно оружие. Мохамед-Эмин думал о военной организации этих людей и об образовании так необходимой для страны артиллерии. Во всех мехкеме службу при помещениях для арестованных и на караулах несли русские беглецы. Разбросанно живущие в стране получали вольные грамоты от народных собраний, не продавались как рабы, не выдавались русским; беглые казаки принимали участие во всех набегах адыгов против русских и руководили ими; хорошо зная расположение правого берега Кубани, где они родились и служили, они были для русских страшными и опасными врагами. Это положение беглецов начало серьезно беспокоить русских, хотя оно еще распространялось не на всю страну, а только на Шапсугию и Абадзехию. Жители Убыхии, для которых торговля этими людьми была очень выгодна и которые никогда не признавали вполне власти наиба, обращались с беглецами так же, как и раньше. Однако и там их положение начало улучшаться. Такое состояние продолжалось до 1854 года.

Когда в начале Восточной войны Оттоманская Порта, введенная в обман Сефером Занок и некоторыми другими интриганам, не только не поддержала влияние наиба, но подорвала его и назначением Сефера пашой и губернатором разрушила начало внутренней организации, Шапсугия сейчас же отпала от Мохамед-Эмина. Убыхия, которая никогда не хотела подчиниться никакому порядку, стала почти во враждебные отношения к нему; только Абадзехия, несмотря на все турецкие интриги, осталась верна добровольно избранному им начальнику, хотя и там новое и еще слабое устройство было сильно скомпрометировано. Кто, однако, потерпел больше всего от турецкой интервенции – это христианские беглецы. Назначенный пашой черкес князь Сефер Занок подал плохой пример, взяв себе сейчас же дюжину рабов; все абазы охотно последовали его примеру. Колония в Абадзехии также распалась. Мохамед-Эмин, власть которого поколебалась, не был более в состоянии поддержать их; однако беглецы, хотя и рассеянные, там, где его влияние еще имеет значение, находятся все же в более благоприятных условиях, чем там, где возвратилось к прежнему беспорядку.

Участь военнопленных ни в чем не отличается от участи перебежчиков, они только более внимательно охраняются. Если в руки абазы попадает офицер, то это считается большим счастьем – за него вымогается возможно больший выкуп. Казаки, попадающие в плен к адыгам, часто тоже выкупаются своими семействами за высокую цену; напротив, военнопленный линейный солдат имеет мало надежды увидеть свой полк, потому что, как выше уже было замечено, он оценивается русскими при выкупе в 10 серебряных рублей, в то время как беглец стоил не меньше 50, а часто больше 100 рублей. Адыг поэтому предпочитает оставить такого пленного работать у себя или продать его в стране или туркам, где получит за него не менее 25–30 рублей. Вследствие этого пленные солдаты почти никогда не возвращаются назад, если они не происходят случайно из зажиточной семьи, которая могла бы внести выкуп. Если абаз знает, что его пленник имеет средства, чтобы освободиться, то положение этого последнего хуже, чем тех, на освобождение которых нет надежды. Пленного офицера или солдата (т.к. различия между чинами адыг не понимает) мучают самыми тяжелыми работами, голодом и ужасным содержанием, чтобы вынудить большую сумму и ускорить выкуп.

Больше всего достойны сожаления бедные женщины и дети черноморских казаков и поселенцев, которые похищаются адыгами. Здоровая женщина, которая может еще рожать детей, освобождается только за большой выкуп, и так как абазы знают, что русские женщины во многих домашних работах искуснее, а также работоспособнее, чем их собственные, то они не очень спешат с их продажей.

Я видел много таких бедных женщин у адыгов; некоторые находятся уже много лет в плену, имеют мужа и детей – конечно, также рабов, и впоследствии забывают даже свой родной язык.

Любопытнее всего показалась мне одна бедная женщина, которую я видел на реке Лабе в Абадзехии. Она была замужем за русским беглецом, настоящим москвитом, глупым и грубым, оба были, конечно, рабами у одного абазы. Она была похищена два десятка лет тому назад, имела теперь восьмерых детей, которые, т.к. отец и мать разговаривают между собой по-русски, также знали немного этот язык. Она имела что-то в своей манере говорить, что позволяло заключить о ее знатном происхождении, знала несколько французских слов. Ей еще не было десяти лет, когда ее

похитили. Она помнила, что ее мать умерла еще раньше, что она жила в прекрасном доме и видела своего отца в красивой форме с блестящими эполетами. Она помнит о нападении адыгов на их загородный дом в Черноморье, об ужасном сражении, о смерти отца и поджоге дома; она сама была взята на лошадь и увезена бешеным галопом одним молодым абазом, тем самым, который теперь является ее господином. С этого времени она живет в этом доме, вытерпела много нужды и позора; когда сделалась старше, ее выдали замуж за абазского раба, которого, однако, через шесть месяцев продали туркам; позднее выдали ее за русского, от которого она имеет восьмерых детей.

Я спросил ее, не желает ли она возвратиться в свою семью; я хотел сделать все возможное, чтобы помочь ей в этом отношении. «Нет, – ответила она, – мои родители умерли, родственников я не знаю, поэтому никто не хотел во мне принять участия и выкупить меня, хотя Цако (имя ее господина), особенно в первые годы, очень старался получить за меня выкуп. Я имею детей, которых мне не отдадут, муж мой дезертир, не может меня также сопровождать; я даже не умею молиться, что я буду делать в России?» Я спросил ее, чувствовала ли она себя иногда все-таки счастливой. Она указала на своего мужа, действительно отвратительного парня, и залилась потоком слез.

Такова история почти всех похищенных христианских женщин и девушек. Вначале отчаяние, потом тупая покорность судьбе и никакого стремления возвратиться на родину. Большая часть детей таких матерей не понимает по-русски и живет, как большинство абазов, без всякой религии; похищенные дети, как правило, скоро забывают свой язык, и позднее их не отличить от абазов.

Если судьба русского пленного в горах безотрадна, то мало завидна и участь абазы, взятого в плен русскими. В открытом бою русские редко берут пленных, иногда им удастся нападение на жилища или на пастухов, иногда русские крейсера берут в плен адыгов, едущих на турецких сандалах к анатолийскому берегу.

Хотя это, при осторожности лазских моряков, близости анатолийского берега и большом протяжении свободного абазского берега, не особенно часто случается, однако бывает ежегодно несколько случаев, что такое судно перехватывается. Это большое горе для многих семей, ибо на таком сандале часто находится от 60 до 100 человек, большей частью купцов или торговцев рабами

с их живым товаром. Иногда едущие при опасности предпочитают смерть плену и уничтожают себя и свое судно, прежде чем их схватит враг; иногда они защищаются, хотя, конечно, без успеха; обыкновенно же не оказывают никакого сопротивления. Захваченное судно отвозится со своим грузом в какую-нибудь русскую гавань, и пленники заключаются в тюрьму крепости. Те, за которых вносится большой выкуп, требуемый русскими, сейчас же освобождаются, что часто невозможно за редкостью звонкой монеты в стране адыгов. Деньги всегда требуются прежде всего русским военным командованием, и это вернейшее средство освобождения; если адыг не в состоянии внести указанную сумму, то требуется выдача беглецов. Военнопленные оцениваются не выше десяти рублей.

Обращение с попавшим в русский плен адыгом нельзя назвать человеческим. Его гонят со связанными на спине руками или же группами в железных ошейниках из одной крепости в другую, напоследок в Сухум-Кале, Анапе или Екатеринодаре заковывают их в тяжелые цепи и до выкупа мучают окопными и другими работами. Ни старость, ни уважение, которым пленный пользовался у своего народа, не избавляют его от грубого и плохого обращения и побоев. Его заставляют страдать от голода и холода и придумывают всевозможные духовные и физические муки, чтобы побудить к уплате возможно более значительного выкупа.

Если нет надежды, что пленный будет выкуплен, потому что его семья не может внести требуемое, то он приговаривается к поселению в Сибири, или (если он во время своего плена совершит какое-нибудь преступление против дисциплины, что при таком непривычном для дикого сына гор обращении легко может случиться) ссылке в рудники Урала, или пожизненному пребыванию в одной из бесчисленных военных исправительных рот². Женщины, девушки и дети, если за них не получается выкуп, продаются как крепостные. Во многих русских офицерских семействах на Кавказе служат абазские девушки как крепостная прислуга, мальчики отправляются в казачьи колонии на Тереке, где и воспитываются будущими солдатами царя. Женщины и девушки иногда отправляются на Урал и даже в Сибирь и там распределяются между поселенцами. Адыги, которые всегда поддерживают известную связь в Черноморье, стараются всяческим образом освободить таких женщин и девушек³, которые находятся между русскими.

Иногда этим несчастным существам удается бегство. Их рассказы о жестокости русских дворовых, гнетущей разнице в положении в русском обществе и страданиях и позоре, которые они терпели, усиливают ненависть и отвращение адыгов к московскому господству. Судя беспристрастно, надо признать, что обращение с военнопленными с обеих сторон варварское; но это легче простить некультурному, даже не имеющему письменности народу, чем генералам, офицерам и чиновникам большой, почти христианской страны, которая уже с давних пор указом Екатерины II сделалась европейской ⁴.

Очень редко случается, чтобы адыг бежал к русским; перебежчики из Абазии принадлежат большей частью к классу черкесско-татарских пши или уорков. Кроме того, иногда случается, что рабы поодиночке или всем семейством бегут к русским. Причина бегства у первых часто – страх перед кровной мстью; у князей и дворян – склонность к ничегонеделанию и надежда на легкий заработок у русских, у рабов – обыкновенно жестокое обращение их господина.

Как адыги обменивают беглых русских солдат на своих военнопленных или продают их за деньги русским, точно так же встречаются случаи, когда русские возвращают беглых рабов их хозяевам в обмен на их собственных беглецов или по другим политическим основаниям. Однако они никогда не выдают пши, уорка и тфохотля, которые ищут у них покровительства. Причина не очень этичная для христиан, которые уже со времен Екатерины II сделались европейцами, но политически очень полезная. Пши, уорк и тфохотль, который ищет у русских защиты, совершил обычно какое-нибудь преступление и бежит от наказания. Он всегда оставляет свое семейство в стране, имеет всегда с ним связь; он обычно воин, который знает все дороги и тропинки, следовательно, может оказать, как изменник, шпион и проводник, хорошую услугу. Пшитль, напротив, – бедняк, до которого никому нет дела, и обмен его не дает даже одного перебежчика, которого можно было бы в предостережение прочим засесть до смерти; он не даст возможности заслужить расположения его господина, абазского мошенника, который, совершая такую торговлю, этим самым компрометирует наполовину перед своим народом себя как русского друга.

В доказательство русских приемов приведу два примера из многих других. В 1845 году убежали из юнэ уорка Хаджи Али,

Цацо-ок, живущего на реке Дшиубе в Шапсугии в получасе ходьбы от берега моря, пятеро рабов-мужчин и укрылись в крепости в Шапсугии, лежащей также на берегу моря на расстоянии пяти часов пути, где в качестве гарнизона стоял русский батальон. Уорк, владелец этих рабов, один из храбрейших и влиятельнейших людей в горах, послал к коменданту крепости требование выдать ему этих бежавших рабов, грозя в противном случае мстить всеми силами. Из форта несколько недель тому назад скрылись трое солдат, которые находились в окружающих горах у адыгов. Русский комендант, чтобы, с одной стороны, обеспечить себе покой и привлечь уорка, а с другой – получить назад своих дезертиров, сделал предложение обменяться беглецами. «Чистоплотная» торговля совершилась. Кто заслуживает здесь большего презрения – необразованный абаз или культурный штаб-офицер? Я забыл имя этого «чистоплотного» господина.

Второй случай, который произошел только два года тому назад, следующий. Из двора тфохотля Узбан-ока из племени Кобле в Шапсугии, живущего в долине реки Хапл на расстоянии шести часов пути от кубанской границы, бежала в 1860 году целая семья раба и искала защиты в русской крепости Адагум, находящейся приблизительно на расстоянии семи часов. Семья состояла из старика, его жены и их семерых детей: четырех девушек и трех юношей в возрасте от 10 до 25 лет. Во дворе того же тфохотля жил на свободе беглец-казак по имени Георгий, известный у адыгов под именем Махмуд. Этот Георгий (Махмуд), который, вероятно, бежал к адыгам от какого-нибудь наказания (как он сам хвастался – застрелил своего капитана), был опасный бандит, похититель людей и детей и бич Черноморья. Зная хорошо местность, он врывался обычно в Черноморье в сопровождении небольшого числа абазских сорвиголов, и каждое его посещение сопровождалось кровью, разбоем и уводом нескольких пленных. Говорили также, что он имеет там даже тайных соучастников. Главное командование черноморскими казаками назначило за его голову награду в 500 серебряных рублей и было в этом отношении совершенно право. Но к нему подступить было невозможно: адыги, из которых многие очень охотно заработали бы такую высокую цену за перебежчика, не отваживались схватить его отчасти потому, что он был очень осторожен и отчаянно бы защищался, отчасти потому, что он имел группу дерзких друзей, которые уча-

ствовали во всех его предприятиях и кровью отомстили бы за всякий нанесенный ему вред; отчасти также и потому, что он был принят в фамилию состоятельного Узбан-ока, на дворе которого жил, делил с ним свою добычу и должен был жениться на его дочери. Георгий (Махмуд) был для этой страны почти богат; имел хорошую одежду, прекрасное, богато украшенное оружие и три лучших верховых лошади, а также, как многие утверждали, наличные деньги.

Узбан-ок шлет посла в русскую крепость, чтобы потребовать выдачи своих беглых рабов. Ему отвечают, что возвратят всех его рабов, но только при условии, что он выдаст русским войскам разбойника Георгия; в этом случае ему сверх того выплатят назначенные за его голову 500 рублей. Абаз долго колебался, но наконец жадность победила. Он находит предлог послать Георгия с поручением к своему другу Алиби из племени Шапте, живущего на расстоянии получаса пути от русской крепости. Всегда осторожный, казак не предчувствовал ничего плохого со стороны старого Узбан-ока. Вблизи дома Алиби он исчезает. Узбан-ок делает вид, что в совершенном отчаянии, но «бежавшие» рабы и деньги появились в его юнэ.

Через две недели выгорели начисто дворы Узбан-ока и Алиби, лучшие их лошади были украдены; через месяц неизвестной рукой был застрелен Алиби, так же как и два сына Узбан-ока.

Имя абазы, который нарушил законы гостеприимства, но и был жестоко наказан, как сказано, Узбан-ок из племени Кобле. Русского же коменданта, который возвратил в рабство девять человек, искавших у него защиты, зовут господин Бабиц; он бригадный генерал черноморских казаков. Я не слышал, чтобы он был как-нибудь наказан.

Примечания

¹ Баши-бузуками называют в Турции нерегулярные войска, которые организуются в военное время из добровольцев.

² Конечно, ни в какой другой стране на свете нет такого количества военных арестантов, как в России. По достоверным источникам, их число достигает 10 процентов всей армии. Они разделены на роты и употребляются для тяжелых работ. Во время осады Севастополя большое число арестантов использовалось для обслуживания крепостных орудий.

³ Бывали, хотя редко, случаи, что русские офицеры женились на таких пленных девушках, которые предназначались для гарема турецкого паши.

⁴ Указом от 1773 года Екатерина II объявила, что русские – европейцы. Финно-татарские москвиты сделались, таким образом, прежде русскими и потом уже – европейцами. Удивительное заблуждение!

Глава седьмая

Адыги, поступающие на службу к врагу. – Их ненадежность. – Пример этого. – Способ ведения войны. – Народные собрания и совещания. – Лагерь. – Сигналы. – Оборона и наступление. – Штурм и занятие русского форта, описанные абазским начальником. – Нельзя считать часть страны покоренной, пока другие части находятся еще в состоянии войны. – Солидарность племен.

Если бежавший раб находит так же мало безопасности у русских, как и перебежчик у абазов, то, напротив, каждый изменник, каждый бандит, который должен был бежать от мести своих соотечественников, является желанным гостем в русском лагере. К стыду немногих еще оставшихся в стране черкесских пши и уорков, следует сказать, что они поставляют наибольший, если не единственный, контингент изменников, служащих у русских. Времена, когда они могли хорошо жить за счет труда абазов, навсегда прошли; самим работать им не по вкусу, поэтому они готовы всегда за хорошую плату взяться за какую угодно службу. Они служат шпионами, проводниками для оперирующих в стране неприятельских войск, посредниками и т.д., некоторые служат также в нерегулярных полках.

Русские платят этим людям самое меньшее по серебряному рублю ежедневно; кроме того, они имеют еще часть добычи, которая по их указанию была награблена. Полностью доверять им русские, однако, не могут, т.к. они пользуются каждым случаем для удовлетворения своей жадности и еще охотнее предадут и продадут русского, чем адыга. Эти потомки черкесов – настоящий бич адыгской страны. Беглецы, которые указывают дорогу русским, – сплошь уорки; ложные депутации, которые от имени народа с фальшивыми документами отправляются в Константинополь, чтобы там

обманывать турок и европейцев и вымогать себе подарки, всегда состоят из уорков; те, которые приносят лживые и фальшивые сведения из Константинополя, чтобы придать себе значение, и которым раньше часто удавалось злоупотреблять轻信 народа во вред ему, но всегда к их собственной выгоде, – это тоже уорки; короче говоря, большую часть плохого нужно приписать этой татарской расе. Не пользуясь в стране влиянием и уважением, за небольшим исключением, недопускаемые на народные совещания, в которых даже рабы могут принимать участие, эти потомки старинных грабителей с большой дороги устремились за пределы страны для эксплуатации своих соотечественников, чтобы только не быть вынужденными работать честным образом. Упомянутые причины и расовая ненависть, которая господствует между черкесами и абазами, заставляют опасаться наступления катастрофы, могущей окончиться уничтожением и совершенным истреблением первых.

Как сказано, русские также не могут похвалиться преданностью и службой этих перебежчиков. Примером может служить следующая вполне правдивая история.

Я уже раньше упоминал, и должен буду еще часто к этому возвращаться, о черкесской княжеской фамилии Зан-заде, которая в половине прошлого столетия поселилась у Анапы. Князь Занок Сефер после передачи Анапы русским был послан Натухаем по его просьбе как уполномоченный в Константинополь. Он был уже не молод, много пережил и состоял то на турецкой, то на русской службе. В Константинополе его приезд возбудил известное внимание, русское посольство считало его опасным и потребовало от Порты его удаления. Отношения были таковы, что османское правительство должно было исполнить требование посольства. Занок был интернирован в Адрианополь с ежемесячным содержанием в 2500 пиастров¹. Он чувствовал себя там так хорошо, что и думать забыл о своей стране, и был очень недоволен, когда Восточная война призвала его к деятельности. Он имел двоих сыновей; одного он воспитал в Турции для службы султану, другого – у адыгов для службы царю. Этот последний, по имени Ибрагим Карабатыр, вырос в горах, как дикое дерево без ухода. Воспитанный в юнэ одного ему родственного уорка, прославленного вора лошадей и рогатого скота и русского агента, окруженный толпой молодых уорков, которые смотрели на него как на предводителя, смелый, ловкий

и сильный, он был грозой страны; был он неудобен и для русских, которые часто предлагали ему поступить к ним на службу. Наконец угрожаемый и преследуемый абазами, которые условились его убить, он бежал со своей бандой в Суджук и отдался в распоряжение русского коменданта.

С этого времени начались бесчисленные разбойничьи нападения под управлением Карабатыра, собравшего вокруг себя около 40 молодых разбойников, на дворы и стада адыгов. Часто, однако, и русские становились жертвою жадности своего друга. Вот самый оригинальный случай.

Однажды Карабатыр уезжает со своей бандой из города и крепости Суджук, известив коменданта контр-адмирала Серебрякова², что хочет предпринять карательную экспедицию против адыгов. К вечеру он прибывает к занятой русскими крепости на реке Абин, где и располагается в засаде вблизи роши. Когда утром русские, не ожидавшие ничего плохого, гнали скот на пастбище, он со своей бандой с диким криком напал на испуганных пастухов, подумавших, что это враждебные абазы, и в паническом страхе бежавших к крепости, и угнал целый табун более чем в 400 голов. В крепости было мало конницы, которая и не рисковала его преследовать; пехота же не имела надежды его догнать.

Что же делает он дальше? Через два дня появляется со всем стадом в Суджуке, выдает его за отобранную добычу у адыгов и продает великодушно за 1000 серебряных рублей гарнизону. Генерал поздравляет его и делает донесение с отъезжающим курьером о новом деле молодого, храброго, неутомимого на царской службе князя Занок. Этот рапорт имел следствием посылку бриллиантового кольца и высшую похвалу Его величества императора Николая. Императорский бриллиант был сейчас же продан за бесценок одному армянину, а золото с кольца употреблено на украшение сабельной рукоятки. Все указания коменданта на то, что это есть неуважение к царскому подарку, не оказали никакого впечатления на молодого татарина. Но что за шум поднялся, когда русским раскрылась та невинная шутка, благодаря которой Карабатыр получил все эти отличия. Хотя он, поддерживаемый своей бандой, клялся всем, что есть святого, что они отбили стадо у адыгов, которое те, по всей вероятности, украли, но русские уже имели верные сведения. Но что было делать? Комендант Суджука слишком поторопился со своим донесением, восстановление ис-

тины очень бы скомпрометировало его, поэтому он должен был удовольствоваться только строгим выговором черкесскому князю и прекратить это дело. Но было ясно, что этот уорк не будет последним.

Когда началась Восточная война, еще до франко-английского вмешательства Карабатыр получил тайно письмо от своего отца, в котором ему было сказано, что теперь, кажется, лучше держаться на стороне султана, чем на стороне царя, и чтобы вследствие этого он стремился уйти из рук русских. Как послушный сын, Карабатыр решил повиноваться указанию своего отца, однако хотел оставить русским память о себе, и в особенности захватить с собой хороший подарок на память.

Чтобы устранить всякое подозрение, он удвоил свое служебное рвение, разграбил и сжег много дворов адыгов и обручился для виду с одной татарской девушкой, живущей в Анапе. Он награбил много добычи за последнее время и хотел отпраздновать свою помолвку торжественно и возможно более на европейский лад; он пригласил всех офицеров гарнизона и всех почетных лиц города Суджука на праздник. Так как он, естественно, не имел собственной столовой посуды, то она была собрана во всем городе ³ у штатских и военных лиц; единственная существовавшая тогда в Суджукке гостиница доставила кушанья и напитки. Когда русское общество вечером после многих возлияний развеселилось и пришло в хорошее настроение и пило за здоровье черкесского принца, спутники Карабатыра оседлали в полной тишине лошадей, упаковали серебряную посуду и все ценные вещи, которые они могли захватить, и по данному знаку 40 молодцов вскочили на лошадей и с заряженными ружьями, окружив своего начальника, через городские ворота ускакали в горы. По дороге они не пренебрегли захватить форпост из восьми солдат, которые стояли на расстоянии пушечного выстрела от Суджука, и утащили их в горы для продажи. Подобные случаи вероломства очень многочисленны между черкесами, поступающими на службу к русским ⁴.

Очень трудно собрать в Абазии большое число воинов в одном пункте; причины этого читатель узнает из нижеследующих сведений о способе ведения войны адыгами.

Если в какой-либо местности, как, например, во всех пограничных областях страны, опасаются набега со стороны русских, то старшины восьми племен народности лежащих в этой мест-

ности юнэ-из собираются вместе и держат совет. Если опасения реальны, то все имущество, слабые старики, женщины и дети отсылаются в глубь страны к друзьям и родственникам; во дворах остаются только мужчины, способные сражаться. Организуются посты и патрули пешие и конные, дороги и тропинки уничтожаются и баррикадируются срубленными деревьями, окрестные местности уведомляются о грозящей опасности, и все, наблюдая за каждым движением врага, ожидают его продвижение вперед. Вдоль Кубанской линии и берега Черного моря, где всегда можно ожидать нападения русских со стороны суши и моря, сделалось обычаем, что по 10 человек из каждого юнэ-из по очереди образуют ежедневно и еженощно пограничную стражу.

Если враг нападает, когда его не ожидают, то стража дает протяжным и пронзительным криком и выстрелами из ружей знак о военной тревоге. Почти невероятно и возможно только при содействии предавших изменников, чтобы враг мог обмануть бдительность форпостов и незаметно напасть на ближайшие дворы. Военная тревога подхватывается всеми, кто ее слышит, и, так как адыги, вечно угрожаемые внешними и внутренними врагами, имеют чуткий сон, в одно мгновение вся местность оказывается на ногах. Никакая населенная солдатами казарма, внезапно встревоженная, не может скорее быть готова к защите или отступлению, чем абазский двор. Мужчины со всех ног бросаются пешком или на лошадях к дороге, по которой враг может проникнуть в их дворы, стремясь достигнуть ее как можно скорее. В такой момент, когда нужно защитить жену и ребенка, адыг, обыкновенно очень осторожный, не считается с числом врагов и даст себя убить, чем покинет свое семейство.

Между тем стража собралась и защищает каждое дерево, каждый куст, каждый ров и покинутые дворы с чрезвычайным упорством, боевой клич раздается непрерывно и служит сигналом собираться и выбирать правильную дорогу. Русские солдаты, посевшие на войне с горцами, рассказывали мне, что этот ужасный крик, повторяемый тысячным эхо в лесу и горах, вблизи и вдаль, раздающийся со всех сторон, спереди и сзади, справа и слева, пронизывает до мозга костей и производит на войска впечатление более неприятное, чем свист пуль.

В то время как мужчины бросаются навстречу врагу, женщины укладывают свои небольшие пожитки на телегу, лошадей или

себе на спину; дети гонят стада в лес, и все это происходит так скоро, что в четверть часа двор покидается и делается необитаемым и пустым. Только неспособный к войне старик или маленький мальчик поддерживает большой огонь в одной из хижин; он прислушивается жадно к сражению и боевому кличу, и если неприятель уже близко, то бросает приготовленные головни на соломённые крыши хлебных амбаров и хижин и исчезает в лесу.

Если же, что случается редко, нападение на двор и окружение его производится ночью и так внезапно, что бегство невозможно, то происходит обыкновенно кровавая драма. Мужчины, женщины и дети бросаются с неистовыми криками из домов и стараются воспрепятствовать врагу проникнуть во двор. О сдаче и покорности не может быть и речи. Смысл этого слова адыг даже не понимает, и каждый, без различия пола, защищается до тех пор, пока он может еще двигать хотя бы одним членом. Русская пехота стреляет среди этого смятения и старается пробить забор и выломать ворота. Если враг ворвался во двор, то в домах и вокруг них начинается неистовый бой. Жители защищаются отчаянно и почти всегда взятие приступом нескольких мазанок стоит русским значительных жертв. Очень редко бывают взяты пленные, потому что озлобленный солдат не дает пощады даже женщинам и детям, и легче схватить голыми руками дикую лесную кошку, чем десятилетнего абазского ребенка. Иногда, однако, появляется помощь и спасение, ибо на неистовый шум к месту боя сбегаются все соседи и нападают на врага со всех сторон.

Удивительно, что, когда раздаются первые выстрелы и боевой клич, лошадей, рогатый скот, овец и коз не нужно даже выгонять. Все животные бросаются, как будто они понимают, в чем дело, со всех ног в ближайший лес; нужно только им отворить ворота; даже домашняя птица, как куры, гуси и утки, спасается в ближайшую рощу; почти всегда враг находит только дымящиеся развалины.

Сейчас же после наступления врага собираются вооруженные жители угрожаемой местности на определенный сборный пункт. Старики держат совет. Если это лишь набег и враг отступил, то он преследуется только собравшимися воинами, которые стремятся отобрать у него добычу, если он ее захватил, и причинить ему также наибольший вред. Если же неприятельский отряд силен и намеревается укрепиться или продвинуться вперед, что легко

можно узнать, потому что в таких случаях поспешно разбивается укрепленный лагерь, то отправляют верхом гонцов в отдаленные местности с просьбой о помощи. Между тем воюющее население ближайших 10 или 20 юнэ-из собирается в лежащем близко к врагу месте. Двое старшин (тамады) являются вождями каждого юнэ-из, из которых предполагается послать половину всех боеспособных мужчин на сборный пункт; каждые 10 дворов имеют, кроме того, еще предводителя, своего тамаду. Все эти тамады образуют малый и расширенный военные советы⁵; к первому допускаются только представители каждых 100 дворов, к последнему – также и тамады от каждых 10 дворов. Расширенный военный совет выбирает главного предводителя, причем принимается во внимание не возраст, но военный опыт и храбрость. Этот главный вождь назначает еще двух низших начальников: одного – для пехоты, другого – для кавалерии. Их приказания исполняются довольно пунктуально, кто отказывается их исполнять, наказывается конфискацией своего оружия, также наказывается и тот, который после призыва не явится на сборный пункт.

Собрать значительные военные силы, как уже сказано, очень трудно, потому что не существует никакого правительства в стране и все зависит от доброго желания каждого; по этой причине обыкновенно только угрожаемая и захватываемая часть страны готова к сражению; остальные мало заботятся об исходе борьбы и тогда только выступают на поле сражения, когда им самим угрожает опасность; и когда они наконец решаются прийти на помощь своим братьям, то это из-за многих формальностей приводится в исполнение только с большой медлительностью.

Когда посланные уведомят о вторжении русских в их местность и передадут просьбу о помощи, то собираются старшины племен и совещаются, своевременно ли и необходимо ли дать требуемую помощь, сколько воинов должно быть послано. Смотря по величине опасности, назначают от 10 до 50 воинов из каждого юнэ-из. Если старейшины придут к решению оказать помощь их братьям и определяют число воинов, то последние обязаны немедленно выступить в поход. Воины собираются под начальством своего старшины и направляются группами, которые образуются из многих юнэ-из, лежащих по одной реке, на сборный пункт в угрожаемой местности. Зажиточные помогают бедным военным снаряжением: как каждый всадник, так и каждый пехотинец должен взять

продовольствие для себя на 20 дней. Если собирается большой отряд, то везут на лошадях котел и гонят немного скота для убоя. Так как адыг крайне умерен в еде и с редкой выносливостью переносит голод, то можно сказать с достоверностью, что продовольствия, которое он берет с собой на 20 дней, хватит русскому солдату едва на 5–6 дней.

На определенном сборном пункте располагается лагерь, где воинам разных местностей указываются их места. Когда большая часть ожидаемых воинов сошлась, то на большом месте собирается весь корпус и держится большой военный совет. Эти военные советы имеют много сходства со старыми польскими сеймами. В середине сидят широким кругом тамады, кадии и имамы, большей частью красивые старцы с серебряными белыми бородами; в центре их – выбранный вождь, обыкновенно мужчина средних лет. Ум, храбрость, много смелых и удачных воинских подвигов, всеобщее доверие, а также большое красноречие и громкий голос, дающий возможность перекричать всех и разбранить нерадивых, необходимы для достижения этого звания, которым, впрочем, он облечен, пока ополчение не разошлось, и которое доставляет ему много трудов, опасностей и ответственности, но, кроме большого уважения, не приносит никакой выгоды.

Вокруг совета старших стоят сплоченным кругом пешие воины, а сзади них – всадники. Старшины в кругу совещаются, а все слушают внимательно речи, которые произносятся. Обсуждают силы и намерения врага; из рядов позади выступают отдельные люди, которые наблюдали близко врага и возможно точно считали его отряды и орудия, хорошо узнали его расположение. Тамады берут один за другим слово; никогда не перебивают говорящего, каждый высказывает свое мнение о намерениях врага, о роде нападения или сопротивления. Собственные военные силы также подсчитываются, и с довольно большой точностью, так как каждый тамада знает, сколько пришло с ним человек; те юнэ-из, которые не поставили своего контингента, отмечаются, и к ним еще раз отправляются послы с настойчивым требованием; иногда им угрожают местью народа.

Военный совет решает, следует ли предпринять наступление на врага или занять оборонительную позицию, чтобы задержать его дальнейшее продвижение. Наступление может быть двоякого рода: или думают заставить врага развитием большой военной

силы, нападением на его посты и продовольственные транспорты и непрерывным беспокойством его оставить свои позиции и отступить; в этом случае военным отрядам предоставляется право действовать на свой риск, подвергать себя опасности или быть осторожными; или же решают во что бы то ни стало отбросить врага и непосредственно наступать на него. Это последнее решение бывает чрезвычайно редко, никогда не принимается легкомысленно, но после больших размышлений и таких основательных вычислений, что почти с достоверностью можно рассчитывать на удачу предприятия. Самый опытный европейский офицер с большим интересом присутствовал бы на таком абазском военном совете.

Когда старшины приняли решение, то в середину круга приводят оседланного коня. Один из тамад вскакивает на него, чтобы его могли лучше видеть и слышать, и передает воинам в длинной речи заключение совета, которое он мотивирует на все лады и старается сделать его приемлемым. Эти речи, которые толпа принимает с одобрением или протестом, часто произносятся с большим красноречием и благородным жаром. Если решение старшин встречает протест со стороны воинов, то выступают обыкновенно некоторые из них и говорят против принятого решения; показателем того, что народ не согласен, является также безмолвная холодность, с которой принимается речь. В таком случае решение откладывается, и на другой раз или в этот же день обсуждается в кругу старшин другое предложение. Если на речь тамады отвечает общий восторженный крик, который заглушает единичные протесты, то решение считается принятым и приступают к его выполнению.

Если предполагается серьезное нападение на неприятеля и принято решение во что бы то ни стало ворваться в крепость или лагерь и с обнаженным оружием идти на врага, то военный совет не полагается исключительно на общую храбрость, но еще приносится самая священная и значительная присяга Цава-карар (военная или боевая клятва). Церемония присяги такова: старший тамада, в последнее время магометанский имам, вскакивает в середине круга на лошадь и произносит краткую молитву, в которой просит благословения бога на успех предприятия. Все собрание заканчивает молитву продолжительным «аминь»⁶. После этого тамады становятся по двое от каждого племени в ряд и

вызывают воинов исполнить Цава-кара; эти приближаются по порядку к старшинам, и каждый ударяет по рукам, что означает, что священное обещание ни в каком случае нельзя взять назад. По окончании этой важной церемонии, которая происходит чрезвычайно редко, так как военный совет только в отчаянных случаях прибегает к этому средству, совет старшин распускается и вступает в силу командование избранного вождя.

Этот последний выбирает себе столько помощников, сколько он признает необходимым, причем он все время стремится, чтобы между ними были представлены все племена, при этом он обращает меньше внимания на возраст, чем на военные способности, хитрость и храбрость своих помощников. Последние не должны удаляться от него и обязаны приводить в исполнение его приказания.

Приготовления к приступу крепости или к нападению на русский лагерь производятся ночью. Пехота разделяется на много отрядов, и каждому дается предводитель. Всадники оставляют своих лошадей под надзором мальчиков, большое количество которых всегда прибывает на поле сражения со своими отцами и старшими братьями. Многие мальчики даже принимают участие в сражении и приучаются таким образом с ранних лет к военному делу. Лошадей помещают в тылу корпуса на безопасном пастбище или в нескольких дворах; только небольшая часть всадников образует патрули и следует за корпусом как для того, чтобы при возможном отступлении прикрыть его, так и для того, чтобы увозить мертвых и раненых. В равнинах, где есть удобные для езды дороги, для перевозки раненых собираются из ближайших дворов повозки, запряженные волами.

После полуночи весь корпус приходит в движение. Авангард образуют небольшие отряды пехоты, которые ведут хитрейшие и наиболее знающие страну люди. Между авангардом и главными силами находятся небольшие посты, которые поддерживают связь. Фланги охраняются многочисленными патрулями. Ничто не может сравниться с осторожностью и тишиной, с которой движется такой корпус, состоящий часто из многих тысяч человек. Их легкая походка и легкая обувь, темная одежда, оружие в чехлах – все благоприятствует ночному походу. Когда они приблизились к врагу, от авангарда отделяются несколько лиц и ползком, на четвереньках стараются подкрасться к крепости или окруженному окопами

лагерю, вывести расположение ночного поста и подслушать, не заметно ли у врага какого-нибудь необычного движения. Различные сигналы бывают заранее условлены между ними и предводителем войска. Крику совы, диких уток или гуся, завыванию волка, лисы или шакала они подражают мастерски, и это служит предводителю, смотря по условию, хорошим или плохим знаком.

Если русские узнали уже об экспедиции и приняли меры или стража заметила что-нибудь подозрительное и дала тревогу, то русские орудия стреляют часто часами во все стороны, бросают ракеты и светящиеся ядра, крепость или лагерь защищается часто целую ночь против мнимого врага. Когда адыги видят, что враг бодрствует и имеется мало надежды на удачное нападение, то к крепости или лагерю приближаются только отдельные смельчаки, которые стреляют из ружей в часовых или куда-либо наугад и быстро убегают назад. Стоящие же вне сферы действия огня войска поднимают громкий боевой клич, стоят еще некоторое время и потом возвращаются в свой лагерь. Русские поддерживают между тем с валов непрерывный пушечный и ружейный огонь и прекращают его только тогда, когда наступает день и обнаруживается отсутствие врага.

На другой день адыги держат опять военный совет, и теперь все зависит от обстоятельств и от таланта вождя. Хотя враг и окружен абазской стражей, но случается чрезвычайно редко, чтобы русские не были осведомлены о собрании и решении горцев, потому что всегда находятся изменники даже среди самой стражи, а шпионы служат обыкновенно обеим сторонам. Собственно говоря, настоящей военной организации нет, все военные планы, как мы видели, обсуждаются открыто, и каждый знает, что должно произойти. Предводитель должен почти всех поставить в известность о своих намерениях и дать исчерпывающие ответы на все вопросы, если он хочет, чтобы ему повиновались. Такое положение вещей необычайно облегчает русским ведение войны.

При нападении на форт Чепсин на берегу Черного моря в 1842 году горцы употребили очень хорошо удавшуюся хитрость. Крепость была только недавно построена и занята двумя батальонами пехоты, одним небольшим отрядом казаков и тридцатью орудиями. Валы и рвы были готовы; в последние была проведена небольшая река Чепсин. Часть строений была уже возвращена, а половина войска жила под кровлей, другие же – в палатках. Кре-

пость была расположена в узкой горной долине; на расстоянии половины пушечного выстрела от нее поднимались уже высокие горы, поросшие лесом. Войска прилежно работали над окончанием укрепления и возведением необходимых строений и совершали экспедиции в ближайшие леса для рубки дров, а также чтобы держать в почтении абазов. Каждая такая экспедиция стоит обыкновенно много убитых и раненых без того, чтобы можно было даже увидеть врага. Местность казалась вымершей. Но горцы караулили и совещались. На расстоянии двух часов от русской крепости, прикрытой горами и густым лесом, собралось до 10 000 воинов. Они требовали принесения ужасной клятвы Цава-кара, что и было исполнено. Приведение в порядок войска продолжалось две недели.

Между тем русский гарнизон получил сведения о сборе и о намерениях враждебных воюющих народов. Но комендант, видевший, что при каждой экспедиции, предпринимавшейся в окрестностях, абазы отступают, и уже несколько раз получавший подобные известия, которые позднее оказывались ложными, принял это сообщение довольно равнодушно. Однако он был настороже.

Я заставил адыга, который был одним из вождей во время штурма, рассказать мне о нем и повторяю его рассказ почти дословно, за пропуском малоинтересного. Его зовут Юсуф Таузо-ок из племени Вайя, и в настоящее время он живет на реке Негепсук в Шапсугии.

«Мы выступили, – сказал он, – от Кубата ⁷ после захода солнца. Оба брата, Цаци Али и Магомет, были выбраны военным советом предводителями. Они честные, ловкие и храбрые люди, и, хотя принадлежали к уоркам, народ имел к ним доверие. Все лошади остались под надзором нескольких очень старых тамад и мальчиков. Переходя с горы на гору через кустарники, мы употребили из-за большого количества людей пять часов, чтобы пройти путь, который обыкновенно проходят в два часа. Несколько сот самых храбрых молодцов под предводительством Цако из племени Шалте были в авангарде и выслали небольшое число воинов, чтобы осмотреть вблизи крепость. Ночь благоприятствовала нам, потому что, хотя луна и ярко светила, после полуночи спустился такой густой туман, что едва можно было видеть на несколько шагов перед собой. Мы собрались все в полной тишине за маленькой рощей, приблизительно в четверти часа от врага; лазутчики

нашего передового отряда давали знаки, что в крепости, кроме стражи, все, кажется, спят.

Мы приготовились теперь к наступлению во имя божие, каждый прочитал еще по-своему короткую молитву, затем каждый военачальник взял назначенную ему группу, которая во что бы то ни стало должна была следовать за ним, потому что мы принесли присягу Цава-кара и каждый знал, что это значит – победить или умереть. Нам стало уже трудно добывать себе пропитание из-за постройки многих крепостей вдоль берега Черного моря; купцы из Турции почти не приезжали к нам больше; мы не имели соли, серы и полотна, наши женщины и девушки ходили полунагими.

Мы разделились на восемь групп, из которых две должны были приближаться к крепости с юга, одна – с востока и две – с севера. Три группы должны были следовать за ними сзади и помогать тем, которые окажутся в самом тяжелом положении. Со мной было более тысячи прекрасных молодцов; я уже раньше учил их не рассчитывать на ружье, но, выстрелив только один раз, быстро всунуть его в чехол и положить всецело на пистолет и саблю и последней рубить вокруг себя.

Мы только что двинулись, все шло тихо, как вдруг сзади нас на горе раздался выстрел и на этот сигнал блеснули все пушки крепости сразу. Один или несколько изменников известили русских о нашем намерении, и этот выстрел был условным знаком, уведомлявшим о нашем прибытии. Неприятель поддерживал такой ужасный орудийный и ружейный огонь во все стороны, что было ясно, что он принял все меры к нашему приему, о приступе в настоящий момент нечего было и думать. Было еще хорошо, что наши отряды не подошли на расстояние выстрела, иначе мы имели бы много несчастья. Из авангарда многие были ранены, было невозможно удержать гнев некоторых наших людей.

Многие бросались на крепость, но возвращались с окровавленными головами или нагруженные трупами своих братьев. Другие укоряли нас, старшин, и особенно двух наших предводителей, в измене и хотели нас изрубить в куски; оба Цаци-ока особенно были в опасности, так как они, как уорки, возбуждали более недоверия; другие бросались осматривать горы и леса, чтобы отыскать изменника, который дал сигнал. Семь человек, о которых знали, что они часто ходили к русским, были убиты в этом смя-

тении; их не было жаль, но были ли они в этом случае виновны, никто не знает.

Начинало рассветать, неприятель стал стрелять тише; мы имели 32 убитых и много раненых, не навредив врагу даже незначительно, и печально возвращались на Кубат. Там совещались целый день, шумели и ссорились. В предводителей два раза выстрелили из круга, свыше 1000 воинов ни о чем не хотели больше слушать и ушли домой.

Однако, благодаря красноречию вождей и тамад и стараниям родственников павших, на обязанности которых лежало отомстить за кровь, удалось склонить народ не расходиться. Большинство было только шесть или восемь дней вместе, каждый имел, когда он выступал, продовольствия на 20 дней, близлежащие юнэ-из подарили для лагеря еще штук 60 рогатого скота; мы могли, таким образом, выдержать еще некоторое время. Предводители сказали на военном совете, что необходимо еще три ночи беспокоить врага, чтобы затем попробовать штурм. Если же нападение не удастся, то не останется ничего другого, как с большим числом собравшихся воинов, вместо крепости Чепсин, которая была настороже, обратиться против крепости, лежащей в 10 часах южнее на реке Ту, где нас не ожидали. После многих возражений воины согласились на это предложение; мы отправились снова против крепости.

Три ночи, одна за другой, старались мы приблизиться незаметно к неприятелю, но он был постоянно наготове и под ружьем, стрелял все ночи напролет; и хотя мы были осторожны и не теряли бесполезно людей, увидели, что не можем выполнить свое намерение. Наши люди были очень недовольны, бранили нас, роптали и угрожали; мы сами не знали, что будет с нами, и начали подозревать, что оба уорка издеваются над нами и играют на руку врагу. Так мы, отказавшись от наступления, в плохом настроении вернулись на Кубат. Опять собрались тамады, и военный совет решил на другой день идти против Ту; кто желал идти туда, тот должен был находиться на другой день в обеденное время в военном кругу; кто этого не желает, может не кричать и не браниться, но должен еще сегодня отправиться домой. Более 2000 человек еще до вечера оставили лагерь.

На другой день, в обед, мы собрались и после молитвы тамады заняли свои места, воины образовали круг и начали совещание

о походе. Цаци-ок Магомет сидел молча в кругу; когда же захотели выслушать и его мнение, он потребовал, чтобы привели его лошадь, вскочил на нее и начал говорить. Мы едва могли поверить своим ушам, когда он заговорил. Он сказал, что даже и не думает идти против Ту, прежде чем не будет взят Чепсин, что священный карар обязывает нас взять приступом эту крепость, что наши жены не пустят нас в юнэ, если мы возвратимся с пустыми руками и клятвопреступниками; что если до сих пор нам не удавалось нападение, то причина этого кроется в том, что русские хорошо осведомлены о каждом нашем движении и были к нему подготовлены; что теперь, когда малодушные люди и, как он думает, шпионы ушли домой, мы остались слабее в количестве, но много сильнее духом и все еще в четыре раза сильнее русских. Без всякого сомнения, шпионы осведомили врагов, что мы идем по направлению к Ту. Русские, которые в течение восьми дней непрерывно были на ногах, должны быть очень утомлены, и так как они нас больше не ожидают, без сомнения, будут теперь отдыхать; мы можем, таким образом, быть уверены, что наше внезапное нападение ночью удастся; если мы сегодня не возьмем крепость, когда она не вполне готова, то тем более это не удастся нам через три месяца; тогда конец нашему спокойствию. Раньше редко приезжали купцы, чтобы привезти нам товары, с тех пор же, как враг построился на этом месте, больше уже не приезжает никто, и скоро соль будет в стране так же редка, как деньги. Он, Цаци-ок Магомет, и его фамилия твердо решили рискнуть на нападение, хотя бы даже никто не остался в живых из его фамилии; и если адыги так глубоко пали, что не почитают более священный Цава-карар, то он один со своими его выполнит.

Он говорил долго, с большой мудростью и красноречием; но вначале, однако, поднялся сильный шум и большинство было против его предложения.

Я горжусь, что я был одним из первых, которые перешли на его сторону; затем его поддержали те, которые должны были отомстить за смерть своих родственников; потом число его сторонников становилось все больше и больше, напоследок его предложение было принято со всеобщим восторгом, Цава-карар возобновлен и дана была клятва взять неприятельскую крепость или умереть.

Мы выбрали сейчас же лучших и надежнейших людей и окружили лагерь стражей; кто желал войти в лагерь, был впущен, на-

зад же никто не выпускался, чтобы не могли дать неприятелю никаких сведений. Один уорк, Магомет Али из Темиргоя, который со своими рабами хотел незаметно прокрасться из лагеря, был застрелен стражей. Вечером мы двинулись в том же порядке, как и первый раз, только не послали вперед лазутчиков и отряды отчасти потому, что думали, что враг нас не ожидает, отчасти потому, что на этот раз твердо решили взять крепость штурмом. На расстоянии получаса ходьбы до крепости наши люди, которые шли впереди, увидели человека, шедшего навстречу. Он хотел бежать, но был настигнут, пойман и приведен к вождю. Раб одного уорка из Пшада, он сказал, что ищет своего господина, который был у нас, но два дня назад удалился. Это было очень неправдоподобно. Мы обыскали его и нашли 10 серебряных рублей; тогда начали его сильно бить, пока он не сказал, что был действительно у русских и известил их о нашем выступлении на Ту, но русские это уже знали; его не впустили в крепость, но говорили с ним перед воротами; он не знает поэтому, что происходит внутри. Сколько его ни били, он не мог ничего больше показать. Его связали и передали страже до дальнейшего суда.

Этот случай задержал нас более чем на полчаса. Приблизительно за два часа до рассвета мы построились; это было на расстоянии четверти часа от крепости; мы были скрыты кустарником и холмом; ярко светила луна, можно было далеко видеть. Предводитель спросил, подражая крику шакала, все ли в порядке и готовы ли мы; каждый из нас, который вел один из восьми отрядов, отозвался на крик. Через четверть часа, когда все стояли уже готовые к тому, чтобы ринуться вперед, прозвучал со стороны предводителя крик совы – условный знак к движению вперед. 8000 человек моментально двинулись.

В полнейшей тишине, быстрыми шагами, но не бегом, с оружием наготове двигаясь к крепости, я со своей группой сделал, может быть, половину дороги, когда раздался оружейный выстрел караула на валу, а потом прозвучало несколько выстрелов, забил барабан и сейчас же после этого загревели один за другим пушечные выстрелы. Теперь бросились бегом, как только было возможно быстрее с громким криком к валу. Пушечные ядра и ружейные пули стреляли маленькими ядрами и так часто, как будто на стену бросают горох ⁸. Но мы были уже слишком близко, чтобы бежать обратно; в одно мгновение были мы во рву и на

валу. Большинство бросило свои ружья и кидалось только с шашкой в руках на русских. Внутри начался страшный бой. Русские защищались хорошо, тех, которые были в палатках, однако, скоро изрубили, но и многие из наших воинов были убиты. Я потерял свой левый глаз и был ранен в колено, но мог, однако, сражаться до конца.

Труднее всего нам было у казарм, куда спаслось большинство русских; они имели там пушки и стреляли в нас из всех отверстий. С поджогом шло плохо, огонь не загорался, и много наших людей падало. Но никто не думал о том, чтобы бежать, мы взломали ворота кирками и мотыгами, которые нашли в палатках; к окнам и крыше подставили лестницы; кто падал – погибал сейчас же, другие немедленно занимали его место; стар и млад – как бешеные. Если раньше сражались яростно, то это было ничто в сравнении с тем, что происходило в коридорах и комнатах казармы. Там не было выстрелов, слышались только крики и удары; русские отчаянно защищались ружьями, мотыгами, ножами, кулаками и зубами; мы хотели только крови за кровь многих наших людей, которые пали в этот день. Был уже светлый день, когда крепость оказалась в наших руках. Едва 40 русских осталось в живых и большинство из них были ранены. Но также и мы потеряли много людей – около 1500 человек; всех лошадей, которых мы оставили на Кубате, едва хватило, чтобы перевезти убитых и раненых домой».

На этом закончился рассказ старого абаза. Валы и рвы Чепсина все еще существуют. Адыг гордо указал на разрушенную крепость. Я нашел там еще семь тяжелых железных пушечных стволов, которые жители не могли увезти.

Такие нападения редки, потому что они стоят слишком много крови и редко приносят хорошие результаты. Однако адыг не отступает и перед этим, когда он доведен до крайности, и хотя он избегает открытой битвы и неохотно встречается с русскими в открытом поле, где выгода обыкновенно не на его стороне, но в случае, когда народ принял решение сражаться не на жизнь, а на смерть, он идет на врага с решительностью и храбростью старого солдата.

Если русские пробуют продвинуться дальше в глубь страны, как было уже упомянуто, разрушаются все дороги и тропинки, и когда одна часть воинов препятствует продвижению неприятеля вперед, другая угрожает его флангам и тылу.

Русские, которые знают способ ведения войны своих врагов, остаются обыкновенно спокойными в своем лагере, пока не получают известие через шпионов о том, что горцы разошлись. Собрание воинов продолжается не дольше, чем хватит принесенного с собой продовольствия. В это время составляются сотни проектов, пробуются маленькие нападения и совет старшин проводит много времени в разбирательстве дел. Если нападение на неприятельскую позицию признается невозможным, то решают предоставить судьбе угрожаемую местность. В таком случае жители, находящиеся близко от лагеря или крепости, уходят в глубь страны; однако редко дальше, чем на один, самое большее – два часа пути. Дворы, лежащие близко к неприятелю, оставляются стариками, женщинами и детьми; способные же к войне мужчины защищают двор до тех пор, пока не проникнут в него русские. Земля всегда, насколько возможно, обрабатывается, и русские видят, как адыги на расстоянии двух пушечных выстрелов от крепости косят сено; на расстоянии пол часа – сеют и жнут. Конечно, против сеятелей и жнецов непрерывно предпринимаются экспедиции; но так как гарнизоны в крепости обыкновенно бывают слабы и, кроме того, они также не знают наверное, не находится ли сзади работающих в поле большое число абазов в засаде, то такие нападения с небольшими отрядами очень опасны и должны предприниматься с большой осторожностью. Даже в благоприятных случаях потери часто бывают больше, чем достигнутые результаты, ибо за четверик зернового хлеба или два воза сена, которые они уничтожат у абазов, русские теряют всегда нескольких людей.

Часто случается, что часть населения местности, в которой русские построили крепости, для виду подчинятся им и дадут клятву ничего не предпринимать против русских. Но и сами жители ставят условие, чтобы их не беспокоили при полевых работах и на пастбищах, а особенно же они противятся тому, чтобы русские войска вступили на их территорию. Вообще же на такое перемирие не надеются, обе стороны держатся настороже, и каждая пользуется первой возможностью, чтобы повредить другой. «Я мирный⁹, но мое оружие не мирное», – говорит со смехом абаз. Настоящее покорение невозможно и потому, что нет ни какой-либо власти, ни начальника. Тех, которые живут в безопасных горах, куда еще враг никогда не вступал, мало беспокоят жалобы

жителей равнин, которые одни подвергаются нападениям врага, и они не хотят слушать ни о каком подчинении.

На большом народном совете один из старейших тамад сказал жителям Натухая, которые жаловались, что они больше не могут оказывать сопротивление русской мощи и что они должны поэтому покориться и подчиниться врагу: «Делайте что хотите, но если хотя бы десять человек из вашей местности пойдут к русским против нас, если вы свое оружие сложите или если в благоприятный момент вы не будете тотчас готовы действовать с нами заодно, то мы вас убьем, ваших жен и детей сделаем рабами, имущество ваше разграбим и ваши дворы сожжем. Обманывайте русских как можете; никакой карар вас не может связать; но если вы желаете им служить, то оставьте нашу землю и идите в их страну; если вы не хотите этого и не можете выдержать, то идите в наши горы; места здесь есть для всех нас, лесу достаточно, чтобы построить дома, и полей довольно для обработки; нам будет немного тесно и не так удобно, как в ваших богатых равнинах, но зато мы будем свободны от чужеземного рабства, потому что никогда пшители русского царя не покорят нас здесь».

Так как весь народ разделен на племена и фамилии, то каждый беглец находит у своих родственников кров и помощь.

Когда одна из трех адыгских народностей желает получить от другой военную помощь, то посылаются от большого совета военные послы к тамадам соседней народности, и там же на народном собрании решают, нужно ли отвечать на просьбу и как именно. Если помощь предоставляется, то войска собираются в установленном количестве на границе и идут под начальством старшин и избранного предводителя на общий сборный пункт. Там выбранные военные вожди и тамады трех народностей держат сообща военный совет.

Большие собрания всех народностей Адыгеи происходят также тогда, когда вся страна хочет сговориться относительно какого-нибудь важного случая или когда между народностями возникает ссора. При большой национальной ссоре, которая грозит окончиться междоусобной войной, или в исключительно важных случаях собираются только две группы представителей, а именно: из северных адыге – из племен шапсугов и абадзехов и из южных, т.е. из племени убыхов, жителей княжества Абазии, сванет и осетин.

Такие собрания чрезвычайно редки, и их постановление в отношении какого-либо случая является законом для всех абазов, как для тех, которые находятся в войне с русскими – северных, так и для тех, которые живут в некотором роде перемирия, как южные абазы.

Примечания

¹ Приблизительно 130–135 талеров.

² Адмирал Серебряков – по рождению кавказский армянин, который раньше служил у турок в Анапе переводчиком. После передачи Анапы русским он поступил на службу к последним, где знакомство с абазами и знание страны сделали ему блестящую карьеру. Он стал адмиралом, не служив никогда на море.

³ Суджук уже перед последней Восточной войной вырос в город, в котором было несколько красивых улиц и много хороших строений. Штатское население было уже значительно и с каждым днем увеличивалось.

⁴ Я различаю всегда черкесов, на которых в Абазии смотрят как на непрощенных гостей, и абазов и адыгов, которые являются владельцами страны и образуют основную массу населения.

⁵ Цава-цауч, в отличие от мирных совещаний народа, называемых чилле-цауч.

⁶ По-арабски – «да будет так». У магометан значит то же, что у христиан «аминь».

⁷ Маленький ручей недалеко от Чепсина.

⁸ Рассказчик имел в виду картечь.

⁹ Мирными называют покоренных, подданных или только не действующих активно горцев.

Глава восьмая

Малая война. – Экспедиция абреков на русскую территорию. – Охрана границ. – Пример экспедиции, потерпевшей несчастье. – Вторжение в Мингрелию. – Ведение войны русскими. – Положение русских солдат на Кавказе.

Кроме больших сражений, в которых принимает участие или вся страна адыгов, или часть ее, значительную роль играют еще небольшие стычки, которые продолжаются непрерывно. Можно с полной уверенностью утверждать, что в течение года не про-

ходит часа, в который враждующие стороны не обменялись бы десятью ружейными выстрелами, и ни одного дня, в котором не раздалось бы с русской стороны десяти пушечных выстрелов. Такой день и такой час можно назвать всеобщим миром.

Русские крепости, которые уже построены на территории адыгов, беспрерывно окружаются группами абреков; страсть к добыче и желание взять пленных, которых потом можно выгодно продать, кровная месть (потому что абаз считает себя обесчещенным, если он не отомстит русскому за смерть родственника, и не имеет до этого ни отдыха, ни покоя), а также любовь к приключениям и рыцарским подвигам соединяют вместе всегда большее или меньшее количество добровольцев. Имеется также много бродяг, которые не любят работать и получают главную наживу от таких экспедиций. Эти последние – очень докучливые враги русских, хотя патриотизм у них играет, так сказать, второстепенную роль. Они образуют свое общество в стране, имеют свои сборные места и своих предводителей, знают каждый шаг врага и собираются по требованию своего вождя или своих товарищей. Они лежат часто днями в засаде, перенося с удивительным терпением и выносливостью голод, холод и скуку. В лесу, сидя на деревьях, скрытые густой листвой, в камышах, стоя часто часами по горло в воде, они бросаются как коршуны, как только показывается вблизи слабый транспорт, и прежде чем подоспеет из крепости помощь, они исчезают.

Вся линия правого берега Кубани защищена многочисленными крепостями, между которыми стоят еще небольшие казачьи посты и беспрерывные патрули для охраны пограничной реки и поддержания связи. Каждый пост помещается в крепком деревянном блокгаузе, состоит из одного небольшого отряда пехоты от 25 до 100 человек и одного казачьего пикета от 10 до 25 всадников. Многие из этих блокгаузов имеют еще и оружие. На каждом доме устроен высокий деревянный помост, с которого часовой может смотреть далеко в степь. Кроме того, там находятся несколько сигнальных шестов, покрытых смолой. Русская сторона заселена только на расстоянии 5–6 часов пути за этой линией.

Абреки стараются захватить патрули, напасть на стражу или обмануть бдительность последней и прокрасться через линию, чтобы сделать нападение на населенную местность. Такой набег имеет много трудностей, потому что сначала нужно перейти реку,

потом – военную линию, пройти довольно длинное расстояние, которое тянется до населенного места, неожиданно напасть на русских поселенцев и потом с добычей или пленными совершить тот же самый путь обратно. Таким образом, выполнение таких нападений очень различно в зависимости от того, когда они происходят – летом или зимой, когда Кубань обыкновенно замерзает и бдительность и число пограничных постов удваивается. Летом такие нападения могут производиться и производятся, особенно же абреками из Шапсугии, только с большим риском, вследствие ширины и глубины реки Кубани. Обыкновенно собираются лишь 10–15, никогда не больше 20 дерзких и решительных молодцов. Они запасаются на некоторое время продовольствием, размер которого зависит от того, как долго они полагают быть в экспедиции, и на бурдюках, сделанных из козьих шкур, плывут на другой берег. Такие бурдюки легко поддерживают человека на поверхности воды и облегчают плавание даже лошади.

На другом берегу они осторожно двигаются в высоком камыше, который часто в плоской местности тянется часами. Если же им попадается в руки патруль, то они довольствуются тем, что уводят лошадей и всадников на другой берег; если они узнают от пленных, что вблизи находится слабо защищенный пост и чувствуют себя достаточно сильными, то пробуют произвести нападение, но быстро спасаются на другой берег, как только поднимается тревога, так как в таком случае враг скоро получает подкрепление.

Если экспедиция предпринимается в глубь страны, то абреки стараются ночью перейти Кубань и, крадучись в камышах, в высокой траве и кукурузных полях, приблизиться к какому-нибудь хутору ¹, чтобы еще до полуночи совершить нападение и потом иметь еще часть ночи для обратного пути. Такие далекие экспедиции очень опасны, потому что патрули осматривают каждое утро очень внимательно все следы, а когда они подозревают, что прокрались абазы, то быстро идут по следам; если они убеждаются в присутствии банды на правом берегу, то моментально дается тревожный сигнал, и через четверть часа гремят вдоль границы пушечные выстрелы и зажженные сигнальные шесты пылают в небе. Из станиц скачут казачьи отряды и обыскивают местности во всех направлениях; пограничный кордон усиливается, число патрулей увеличивается, чтобы отрезать отступление аба-

зам. Когда последние видят, что они обнаружены, ищут защиты в камышах или кукурузных полях, что им, впрочем, редко удается, потому что казаки внимательно осматривают все следы и безостановочно преследуют их. Когда они наконец открыты, то стараются добраться до какого-нибудь дома, если такой случайно имеется вблизи, и сражаются там на жизнь или смерть. Чрезвычайно редко случается, чтобы такая группа абреков сдалась без сопротивления; они защищаются обыкновенно до последнего и в этот последний момент думают только о том, чтобы продать дороже свою жизнь и насколько возможно больше убить русских. Часто поджигают дом, в котором они скрылись, чтобы вынудить их к выходу.

В 1857 году погибла таким образом, за исключением одного, целая группа, принадлежавшая к одной фамилии. Старик Пишуки-Бор-ок из племени Вайа с реки Убин в Шапсугии в своей жизни более сотни раз переходил кордон, нанося свои страшные визиты стране черноморских казаков, и всегда отделялся более или менее счастливо. Он жил уже много лет спокойно в своем юнэ, когда ему году на 70-м вздумалось опять жениться. Но случилось так, что он, переплативший так много денег за жен своих сыновей и внуков, не был в состоянии за свою собственную невесту внести плату, которая, имея в виду его возраст, была довольно высока. Опечаленный, он собрал однажды своих сыновей и взрослых внуков на семейный совет и предложил им предпринять под его предводительством набег в Черноморье. Он знал один хутор, приблизительно на расстоянии пяти часов от Кубани, который лет 20 назад был им разграблен и сожжен. Он узнал, что на этом месте построен теперь другой прекрасный хутор, в котором живет сотник ² со своим семейством.

Опытность старого отца была порукой молодым людям в почти верной удаче. Весело было приведено в порядок оружие, приготовлено продовольствие, и в тот же день после обеда вся группа отправилась в путь на Кубань. Она состояла из старика, который бодро, как молодой, шел впереди, шести его сыновей, четырех внуков и двух дальних родственников – в целом из 13 человек. Подойдя к пограничной реке, они после наступления вечера перебрались на другой берег и пошли дальше вперед. Все шло благополучно, банда не встретила никаких патрулей; старик, который знал каждую тропинку, шел в течение часа непрерывно

вперед, часто по колено в воде, через камыши; все следовали за ним и не оставляли никаких следов. Еще час шли они в камышах, потом вступили на кукурузные поля и двигались так быстро, что еще задолго до наступления дня подошли близко к назначенному хутору. Здесь они остановились для отдыха и решили спокойно переждать день, а потом через два часа после наступления темноты, как только не видно будет никакого движения на хуторе, напасть на него.

Медленно тянулся жаркий летний день, особенно потому, что все должны были лежать в полной тишине. Старик выполз один раз немного вперед, чтобы осмотреть поближе хутор и поискать воды, но, услышав человеческие голоса и лай собак, поспешно вернулся обратно. Когда стало совершенно темно, по знаку старика поднялась вся банда и, быстро осмотрев свое оружие, скорым шагом двинулась в путь. Подойдя к внешнему забору хутора, разбойники, к их ужасу, увидели, что все окна освещены, много народу входит и выходит, слышатся звуки веселой музыки. Как ни охотно обычно абазы слушают музыку, но теперь она произвела на них отвратительное впечатление. Под высоким забором, согнувшись, они совещались, как поступить; некоторые хотели напасть наудачу, но старик решил, что нужно тихо возвращаться обратно под прежнее прикрытие и ожидать следующей ночи.

Плохой обычай много разговаривать оказался для них роковым. Одна из дворовых собак почуяла чужих и начала громко лаять, к ней подоспели другие, и, наконец, целая стая собак напала на грабителей. Несчастье никогда не приходит одно: нужно было еще, чтобы из ворот хутора выехал верховой казак, который, думая, что собаки напали на дикую свинью или другого хищного зверя, подскочил на бешеный лай и вдруг, пораженный, оказался среди группы абазов. Один из молодых разбойников необдуманно выстрелил в него; казак с ужасным криком упал с лошади, и абазы, преследуемые собаками, наконец обратились в бегство.

Причина большого движения на хуторе была сходна с той, которая послужила поводом для старого Пшикуи к его последней экспедиции. Сын сотника привез свою невесту в отцовский дом, и праздновалась их свадьба. Более сотни казачьих офицеров, их семейства и прислуга собрались на хуторе. Когда раздался неистовый собачий лай, выстрел и громкий болезненный крик, со двора выскочило много людей и около забора нашли казака, пла-

вающего в своей крови. Он был тяжело ранен; но рассказал, что вблизи хутора находится большая банда черкесов.

После этого страшного известия русские забаррикадировали, насколько было возможно наспех, двор и послали четырех казаков с требованием помощи в ближайшую станицу. Через час уже гремели пушечные выстрелы из станицы, горели тревожные сигналы, и скоро по всей местности и вдоль кордонной линии были видны и слышны сигналы об опасности. Через два часа на хутор прискакали во весь опор несколько сот казаков.

Между тем абазы, которые искали защиты в кукурузных полях, опять долго совещались, что делать дальше. Бежать через границу, находящуюся на расстоянии пяти часов, было невыносимо: вероятно, тревога об их прибытии за реку дана на границу и стража усилена. Оставаться вблизи хутора не представлялось также возможным; тогда старик предложил в продолжение нескольких часов идти в глубь страны; бесконечные кукурузные поля представляли им некоторую защиту, продовольствие они еще имели, кроме того, кукуруза наполовину созрела, в случае надобности они могли ею утолить свой голод. В надежде, что враг их там не ожидает, но будет искать по направлению к Кубани, они двинулись в дорогу. Но казаки знают уже такие военные хитрости; в то время как одна часть действительно обыскивала поля по дороге к реке, другая с помощью собак обыскивала местность в противоположной стороне – в глубину страны. Абазы были открыты. «Обратно, к хутору!» – закричал старик. Разбойники подняли свой дикий пронзительный боевой крик, по которому невозможно понять, происходит ли он из горла 13 или 100 человек. Казаки, от которых численность врага была скрыта высокой кукурузой и темнотой, пораженные, отскочили назад, и вся банда бешеным бегом двинулась по направлению к хутору, который находился теперь на расстоянии более часа ходьбы. Под непрерывным ружейным огнем с обеих сторон продолжалась бешеная погоня через поля. Казаки не решались броситься на бегущих, только один из последних был легко ранен в руку. Приблизившись к хутору, абреки нашли ворота закрытыми и были встречены сильным ружейным огнем из-за забора, пули преследователей делали их положение еще более критическими: один из них пал, второй был тяжело ранен.

Когда старик скомандовал: «Назад, к хутору!» – и избрал это направление, то такое отчаянное отступление было единствен-

ным, что оставалось абазам. Старый грабитель молниеносно составил план; он был убежден, что все мужчины, способные носить оружие, обыскивают поля, а в хуторе остались только женщины и дети. Если бы иметь преимущество только в 100 шагов и успеть овладеть некоторыми из них и запереться в доме, думал он, то, имея их заложниками и угрожая их жизни, можно бы выговорить себе безопасное отступление.

Расчет был смелый, и все-таки он чуть-чуть не удался. Действительно, в первом пылу преследования почти все мужчины покинули хутор. И это было совершенной случайностью, что как раз в это время отряд в 50 казаков из отдаленной станицы проезжал мимо хутора. Слышны были уже ружейные выстрелы абазов и казаков, которые все более приближались к хутору. Казачий офицер остался с большей частью своего отряда для защиты испуганных женщин и детей и послал меньшую часть к месту сражения. Когда грабители стали приближаться и уже не было сомнений, что они хотят проникнуть в хутор, казаки завалили наскоро ворота и разместились за высоким забором, откуда встретили грабителей сильным огнем.

Положение абазов было отчаянным; последняя надежда рухнула; не оставалось поэтому ничего иного, как только возможно дороже продать свою жизнь. Снаружи ограды хутора, около 100 шагов от ворот, стоял одинокий сарай, который употреблялся для разных хозяйственных целей. Не теряя ни одного мгновения, преследуемые скрылись в сарае, втащив за собой трупы своих товарищей, и заперлись в нем. Начался непрерывный ружейный огонь между казаками и грабителями, которые быстро просверлили своими кама в тонкой глиняной стене отверстия для стрельбы.

Начало рассветать. Абазы имели одного убитого и троих раненых. Потери казаков неизвестны. Они разместились за заборами и крышами строений. Их выстрелы делались все реже. Абазы также берегли заряды, из которых они уже половину истратили, и стреляли только намеренно.

Вдруг им закричали на адыгском языке, чтобы они не стреляли, так как с ними хотят говорить. Они обещали не стрелять. Из ворот вышел казачий офицер с одним уорком, состоявшим на службе у русских, и начал говорить. Черкес переводил: «Если вы отдадите свое оружие и сдадитесь, то с вами ничего плохого не

случится и, хотя вы пришли в нашу страну как разбойники, вам будет оставлена жизнь. Вы видите, что вы не можете больше защищаться, и если вы, несмотря на это, будете сопротивляться, то мы подожжем крышу над вашими головами и всех вас перебьем».

Старый Пшикуи ответил твердым голосом: «Если мы пришли в вашу страну как грабители, то также правда, что вы грабителями приходите в нашу. Только вы приходите с большим войском и пушками, десять против одного, в то время как мы выходим один против ваших десяти. Чтобы мы отдали наше оружие и сделались вашими пленниками, как маленькие дети, этого, как вы знаете, быть не может; мы не можем опозорить на вечные времена нашу фамилию и наше племя; наше оружие берут только с наших трупов, но не тогда, когда мы живы. Мы знаем хорошо, что великий Тха нас отдал в ваши руки и что вы нас всех можете убить; вас более тысячи против нашей кучки, и я вижу, как все еще приходят новые воины. Но какая польза вам, если вы убьете нас? И из вас ведь, конечно, также умрут люди, и племя Вайа будет мстить за нашу смерть. Отпустите поэтому нас лучше с миром и поставьте ваши условия для выкупа. Я, правда, не богат, но мое племя мне поможет, и как заложника я оставляю вам моего младшего мальчика».

Эти двое ушли, но спустя немного пришли опять и переводчик сказал: «Напрасно, Бор-ок, ты защищаешься, русские не могут согласиться на твое желание. Ты слишком зло хозяйничал в Черноморье, старый волк, чтобы тебя теперь опять отпустить, когда тебя держат крепко. Будь благоразумен и сдайся, иначе ты будешь поджарен, как дикая свинья». Эта язвительная угроза едва вырвалась из уст переводчика, как пуля старика раздробила ему правое бедро. «Проклятие тебе, скверная собачонка, изменник, – закричал он, – язык которого оскорбил седую бороду твоего соотечественника. Я мог бы тебя убить, но ты не достоин смерти; живи, но теперь ты не сможешь зарабатывать эти гнусные деньги». Офицер поспешно убежал, черкес уполз на четвереньках так скоро, как он мог, стена и обливаясь кровью.

Вновь был открыт сильный огонь против сарая; адыги отвечали редкими, но хорошо направленными выстрелами, но так как град пуль сыпался на сарай и тонкая стена уже не вполне защищала запертых, то через час трое из банды были убиты и семеро ранены; между последними также и старый отец, который от

отчаяния рвал волосы из своей бороды, не столько огорченный своим близким концом, как гибелью своей фамилии, которую он сам привел. «Отец, – сказал неожиданно старший сын по имени Цекери, один из трех, которые еще не были ранены, – я вижу спасение». – «Говори», – сказал старик. «Отец, ты должен быть свободен, тогда мы все спасены. В таком состоянии, как мы находимся, мы не можем сдать, иначе мы будем покрыты позором, что мы, десять человек, имеющих в запасе около сотни выстрелов, позволили связать себе на спине руки; никто не захочет нас выкупить, потому что все будут думать, что мы покинули тебя и что мы, но не ты, захотели сдать оружие; старого Бор-ока знают, позор падет не на него, а на нас; но мы все можем остаться заложниками, только ты возвращайся; ты найдешь деньги для выкупа у племени и народа, адыгский народ знает старого Бор-ока; это не твоя вина – это несчастье; так хотел Тха». Старик задумчиво покачал головой. «Я не думаю, – сказал он, – чтобы русские меня выпустили, мне они особенно мстят, а теперь, когда я выстрелил в изменника, они не захотят больше с нами разговаривать». – «Я пойду к ним и буду говорить, я понимаю немного по-русски». – «Ты? Прежде чем ты произнесешь одно слово, они убьют тебя». – «Это может быть, но если я не пойду, то они все равно меня застрелят». – «Тогда иди, мой мальчик, и да поможет тебе великий Тха!»

Старик прекратил совсем стрельбу. С русской стороны продолжали беспрерывно стрелять, потом слабее, наконец, когда увидели, что абазы совсем не отвечают на огонь, стали падать только изредка тут и там пули. Тогда Цекери закричал по-русски через замочную скважину, чтобы кто-нибудь подошел, так как он хочет говорить. Ему ответили, чтобы он вышел сам, потому что им не верят. Цекери вышел из сарая с ружьем через плечо и подошел к забору хутора. Он просил, чтобы позволили уйти отцу с младшим сыном, чтобы он мог собрать деньги для выкупа; как только отец будет в безопасности на другом берегу Кубани, а сын возвратится и принесет им это известие, они все сдадут оружие; если же нет, то они все решили умереть.

Старый русский офицер, которому, как казалось, все другие повинуются, согласился с этим предложением. Цекери возвратился к сараю и вызвал отца. Этот и еще один из не раненых, вложили свои ружья в чехлы и подошли к воротам. Они были на расстоянии меньше, чем 20 шагов от ворот, как сверкнули около

30 выстрелов из-за забора двора. Оба упали, молодой вскочил и старался оттащить отца в сарай. Старик был мертв. Быстро и яростно, как дикие кошки, выскочили восемь остальных из сарая, забыв о своих ранах. Толпа казаков бросилась из ворот хутора. Началась неистовая борьба из-за трупа. Пять адыгов утащили старика в сарай, четыре остались мертвыми на месте. Несмотря на большое количество, русские, чтобы не жертвовать бесполезно людьми, ушли опять за здания и ограду хутора. Пули начали снова сыпаться градом на стены сарая. Адыги прикрывались внутри трупами своих братьев. Последние пять воинов были все ранены, один каждую минуту терял сознание, однако зарядил еще несколько раз свое ружье и выстрелил.

Наступило уже почти обеденное время. Около 40 часов не было ни капли воды на губах грабителей; сильная жажда была еще мучительнее от усталости и потери крови, но горячее желание отомстить за свою кровь смертью хотя бы нескольких врагов поддерживало их слабеющую энергию. Оставшиеся в живых подняли над трупом своего отца обычный в их стране траурный вопль, который русские слушали с удивлением и ужасом.

Огонь наконец со стороны русских совсем прекратился. Абазы не понимали, что это должно означать, как вдруг были оглушены двойным ужасным взрывом, от которого содрогнулась земля и почти опрокинулся сарай. Когда они пришли в себя, то половина стены сарая была взорвана и только Цекери и его младший сын, мальчик лет 17, были еще живы. Русские, чтобы окончить борьбу скорее и без дальнейших потерь с их стороны, доставили из ближайшей станицы два орудия и открыли пальбу по сараю. Цекери и его сын перебросились последним долгим взглядом; с пистолетом в левой и шашкой в правой руке бросились они с воплем в открытые ворота хутора, где стояли пушки. Град пуль встретил их. Цекери упал, едва сделав несколько шагов. Его сын умер у русских пушек. В теле Цекери еще теплилась жизнь. Стараниями русских врачей удалось почти вполне его вылечить. Его привезли в Екатеринодар, и при содействии абазы, находящегося на службе у русских, ему удалось бежать. Он принес известие о борьбе и смерти Бор-ока и его фамилии в горы, где народные барды воспевают героический конец старого льва; само собой понятно, что они благодаря этому случаю убили тысячи русских.

Я слышал всю эту историю сам, только более обстоятельно, из уст последнего оставшегося в живых, и она показалась мне довольно интересной, чтобы ее здесь привести; она дает также верное представление о разбойничьих вылазках, которые, впрочем, редко кончаются так трагически.

Зимой такие экспедиции легче, потому что переход замерзшей Кубани и отступление представляют меньше трудностей; но зато когда абреки выходят из камышей, не находят никакого прикрытия в голой плоской местности, потому что нигде в Черноморье не видно ни дерева, ни куста, кроме немногих фруктовых садов казаков. Кроме того, зимой бывает усилена стража вдоль границы и в станицах расквартирована линейная пехота. Набеги больших конных отрядов сделали бы скоро Черноморье необитаемым, но племена, которые живут на Малой Кубани и на Лабе, где переход через реку во всякое время года легок, от постоянных пограничных войн или весьма ослаблены, или совершенно уничтожены. Главная же причина, почему такие экспедиции из страны, где собрать 25 000 всадников очень легко, не совершаются в русские провинции, – это полное отсутствие военной организации и объединенных действий против врага. Как только соберется большая группа воинов, то всегда находятся изменники, которые за хорошие деньги извещают врага, и только чрезвычайно редко удается большой набег. Поэтому почти всегда адыги устраивают маленькие набеги.

В 1858 году отряд из 480 всадников из Абадзехии попал в засаду и был оттеснен русскими к Кубани к такому месту, где берег был вышиной почти в 30 футов. Около 100 человек и почти все лошади разбились о лед. Таким образом, между абреками установилось обыкновение, что только очень близкие друзья, которые, безусловно, доверяют друг другу, небольшими группами в 5, 10 и редко больше 20 человек отправляются на правый берег Кубани, чтобы попытаться там свое счастье.

Жители Убыхии делают также часто набеги против своих соседей и соплеменников – южных абазов под предлогом наказать их за дружбу с русскими, но в основном, чтобы захватить добычу. Впрочем, они не причиняют им большого вреда. Зато часто делают совместно с абазами или сванетами более серьезные нападения на Грузию и Мингрелию. Абазы и сванеты сваливают обыкновенно всю вину на воинов Убыхии, которые будто бы грабят

и их, и, чтобы не подвергнуться мести русских, они совершают даже мнимые экспедиции против Убыхии. Русские очень хорошо знают истинные обстоятельства дела, но предпочитают смотреть на это сквозь пальцы, чем вызвать опасное восстание этого племени.

Против независимого народа Адыге уже лет 30 со стороны русского правительства употреблялись все средства для их покорения. Достигнутые результаты сравнительно очень незначительны. Едва пятая часть равнин находится в настоящее время во власти русских, но обладание ими ежеминутно оспаривается. Кажущаяся покорность их в некоторых особенно угрожаемых местностях продолжается только очень короткое время, и жители пользуются каждым случаем, чтобы снова начать борьбу.

До Восточной войны русские думали, что они могут покорить страну при помощи системы отдельных крепостей. Около 50 малых и больших крепостей окружали страну с суши и моря и делали всякую связь с чужими краями чрезвычайно трудной, а иногда и невозможной. Войска, действовавшие против Адыгеи, состояли обыкновенно из трех бригад линейной пехоты Черного моря, корпуса черноморских казаков и одной дивизии линейной пехоты Кавказского корпуса. Таким образом, против абазов всегда было выдвинуто 60–70 тысяч человек. Эти военные силы часто, когда того требовали обстоятельства, еще усиливались. Эта часть Кавказской армии образует ее правое крыло и имела свою главную квартиру, так же как и теперь, в Ставрополе.

Система крепостей, недостаточная для покорения страны, была, однако, чрезвычайно тягостна для адыгов. Обыкновенно жители должны были покидать свои жилища в окружности вновь сооруженной крепости и уходить дальше в страну. Если местность гориста или сильно поросла лесом, то адыги могут еще держаться в своих юнэ на расстоянии полчасы ходьбы от крепости; напротив, в плоских и безлесных частях местность на расстоянии многих часов ходьбы необитаема и пустынна, как, например, на Малой Кубани. Хлеба и сенокосы убираются только с большим трудом, пастбища находятся всегда под угрозой, и коневодство и скотоводство адыгов от потери богатых лугов по Малой Кубани и по Лабé очень понизилось.

Чем энергичнее комендант крепости, тем тяжелее положение окружающих жителей. Совсем другое дело – иметь определенное

количество хороших солдат в безопасной, хорошо защищенной крепости, каждое мгновение готовых к походу, чем в глиняной сакле вечно ожидать нападения врага. Адыг не только солдат, он прежде всего земледelec. Бесперывные караулы, сражения, военные походы отлучают его часто от полевых работ и имеют вредное влияние на материальное существование его семейства. У русского солдата нет другого дела, как нести военную службу; адыг же одновременно и солдат, и крестьянин.

Как гарнизон крепости никогда не уверен в том, что не будет совершено нападение, так и близлежащие к крепости дворы всегда могут ждать наступления со стороны русских. Находятся, как уже часто упоминалось, негодяи и изменники, которые не советятся за хорошее вознаграждение давать коменданту сведения о расположении ближайшего юнэ и сами, переодетые в русскую форму, служат наступающими проводниками. Такие экспедиции предпринимаются русскими всегда ночью; они нападают на один или на несколько юнэ и потом быстро отступают к крепости. Если адыги подготовлены к такому нападению, то горе русским. Если колонна слаба, то можно сказать наверняка, что она больше не возвратится в крепость. Поэтому коменданты обыкновенно очень осторожны и не решаются легкомысленно на такие экспедиции.

Русские занимают обычно в апреле место, на котором должна быть сооружена крепость. Восемь – десять тысяч человек располагаются лагерем, который укрепляется рвами и валом, и работают в продолжение всего лета над постройкой крепости и разрежением близлежащих лесов и рощ, которые вырубаются и сжигаются, и над устройством широких дорог между этой и окружающими крепостями; при этом прежде всего обращают внимание на то, чтобы вблизи большого военного тракта, по меньшей мере на расстоянии ружейного выстрела, все деревья и кусты, которые могут служить врагу засадой, были срублены и сожжены. Со стороны адыгов постройка, из-за недостатка средств нападения, встречает очень мало препятствий. Они должны довольствоваться тем, что, насколько это возможно, затрудняют русским порубку своих лесов и доставку продовольствия и боевых припасов.

Осенью, когда крепость готова и внутренние постройки воздвигнуты, когда гарнизон привел в порядок боевые запасы и продовольственные магазины, когда поля и леса поредели, ли-

ствия с деревьев опали, неприятельский корпус предпринимает набеги на страну, чтобы очистить район крепости от живущих в нем адыгов. Ближайшие дворы и жатвы, которыми можно было завладеть, сжигаются. Адыги уже очень хорошо знают способ ведения войны русскими и всегда вовремя увозят все свое имущество в безопасное место. Если горцы собираются в большом количестве, то русские возвращаются в свой укрепленный лагерь. Когда они узнают от шпионов, что собрание разошлось, которое, как известно, не может продолжаться дольше 20 дней, потому что никто не может взять с собой продовольствия на более продолжительное время, то они снова выступают, чтобы выполнить свою задачу. Очень редко случается, чтобы неприятельский корпус всю зиму оставался в своем лагере. Это бывает только в том случае, когда крепость недостаточно готова, чтобы могла оказать самостоятельное сопротивление. Обыкновенно около половины ноября лагерь сносится и войска уходят через границу на зимние квартиры. Пехота батальонами или ротами размещается в станицах казаков.

Русское начальство часто пробовало, особенно в первое время Кавказской войны, устраивать большие экспедиции в глубь страны, но они не приносили ни малейшей пользы и стоили многих жертв. Летом такие экспедиции очень тяжелы; местность, особенно на равнинах, почти повсюду заросла густым лесом без тропинок и дорог, и чем дальше проникаешь в страну, тем затруднительнее становятся способы сообщения, тем гуще лес, тем выше горы, а что хуже всего – тем многочисленнее неприятель. Каждый юнэ-из, которому угрожает враг, как пчелиный улей, высылает всех своих воинов. Враг становится тем ожесточеннее, чем дальше проникает в страну; русские видят себя окруженными спереди, сзади, со всех сторон неприятелем, которого трудно видеть и никогда нельзя захватить, который постоянно отступает и беспрерывно снова наступает.

Зимой, когда леса реже, особенно при сильном сухом морозе, наступательные действия легче и русские поставлены против адыгов в более благоприятные условия. Последним зимой еще труднее собраться в большом количестве, к тому же они недостаточно защищены от холода, в то время как русские войска могут быть сконцентрированы в любом количестве, хорошо обуты и тепло одеты.

Нужно принять во внимание еще одно важное обстоятельство, которое заставляет русских генералов быть весьма осторожными при направлении экспедиции внутрь страны. Русские должны также мало доверять в Абазии погоде, как обещаниям и словам ее жителей. Если внезапно прекратится мороз, что случается очень часто, и наступает оттепель и дожди, то можно потерять всякую связь со своей базой и со своими частями. В равнинах дороги становятся совершенно непроходимыми, грязь делается так глубока, что артиллерия (страх абазов) не может двинуться ни вперед ни назад; самые маленькие ручьи вздуваются в быстрые реки; нигде нет ни города, ни деревни, ни дома, ни приюта, и адыг, который знает каждый брод, каждую тропу, использует при таких обстоятельствах беспомощность врага на все лады и хватает его немолимо и неумолимо за горло. Такая экспедиция, особенно если она сильно отдалится от своей базы и продовольствие, которое солдат несет с собой, все выйдет (так как брать с собой продовольственный транспорт – значит затруднить еще более движение корпуса или сделать его даже иногда совсем невозможным), может поставить на карту само существование всего армейского корпуса, и русские уже достаточно умудрены опытом, чтобы согласиться на такое ведение войны, которое, кроме того, не приносит им никакой пользы.

В Дагестане, где в одном ауле живет часто несколько сотен семей, такие экспедиции еще достигают своей цели; уничтожение аула – всегда тяжелый удар для горцев, так как они в таких аулах складывают свое продовольствие и их дома часто построены из камня. Напротив, в Абазии, где один юнэ-из разбросан часто на двух-четырех квадратных милях, нужно долго искать, пока найдешь раскиданные по лесу дворы, и когда наконец придешь к одному из них, то он уже необитаем и пуст, хлеб зарыт где-нибудь вблизи, жители в безопасности в горах и лесах, и приходится всегда терять несколько солдат для того, чтобы сжечь с дюжину мазанок, которые адыг вновь построит в несколько дней.

Положение русского солдата на Кавказе лучше, чем в России, но только там, где они стоят в больших гарнизонах, на глазах у высших генералов. В пограничных крепостях, однако, его положение чрезвычайно печальное и тяжелое. Он не может осмелиться отойти на десять шагов от ворот крепости, не боясь, что его застрелят; часовые на валах никогда не могут быть уверены в своей

жизни; часто солдат месяцами ни днем ни ночью не снимает патронташа. При этом его плохо кормят, а офицеры, которые почти не подвергаются никакому контролю, пользуются этим обстоятельством, чтобы хорошо жить за счет содержания солдат, и часто приобретают целые состояния. Война на Кавказе стоила русскому правительству так дорого, что на это можно было бы, конечно, купить всю Турцию и Персию.

Коменданты отрядов и крепостей умеют извлекать из своего положения всевозможные выгоды. Из самой незначительной перестрелки они раздувают большое дело и составляют баснословные рапорты, в которых часто, кроме названия места и числа, нет ни одного правдивого слова. Если абазы убьют у них значительное число людей, то они представляют их умершими от лихорадки или какой-нибудь другой болезни; они теряют редко более одного убитого, но зато не скупятся на количество адыгов, которых они, в своих донесениях, уничтожают. Если подсчитать лет за 30 всех официально убитых врагов, то придешь к результату, что на всем Кавказе, кроме русской царской армии, не осталось в живых ни одного человека.

Офицеры, которые долгое время служили на Кавказе, уверяли меня, что каждые семь лет эта армия вновь реформируется. Это значит, что в течение семи лет состоящая из 120 000 людей регулярная армия от болезней, лишений и войны полностью уничтожается и всегда должна пополняться свежими войсками. Потери нерегулярного войска, казаков и милиции здесь не принимаются совсем во внимание. Это сильное кровопускание для России, которая по этому расчету, со времен царицы Екатерины II похоронила в горах Кавказа более полутора миллионов солдат!

Примечания

¹ Хутором называется в Черноморье изолированный загородный дом или ферма.

² Сотник – капитан, который командует сотней казаков.

Глава девятая

Краткий обзор новейшей истории абазов. – Турки, татары и черкесы. – Соппротивление абазов магометанскому господству. – Христианство. – Уход осман с Кавказа. – Притязания русских. – Начало войны и дальнейший ход ее. – Моральное влияние имама Дагестана шейха Шамиля. – Он посылает своих наибов к абазам. – Смерть первого наиба. – Прибытие Мохамеда-Эмина. – Его первоначальные действия. – Уничтожение дворянства. – Изменение рабства. – Успехи магометанства. – Утверждение господства наиба в Абадзехии. – Военный поход против шапсугов. – Стычки с шапсугами. – Их подчинение. – Повышение авторитета наиба. – Гражданская и военная организация страны.

Абазы имеют двойное несчастье быть отрезанными в одинаковой мере как Россией, так и Турцией от всякой связи с цивилизованным миром. Они находятся, так сказать, между чумой и холерой, потому что с незапамятных времен турки были так же вредны и враждебны свободному развитию этой страны, как теперь русские. Я хочу только бросить беглый взгляд на историю Абазии с начала этого столетия. Политическое и военное положение турок в отношении абазов было тогда почти таким же, как в настоящее время положение русских. Вдоль берега Черного моря – в Анапе, Суджукке и Сухум-Кале в фортах находились турецкие гарнизоны, которые, однако, не могли выйти на расстояние получаса ходьбы за пределы крепости без того, чтобы не быть задержанными абазами. На правом берегу реки Лабы и у истоков Кубани жило несколько татарских разбойничьих орд – черкесов магометанского вероисповедания, которые только номинально признавали верховную власть султана и с христианскими абазами находились в непрерывной борьбе. Турецкие паши часто пытались вторгнуться в страну и принудить абазов к покорности и уплате податей, но они постоянно должны были отступать, разбитые наголову. Никогда ни один турецкий солдат не ступал на землю шапсугов, абадзехов или убыхов, а тем более – в южную часть Кавказа. Хотя туркам удалось в окрестностях Сухум-Кале привлечь к себе несколько фамилий и даже склонить их к принятию магометанской веры, а одна из этих фамилий получила наследственный княжеский титул и была признана Портой суве-

реном той части страны, которая в настоящее время называется княжеством Абазией; но влияние этих перебежчиков не было достаточно значительным для того, чтобы упрочить их и султана господство в стране. Турка, так же как теперь русского, всегда рассматривали как врага, и когда он выходил из своих береговых укреплений, его встречали ружейными выстрелами.

Жители держались своих старых христианских религиозных обрядов и питали отвращение к магометанству, так же как теперь – к русскому христианству. Однако и это не помешало тому, что Абазия под именем Черкесии представлялась на всех картах принадлежащей Турции, так же как теперь она обозначается принадлежащей России. Не помешало это и тому, что по заключенному в Адрианополе миру Оттоманская Порта уступила никогда ей не принадлежавшие суверенные права России. Уже ранее значительная полоса земли по Кубани и по Лабе таким же образом была передана Портой России. На протест абазского народа не обращали внимания; царь объявил Абазию русской провинцией, флот получил приказ блокировать берег, а войска – занять страну. С этого времени и начинается действительная война между Россией и абазами. Последние скоро почувствовали разницу между турками и русскими.

В Южной Абазии вышеупомянутая княжеская фамилия была первой, которая присягнула на верность новому господину; в награду она была утверждена в своем суверенитете и предоставленных Портой правах, однако при условии принятия христианской веры. Добрые князья рассматривали это как незначительное препятствие, и Гамид-Бей, глава многочисленной фамилии, назвался князем Александром и сделался православным христианином, не отказавшись, однако, от многоженства.

Большая часть южных абазов, так же как и сванеты, приняли православное крещение тем охотнее, что это сопровождалось подарком на крестины от царя. Он состоял для беднейшего класса и для рабов только из одной рубашки и серебряного крестика, и крещение так понравилось горцам, что многие из них не довольствовались совершением этого акта один раз. Это им, однако, не мешало объявить, что они не будут предпринимать ничего враждебного против русских и охотно будут торговать с ними в Сухум-Кале, но не допустят никакого проникновения попов, чиновников и путешественников в свои горы, а при вступлении войск бу-

дуг оказывать им сопротивление. Русские скоро увидели, что не так-то легко будет справиться с хитрыми и недоверчивыми абазами; и так как северная часть ни в какие переговоры вступать не хотела и начала открытую войну, то они довольствовались пока кажущейся покорностью юга. Они построили только вдоль берега Черного моря и реки Ингур на границе с Имеретией крепости Сугдид, Анаклия, Гори, Архангела, Дранди, Сухум, Псирста, Анакопия и Бамбори и пытались при помощи торговли постепенно приручить абазов.

Сванеты, несмотря на перемирие, продолжали свои разбойничьи набеги в Мингрелию. Их покорение, которое стоило бы многих усилий и жертв и к тому же могло бы еще подстрекнуть к войне южных абазов и осетин, пришлось отложить. Осетины с давних времен жили с русскими в состоянии, близком к перемирию, благодаря чему русским был обеспечен безопасный проход через Дарьяльское ущелье.

Жители Большой и Малой Кабарды оказывали вначале сильное сопротивление вторжению русских, но должны были впоследствии покориться. Причина, почему они не могли продолжать свое сопротивление с тем же успехом, как адыги, живущие на северо-западе, коренилась прежде всего в характере их большей частью равнинной, мало приспособленной к защите страны, потом также в природе их смешанной с черкесами и лезгинами расы, в которой абазы составляли, правда, большинство, а адыгский язык являлся господствующим; черкесы же составляли довольно многочисленное племя узденей (дворян); кроме того, здесь, в Кабарде, имелось еще много татарских ханов и князей. Эти так называемые князья и дворяне были всегда первыми, которые покорялись врагу, чтобы укрепить и расширить свои личные привилегии. Впрочем, русские хорошо обращались с народной массой, оружие не отбиралось, не ставилось никакой русской администрации, только была введена незначительная, скорее номинальная, подать. Состоящий на русской службе корпус, известный под названием «кабардинский полк», собран из добровольцев со всего Кавказа. Абазский элемент представлен там очень слабо. Большое количество абазских фамилий ушло из Кабарды от русских в независимую страну адыгов.

Чтобы держать в повиновении Кабарду, русские воздвигли крепости: Терек, Урван, Нальчик, Баксан, Чегем, Моздок и другие.

Еще один раз кабардинцы имели случай восстать против русских. Во время нападения чеченцев под предводительством Шамиля в 1846 году 12 000 всадников ворвались в Кабарду, уничтожили много русских станиц и двинулись по направлению к Кубани. Многие жители Кабарды вначале присоединились к отрядам Шамиля в надежде освободиться от русского владычества, но так как эти последние не могли выдержать открытой борьбы с русскими и к тому же адыги, которые не хотели пускать чеченские орды в свою страну, не двигались и на все требования Шамиля оставались глухими, то последний вынужден был вскоре двинуться обратно, а несколько сотен сильно скомпрометированных кабардинцев должны были спастись от мести русских в Дагестане. Маленькие черкесские племена, которые жили на Малой Кубани, Лабе и Урупе, были слишком слабы для того, чтобы с успехом защищаться; одна часть их после непродолжительной борьбы покорилась, другие же или совсем были истреблены русскими, или ничтожные остатки их направились на левый берег Лабы, где они присоединились к сильному племени абадзехов и почти совсем слились с ним. Однако есть еще несколько сот дворов на границе Абадзехии, в которых преобладает кровь черкесов.

Татары Эльбруса, живущие на Кубани, татарское племя Науруз и другие без сопротивления покорились русским.

Мы подошли теперь к северной части Абазской страны, к адыгам, и сделаем краткий обзор истории их войны за последние 30 лет.

Южная часть страны, граничащая с так называемым княжеством Абхазией, никогда не подвергалась нападению со стороны суши, потому что высокие горы делали чрезвычайно затруднительной всякую военную операцию, но особенно еще потому, что русские должны были сначала привести к некоторой покорности большую часть непокоренных племен, которых они имели в тылу. Это им еще до сих пор не удалось; южные абазы, сванеты и осетины находятся в настоящее время в тех же самых отношениях к русскому правительству, как 30 лет назад, и не позволяют русским войскам проходить через их горы.

На восточную и северную часть Адыгской страны с суши и на западную часть с береговой стороны русскими предпринимались регулярные нападения.

Операционной базой против Восточной Абазии служили город и крепость Ставрополь, где также находилось главное командование действующего в этом районе корпуса, известного под названием «правый фланг Кавказской армии». Русские начали со своей любимой системы – возведение маленьких фортов (крепостей), и, не углубляясь в страну, что всегда было опасно и бесполезно, они заняли только всю линию реки Лабы до впадения Чаминка и возвели на небольшом расстоянии друг от друга 12 крепостей на Лабѣ и 2 – на Чаминке. Эти 14 крепостей были предназначены для того, чтобы сдерживать нападения абадзехов и защищать на обоих берегах Малой Кубани покоренных черкесов и татарские племена, так же как и вновь сооруженные станицы. Они служили в то же время опорными пунктами для операций русских войск против абадзехов.

Корпус, который оперировал на этой линии и составлял гарнизоны этих крепостей, обычно состоял из одной дивизии линейной пехоты, нескольких грузинских линейных батальонов, некоторого количества казачьих полков с Дона и из необходимой крепостной и полевой артиллерии, в общем приблизительно из 20 000 человек, которые, смотря по обстоятельствам, усиливались регулярными войсками и милицией из Грузии. Хотя равнины абадзехов и были очень подвержены нападениям русских и много от них терпели, эта часть страны сохраняла, однако, непрерывно свою независимость и в течение 30 лет задерживала продвижение русских по Лабѣ.

Северный операционный фронт русских тянулся от Усть-Лабинска вдоль Кубани до ее впадения в Черное море. Операционной базой его можно считать Екатеринодар – главную квартиру черноморских казаков. На правом берегу Кубани была сооружена цепь малых и больших крепостей, чтобы препятствовать нападению шапсугов. В равнинах Шапсуга были заложены только две крепости на реке Абин, из них одна в 1854 году была оставлена, другая уже в 1842 году была разрушена адыгами, а гарнизон ее изрублен. В общем, русские в равнинах шапсугов не сделали почти никаких успехов. Против этой равнины оперировал корпус черноморских казаков, часто подкрепляемый другими линейными войсками. Третий операционный фронт русских тянулся вдоль берега Черного моря, от устья реки Бзыбь до устья Кубани. Неприятель построил вдоль берега 15 крепостей и расположил

свою главную квартиру в Суджукке, который, так же как и Анапа, скоро вырос в маленький городок. Между Анапой и Суджуком была построена дорога, которая охранялась двумя новыми крепостями – Раевской и Николаевской. Между Суджуком и Абином, так же как и между Добай и Абином, русские войска проложили удобопроходимые дороги, которыми, однако, очень редко пользовались, т.к. каждый проход по этим дорогам стоил им много людей. Узкая полоса земли – Натухай, находящаяся между устьем Кубани и Черным морем, жители которой не могли защищаться с надеждой на успех, заключила перемирие с русскими, но на участке от Доба до Пицунды сражение никогда не прекращалось. Крепости по берегу были построены гораздо основательнее, чем на границе; расходы, которые русское правительство употребило для их сооружения, были огромны. Строительный материал был привезен морем из Крыма, и можно считать, что каждый камень стоил правительству 50 копеек серебром. Между этими многочисленными крепостями не было сообщения сушей. Русские должны были отказаться от попыток, которые они делали к устройству дороги через горы, из-за больших потерь и энергичного сопротивления горцев; они должны были довольствоваться связью, которую поддерживали при помощи кораблей и баркасов. Корпус, который составлял гарнизоны упомянутых 17 крепостей, состоял из линейных бригад черноморской пехоты, небольшого числа донских казаков и необходимой артиллерии (около 400 орудий различных калибров). Этот корпус можно считать приблизительно в 15 000 человек пехоты, 1000 всадников и 4000 человек артиллерии, инженерного и административного войска – итого, следовательно, 20 000 человек, сила которых еще могла быть подкреплена войсками Черноморского флота и самим флотом.

После ухода турок абазы некоторое время предавались надежде, что теперь их свобода не будет стеснена. Русские, которые заняли прежние турецкие места в Анапе и Суджукке, не хотели с самого начала вступать в открытую войну с абазами и не скупилась на разного рода обещания, что они не посягнут на свободу абазов. Между тем русские воспользовались этим временем, чтобы основать крепости и наладить связь.

Когда же абазы стали сопротивляться продвижению русских в страну и отправили депутацию с жалобой на нарушение их границ, то со стороны русских им наконец было объявлено, что их

страна по мирному договору в Адрианополе передана султаном России и что теперь они подданные царя. Адыги не могли понять, как султан мог передать их страну, которой он никогда не владел, кому-либо. На народном совете они решили: с одной стороны, сопротивляться до последних сил дальнейшему проникновению русских, с другой – отправить депутацию в Константинополь, чтобы требовать от Порты отмены незаконной передачи их страны.

Во главе этой депутации был поставлен черкесский князь Зан-оглы Сефер-бей, хорошо знающий турецкий язык: адыги избрали его потому, что он родился в турецком городе Анапе, был известен как друг и слуга турок, а также потому, что считали его влиятельным в Константинополе. Конечно, депутация была принята Портой неофициально. Но так как Порта была убеждена, что русские нелегко сделаются господами в стране, то в Константинополе не было недостатка в поощрении к сопротивлению и во всевозможных обещаниях. Депутатов, не знакомых с искусством дипломатии, убедили, что уступка их страны явилась наказанием за их непослушание и их упорство в неверии: если же теперь они будут стойко сражаться, сделаются хорошими мусульманами и признают падишаха господином, то он примет их милостиво, ибо повелителю верующих безразлично, если неверный мятежный народ, как адыги, попадет в руки неверных московитов, между тем как он не допустит того, чтобы хорошие мусульмане, которые просили его о помощи, подпали бы под власть гяуров ¹.

Чтобы придать еще больше бодрости депутатам, им были сделаны подарки и один паша взял на себя отправку орудий, боевых припасов и артиллеристов в Абазию. Депутаты возвратились в страну и дали отчет народному собранию о своей миссии. Адыгам все это очень понравилось, за исключением верховенства султана и принятия Корана; но так как они мало боялись господства турок, а мощь русских внушала им больше страха, то они не отклонили это предложение прямо и открыли пропаганде магометанства так долго закрытые двери. Таким образом, русские против своего желания сделались орудием распространения мусульманской веры среди абазского народа. Зан-оглы Сефер-бей, который играет роль и в дальнейшей истории Абазской страны, после отъезда депутатов остался в Константинополе. Так как, однако, его присутствие показалось русскому правительству опасным, то

оно потребовало его выдачи, но потом удовольствовались его водворением на жительство в Адрианополь.

В конце 1830 года прибыли в Абазию обещанные артиллерия и транспорт с боевыми припасами. Он состоял из 15 орудий и приблизительно 300 бочек пороху. Четверо турецких артиллерийских унтер-офицеров были отправлены с ними, чтобы научить горские народы обращению с пушками. Подарок был чисто турецкий: орудия старые, тяжелые, совершенно непригодные к Абазии, у которых не хватало принадлежностей, а пороховые бочки оказались наполовину пустыми (порох был расхищен, частью еще в Константинополе, частью в пути). Унтер-офицеры, которым в Константинополе все было представлено в неверном свете и которые были присланы без малейших средств, чувствовали себя беспомощными и через несколько недель возвратились в Турцию. Порох жители разделили между собой, орудия были переданы некоторым уважаемым фамилиям. Вскоре у пушек было сорвано железо с лафетов и колес и остались только металлические стволы. Эти 15 пушек не сделали ни одного выстрела по русским.

В то время как Порта давала невыполнимые обещания адыгам и при этом в первую очередь ставила религиозный вопрос, один имам в горных местностях Дагестана на Каспийском море достиг никогда еще не бывалого в тех местах влияния. Шейх Шамиль, мечтавший о господстве на Кавказе, пытался распространить свое влияние также и на страну абазов. Для этой цели он послал в 1842 году в Абазию одного из самых решительных наибов Хаджи-Магомета. Наиб появился в Абазии от имени тогда уже знаменитого на Кавказе шейха, которого он представил абазам как могущественного воина и пророка божьего, и заверял их в его помощи, если они примут магометанскую веру и будут повиноваться его приказаниям. Абазы видели, что все предъявляют им одни и те же условия, и так как они считали принятие магометанства единственным средством спасения против покорения их русскими, то нашлись многие, которые приняли новую веру. Наиб энергично принялся за дело, ставил имамов, основывал мечети и проповедовал священную войну против неверных русских, которых абазы начали называть гяурами.

Хаджи-Магомет умер в 1844 году; многие уверяют, что от яда, который ему дали приверженцы турок и черкесские уорки.

В 1844 году шейх Шамиль послал второго наиба по имени Хаджи-Сулейман, который был смелее, энергичнее и решительнее, чем его предшественник. Он поселился в Абадзехии, где магометанство сделало наибольшие успехи, организовал род монахов по образцу мюридов Шамиля и сделал из них своих телохранителей: он судил по законам Корана, устраивал мехкеме и набирал муртазиков, проповедовал священную войну и преследовал как тех, которые вступали в общение с русскими, так и тех, которые не принимали веру Магомета или же недостаточно усердно исполняли его предписания. После того как он стал твердой ногой в Абадзехии, принялся распространять свое господство также и на другие части страны. Но в Шапсугии его нововведения встретили сильнейшее сопротивление и после нескольких кровавых сражений, которые произошли между его приверженцами и шапсугами, он должен был отсрочить свои намерения.

В 1846 году прибыл в Абадзехию молодой человек из Дагестана – Мохамед-Эмин. Он был долгое время первым писарем, или секретарем, у шейха Шамиля, считался его самым близким доверенным и слыл также после Шамиля самым ученым и набожным имамом. Вскоре после прибытия Мохамеда-Эмина исчез внезапно Хаджи-Сулейман; некоторые уверяют, что он был предательски убит (и это самое правдоподобное), другие – что он возвратился в Дагестан, но русские говорили, что он перешел к ним, и действительно показывали воззвания, написанные Сулейманом, в которых он возбуждал горские народы против учения шейха из Дагестана. Вероятно, однако, это был обман со стороны русских, потому что никто не видел Хаджи-Сулеймана со дня его исчезновения.

Вскоре после смерти наиба молодой Мохамед-Эмин предъявил свои полномочия и свое назначение в качестве наиба в Абазию от шейха Шамиля. Однако, казалось, он вовсе не хотел вмешиваться в дела страны, жил очень уединенно и был беспрерывно углублен в молитвы и чтение Корана. Таким образом и прошел целый год, но во время этой кажущейся бездеятельности Мохамед-Эмин изучил самым точным образом характер абазов. Он заметил, что черкесы, т.е. князья и дворяне, по примеру кабардинцев присвоили себе очень много привилегий у абазов и что народ их ненавидел: он видел много абазских рабов, которыми незаконно владели черкесы и которые свое рабство переносили с недовольством.

Он взвесил силы одной и другой части и нашел, что черкесы составляют едва сотую часть населения. Самым большим препятствием казалось ему то обстоятельство, что все черкесы издавна были магометанами, в то время как большая часть абазского народа отвергала еще новую веру. Взять сторону неверующих против мусульман было для благочестивого имама и доверенного Шамиля трудно, но он сумел найти выход.

На одном большом народном собрании на реке Пшаха в Абадзехии в октябре 1848 года Мохамед-Эмин выступил в первый раз как наиб и заместитель Шамиля. Это выступление произошло с таким сознанием своего достоинства и такой энергией, что князья и дворяне, которые утратили свое первоначальное недоверие, были застигнуты врасплох и как громом поражены. Молодой наиб, окруженный несколькими тысячами приверженцев, которых он завербовал себе в тиши, объявил на этом достопамятном народном собрании приблизительно следующее: позору адыгского народа должен быть положен конец, т.к. народ, принимая веру пророка, также вступает и в права мусульман; мусульманский закон не позволяет, чтобы один мусульманин был подвластен другому; привилегии, захваченные князьями и дворянами, должны быть с этого времени отменены; между мусульманами не должно господствовать различие сословий, не должно быть поэтому больше и речи о князьях и дворянах; Коран ставит рабству известные границы, вследствие этого рабство должно быть упорядочено и те, которые имеют по закону право на освобождение, должны быть освобождены.

Татарское дворянство схватилось за оружие, но было уже поздно: Мохамед-Эмин был к этому подготовлен и не находил уже более нужным щадить эту буйную касту. Многие были убиты, многие бежали из страны и искали защиты у русских; их дворы были сожжены, рабы их освобождены, имущество их было разделено между бедными; остатки должны были покориться воле наиба, который довел дело до того, что черкесы с этих пор рассматривались в Абазии до некоторой степени как враги и были исключены из совета старшин. Эти нововведения наиба были встречены в Абазии всем народом с чрезвычайной радостью; хитрый и энергичный имам достиг этим того, чего не удавалось его предшественникам, – окончательного введения магометанства, которое в Абадзехии было принято почти повсеместно. Покровительство

бедного народа позволило ему применять строгие меры против тех, которые не переходили в мусульманство.

Мохамед-Эмин сделался в Абадзехии почти всемогущим. Он привлек к себе народ многими путями: сначала религией, потом уничтожением черкесов и освобождением жителей от различных повинностей; наконец, освобождением большого количества семейств рабов, которые вступили в обладание конфискованными черкесскими имениями и судьба которых с этих пор была тесно связана с наибом. Он думал теперь о распространении своей власти на не принадлежащие еще ему части Адыгеи – Убыхию и Шапсугию. В Убыхии встретил он, с одной стороны, такое систематическое и энергичное сопротивление испугавшегося дворянства, которое там было, впрочем, более абазское и христианское, чем магометанское и черкесское; с другой стороны, наполовину христианское население было настолько против введения новой веры, что он принужден был отсрочить устройство этой части страны и распространение в ней магометанства. Однако ему удалось привлечь к себе некоторое количество молодых людей из Убыхии и использовать их для своих будущих целей.

Он обратил теперь свое внимание и свои старания на шапсугов, самую многочисленную и могущественную национальность абазского народа. Слава о его энергии и справедливости, о его ненависти к русским и его искренней дружбе с Шамилем предшествовала ему, но предшествовала ему и молва о его религиозном фанатизме и насилиях, которые он не боялся совершать, чтобы способствовать своей пропаганде, распространению и утверждению своего господства. В Шапсугии наибу не доставало, кроме того, одного из важнейших рычагов, которыми он пользовался с таким большим успехом в Абадзехии: сословия дворян почти совсем не существовало в Шапсугии, только кое-где поселилось несколько фамилий уорков, которые не пользовались ни властью, ни уважением; рабы были также немногочисленны. Мнения в Шапсугии разделились; магометане, особенно духовенство, сделали все, чтобы подготовить народ к хорошей встрече наиба; местности по Абину и Натухаю, которые больше всего были под угрозой русских, ожидая помощи от наиба, пригласили его также к себе; но жители гор и равнин, особенно население пограничных рек Шапсуг и Афипс, протестовали против его прибытия и приго-

товились к вооруженному сопротивлению. Но наиб сумел ловко использовать разноречивые мнения среди шапсугов.

В апреле 1849 года Мохамед-Эмин расположился лагерем на реке Псекупс вблизи границ Шапсугии и стал созывать всех добрых магометан, чтобы предпринять поход против шапсугов, Абадзехи последовали его призыву: 15 апреля было собрано около 20 000 пеших и конных воинов только из абадзехов, из Шапсугии также вышли навстречу наибу приблизительно 1000 всадников, чтобы образовать его авангард. Он послал гонцов к племенам шапсугов и велел им сказать, что он пришел от имени могущественного имама из Дагестана – шейха Шамиля, заместителем и послом которого он являлся, что он не требует от шапсугов ничего другого, как хорошего приема для себя и своего войска, так как его поход направлен не против их страны, а против русских, которых он желает прогнать из крепостей. Этим он ловко вызвал новое замешательство среди шапсугов, и число последних, собравшихся вокруг него, достигло к 24 апреля 3000 человек. Между тем в Шапсугии поднялись поголовно только жители пограничных рек Шепш и Афипс, которые собрались в количестве приблизительно 6000 человек. На реке Догай произошел первый бой. Несмотря на свое превосходство, наиб должен был 25 апреля отступить. Утром 26-го числа он, во главе вышедших ему навстречу шапсугов, сделал новое нападение и одержал полную победу. Около 500 человек было убито с обеих сторон, но жители покорились и сделались магометанами ⁴.

На реках Убин, Афипс, Иль, Хаплъ, Антхыр и Богондур произошли кровавые бои, в которых наиб остался также победителем. На каждой реке он делал восьмидневную остановку; жители принуждены были один за другим повторять в его присутствии формулу Корана, после чего их записывали; они должны были присягнуть наибу в покорности, и когда он отправлялся далее, то население страны должно было следовать за его войском. Когда наиб прибыл на реку Абин, то стал господином равнин Шапсугии и стоял во главе войска более чем в 25 000 человек.

Его энергия, воздержание и ряд справедливых приговоров, которые он всегда делал в пользу бедных и угнетенных, наполняли не привыкших к покорности шапсугов и страхом, и восхищением.

От Абина наиб отправился в провинцию Натухай, которую русские теснили больше всего и которая вступила с ними в пере-

мирие. Жители приняли его с распростертыми объятиями. Все соглашения с русскими были объявлены недействительными. Многие жители, известные как приверженцы последних, были жестоко наказаны, и народ решил, что только весь адыгский народ в целом, с согласия наиба, может вести переговоры с врагом; всякие переговоры с русскими отдельных лиц, фамилий или частей страны рассматривались теперь как измена и наказывались.

Русские, после нападения наиба на Натухай, заперлись в своих крепостях и приняли оборонительное положение. Несмотря на свои большие силы, наиб напрасно штурмовал крепости Анапу и Суджук, – скоро он понял, что без регулярного войска и без орудий не может ничем повредить русским. Он должен был удовольствоваться тем, что старался как можно лучше организовать защиту страны и затруднить русским сношения между собой. В Натухае он основал мехкеме, установил и взыскивал подати, организовал пешую и конную жандармерию (муртазиков) и назначил своего доверенного и лучшего военачальника по имени Ханок-зик начальником мехкеме в Натухае.

В равнинах Шапсугии, которые победоносно прошел, он учредил три мехкеме: на реках Абин, Антхыр и Убин. В Абадзехии было пять мехкеме: в Псекупсе, Пшише, Пшахе, Шавготче и Бжедуге. Начальника каждого мехкеме назначал наиб, два кадия избирались тамадами. Совет мехкеме состоял из двух старшин, избираемых от каждого из восьми племен, в общем – из 16 тамад, которые заседали в суде, взыскивали подати и наблюдали за защитой страны. Начальник мехкеме имел исполнительную власть и командовал войском. Он имел в своем распоряжении отряд муртазиков, которые набирались следующим образом: каждый юнэ-из ставил одного вполне вооруженного всадника и одного пехотинца. Эти люди должны были жить в мечети, охранять арестантов, исполнять приказы наиба, начальника мехкеме и совета, собирать народ на совещания и на войну. За это конный муртазик получал в месяц 15 сапеток, пеший – 10 сапеток зернового хлеба; кроме того, он получал еще часть денежного штрафа (тапир), который должны были платить осужденные. Вооружаться, кормиться, одеваться он должен был сам. Если он терял свою лошадь на службе, то получал 100 сапеток зерна из магазина мехкеме.

После того как Мохамед-Эмин заставил признать и затем укрепил свою власть и свое влияние в Абадзехии, в равнинах

Шапсугии и Натухае, ему осталось покорить еще важную часть Адыгской страны – горную Шапсугию и страну Убыхию. На горной цепи по берегу Черного моря от Суджука до Убыхии жила та часть шапсугов, которая более всех противилась введению магометанства. Наиб поступил очень мудро: он только в конце решился идти на эту часть шапсугов. Несмотря на то, что большое количество вновь обращенных в равнинах Шапсугии приверженцев наиба все лето подготавливало население, стараясь склонить обещаниями и угрозами своих соплеменников к принятию Мохамед-Эмина, он, однако, во время своего похода через горы, который был им начат в сентябре и окончен в ноябре, был повсюду встречен хотя и без сопротивления, но с недружелюбной холодностью. Большинство горцев отказывалось повторять формулы Корана и присягать наибу в покорности, однако они не препятствовали постройке нескольких мечетей и организации трех мехкеме в Пшат-Мезибе, Шапсуге и Туапсе. Наиб шел к своей цели, как всегда, с большим терпением и сдержанностью, зная хорошо, что население гор не так скоро, как население равнин, меняет свои законы и обычаи.

Зиму 1849/50 года Мохамед-Эмин употребил на постройку одного мехкеме в Убыхии; там он нашел такую же холодную встречу, как и в горах Шапсугии, но так как в Убыхии видели, что вся Адыгская страна признала господство наиба, то они не думали ни о каком сопротивлении. Однако и здесь также Коран не получил широкого распространения.

Благодаря исключительной энергии и ловкости, Мохамед-Эмину удалось добиться того, что не удавалось ни его предшественникам, ни туркам, ни тем более русским, – разделить (впервые с тех пор, как ведется предание абазов) Адыгскую страну на настоящие административные округа. Эту трудную задачу разрешил молодой, едва достигший тридцатилетнего возраста, человек, один, без поддержки, в чужой стране, язык которой не был ему знаком, едва три года тому назад пришедший из Дагестана. Страна была разделена на 13 мехкеме, важнейшие административные посты были заняты послушными и преданными ему людьми, и более 1000 конных и пеших муртазиков повиновались первому знаку наиба и приводили в исполнение его приказы.

Примечания

¹ Крепости по Лабе назывались Аметлинская, Шалоховская, Подольская, Зассовская, Новодонская, Вознесенская, Житомирская, Махошевская, Лабинская, Родниковская, Курганская и Темиргоевская. На Чаминке находились крепости Егенскаевская и Каратюбинская.

² Пицунда, Гагры, Адлер, Мамай, Головинская, Лазаревская, Туапсе (Вельяминовская), Ту (Тенгинская), Шапсуг (Михайловская), Чепсин (Новотроицкая), Пшад, Геленджик, Доба, Суджук и Анапа.

³ Я много беседовал с находящимися еще в живых членами депутатии; все жаловались на недостаток искренности у турок.

⁴ Чтобы сделаться магометанами, достаточно повторить арабскую молитву: «Да илла, ла хак Магомет рессул илла» («Нет бога, кроме бога, и Магомет пророк его»).

Глава десятая

Дальнейшая деятельность наиба. – Введение мюридов. – Недовольство абазов. – Политика русских. – Начало Восточной войны в 1853 году. – Интриги турок против наиба. – Назначение татарского князя Зан-оглы-Сефер-бея пашой и правителем Абазии. – Отступление русских из Абазии. – Прибытие турецких войск и офицеров. – Пассивное сопротивление наиба. – Политика турок. – Тяжелое положение русских на Кавказе. – Состав выставленной против Абазии, Дагестана, Мингрелии и Анатолии русской армии.

Труды наиба в первое время увенчались почти чудесным успехом. Энергичный молодой человек не оставлял ни на один миг свою работу; день и ночь на лошади неутомимо разъезжал он во всех направлениях по стране, сопровождаемый преданным отрядом, возбуждал к сопротивлению против русских, наказывая со строгостью, а часто и с жестокостью, изменников и перебежчиков, и особенно стремился сделать обряды новой религии, апостолом которой он стал, общенародными и для всех обязательными. Для поддержания этой пропаганды он ввел по примеру Шамиля монашеский орден мюридов и образовал из них отряд, в котором стремился вызвать фанатизм к новой вере.

Это было большой ошибкой. Не говоря уже о том, что Мохамед-Эмин не мог образовать из импровизированных абазских

мюридов фанатиков, потому что дух этой расы противился вообще всякому религиозному фанатизму, настойчивое проведение магометанства возмутило большую часть адыгского народа. Новая вера была и без того противна народу, и понадобились ранее описанные обстоятельства, чтобы она укоренилась в стране. Мусульманский фанатизм, который, естественно, влечет за собой тиранию, должен был, однако, натолкнуться на упорное сопротивление народа, который привык рассматривать личную свободу как высшее благо. Наиб очень хорошо знал характер народа, во главе которого встал, и остерегался поступать с населением слишком деспотически, но его помощники, импровизированные мюриды, позволяли себе часто от его имени самовольные поступки, которые имели очень дурные последствия. Часто случалось, что стоило только наibu покинуть мехкеме, как жители уже восставали и прогоняли начальника мехкеме, кадиев и муртазиков; нередко сжигались общественные строения и мечети. Это особенно часто случалось в Убыхии и в горах Шапсугии. В Абадзехии, где поселился Мохамед-Эмин и, так сказать, имел свой двор, где народ, освобожденный от гнета черкесов, из благодарности и своих собственных интересов был больше привязан к его личности, введенная им административная система действовала довольно правильно.

Русские с 1850 года отказались, по-видимому, от всякой серьезной войны. Они довольствовались тем, что держали свои крепости на осадном положении и все более и более затрудняли всякую связь с турками и начали придерживаться своего рода примирительной системы. Командовавший берегом Черного моря адмирал Серебряков был ревностным представителем этой системы. Он знал адыгский язык и поддерживал многочисленные связи с некоторыми влиятельными фамилиями в Натухае. Однако впоследствии оказалось, что адмирал хотя и был лучше всех русских офицеров знаком с обстоятельствами дела в Абазии, но значительно заблуждался в характере адыгов, которые были столь же недоверчивы к русской политике, сколь вооружены против русской армии.

Опасность быть покоренными русскими и энергия наиба Мохамед-Эмина привели адыгский народ к неизвестному еще до толе единению и, по крайней мере, к видимому принятию магометанства. Необходимо было еще только немного времени, что-

бы укрепить это вновь возведенное здание. Наиб начал серьезно думать о том, чтобы распространить свое господство на южные племена, которые находились в перемирии с русскими.

В таком положении застала Абазию, которую, заметим между прочим, Порта никогда не выпускала из вида, в 1853 году война, вспыхнувшая между Турцией и Россией. Успехи магометанской веры в Константинополе очень одобрялись и поощрялись. Ведь это было единственное средство сделать влияние Турции значительным. То, что не удавалось ей в продолжение многих столетий, когда она владела частью Кавказа, сделалось теперь само собой: русские стали, опять без их ведома и желания, орудием пропаганды Корана и авторитета повелителя правоверных.

Пока в начале войны на Черном море господствовал русский флот, турки не могли и думать о том, чтобы серьезно заботиться об абазях; но как только, благодаря вступлению в Черное море англо-французского флота, русские силы были ослаблены и сношение с абазским берегом сделалось свободным, Порта решила взять руководство делами на Кавказе и абазским народом в свои руки.

По турецким понятиям, каждая страна, населенная магометанами, принадлежит по праву султану. Абазы были мусульманами, турецкие государственные люди не находили поэтому нужным спрашивать их, кому они желают подчиняться – мусульманин не имеет национальности. Но одно обстоятельство наполнило Порту беспокойством и недоверием. Наиб, сделавшийся таким могущественным, был в Абазии заместителем имама Дагестана; он всегда выступал от имени Шамиля и никогда не упоминал имя султана; поэтому в Константинополе опасались, что наиб не очень будет склонен, обойдя Шамиля, перейти под непосредственное начальство султана, но даже и в этом случае сам он казался Порте слишком сильным и самостоятельным, так что они предпочли бы поставить во главе абазов менее независимого и более надежного человека.

Выступить открыто против Мохамед-Эмина и объявить его лишенным своего положения было бы неполитично, во-первых, потому, что наиб мог бы и не послушаться приказа султана, а он стоял слишком крепко, чтобы его можно было принудить к этому силой; во-вторых, потому, что пришлось бы вступить в открытую ссору с шейхом Шамилем. Наконец, потому, что старотурецкая

фанатично магометанская партия, которая очень сильна в Константинополе и которая шейха Шамиля и его наиба Мохамед-Эмина считала святыми и высокочтимыми людьми, настороженно отнеслась бы к открытому выступлению правительства против них. Поэтому Порта придумала средства, которые могли бы подорвать могущество наиба без большого шума, и искала людей, которых можно было бы использовать для этой цели.

В Константинополе не имели верного представления о стране и людях Абазии и турецкие сановники слишком легко верили обманам, которые им преподносили различные хитрые и корыстолюбивые лица. Читатель, наверное, помнит о выданном по требованию русского посольства в Адрианополе князе Зан-оглы Сефер-бее. Находясь в приятном заточении, этот добрый человек решительно отклонял всякие предложения к бегству в Абазию, которые ему часто делались высокими лицами. Он хорошо знал, что в Абазии, где он был чужой, ничего не сможет достигнуть без поддержки Порты; с татарской хитростью он рассчитал, что ему будет гораздо выгоднее сделаться значительным человеком у турок, получать хорошую пенсию и издали представлять из себя для абазов важную личность, страдающую за них и настолько опасную для русских, что эти последние потребовали его интернирования, чем возвращаться в Абазию, куда ему во время его более двадцатилетнего пребывания в Адрианополе была открыта дорога сотни раз. Он стал очень стар, толст и тяжел на подъем, его духовные способности, от природы более чем посредственные, при двадцатипятилетнем бездействии не могли развиваться; в молодости он был смелым наездником, одним из лучших стрелков и прославленным в степях Кубани конокрадом. Взятый в плен русскими, он был определен в мусульманский добровольческий полк, участвовал в авангарде Платова в походах 1813–1815 годов и при этом увидел Париж. Освобожденный русскими, он поступил на частную службу пашой в Анапу и, после заключения мира в Адрианополе, приехал, как уже сообщалось выше, с депутацией адыгов в Константинополь. Этот старый человек видел, следовательно, много, но никогда не нес ни одной серьезной службы и не занимал какого-либо важного места. Порта решила послать его каймаком ¹ в Абазию. Его татарское происхождение, ложный взгляд, что он пользуется значительным влиянием в народе, особенно же протекция шурина султана, Мохамед-Али-па-

ши, военного министра в то время, хорошо рекомендовали его турецкому правительству. После его прибытия в Константинополь в диване ² обсуждался вопрос об экспедиции в Черкесию ³. Сефер-бей, хотя ежеминутно и уверял, что страна с нетерпением ожидает его прибытия, требовал, однако, не менее целого армейского корпуса, чтобы изгнать наиба и завладеть страной. В самом диване мнения разделились: Мохамед-Али-паша поддерживал со всей энергией кандидатуру Сефер-бея; Рашид-паша, хотя и не был знаком с положением в Абазии, заметил, что старый Сефер-бей, кажется, более обещает, чем может сделать, и предложил дать ему помощника в лице Безед-паши. Этот Безед-паша был молодой абазский раб, которого Рашид-паша воспитал в Париже и потом сделал своим секретарем и пашой: так как он в умственном отношении намного превосходил старого Сефера и еще имел то преимущество, что хоть он был и раб, но все-таки урожденный абаз, то предложение Рашид-паши было принято во внимание. Только один министр дивана, Фети-Ахмед-паша – шурин султана и мушир Тофанэ ⁴, был дальновиднее, чем все остальные, и был поэтому совершенно противоположного мнения. Он предложил назначить наиба министром и каймаком, доставить ему фирман султана, послать ему отряд регулярного войска, артиллерии и денег и положиться на его лояльность. Но об этом большинство членов дивана не хотело и слышать.

Из этих противоположных мнений самых влиятельных министров, естественно, должно было выйти что-нибудь непрактичное, и так как хотели угодить каждому из трех министров, то была взята средняя линия, чем все было испорчено и было парализовано участие абазов в войне. Было решено назначить князя Заноглы Сефер-бея мирмираном ⁵ и генерал-губернатором Черкесии. Каждая из четырех народностей Абазии должна была, кроме того, получить еще заместителя генерал-губернатора, также с чином мирмирана. Губернатором Шапсугии был назначен живущий там богатый турецкий купец Хаджи-Измаил, который много лет жил в стране, был очень уважаем и находился в кровном родстве со многими абазскими фамилиями. Абадзехия была предоставлена наibu Мохамед-Эмину, от которого нельзя было избавиться, как губернатора. В Убыхию был назначен губернатором любимец Рашид-паши Безед-паша; в Южной Абазии был утвержден в своей

должности князь Александр. Всем губернаторам были заготовлены фирманы на титул паши и о назначении в мирмираны.

Эта политика не удовлетворяла никого, кроме Сефер-бея. Назначение Сефера, который был в Абазии представителем старочеркесской дворянской партии, влияние которой народ только что уничтожил, было, так сказать, недружелюбным шагом Порты против адыгской массы; назначение турка Хаджи-Измаила было принято равнодушно; зато назначение Безед-паши, ими проданного раба, сильно возмутило дворян и свободных в Убыхии. Они не могли понять, какие заслуги мог иметь этот молодой раб (ему было 24 года), чтобы его послали в качестве их начальника, и когда они узнали об этих заслугах, то Безед-паше нечего было делать более в Убыхии. Князь Александр не нуждался в назначении пашой и был бы очень рад освободиться от протекции России, но не с тем, чтобы попасть под господство Турции. Мохамед-Эмин был чрезвычайно оскорблен тем, что у него отняли две третьих подчиненной ему территории, даже не спросив его об этом.

Прокламация султана была передана новому генералу-губернатору эйлат (провинции) Черкесии – Сефер-паше, который должен был объявить ее верноподданным падишаха. Эта прокламация должна была уверить население в великом счастье и милости неба, которое давало им возможность возвратиться под владычество султана.

Можно было бы только смеяться над всей этой печальной комедией, если бы ее последствия не были так грустны для находившегося и без того в тяжелом положении адыгского народа, не так вредны для самой Турции и одновременно так полезны для России. Порта позволила насмеяться над собой дюжине черкесских лгунов и абазских рабов и потеряла единственный случай, когда Абазия могла бы быть освобождена от российского владычества. Если бы Порта признала наиба начальником страны и, вместо того чтобы подкапываться под него, укрепила бы его положение, послав ему пять-шесть тысяч человек регулярного войска с одной хорошей полевой батареей для подкрепления, то не подлежит никакому сомнению, что наиб и шейх Шамиль признали бы господство султана и с 70–80 тысячами человек двинулись бы против русских. Одна такая диверсия причинила бы с защитой Грузии и Тифлиса так много беспокойства русской Кавказской

армии, что она смогла бы выделить, как это случилось позднее, один армейский корпус против Карса, другой – в Крым.

Мохамед-Эмин был единственным человеком в Абазии, который мог бы привести народ к признанию Порты и к окончательному принятию магометанской веры, и даже в том случае, если бы Абазия не сделалась турецкой провинцией, а просто осталась независимым союзником Турции, даже и тогда это было бы чрезвычайно выгодно для безопасности малоазиатских владений. Оттоманское правительство и не могло иметь законных притязаний на эту страну, так как она никогда не была в ее фактическом владении, а абазы в неисчислимых протестах оспаривали право Порты уступать их независимую страну русским; точно так же казалось бы естественным, что Турция без согласия ее союзников не должна была думать ни о каких приобретениях новых стран. Было бы поэтому лучше довольствоваться тем, чтобы упрочить естественный барьер между Россией и Азией и предоставить времени и обстоятельствам, которые в дальнейшем, может быть, были бы благоприятны, присоединение Абазии как провинции к Оттоманскому государству, чем внезапно посредством нескольких фирманов пытаться завладеть страной, которой турецкие войска не могли овладеть в продолжение многих столетий.

Но несколько жадных черкесов, специально прибывших в Константинополь, чтобы искать помощи против наиба и добиться возвращения своих потерянных привилегий, эксплуатируя при этом доверие и неосведомленность Порты, дабы лучше обмануть турецкое правительство, заключили союз с кучкой стуречившихся абазских рабов, которые старались казаться имеющими значение в глазах своих господ и были горды тем, что черкесские дворяне признают их своими родственниками; обман этот удался им настолько, что даже самый умный и сведущий из турецких сановников Рашид-паша дал ввести себя в заблуждение. Я не могу за это ручаться, но я слышал позднее очень часто как в Константинополе, так и в Абазии, что русские агенты весьма старались восстановить турецких сановников против наиба и помешать использовать его услуги.

Когда наконец была решена и установлена линия поведения в черкесском вопросе и у нового генерал-губернатора Сеферпаши спросили, что он думает делать, где он хочет основаться и

какую материальную помощь может выставить на Кавказе в войне против русских, то Сефер-паша, который наконец убедился, что Порты не в состоянии дать ему целый армейский корпус, а едва сможет отрядить 2000 человек, все-таки пообещал большие дела. Он говорил, что на Кавказе все, от мала до велика, знают его и по его призыву не только Абазия, но также Дагестан, Грузия и все другие страны восстанут против русских. Когда старик был в хорошем расположении духа, то он обещал туркам в течение одного месяца собрать вокруг себя 100 000 человек и взять Тифлис. Когда же дошло до дела, то оказалось, что Сефер-паша даже не рискует высадиться на берег независимой Абазии. Он предпочел укрепиться в оставленной русскими крепости Сухум-Кале под защитой турецких войск; турки рассчитывали на него, а он, в сущности, рассчитывал единственно только на турок и думал, что его титул паши и магическое имя падишаха, заместителем которого он является, будут импонировать горцам. Он сам очень плохо знал внутреннее положение страны и жестоко ошибался в своих расчетах. Сефер-паша просил в Константинополе вооружения для регулярного корпуса в 4000 черкесов. Он обещал сейчас же после того, как высадится на берег, сформировать такой корпус.

Для высшего руководства военными операциями был назначен мушир турецкого корпуса, стоявшего у Батума, Мустафа-паша. Следуя приказу Порты, он послал в Сухум-Кале все, что было необходимо для формирования корпуса из 4000 человек. Когда Сефер-паша получил оружие, снаряжение и все необходимое, он не знал, что ему с этим предпринять. Он не мог найти не только 4000, но и четырех абазов, которые захотели бы быть его солдатами. Он выпутывался как только мог. Я помню, что он часто жаловался мне несколько лет спустя на свое положение в Сухум-Кале. «Дали мне, – говорил он часто в дружеской беседе, – 12 пушек, 4000 ружей, много пороху и множество вещей, но никаких денег, и хотели, чтобы я набрал солдат; два миллиона пиастров получил мушир Мустафа-паша, но он не дал мне ни одного пара ⁶, а прикарманил их себе».

Я думаю, что если бы Сефер-паша получил два миллиона, то из этого получилось бы то же самое, с той только разницей, что вместо мушира он сам прикарманил бы себе эти два миллиона.

Между тем русские, угрожаемые флотом союзников, спешно покинули все крепости вдоль абазского берега, чтобы не оказать-

ся запертыми между неприятельскими судами и абазами и не попасть в плен. Материальный убыток, который понесло от этого отступления русское правительство, был неизмерим. Двадцать две крепости, из которых многие были окружены стенами и внутри хорошо отстроены, должны были быть оставлены с большой поспешностью и без малейшего сопротивления. На северном берегу продержались еще недолгое время лишь две крепости – Суджук и Анапа, откуда гарнизон всегда мог отступить на материк. Гарнизоны крепостей были усилены и ожидали наступления союзников. Кроме того, один корпус из 20 000 человек был размещен между Суджуком и Анапой. Две крепости – форт Раевский и форт Николаевский, лежащие между этими крепостями на военной дороге, также держались до оставления первых. Остались в руках русских все крепости, лежащие вдоль Кубани и Лабы, и форт на реке Абин; гарнизоны в них были даже усилены. Русские приготовились к тому, что со стороны союзников будет произведено энергичное наступление на их владения на Кавказе. Но как только высадка в Крыму переубедила их в этом, они переменили, как мы увидим, расположение своих войск на Кавказе.

Можно представить себе удивление и ликование абазов, когда они увидели страшного и неуловимого врага бегущим без сопротивления. Они нападали на оставленные крепости. Пospешность, с которой русские должны были садиться на суда, вынудила их оставить много необходимых предметов, которые они не имели даже времени уничтожить. Большая часть тяжелых железных крепостных орудий не могла быть погружена на суда, поэтому орудия были всевозможным образом приведены в негодность, а лафеты сожжены. Нужно полагать, что абазы начисто разграбили крепости. Они не пренебрегли ни одним куском обработанного дерева, ни одним гвоздем в стене. В скором времени оставленные крепости превратились в кучу развалин; но заполнять рвы и сносить валы было для адыгов слишком тяжелой работой, поэтому враг нашел после войны опять повсюду готовые позиции.

Между тем новый генерал-губернатор Черкесии в сопровождении Безед-паши, со штабом, составленным из турок, черкесов и венгерских ренегатов, высадился в Сухум-Кале. Отряд турецких войск содействовал высадке и занял оставленные русскими город и крепость. Что хотел делать Сефер-паша в Сухум-Кале, он сам хорошо не знал. Впрочем, он был очень доволен своей персоной.

Он сделался пашой, получал большое жалованье, имел солдат для своей охраны и слуг для набивания трубок; пока он имел, следовательно, все, о чем мог только мечтать, о дальнейшем же предоставлял заботиться господу богу.

По идее турецкого военного министра, Сухум-Кале должен был служить базой для диверсии против Тифлиса. Мохамед-Али-паша был одним из тех, которые упорно верили в общее восстание Кавказа в пользу султана. Он смотрел поэтому на выступление могущественного Зан-оглы Сефер-паши с 100 000 человек против Тифлиса, как на решенное дело. Предоставим, однако, старому Сеферу в Сухум-Кале думать об использовании обещаний, данных им Порте, и посмотрим, что произошло между тем в Адыгской стране с начала войны.

Как только форты по абазскому побережью были оставлены русскими и открылось сообщение с Турцией, появились различные турецкие и арабские прокламации, доставлявшиеся большей частью черкесскими уорками из Константинополя, в которых объявлялось о вступлении султана во владение Абазией, а народ призывался к повиновению и верности. Уорки привезли, кроме того, множество писем с призывами к адыгам воздержаться от повиновения и вообще от каких-нибудь проявлений дружеских или зависимых отношений к Мохамед-Эмину, потому что он враг падишаха, в противном случае могущественный султан, который повелел изгнать русских, опять даст им позволение идти войной против страны абазов. В Шапсугии и Убыхии, жителей которых всегда раздражало рвение наиба в деле обращения их в магометанство, этого было достаточно для того, чтобы совершенно подорвать его еще слабый авторитет.

В несколько дней была опрокинута с таким трудом введенная административная система, мехкеме были сожжены, начальники изгнаны, кадии и муртазики должны были разойтись по домам. Но на этом горцы не остановились. Так как русские теперь отступили, то оказался не нужен более и пророк Магомет. Во многих местностях, особенно в горах, жители сожгли поэтому мечети и восстановили опять старые кресты.

В Абадзехии остатки черкесских дворян, лишенных наибом их привилегий, старались возмутить народ против него, прилагая все усилия к тому, чтобы народ считал его врагом властителя правоверных. Но узы, которые в Абадзехии связывали народ с

наибом, были слишком сильны и многообразны, чтобы это могло удасться. Почти весь народ объявил, что не согласится в угоду султану или кому-нибудь другому покинуть наиба.

Безед-паша отправился на свой пост в Убыхию. Бедный молодой человек, который в блестящем турецком рабстве забыл язык своего отечества, не знал даже, с чего ему начать. Он не имел ни денег, ни войска, а только несколько офицеров и слуг для сопровождения. В первое время, пока он имел еще некоторые средства, он был принят довольно хорошо; но когда ему нечего было больше давать и он начал разговаривать тоном паши, то абазы начали смеяться ему в лицо и объявили ему, что хотя его султан так могуществен, что может из рабов делать пашей, однако он не достаточно силен для того, чтобы отдать их под начальство их бывшего раба; ему привели также в насмешку двух мальчиков-рабов, в которых он узнал своих братьев, и предложили их выкупить. Безед-паша скоро утратил свои иллюзии; он заметил, что и Сефер-паша, который очень неохотно терпел вблизи себя любимца великого визиря, также интриговал против него. Когда он убедился, что ничего не в состоянии сделать в стране, то сел однажды на корабль и возвратился в Константинополь, куда привез известия Порте, что абазы – никуда не годный народ, из которого ничего нельзя сделать и который не заслуживает того, чтобы правительство заботилось о нем.

Хаджи-Измаил-паша – турецкий купец, который был назначен губернатором Шапсугии, знал страну очень хорошо и обладал слишком большим тактом, чтобы бесполезно компрометировать себя и серьезно отнестись к своему положению. Он держался поэтому в стороне, выжидая дальнейших шагов оттоманского правительства.

Интервенция Порты в Абазии имела, следовательно, только те последствия, что порядок в Абадзехии был поколеблен, а в Убыхии и Шапсугии – совершенно уничтожен.

Сефер-паша после своего прибытия в Сухум-Кале послал приглашение наибу, князю Александру и тамадам всех абазских племен на общий народный совет. Против всех ожиданий наиб Мохамед-Эмин был одним из первых, кто прибыл и приветствовал заместителя султана. Но одаренный молодой человек скоро обнаружил всю комедию, которую играл старый Сефер, понял также совершенное бессилие Порты против России и злые намерения

против него. После короткого пребывания в Сухуме он возвратился, не дав ни малейших обязательств, обратно в Абадзехию. Князь Александр из Южной Абазии, который Портой был назначен пашой, находился также в Сухум-Кале, но не хотел брать на себя какие-либо обязательства, отговариваясь тем, что подвластная ему часть страны христианская и очень не расположена к туркам. Из всех других частей страны также прибыли депутаты: но отчасти тон, который Сефер-паша принял по отношению к ним от имени султана, был им неприятен, отчасти же они не могли понять, чего же, собственно, он от них хочет; и это было действительно нелегко, так как старый князь не знал этого обычно и сам. Таким образом, все эти депутаты возвратились обратно недовольные и ничего не сделав.

В Сухум-Кале сделалось опять пустынно и глухо; Сефер-паша со своим гарнизоном был как бы блокирован с суши, потому что живущие кругом абазы не выпускали никого из крепости; отдельные же турецкие солдаты, удалявшиеся далеко от крепости, захватывались в плен подкарауливавшими их абазами и продавались в горы. Были даже случаи, что беззаботные турецкие часовые похищались ночью с их постов.

В своих рапортах в Порту Сефер-паша оправдывался тем, что эта часть Абазии населена гяурами, с которыми ничего нельзя предпринять, и потому он может только по прибытии в страну адыгов выполнить данные им в Константинополе обещания.

Между тем отряд флота союзников напал на русских в Суджук и Анапе и после непродолжительного сопротивления эти две крепости были очищены. Маленькие крепости – форт Раевский и форт Николаевск, как и крепость на реке Абин, также были оставлены.

Русские заняли теперь позицию на правом берегу Кубани, где они держали укрепленные пограничные посты; главный город черноморских казаков – Екатеринодар, как и все станицы в Черноморье, по высшему приказанию был очищен от жителей, а население со своими стадами и имуществом отступило на Волгу.

Вдоль Кубанской линии была выставлена армия из 100 000 человек, и русские считали свою позицию на Кавказе настолько опасной и были так уверены в том, что они здесь подвергнутся нападению союзников, что вся Кавказская армия была поставлена на военное положение, резервы и нерегулярная милиция призваны,

а правый фланг подкреплён ещё одной дивизией пехоты и артиллерийской бригадой из 5-го армейского корпуса.

В апреле 1854 года состояние русской армии на Кавказе было следующее.

1. Правый фланг Кавказской армии был расположен от полуострова Тамань до Дарьяльского ущелья, фронтом против Северной Абазии.

Пехота

15-я дивизия.....	16 батальонов	16 000 человек	
20-я – «–	16 – «–	16 000	– «–
3 бригады черноморской пехоты....	18 – «–	18 000	– «–
Грузинская регулярная линейная пехота.....	4 батальона	4000	– «–
Стрелки.....	4 – «–	4000	– «–
Пехота черноморских казаков.....	9 батальонов	9000	– «–
Пешая милиция.....		16 000	– «–

ВСЕГО..... 67 батальонов 83 000 человек

Кавалерия

1 полк драгун.....	8 эскадронов	1200 человек	
12 полков черноморских казаков....	72 эскадрона	10 800	– «–
8 полков донских казаков.....	48 эскадронов	7200	– «–
Конная милиция.....		2000	– «–

ВСЕГО..... 128 эскадронов 21 200 человек

Артиллерия

3 бригады полевой пехотной артиллерии по 48 орудий.....	144 орудия	3600 человек	
4 бригады конной артиллерии по 16 орудий.....	64 – «–	1600	– «–

ВСЕГО..... 208 орудий 5200 человек

Штаб, инженерные войска, резерв артиллерии, администрация и т.д. – приблизительно 2600 человек. Правый фланг, таким образом, всего: 208 орудий и 112 000 человек.

2. Армейский корпус в Мингрелии, фронтом против Абазии и против восточного берега Черного моря.

Пехота

2 бригады 21-й дивизии.....	8 батальонов, 8000 человек
Грузинская регулярная линейная пехота.....	4 батальона, 4000 — «—
Пешая милиция.....	20 000 — «—

Кавалерия

Конная милиция.....	2000 человек
2 полка донских казаков.....	12 эскадронов 1800 — «—

Артиллерия

2 пехотные полевые батареи.....	24 орудия 600 человек
1 конная батарея донских казаков.....	8 орудий 200 — «—
1 бригада горной артиллерии.....	32 орудия 800 — «—
Штаб, инженерные войска, резервная артиллерия, администрация и т.д. приблизительно.....	1600 человек
Армейский корпус в Мингрелии	

ВСЕГО..... 64 орудия, 39 000 человек

3. Армейский корпус в Дагестане фронтом против независимых племен чеченцев, аварцев, кумыков и лезгин под предводительством шейха Шамиля.

Пехота

Грузинская регулярная линейная пехота.....	4 батальона 4000 человек
Пехота линейная казаков.....	4 — «— 4000 — «—
Пешая милиция.....	12 000 — «—

Кавалерия

1 полк драгун.....	8 эскадронов 1200 человек
18 полков линейных казаков.....	108 — «— 16 200 — «—
Конная милиция.....	2000 — «—

Артиллерия

2 батареи горной артиллерии.....	16 орудий	400	человек
3 бригады конной артиллерии.....	48 – «–	1200	– «–
Штаб, инженерные войска, резервная артиллерия, администрация и т.д.		1000	– «–
Армейский корпус в Дагестане			

ВСЕГО..... 64 орудия 42 000 человек

4. Армейский корпус из Тифлиса, расположенный вдоль турецкой границы в Малой Азии и прикрывающий столицу Кавказа.

Пехота

1 бригада гренадер.....	8 батальонов	8000	человек
1-я бригада 21-й дивизии.....	8 – «–	8000	– «–
19-я дивизия.....	16 – «–	16 000	– «–
Стрелки.....	4 батальона	4000	– «–

ВСЕГО..... 36 батальонов 36 000 человек

Кавалерия

2 полка драгун	16 эскадронов	2400	человек
8 полков донских казаков.....	48 – «–	7200	– «–
Конная милиция.....		3000	– «–

ВСЕГО..... 64 эскадрона 12 000 человек

Артиллерия

2 бригады пехотной артиллерии.....	96 орудий	2400	человек
2 – «– конной – «–	32 орудия	800	– «–

ВСЕГО..... 128 орудий 3200 человек

Штаб, инженерные войска, резервная артиллерия, администрация и т.д., приблизительно..... 2200 человек

Армейский корпус из Тифлиса

ВСЕГО..... 128 орудий 54 000 человек

СВОДКА

Армейский корпус против Абазии....	208 орудий	112 000 человек	
– «– – «– в Мингрелии....	64 орудия	39 000	– «–
– «– – «– в Дагестане....	64 – «–	42 000	– «–
– «– – «– у Тифлиса....	128 орудий	54 000	– «–

В Кавказской действующей

ВСЕГО..... 464 орудия 247 000 человек

Кроме того, были призваны все резервы и включены в состав армии, так что вся Кавказская армия в короткое время могла быть доведена до внушительного количества в 300 000 солдат с 600 полевыми орудиями. Если мы внимательно просмотрим расположение русской армии в апреле, которое привели выше, то найдем, что русские видели самую большую опасность в нападении со стороны Абазии и здесь развернули самые большие силы. Стоящего у Тифлиса и вдоль анатолийской границы четвертого корпуса Кавказской армии едва хватало, чтобы держать гарнизоны в городах и защищать длинную границу. О серьезном наступлении на Анатолию, которое эта армия предприняла позднее с таким блестящим успехом, в это время никто и не думал. Мы потом увидим, каким обстоятельствам можно приписать, что одна значительная часть этой армии могла быть отделена для Крыма, в то время как другая часть двинулась на Анатолию, заняла Карс, угрожала Эрзеруму и уничтожила одну турецкую армию.

Примечание

¹ Каймак – губернатор, заместитель султана.

² Диван – совет министров, в котором собираются гражданские, военные и духовные чиновники, ранг соответствует муширу (маршалу).

³ Турки называют абазов всегда черкесами (черкес-мемлекет).

⁴ Тофанэ – артиллерийский арсенал в Константинополе; в Турции существует еще артиллерийское министерство, министр которого называется мушир Тофанэ.

⁵ Мирмиран – гражданский паша двухбунчужный, по рангу стоит всегда ниже ферик – дивизионного генерала, двухбунчужного паши.

⁶ Пара – мелкая турецкая медная монета.

Глава одиннадцатая

Турецкий корпус под командой мушира Мустафы-паши высаживается в Суджук и Анапе. – Поведение турок в Адыгее. – Сефер-паша и Мустафа. – Отступление турок из Северной Абазии. – Движение русских. – Адыги держатся во время Восточной войны совершенно спокойно. – Причины этого. – Интриги против усилий англичан. – Сердар Омер-паша в Сухум-Кале. – Ошибочное ведение войны. – Конец войны. – Отступление турецких войск из Абазии. – Депутация в Константинополь. – Положение в Абазии. – Зан-оглы Сефер-паша и наиб Мохамед-Эмин.

После оставления Суджука и Анапы русскими турецкий корпус в несколько тысяч человек высадился в Северной Абазии и занял обе эти крепости. Командующий турецким корпусом мушир Мустафа-паша был назначен Портой главным начальником над всеми военными силами, которые он может собрать. Сефер-паша, которому в Сухум-Кале нечего было делать, был командирован в Суджук, чтобы в этой части страны, на которую он больше всего, казалось, рассчитывал, наконец смог выполнить данные им турецкому правительству обещания. Он собрался в дорогу, но не взял с собой данное ему Портой оружие и снаряжение для формирования регулярного черкесского корпуса, а отправил его из Сухум-Кале в Батум. Когда мушир потребовал у него по поводу этого объяснения, он стал оправдываться тем, что у него не было транспортных средств, как будто то же самое судно не могло бы так же хорошо идти в Суджук, как и в Батум. Однако действительная причина заключалась в том, что хитрый татарин не хотел обнаружить свое бессилие и свои слабые стороны; если бы он привез снаряжение в Суджук, то Мустафа-паша потребовал бы, чтобы он выставил давно обещанный корпус, и оказалось бы, Сефер такой же влиятельный в Натухае, как и в Сухуме; а так он находил для себя трудности, которые прикрывали бы его слабость.

В Натухае оба паши созвали общее народное собрание и приказали явиться всем представителям страны и половине всех военноспособных мужчин. Что они, собственно, хотели с ними предпринять в этом углу Абазии – трудно сказать. Впрочем, их приказания оказали незначительное впечатление. Кроме натухайцев прибыли только несколько уполномоченных из Шапсугии

и Убыхии; никого не было из Абадзехии, где наиб совершенно изолировался и прекратил всякие сношения с турецкими политиками. Он ясно понял, что они занимаются более тем, чтобы интриговать против его личности, чем подготавливать войну против русских: таким образом, он был полон недоверия по отношению к каждому предложению, которое ему было сделано. Следуя примеру наива, князь Александр из Южной Абазии, так же как и готовые к восстанию племена сванетов и осетин, держались далеко от всякой связи с агентами Порты; то же делали и многочисленные приверженцы наива в Шапсугии и Убыхии.

Несмотря на это, на призыв пашей, в надежде выступить наконец против русских, собрались между Анапой и Суджуком около 20 000 конных и пеших воинов. Большинство пришло из Натухая, который выставил почти всех боеспособных мужчин. Если бы оба паши были хоть сколько-нибудь дельные и предприимчивые люди, то они использовали бы этот случай, чтобы исправить прежние ошибки, и двинулись бы быстро со всеми своими войсками и собравшимися адыгами через Абадзехию к Лабе и Малой Кубани. Такое энергичное продвижение, весьма вероятно, способствовало бы тому, что все воинственное население Адыгеи взялось бы за оружие и держало бы русскую армию в напряженном состоянии. Во всяком случае, русские имели бы достаточно хлопот, чтобы препятствовать вступлению в Кабарду и соединению с горцами Дагестана абазов, подкрепленных некоторым количеством регулярных войск и небольшой артиллерией.

Оба паши были очень далеки от того, чтобы думать о таких вещах; Мустафа-паша был в вечном страхе перед нападением русских на Анапу и отступал при малейшей тревоге от воображаемого врага в горы; старый Сефер посматривал на все и прислушивался ко всему с открытым ртом, непрерывно жаловался, угрожал и бранил наива, а сам, беспомощный и бездеятельный, не мог найти выход из этого положения. Целых 14 дней задерживали народ пустыми речами, пока у большинства не кончился провиант и терпение и они опять удалились. Из 20 000 человек, которые собрались на первый зов, на стороне обоих пашей осталась едва десятая часть.

Из опасения, что их оставят совсем одних, паши собрались наконец в дорогу, однако большую часть своего регулярного войска оставили как гарнизон в Анапе и Суджук с приказом защищать

до последней крайности эти крепости, если они подвергнутся нападению. Этот приказ, как и оставление ненужного гарнизона, был менее всего необходим, так как русские и во сне не думали о том, чтобы действовать на левом берегу Кубани, ибо они сами с беспокойством ожидали высадки большого корпуса войск и наступательного движения на Малой Кубани.

Медленно двинулись паши из Натухая вдоль берега Кубани, через равнины Шапсугии до границы Абадзехии, сопровождаемые одним батальоном, одним эскадроном, четырьмя орудиями и примерно 2000 всадников. Здесь они сделали остановку и смотрели друг на друга, не зная, что делать дальше.

По пути к ним никто не присоединился, а прием, который они встретили у народа, был не очень ободряющий. Им было жутко находиться так далеко от их любимой и надежной Анапы и быть так близко к страшному наibu. Хотя и родившиеся в Адыгее, эти двое людей были воспитаны по-турецки и не понимали ни духа, ни характера адыгского народа. Привыкшим в Турции в каждом низшем видеть только рабскую покорность, им было противно свободное и независимое обращение абазов, которое им казалось вызывающим. Нужно еще принять во внимание, что внешний вид турецких солдат не мог внушить адыгам благоприятного представления о их пригодности к войне; последние говорили пашам в глаза, что с такими неуклюжими людьми нельзя вести никакой войны и что эти неповоротливые, частью оборванные солдаты будут для русских служить более причиной смеха, чем страха. Насмешка и презрение к туркам слишком явно выражались на лице каждого адыга, чтобы не тревожить обоих пашей. Их беспокойство день ото дня делалось все больше и больше, особенно же – когда по ту сторону границы Абадзехии настроение народа стало прямо враждебным.

Если бы, как было сказано, оба паши со всем их войском и собранными вначале абазами не медленно и неповоротливо, но быстрым шагом двинулись в Абадзехию – нет сомнения, что весь народ присоединился бы к ним; но так как они почти все свои войска оставили в Анапе и Суджукe, а большое ополчение сократилось до одной десятой части, то абадзехи не хотели видеть несколько тысяч гостей,двигающихся в их страну, которые, по всей видимости, намеревались не биться с русскими, а хотели только низвергнуть наиба и сделать Абадзехию турецкой провинцией.

Вид турецких солдат совсем не возбуждал у абазов желания сделаться подданными султана.

Паши попробовали теперь привлечь наиба к себе и послали к нему послов с приглашением прийти в их лагерь и совместно двинуться в Абадзехию. Однако он отговорился болезнью и не явился; но в турецком лагере узнали, что он находится на расстоянии трех часов пути и собирает войска. В страхе, что Мохамед-Эмин, хотя и назначенный султаном пашой, может так забыться, что возьмет их в плен вместе с их войском, они снялись поспешно с места и скорым маршем направились в безопасную Анапу. Однако, чтобы иметь возможность что-нибудь сообщить в Константинополь и пустить адыгам пыль в глаза, на пути были произведены демонстрации против русских: паши угрожали переходом через Кубань, часто производилась стрельба с левого берега на правый, где никого не было видно, над чем русские, а затем и абазы смеялись от всего сердца. Против наиба паши обратили всю свою бессильную ярость, объявили его изменником, гяуром и так далее и требовали, чтобы все абазы относились к нему как к врагу. На реке Шепш близ границы Абадзехии, где наиб часто поступал с жителями строго, он имел много врагов; там интриги пашей нашли хорошую почву, они не жалели обещаний, ни даже подарков, чтобы преградить путь проникновению наиба в Шапсугию. Так окончилась экспедиция турецких пашей, вместо пользы для народа и вреда для русских оставив после себя только раздоры, ссоры и гражданскую войну между абазами.

После возвращения турок из этого «славного» похода Мустафа-паша сообщил своему правительству, что он прогнал русских из всей Абазии и продвинулся бы дальше, если бы абазы не были непослушным и необузданным народом, который ни к чему нельзя склонить и который наиб возмущает еще к тому же против султана, так что войскам падишаха нечего больше делать в этой стране, что им грозит большая опасность быть выданными местными жителями врагу. В результате этого рапорта Мустафа-паша получил приказ погрузить войска на корабли и отправиться в Батум, а Сефер-пашу с небольшим гарнизоном оставить в Анапе.

Так окончил Мустафа-паша свой поход в Черкесию: Сефер-паша с сотней пехотинцев и сотней артиллеристов, которые были оставлены ему для прикрытия, удобно устроился в Анапе и продолжал начатую им систему лжи. Он оправдывался перед

Портой тем, что только бунт наиба мешает привести в исполнение его обещания; адыгов же он обманывал тем, что заверял их, что они могут вполне положиться только на падишаха, должны вести себя спокойно, не предпринимать бесполезных нападений на русских, заниматься земледелием и торговлей, но в особенности – сохранять верность султану и соблюдать магометанскую веру, ибо только этим они могут обезопасить свою страну от нового нападения врага. Вместо того чтобы быть предводителем народа, Сефер-паша и его штаб сделались торговыми маклерами между абазами и английскими и французскими купцами, которые скупали вдоль берега, особенно в Анапе и Суджукке, продукты для войск, осаждавших Севастополь.

Последствия этой горестной неловкости Порты, с одной стороны, принесли большую пользу русским, с другой – оказались вредными для союзников и губительны для оттоманской армии в Малой Азии. Мы уже указали выше расположение русской армии на Кавказе. Как только русские увидели, что союзники не думают серьезно действовать против них на Кавказе, а, наоборот, обезопасили их от наступательных действий горцев, они изменили свою позицию и перешли на юге от обороны к наступлению. Корпус вдоль Кубани был уменьшен, а его контингентом усилена армия в Крыму и тифлисский корпус. В Крым были отправлены: 15-я пехотная дивизия, две бригады черноморской пехоты, пять батальонов черноморских казаков, два батальона стрелков, четыре полка донских казаков, одна бригада пешей и одна бригада конной артиллерии – всего приблизительно 40 000 человек с 64 орудиями; 20-я пехотная дивизия, два батальона стрелков, один полк драгун и одна бригада пешей артиллерии – таким образом, немногим более 20 000 человек и 48 орудий были отправлены для подкрепления армии под Тифлисом. Большая часть милиции была распущена, так что немногим более 30 000 человек остались стоять фронтом против абазов, что было меньше даже, чем в обыкновенное время. Неспособность турок, так сказать, обезоружила горцев и облегчила положение русских.

Уменьшение опасности со стороны Абазии позволило также русским употребить для усиления тифлисского корпуса один армейский корпус в Мингрелии, один пехотный полк и одну батарею из армейского корпуса в Дагестане, один полк драгун, шесть полков линейных казаков и одну бригаду конной артиллерии,

всего 12 000 человек с 28 орудиями, и распустить большую часть милиции.

После того как русские усилили свою армию под Тифлисом 30 000 человек с 76 орудиями, главнокомандующий мог предпринять наступательные действия против Карса. Армия Муравьева, когда она перешла границу, была несколько более 50 000 человек, так как для прикрытия флангов и тыла было необходимо большое войско.

Старый Сефер-паша, мало интересовавшийся тем, что происходило вокруг него и не понимавший значения Восточной войны, жил между тем спокойно и беззаботно в Анапе, деля свое время между молением, курением табака и бранью наиба. Только один раз ему пришлось предпринять поход против русской крепости Коркуй, стоящей на правом берегу Кубани, по следующим причинам. Русские настолько оправились после своего первого испуга, что не только не опасались нападения на их линию, но даже от скуки производили нападения на границу. Маленький гарнизон Коркуя, едва достигавший 1000 человек, предпринял несколько экспедиций через Кубань и неожиданно напал на несколько дворов адыгов, которые, убаюкиваемые болтовней старого Сефера, беспечно не приняли даже обыкновенных мер предосторожности. Жители, живущие на границе между Анапой и Коркуем, разбуженные от своей дремоты, потребовали защиты от заместителя всемогущего султана, и Сефер должен был наконец выступить со своей сотней пехотинцев и двумя орудиями из Анапы, что он сделал после больших колебаний и с большой неохотой. Русские на левом берегу Кубани против крепости Коркуй насыпали небольшой земляной окоп, откуда они предпринимали свои набеги против ближайших дворов адыгов. Связь между крепостью и окопом поддерживалась несколькими большими барками. Толпа из нескольких тысяч адыгов сопровождала небольшое войско Сефер-паши. После того как они обменялись 10–12 пушечными выстрелами, рота, находившаяся в окопе, очистила его и переправилась на другой берег Кубани. Сефер-паша возвратился победоносно обратно в Анапу, крепость потратила больше пороха, празднуя бескровную победу, чем его было потрачено обеими сторонами при сражении. Сефер-паша написал великолепный рапорт в Константинополь, представил к отличию многих своих друзей и впал опять в свою обычную апатию.

Еще один раз он был потревожен от своего блаженного покоя. Английское правительство, которое всегда с беспокойством и интересом наблюдало за успехами русского господства на Кавказе, не могло понять, почему народ, который в продолжение многих лет без всякой поддержки оказывал успешное сопротивление гигантской мощи России, во время всеобщей войны против последней не принимает никакого участия, а остается пассивным зрителем. На запросы английского посла в Константинополе Порты дала по поводу состояния Абазии объяснения, которые звучали так безутешно, что приходилось отложить всякую надежду предпринять что-либо серьезное против русских в этой стране. Чтобы, однако, извлечь пользу из военных качеств абазов и дать им через участие в войне против русских, при будущем заключении мира, право на какое-либо политическое значение, английское правительство решило набрать один корпус в 6000 абазских всадников, содержать его и использовать в Крыму. Порты, казалось, очень охотно на это согласилась, и англичанин, господин Лонгворт ¹ – один из немногих европейцев, который был немного знаком с абазами, был снабжен необходимыми полномочиями и средствами и послан в Абазию для выполнения этого дела. Порты, которая всегда выставляла себя неограниченным господином в Абазии, приготовила Сефер-паше открытый фирман о том, чтобы вербовке английского посланного оказывалась всевозможная поддержка. В этом фирмане категорически также запрещалась торговля рабами. Тайным же образом было послано Сефер-паше секретное предписание – англичан не поддерживать и постараться от них вежливо отделаться.

Даже при отсутствии других затруднений так несвоевременно потребованный англичанами и с фальшивой готовностью изданный Портой приказ об уничтожении торговли рабами был бы совершенно достаточен для того, чтобы сделать непопулярным всякое выступление господина Лонгворта в Абазии и затруднить проведение его задачи. Было по меньшей мере странно требовать сейчас же от некультурного народа, который впервые пришел в соприкосновение с европейской цивилизацией, уничтожения укоренившегося обычая, в то время как главный рынок этой торговли в столице султана, в гаремах пашей и в серале самого повелителя оставался неприкосновенным и остается таковым до сих пор. Кроме того, после падения авторитета наиба Мохамед-

Эмина никто не был в состоянии собрать в Абазии такое количество воинов и вывести их из страны. Сефер-паша был сердечно рад, что тайные желания Порты были против английской вербовки. Он был бы в безвыходном положении, если бы Порта потребовала от него всерьез выполнения этого приказа, так как он не был в состоянии найти и сотни человек, которые захотели бы под его поручительством служить вне страны, даже и за большое английское жалование. Впрочем, он исполнял свою роль очень ловко, так что английский уполномоченный получил уверенность, что только злая воля Сефера-паши препятствует вербовке, а этот последний был достаточно хитер для того, чтобы считаться лучше упрямым и фанатичным, чем ничтожным, тем более что при этом он выполнял без усилий приказ турецкого правительства. Шаги, предпринятые в этом направлении у наиба, оказались также безуспешными, во-первых, потому, что Мохамед-Эмин, при его полном незнании европейской политики, принимал за одно и то же турок и англичан и последних считал также подданными султана, а потому не доверял им; во-вторых, потому, что он охранял открытую абадзехскую границу от возможного нападения русских и еще, кроме того, должен был быть настороже против турецкой агитации внутри его страны. Господин Лонгворт возвратился, таким образом, обратно, не выполнив своей задачи и наихудшим образом настроенный против адыгов, из которых, как я впоследствии узнал, никто не понял, чего от них, собственно, хотели. В общем, идея вербовки и использования их в Крыму была непрактична и противна образу мыслей и характеру адыгов.

Отчаянное положение турецкой армии в Карсе и успехи русских в Малой Азии поневоле привлекли снова внимание союзников к Кавказу. Было решено произвести наступление, и при этом не одной или двумя тысячами человек, а целым корпусом под командой лучшего турецкого генерала Сердар-Экрема ² Омер-паши. Пунктом высадки и операционной базой был выбран Сухум-Кале.

Сухум-Кале – единственная безопасная якорная стоянка на всем кавказском побережье; хорошо сохранившаяся крепость могла служить опорным пунктом для действующей армии: но что, однако, не было принято во внимание или не было известно – это количественный состав русских войск на Кавказе. Из Кавказской армии приблизительно 80 000 человек были в Карсе, а в Крыму осталось, таким образом, для защиты русских владений

еще около 150 000 человек, из которых около 60 000 человек было регулярного войска, остальное же – казаки и милиция. Правда, русские для охраны больших городов и бесчисленных крепостей и для наблюдения за абазской и дагестанской линиями должны были употребить большую часть этих войск, однако и против наступления из Сухум-Кале они могли еще сконцентрировать от 25 до 30 тысяч человек регулярного войска.

Непонятно, как это в главном штабе союзников могли надеяться на то, что Омер-паша со своими 22–25 тысячами турецких солдат, неумелых и малопригодных для наступательных действий в такой трудной местности, как Южная Абазия, мог провести без содействия враждебных России народов Абазии и Дагестана успешное наступление против привыкших к войне и хорошо знающих страну русских войск. Задача сердара была очень тяжела и неблагоприятна. Абазия в течение 18 месяцев была плохо подготовлена турецкими пашами и агентами к его приему, племена Южной Абазии, и без того не очень благосклонно расположенные к туркам, сделались совсем равнодушными к войне против России, благодаря беспомощности, бездеятельности и интригам турецких пашей. Вместо того чтобы организовать всю Абазию на военный лад и четвертую или пятую часть вооруженного мужского населения подготовить к возможному наступлению, уполномоченные Порты теряли свое время на то, чтобы интриговать против наиба, и делали неразумные попытки к введению турецкого господства.

Несмотря на это, было еще возможно все исправить и использовать абазский народ на войне; но для этого, нам кажется, необходимо было следующее. Корпус Омер-паши ни в каком случае не должен был быть сконцентрирован, потому что благодаря этому русские получили то преимущество, что все находящиеся в их распоряжении силы могли употребить против этого единственного корпуса; необходимо было также для массы абазских воинов выставить в двух пунктах ядро регулярного войска. Было достаточно оставить в Сухум-Кале третью часть турецкого войска и призвать к оружию жителей Убыхии, Южной Абазии и Сванетии. Если бы явилась только пятая часть вооруженных воинов, то собралось бы 6000 всадников и 12 000 человек пехоты. Начальство над этим христианским войском следовало бы передать князю Александру – единственному, который мог их собрать

и удержать вместе. Таким образом, у Сухум-Кале можно было бы держать наготове 8000 человек регулярного и 18 000 – нерегулярного войска для наступательных действий; 16 000 турецких войск высадились бы в Туапсе и через Абадзехию двинулись бы к Малой Кубани и там заняли бы свои позиции. Омер-паше следовало бы провозгласить наиба заместителем султана, а Сефер-пашу и весь татарско-черкесский сброд, который, к несчастью страны, бесчинствовал и интриговал от имени Порты, отправить в Турцию. Один только наиб был в состоянии собрать адыгов для военного похода и пятую часть вооруженных сил перевести через границу; 12 000 всадников и 24 000 человек пехоты без больших затруднений были бы собраны в Шапсугии и Абадзехии, что в соединении с регулярными турецкими войсками составило бы армию в 50 000 человек. Эта армия должна была бы, опираясь на Абадзехию, сконцентрироваться на Малой Кубани, и ее фланги и тыл были бы в совершенной безопасности. Стоящему у Сухум-Кале корпусу окружающая его бедная горная страна не могла бы доставлять достаточно жизненных продуктов, и вследствие этого было бы необходимо обеспечить этот корпус провиантом с моря. Напротив, сконцентрированный на Малой Кубани корпус с легкостью мог бы обеспечить себя продуктами из богатых равнин Абадзехии и Шапсугии.

В Дагестане шейх Шамиль заключил с русскими род перемирия, но этот договор при нападении на русскую линию и при появлении войска в Кабарде не удержал бы имама от выступления ³ из Дагестана, и даже в случае, едва ли возможном, если бы он сам захотел сдержать данное русским обещание, то жадные до добычи и войны аварцы, чеченцы и лезгины, конечно, не смогли бы удержаться от выступления. На диверсию по меньшей мере в 20 000 человек со стороны дагестанских народов можно было бы рассчитывать с полной уверенностью.

50 000 человек с 60 полевыми орудиями выступили бы с Малой Кубани, продвигаясь по равнинам Кабарды к Тереку; после ослабления русской линии против Абазии они не натолкнулись бы на серьезное сопротивление, а встретили бы только казачьи войска и милицию, с которыми абазы равны по военной мощи, если даже не превосходят их. На Тереке произошло бы соединение с войсками из Дагестана и можно было бы еще рассчитывать на содействие магометанской Кабарды и враждебных русским осетин.

Такие военные действия нанесли бы, может быть, непоправимый удар русскому господству на Кавказе.

Русские никогда не смогли бы оказать успешного сопротивления такому войску до прибытия подкрепления из Центральной России и до возвращения армии из Анатолии. Они должны были бы охранять свои бесчисленные крепости и станицы. В то время как они защищали бы одни крепости, другие, находящиеся на пути регулярных войск, не смогли бы обороняться и попали бы в руки врагов. Если бы они оставили свои форты и станицы, чтобы сконцентрироваться, то все население, жены и дети казаков и переселенцы оказались бы во власти диких горцев. Такая операция сделала бы положение русских на Кавказе чрезвычайно запутанным. Войско в 25 000 человек с 30 орудиями, опирающееся на Сухум-Кале, между тем отвлекло бы также значительную часть русской армии.

Трудно понять, как уже было сказано, как можно было собираться серьезно повредить русским на Кавказе без содействия независимых горцев. Омер-паша не думал совсем о сильных адыгах, а высадился со всем своим войском в Сухум-Кале. Прибытие сердара, о котором абазы знали, что он не турок, произвело на них благоприятное впечатление; многие старшины из Абазии пришли к нему и предложили свою службу в надежде, что наконец-то будет начата серьезная война против русских. Но они жестоко ошиблись. В одной рукописи умершего генерала Штейна (Фергат-паши), который занимал должность начальника генерального штаба в турецком корпусе, я нашел следующую заметку: «После нашей высадки пришли со всех сторон черкесские начальники, а также и могущественный наиб. Они предложили себя и свои племена для военной службы, но так как это не входило сейчас в общие наши расчеты, то им дали понять, чтобы они держались спокойно, чтобы бесполезными провокациями не посадить себе русских на шею». Удивительная политика! Народу, который находится всегда на войне, тогда как все другие пользуются дарами мира, советуют покой, когда он хочет использовать благоприятный момент, и почему?.. Чтобы не посадить себе на шею русских. Как будто турки до сих пор удерживают русских.

Омер-паша встретил наиба хорошо и скоро увидел, что это единственный человек, на которого можно положиться; он обещал ему даже выхлопотать от Порты утверждение его начальни-

ком всей адыгской страны, но в настоящий момент он не воспользовался его услугами. Напротив, сердар хотел, вероятно, следуя высшим предписаниям, использовать содействие Сефер-паши и уорков из Убыхии и требовал, чтобы они выставили свои силы. Сефер-паша торопился выполнить свои обязанности, обещал целую армию и наконец прислал своего сына с... семью всадниками; такие могущественные в Константинополе уорки Убыхии, как Хаджи-Керандук и Бракок-Измаил, выставили 11 всадников. Это было следствием жалких и неуклюжих интриг, которые Порта терпела и даже поддерживала.

Очень короткий поход Омер-паши не представляет никаких интересных эпизодов; русские увидели, что им не хотят сделать на Кавказе ничего плохого, и благословляли судьбу, которая в таком уязвленном пункте поставила против них турок; турецкая интервенция не могла быть опасной русским по многим основаниям. Неспособность и бессовестность турецких предводителей, которые не могли руководить своими собственными войсками, не говоря уже о недисциплинированных горцах, фактическая неспособность турецких офицеров, неловкие интриги в Константинополе, ненависть и презрение, которые питали к туркам даже магометанские племена горцев, а еще более христиане (абазы, грузины, имеретинцы и другие) – все это отняло у турецкой армии шансы, которые имела бы европейская армия. Еще сейчас абазы говорят, вздыхая: «Если бы мы не пустили турок на свою землю, а покорились бы французам или англичанам, если бы только 10 000 этих последних пришли к нам, то русских не было бы сейчас в Тифлисе». Грузины, имеретинцы и даже черноморские казаки ожидали с нетерпением появления англо-французских войск, чтобы соединиться с ними, но решили защищаться против турок до последнего.

Перемирие и скорое заключение мира прервало слабые попытки наступления от Сухума, которые делал Омер-паша. Турецкая армия погрузилась на корабли и освободила место русскому гарнизону. В Анапу также пришел приказ отправить в Константинополь 200 турецких солдат, составлявших гвардию Сефер-паши. Это как громом поразило Сефер-пашу. В своей слепой вере в непобедимость султана он был твердо убежден, что Черкесия действительно принадлежит султану, и совершенно серьезно думал, что он будет пожизненным вали страны. Его можно было только

с большим трудом убедить в противном. Тогда он захотел тоже сесть на корабль и отправиться в Стамбул; но один из высших турецких офицеров, который имел относительно него секретные инструкции, дал ему понять, что правительство султана уже достаточно для него сделало и что наступает время, когда он должен будет сам о себе заботиться, разделяя судьбу своей страны, и стремиться за долголетние благодеяния султана вознаградить его какой-нибудь серьезной службой. Турецкий гарнизон погрузился на корабль, после того как он сжег Анапу и взорвал укрепления. Старый же Сефер остался в Абазии: ему были оставлены две плохих шестифунтовых пушки и немного пороха в виде последнего подарка. После отъезда турок он отправился на маленькую реку Шапсугур, где и поселился со своей семьей, никем не замечаемый, деля все свое время, как обычно, между молитвой, курением табака и бранью наиба.

Между тем абазы со страхом замечали, что ложное спокойствие, в котором они жили с начала войны благодаря интервенции турок, кончается и они скоро опять будут предоставлены своим собственным силам в борьбе с исполинским противником. Состоялось собрание старшин всех народностей и племен, на котором было решено послать депутацию в Константинополь, предложить султану подданство Абазии и просить его защиты. Этот совет был дан народу друзьями турок и был принят с отчаяния; 260 депутатов отправились в Константинополь. Наиб Мохамед-Эмин также сопровождал депутацию, а Сефер-паша послал своего сына.

Можно себе легко представить, что депутация ничего не достигла: она была предоставлена султану, который их очень милостиво принял, предоставил им помещение и питание за счет правительства, в общем оказывал им всяческое гостеприимство; каждый депутат получил напоследок подарок в 1000 пиастров с обещанием, что скоро начнется новая война и русские будут навсегда изгнаны, с этим одураченные сыны гор были отпущены. Конечно, их турецкие друзья не забывали поощрять абазов к сопротивлению против русских до последней крайности, особенно же убеждали оставаться верными мусульманской религии и падишаху.

Результатом турецкой интервенции было то, что страна адыгов раскололась на несколько партий, в то время как до войны она была едина. Абадзехия повиновалась, как раньше, Мохамед-

Эмину и сохранила введенное им административное устройство. Убыхия никому не подчинялась под предлогом сохранения верности падишаху. Шапсугия разделилась на три партии. Самая благоразумная желала возвращения наиба, но она была очень слаба. Враги всякого порядка и все разбойники и воры, которые боялись строгости наиба, поддерживали притязания Сефер-паши, хотя они ему ни в чем не помогали и ему не повиновались. Заместитель султана служил порочным людям как бы бруствером против наиба. Жители прибрежной полосы не желали ничего знать ни о наibe, ни о Сефере; придерживаясь христианских и языческих обычаев, они одинаково ненавидели магометанство как из Дагестана, так и из Константинополя; если им угрожал наиб, то они держались за Сефер-пашу, когда же последний требовал от них поддержки и признания его власти, то они делали вид, что его не слышат. На Парижском мирном конгрессе был поставлен вопрос о непокоренных абазлах. Он был предложен английскими представителями, которые, однако, остались в полном одиночестве. Характерно, что турецкий посол ни одним словом не поддержал английское предложение.

Я уже раньше заметил, какой бесконечный вред причинило воюющим абазам позднейшее изменение пункта, по которому каждой европейской державе разрешено было держать в Черном море только два военных судна, в то время как для России количество разрешенных военных судов было доведено позднее до десяти.

Южные абазы, находившиеся с русскими до войны в перемирии, вернулись к прежним отношениям; северные же абазы, или адыги, готовились к новой войне.

В конце 1856 года, когда в Европе поздравляли друг друга со всеобщим миром, занятие Анапы открыло вновь военные действия в Абазии и берег был блокирован.

Примечания

¹ Господин Лонгворт провел раньше вместе с господином Беллем один год в Натухае и делал заслуживающие уважения попытки привести адыгов к какому-нибудь политическому единству и порядку. Его пребывание в Абазии казалось русскому правительству таким опасным, что за его голову была назначена большая цена, а царь Николай отдал приказ

повесить английских крамольников, как только они будут пойманы. Господин Лонгворт описал свои впечатления от пребывания между абазами в одном интересном труде на английском языке. В настоящее время он британский генеральный консул в Белграде.

² Верховный главнокомандующий, генералиссимус.

³ Наиб Мохамед-Эмин читал мне письмо Шамиля, в котором он писал, что с начала и до конца Восточной войны всегда держал наготове 20 000 всадников; кроме того, в каждом доме был приготовлен месячный запас продуктов для пяти воинов.

Предварительное замечание

Автор настоящего труда имел намерение дать между последней и предпоследней главами этого тома подробное описание событий, происшедших на Кавказе в течение 1861 и 1862 годов. Богатый материал об этих событиях был сообщен ему послами абазского народа, прибывшими прошлой осенью в Англию. Но господин полковник Лапинский в настоящее время не имеет возможности обработать для печати свои записки, ибо, как сообщают из Англии, священный долг любви к родине безотлагательно призвал его в Польшу. Доблестный автор этой книги, который в 1849 году в Венгрии, а позднее в горных ущельях Кавказа противостоял на поле брани исконному врагу своего отечества, в настоящее время снова отдал свой меч делу свободы и независимости и, как однажды на чужбине, так теперь на родине, сражается вместе со своими братьями против восточных варваров. Пусть же его ценный труд о Кавказе откроет глаза населению Центральной и Западной Европы на опасность, которой угрожает всякая новая победа России и всякий дальнейший рост ее мощи и влияния священным благам свободы и гуманности.

Конец первого тома

ТОМ ВТОРОЙ

Глава двенадцатая

Мои первые попытки организовать экспедицию на Кавказ. – Восточная война. – Я поступаю на службу в османскую армию. – Первая встреча с черкесами в Константинополе. – Измаил-паша. – Договор о том, чтобы выставить на Кавказе польский корпус. – Приготовления. – Неприятности. – Посадка на корабль в Босфоре. – Мой отряд и мои средства.

В жизни человека бывают некоторые предчувствия и желания, которые, несмотря на всю свою кажущуюся невероятность, иногда полностью осуществляются. Я испытал это на собственном опыте. Когда я в 1849 году, после окончания венгерской революции, эмигрировал, у меня возникла неотвязная мысль отправиться на Кавказ. Я был тогда еще не старше двадцати двух лет, и почти романтические легенды о Шамиле и о горных героях, которые в таком незначительном количестве сопротивляются гигантской мощи России, производили на меня глубокое впечатление. Я искал средства соединиться с ними, и везде, где бы я ни был – в Германии, Англии или Франции, я пытался найти себе союзника по этой идее и пробудить к ней интерес. Меня считали безрассудным мечтателем и ставили мне в пример некоторых моих соотечественников и нескольких отчаянных смельчаков англичан, которые за свои попытки войти в сношения с независимыми горцами Кавказа заплатились либо своей жизнью, либо здоровьем.

В начале Восточной войны поляки надеялись использовать для своего дела создавшееся политическое положение и принять участие в борьбе против своего заклятого врага. Попытки поляков в этом направлении поддерживали ныне умерший князь Адам Чарторыйский и его племянник граф Замоиский. Я предоставил себя в распоряжение князя Чарторыйского и прибыл в январе 1854 года вместе с графом Замоиским в Константинополь. У нас

было хорошо продуманное намерение организовать немедленно несколько отрядов и повести их на врага, но в Стамбуле мы застали такой беспорядок и столько неожиданных затруднений, что проходил месяц за месяцем, а граф Замойский, несмотря на все усилия, не мог добиться никакого результата. Обстоятельства требовали его свидания с Омер-пашой, и граф отправился в его штаб-квартиру. Один квазикавалерийский полк, едва на десятую часть состоявший из поляков и очень плохо экипированный, служил под именем казаков султана в турецкой главной армии под командой генерала Чайковского (Садык-паша) и настолько выделялся среди турецкой кавалерии, несмотря на свой малый опыт и недостаток во всем необходимом, что сердар поставил перед Портой вопрос о создании второго полка такого же типа. Граф Замойский и занялся созданием и организацией этого полка.

Я, как и многие мои соотечественники, начал терять надежду на то, что наша роль на Востоке может принести какую бы то ни было пользу делу нашей родины, и возвратился к моей излюбленной идее об экспедиции на Кавказе. Берега стали доступными, и некоторые пункты были уже заняты оттоманскими отрядами; поэтому было легко пробраться в эту страну. Значительное число русских перебежчиков, живших на Кавказе, давало нам основание надеяться, что в ближайшем будущем можно будет создать из них регулярную армию, и было весьма вероятно, что союзники, которые признанием нашей национальной независимости не хотели еще более запутать восточный вопрос и поэтому не разрешили наши организации в Турции, по многим причинам могли бы благоприятнее отнестись к утверждению польских отрядов на Кавказе и даже поддерживать их. Но в том случае, если бы это действительно осуществилось, а польский вопрос не был бы затронут, это могло бы принести нам, по крайней мере, хоть ту пользу, что мы, располагая тысячами человек из старых отрядов, могли бы дальше вести войну вместе с абазами и, может быть, в конце концов побудили бы Россию к некоторым уступкам в отношении нашей родины; и, во всяком случае, это предприятие было опасно и неприятно для России, следовательно, полезно для поляков.

В августе 1854 года я отправил находившемуся тогда в Бухаресте в штаб-квартире Омер-паши генералу Замойскому обстоятельный меморандум об этом деле и просил его согласия и под-

держки в отправлении экспедиции на Кавказ. Генерал надеялся на дальнейшее развитие войны и на возможность того, что полякам, собравшимся на Пруте, откроется более близкое и плодотворное поле действий. Он потребовал моего приезда в Бухарест и поступления на службу в оттоманскую армию. Я не мог сделать ничего иного, как повиноваться приказу моего политического руководителя, и вскоре после этого вступил на оттоманскую службу в качестве начальника генерального штаба второго турецкого армейского корпуса, стоявшего на Дунае и Серете.

Стараниями князя Чарторийского удалось впервые к концу 1855 года привлечь английское правительство к организации польской дивизии из трех пехотных и двух кавалерийских полков. Два кое-как составленных кавалерийских полка, которые числились в турецкой армии под именем казаков султана, были теперь разделены; первый остался на турецкой службе, а второй составил основные кадры вновь сформированной дивизии, команду над которой принял генерал Замоиский.

Я оставил оттоманскую службу и вступил в эту дивизию. Но едва только были заложены основы для организации дивизии и собрана тысяча человек, как заключение мира положило предел всем нашим дальнейшим попыткам. В то время как весь мир, уставший от войны, с восторгом приветствовал заключение мира, поляки были, вероятно, единственными, которые с тяжелым сердцем видели, что все возлагавшиеся ими надежды на войну погибли.

Я возвратился снова к моей идее, которую так долго вынашивал. Как было уже упомянуто в предыдущей главе, наиб Мохамед-Эмин прибыл в Константинополь с большой абазской депутацией. Он рассчитывал выхлопотать у турецкого правительства помощь в предстоящей войне адыгов с русскими. Однако он нашел в резиденции султана настолько плохо подготовленную для него почву, что вскоре оставил всякую надежду получить помощь с этой стороны. Порта видела в наibe очень благочестивого, но очень непокорного мусульманина, который хотел использовать свое положение в Абазии в личных выгодах, а не в интересах султана, и поэтому она в основном делала больше для того, чтобы ослабить положение наibe в Абазии, чем чтобы увеличить силу сопротивления страны русским.

Я имел тогда лишь очень незначительные и неточные сведения о положении дел на Кавказе, и так как наконец твердо решил

каким бы то ни было способом проникнуть туда, мне захотелось по возможности сблизиться с наибом. Я попросил одного молодого польского офицера, в совершенстве владевшего турецким и арабским языками, вступить в переговоры с Мохамед-Эмином. Ответ наиба был откровенным и благородным. Он сказал, что отряд польской армии, снабженный всем необходимым и приехавший в страну в качестве вспомогательного корпуса, будет там встречен с распростертыми объятиями; но что отдельные офицеры из-за своеобразных условий страны не сумеют принести никакой пользы ни себе, ни абазам. На мои вопросы, если отряд высадится в стране, может ли он рассчитывать на хороший прием и поддержку народа, будут ли предоставлены в распоряжение польских начальников многочисленные дезертиры из русской армии, какие припасы можно найти в стране, наиб попросил несколько дней на размышление. Через четыре дня он объявил моему посреднику, что после совещания со многими находящимися здесь депутатами он может дать такой ответ: средства, которыми адыги могут поддержать регулярное войско, очень ограничены, потому что народ беден и неорганизован, однако он (наиб) может поручиться, что корпусу численностью до 15 000 человек будет предоставлено необходимое снаряжение, кавалерийские лошади и жизненные припасы; что же касается перебежчиков, то он позаботится о том, чтобы облегчить их участь, и они, без сомнения, будут отданы в распоряжение польского вспомогательного отряда. В продолжение всех этих переговоров я лично не беседовал с Мохамед-Эмином; я считал это ненужным отчасти потому, что я в то время не был очень силен в турецком языке, особенно же потому, что я еще не знал, какие результаты будут иметь мои попытки в Константинополе. В скором времени после этого Мохамед-Эмин отправился назад, в Абазию.

Я пустил в ход все мои слабые средства, чтобы осуществить экспедицию. Заключение мира сделало невозможной поддержку со стороны той или иной союзной державы, и я был вынужден поэтому искать частные средства для осуществления моего предприятия. Единственное, что было для меня легко, – это собрать несколько сотен человек. После роспуска польской дивизии осталось много офицеров и солдат, полагавших, что лучше вечно продолжать войну с русскими, чем оставаться на турецкой службе. Располагая известным доверием среди моих соотечественников,

я мог с полным основанием рассчитывать, что всегда найду в готовности нужное мне для начала количество волонтеров; основную же массу войска должны были составить перебежчики, находившиеся в Абазии. Однако нужно было думать и о том, чтобы достать оружие, амуницию и небольшую сумму денег для перевозки и содержания отряда. Я обращался ко всем, кто был в какой-либо мере заинтересован польским делом или независимостью народов Кавказа, и, хотя все было мне бесконечно тяжело, я, однако, с каждым днем получал все более прочные надежды осуществить мои намерения. Вмешательство одного до той поры мне совершенно незнакомого лица должно было ускорить мой отъезд, однако оно же было источником затруднений, которые мне пришлось испытать.

27 сентября 1856 года в моей квартире в Скутари появился известный Измаил-паша, генеральный директор почты Оттоманской империи. По его словам, он был по рождению черкес, и так как слышал о моем намерении отправиться на его родину с отрядом войска, то пришел ко мне отчасти для того, чтобы со мной познакомиться, отчасти же для того, чтобы дать мне несколько советов, полезных для моего предприятия. Так как он ближе, чем кто-либо другой, заинтересован в благополучии своей родины, он хочет войти со мной в соглашение. Он позволяет себе надеяться, что я прислушаюсь к его словам. После продолжительной беседы Измаил-паша сообщил мне, что он уполномочен абазским народом представлять его интересы на чужбине и что Порты также рассматривает его единственным представителем абазов. На мой вопрос о наибе Мохамед-Эмине паша заявил, что этот человек – фанатичный мулла, который благодаря распространению магометанства имел некоторое время сильное значение, но теперь его влияние совершенно иссякло и он не имеет совсем авторитета; кроме того, наиб – непримиримый враг всякого христианина, мы должны его остерегаться почти так же, как русские, если, к несчастью, он снова станет могущественным. Поэтому будет лучше всего, если я соединюсь с Сефер-пашой, который известен как верный слуга султана, большой друг поляков и, кроме того, пользуется в Абазии огромным уважением. Хотя он уже очень старый человек и уже давно его голова ослабела, но это ничего не значит, потому что он сам, Измаил-паша, в ближайшее время приедет в Черкесию с несколькими европейскими офицерами и примет на

себя политическое и гражданское управление. В заключение этой беседы паша пригласил меня посетить в ближайший день совещание влиятельных черкесов, находящихся сейчас в Константинополе.

На следующий день я застал в доме паши около 30 человек, среди которых было много генералов и других высоких сановников, состоявших на службе у Порты, но абазов по происхождению, и нескольких абазов в национальных костюмах, которых Измаил-паша один за другим представил мне как замечательных личностей в их стране. Во время этого собрания Измаил-паша убеждал меня объединиться с ними и вместе отправиться в Черкесию ¹; он сообщил мне между прочим, что он держит наготове некоторое количество артиллерийских принадлежностей, оружия, пороху, свинца и железа, что он устроил в Константинополе частный сбор в пользу своей родины и собрал уже около 6000 кисетов ² золота, каковая сумма более чем достаточна для создания регулярного корпуса из 1000 польских солдат, что, кроме того, он в состоянии для содержания отрядов ежегодно посылать такую же сумму из Турции, к тому же лично он богат, обладает состоянием в 50 000 кисетов золота, а так как он одинок и у него нет семьи, то готов все состояние и всю свою жизнь принести в жертву своей родине. Эти уверения Измаил-паши были подтверждены всеми присутствующими. Я должен здесь заметить, что наши переговоры велись при посредстве переводчика, так как ни я, ни многие из присутствующих абазов не были сильны в турецком языке. Это облегчило Измаил-паше незаметное проведение своих тайных замыслов.

В качестве основы экспедиции было установлено, что Измаил-паша должен оплатить полностью снаряжение и вооружение батальона стрелцов в 500 человек, кавалерийского дивизиона в 200 человек, полевой батареи из 8 орудий в 200 человек обслуживающего персонала и саперной и обозной роте 100 человек, в общей сложности 1000 человек, и выплатить этому отряду шестимесячное содержание тотчас же после моего отплытия из Константинополя. Измаил-паша не только с радостью пошел на это, но, кроме того, обязался доставлять принадлежности для лаборатории, небольшой монетный станок и даже все инструменты, необходимые для нашей колонии, в том числе и такие, которые нужны для разведки и разработки горных пород. Депутаты черкесов, т.е. те люди, которые были мне так представлены, также

обещали именем своей родины предоставлять в мое распоряжение всех нынешних и будущих перебежчиков и заготовить еще до нашего приезда провиант, необходимый на год для 1000 человек, и выделить нам 500 лошадей.

От меня требовалось следующее: подобрать офицеров, необходимых для командования 1000 человек, от 100 до 200 человек солдат, военная организация и руководство защитной Абазии.

Предложения Измаил-паши и собравшихся у него абазов были так блестящи, что, если бы осуществилась даже половина или хотя бы четвертая часть их обещаний, я бы ухватился за них обеими руками.

Высокий пост, который в османском правительстве занимал человек, сделавший мне это предложение, то, что он, обладая значительным состоянием, был холост и бездетен, присутствие столь многих высокопоставленных особ, которым он дал свои обещания, – все это казалось мне подтверждением благородства его намерений. Я попросил несколько дней на размышление, чтобы основательно обдумать все дело, но в глубине души я был убежден, что надо использовать эти обстоятельства, чтобы привести в исполнение давно мной задуманный план.

Я отправился к нескольким высшим османским сановникам, чтобы разузнать их мнение об Измаил-паше и получить их совет. Я узнал, что паша еще во время войны устраивал сбор денег во всех гаремах, где находились абазские женщины, и каждый раз собирал значительные суммы, потому что многие патриотически настроенные женщины и девушки отдавали свои драгоценности на благо своей родины; что он сам богат и, как кажется, имеет честолюбивые намерения стать политическим вождем Абазии. В том, что это вполне может быть, меня уверяли все, и каждый, кого я не спрашивал, советовал мне соединиться с Измаил-пашой и отправиться в экспедицию. Однако я узнал некоторые подробности об Измаил-паше, которые пробудили во мне известное недоверие к нему. Он мне долго и подробно рассказывал о своем древнем роде в Абазии, о своем княжеском происхождении и о своем влиянии среди горцев. Но мне удалось узнать, что он сын мелкого лазского торговца и абхазской рабыни, родившийся в Анапе во время турецкого господства; отец его умер, не успев заплатить за рабыню. Мать и ребенок были проданы в Турцию. Измаил служил в качестве мальчика-раба у многих господ, дольше

всего – у Гафус-паши, который потом подарил его великому визирию Хрозрев-паше. Благодаря большой благосклонности последнего он пошел вверх и сделался его мюхюрдаром (хранителем печати). Вскоре он вступил в связь с любимой женой старого паши, которая была рабыней из Убыхии. Измаил и Хури-ханум начали рассказывать тогда всем, что они брат и сестра. Хрозрев терпел эти отношения и благоволил к обоим. Перед своей смертью он отпустил на волю Измаила, а так как он умирал бездетным, то оставил так называемым брату и сестре все свое значительное состояние. Хотя Хрозрев-паша и занимал высшие почетные должности в Турции, сам он все-таки оставался рабом султана, и по османскому закону великий повелитель должен был быть его единственным наследником; однако брат и сестра сумели так хорошо повести интригу и нашли таких влиятельных защитников своих интересов, что им удалось спасти около 50 000 кисетов золота – почти четвертую часть наследства. Обещание отдать наследство Хрозрева для поддержки абазов в войне с русскими доставило так называемым брату и сестре поддержку высоких особ.

Во время войны Измаил предпринял поездку в Убыхию; там он старался образовать свою партию, раздал несколько подарков, подавая еще больше обещаний, вступил в одну дворянскую фамилию, глава которой – известный Хаджи-Керандук, интригуя против наиба, за небольшое вознаграждение признал его племянником и привез составленный в Убыхии лист с несколькими сотнями подписей, в котором абазы объявляли его своим доверенным послом и просили султана направить его к ним как своего представителя.

Кроме Сефер-паши и наиба, Измаил-паша был по счету четвертым или пятым человеком, который прибыл в Порту с такого рода объявлением абазов. Эти рекомендации по существу ничего не значили, но Измаил-паша сумел так раздуть их в Стамбуле, что они в сочетании с наследством Хрозрева и влиянием Хури-ханум в серале великого владыки помогли экс-рабу Измаилу получить чин паши в 1856 году, и так как именно в это время было вакантным место генерального директора оттоманской почты, то Измаил стал его домогаться и получил этот пост, несмотря на то, что не умел читать и писать. Но так как он рассказал всем своим соотечественникам и многим туркам, что собирается ехать в Абазию, и это его до некоторой степени обязывало, то он считал свое

место ненадежным и старался, главным образом, собрать деньги и другие средства, которые могли бы быть получены абазами для ведения войны с Россией; ни один гарем в Константинополе, в котором находилась женщина или девушка абазского происхождения (а мало таких гаремов, где их нет), не остался неиспользованным. Измаил и Хури-ханум сумели так хорошо повести свое дело, что сумму в 6000 кисетов, которую он предполагал собрать, можно считать скорее преуменьшенной, чем преувеличенной.

Хотя подобные примеры вымогательства и интриг считаются в Турции в порядке вещей и большая часть турецких пашей сделала аналогичную карьеру, я не был доволен, что приходится входить в соприкосновение с подобным индивидуумом. С другой стороны, я все же ему верил и поддерживал себя надеждой, что этот еще не пожилой человек, поднявшийся наверх с низших ступеней общественной лестницы и не связанный оравой родственников, по крайней мере обладает большим честолюбием, которое послужит ему стимулом в нашем деле.

Все достаточно продумав, я решил принять предложение Измаил-паши и через несколько дней после первого разговора пришел к нему на квартиру, где в это время собралось еще более значительное число абазов, чем в первый раз. Измаил представил мне всех их как князей, дворян, депутатов, виднейших вождей и т.п. Так как я еще не имел правильного представления ни о стране, ни о людях, то, естественно, принял все это за чистую монету. Позднее я видел многих из этих людей в Абазии, но ни один из них не был видным человеком; значительнейшие между ними были работоторговцами, которых Измаил-паша пригласил к себе и предварительно прочел им лекцию; некоторые же были сами переодетыми рабами. Можно себе представить, что такие депутаты не скупились на всевозможные обещания.

Я не имел ни малейшего понятия обо всем этом обмане и, хотя личность Измаил-паши нередко вызывала во мне некоторое недоверие, все-таки не мог найти оснований, по которым он, будучи еще больше, чем я, заинтересованным в хорошем исходе экспедиции, стал бы меня обманывать. С утра до вечера он ходил якобы по делам, заказывал оружие в Бельгии, машины в Англии, монетный станок в Швейцарии, приглашал каждого, кого только мог найти; но когда я его серьезно спрашивал о положении дел и особенно о сборе нужных для отряда предметов вооружения, то

он, по турецкому обычаю, откладывал ответ со дня на день; затем потребовал от меня примерный расчет расходов на экипировку, а когда я это сделал, он разыграл удивление по поводу дешевизны моей сметы; после этого попросил смету на содержание отряда и сделал мне упрек, что я поставил слишком скромную сумму. Но вопреки всей этой щедрой болтовне я почувствовал в этом человеке признаки грязной скарედности, что навело меня на долгое раздумье. Большинство европейцев, которые еще не собрали сведений о Востоке, становятся жертвой своего легковерия. Восточный человек при своем кажущемся неповоротливом добродушии, при своей заученной беспомощности и наивности гораздо скорее, чем пронырливый плут, в состоянии провести за нос европейца, если бы он был даже более проницателен, чем я. Очень редко удается быть настороже с человеком, который не умеет читать и писать и кажется гораздо более грешен недостатком ума и образования, чем злой волей. При моем первом знакомстве с Измаил-пашой я считал его очень сердечным, хотя, к сожалению, глуповатым и необразованным человеком. Я тяжело поплатился за свою легковерность.

Прошло четыре месяца в пустых переговорах и разговорах, и я наконец сказал Измаил-паше, что не могу больше верить ни одному его слову. Я потребовал у него прежде всего, чтобы он купил оружие. После роспуска различных английских отрядов склады военного снаряжения продавались комиссариатом по бросовым ценам. Несколько тысяч штук предметов амуниции распушенной польской дивизии были куплены по очень низкой цене одним армянином из Галаты³, который производил розничную торговлю этими вещами. Таким образом, появилась очень благоприятная возможность купить подешевле необходимое для экспедиционного отряда обмундирование. Я понуждал Измаил-пашу использовать это обстоятельство, но он говорил о том, что сукно, кожу, парусину – короче, все он заказал во Франции, а покупка этой амуниции – выброшенные деньги. Но, чтобы меня несколько успокоить, он купил 200 шинелей и столько мундиров и брюк, за которые после бесконечно долгой торговли заплатил 24 000 пиастров (что равняется приблизительно 1000 талеров). За четыре месяца, в продолжение которых Измаил-паша говорил о миллионах, это были первые деньги, заплаченные им на моих глазах. Я часто пытался получить совет у различных знакомых

турок, но они меня всегда успокаивали относительно этого человека.

8 февраля утром ворвался Измаил-паша совершенно расстроенный в мою квартиру. Он рассказал мне, задыхаясь, что русское посольство узнало о готовящейся экспедиции, сделало запрос турецкому правительству и заявило свой протест. Он поставлен об этом в известность, и ему объявлено, что правительство вынуждено будет вмешаться в это дело и воспрепятствовать экспедиции. Теперь он не знает, как спасти от конфискации оружие и амунисию, если я не пошлю с ними часть солдат или сам с ними не поеду, так как он в течение месяца не может покинуть Стамбул. Я не мог удержаться, чтобы не сделать резких упреков этому плачущему паше за его поведение в течение четырех месяцев, и затем отправился к одному турецкому сановнику, чтобы спросить у него совета. Русское посольство действительно получило сведения о нашем проекте. Оно было осведомлено также о том, что оружие и амунисия, несомненно, предназначены для отправки на Кавказ, и предлагало Порте произвести ревизию внутренних портов. Так как мы своевременно узнали об этом, то маленькое турецкое парусное судно, на которое были погружены эти вещи, вышло из внутренней гавани в Бююк-дере ⁴. Когда затем представители русского посольства вместе с кавасами ⁵ посетили гавань, они ничего не нашли. Все-таки было ясно, что русские будут внимательно следить за всеми нашими действиями.

С этого дня Измаил-паша не оставлял меня в покое для того, чтобы побудить меня к немедленному отъезду. Он нашел так много правдоподобных доводов и так хорошо меня уговорил (от других я слышал тоже подобные советы), что я наконец решил отправиться с теми средствами, которые находились в моем распоряжении.

Кроме 200 комплектов предметов военного обмундирования, которые купил Измаил-паша, я получил от генерала Замойского из остатков склада распушенной польской дивизии некоторые припасы, состоящие из 100 пар сапог, 100 пар ботинок, 100 тиковых брюк, 100 шерстяных одеял, 100 рубашек, 6 палаток, 2 ящиков корпии, 4 револьверов и немногих других мелких предметов. На турецком паруснике, стоявшем на якоре в Бююк-дере, находилось 5 орудий, повозка для снаряжения, полевая кузница, 24 топора, 12 лопат, 12 молотков, 12 листов меди, 15 центнеров свин-

ца, 100 центнеров железа, 30 центнеров пороха, 2 ящика бомб, 1 ящик ракет, запас тросов и высушенного обработанного дерева для лафетов, колеса и т.п., 3000 пушечных ядер, 2000 гранат, 500 картечных банок и некоторые мелкие лабораторные принадлежности. Так как я не взял денег, которые имели в Абазии низкий курс, то на парусник было погружено на 100 000 пиастров холста и на 20 000 пиастров соли. Измаил-паша обещал доставить мне в момент открытия 100 ружей, 30 сабель, столько же револьверов и кавалерийских седел и некоторое количество остальных принадлежностей. Кроме того, он клялся благородно и яростно Аллахом и Мухаммедом, что в течение месяца поедет вслед за мной с огромным транспортом.

14 февраля пришел я, согласно предварительному уговору, к Измаил-паше, где застал капитана английского парохода, с которым было предназначено отплытие. Плата за провоз была установлена в размере 1000 футов стерлингов – это очень высокая оплата, но она объясняется тем, что судно, которое везет солдат и военную контрабанду на абазское побережье, может быть поймано и конфисковано русскими кораблями, поддерживающими блокаду. Отправка судна была назначена на первое марта; был заключен письменный договор на английском языке, который был подписан английским капитаном и к которому Измаил-паша приложил свою печать. Как свидетели подписались англичанин, сопровождавший капитана, венгерский офицер-ренегат, венский пиротехник по имени Ромер, приглашенный Измаил-пашой в Черкесию, польский лейтенант Качановский и я.

В тот же день я получил от Измаил-паши 19 000 пиастров, (т.е. около 850 талеров) для содержания солдат моего отряда и на различные расходы, хотя в течение более четырех месяцев он не догадался даже спросить меня о том, какие расходы, естественно, причиняет мне вербовка отряда.

Несколько дней спустя Измаил-паша случайно нашел другое английское судно, пароход «Кенгуру», владелец которого соглашался на плату за перевоз в размере 500 фунтов стерлингов, но при условии, что оружие и амуниция будут погружены не на его судно, а на турецкий парусник, который возьмется на буксир, чтобы в случае, если русские захватят транспорт, пароход не подлежал конфискации. Вместо того чтобы честно освободиться от первого контракта, Измаил-паша пошел на подлог. Он позвал

капитана первого корабля и сказал ему, что он рассудил иначе и будет использовать его пароход в течение шести месяцев в различных плаваниях, что же касается первого путешествия, то договоренная оплата остается действительной; однако он предполагает независимо от того, отправляется ли пароход в плавание или остается в гавани, каждый месяц выплачивать капитану 500 фунтов стерлингов. Англичанин, который увидел здесь очень выгодное дело, согласился с радостью и, не предполагая ничего дурного, отдал назад первый договор и составил второй на новых условиях. На втором контракте Измаил-паша подделал свою подпись ⁶. Если бы я имел хотя бы малейшее подозрение об этом мошенничестве, то, естественно, порвал с этим человеком и избавился бы, таким образом, от многих страданий и неприятностей, но я не знал ничего так же, как и другой польский офицер, присутствовавший при этой частной сделке. Мне Измаил-паша сказал, что для нас он приготовил другой корабль, который в любую минуту готов к отплытию, в то время как второй пароход он оставляет для своего переезда и для главного транспорта.

19 февраля вечером я приказал погрузить на корабль полученные от генерала Замойского боевые припасы. Я разделил набранный мною отряд на две части: меньшая часть в составе 4 офицеров и 72 солдат должна была теперь же отправиться со мной. Второй отряд, состоявший из 10 офицеров и 120 человек, под командой штаб-офицера должен был ждать прибытия оружия и амуниции и затем отправиться с Измаил-пашой. Я, таким образом, сдержал свое слово. Мы увидим в дальнейшем, как турецкий паша и высший чиновник султана исполнил свое слово. Я забыл еще сказать, что по своему легкомыслию не заключил письменный договор, не подозревая, что если имеешь дело с турецким пашой, то нужен не только договор, но и живые свидетели, и что, даже несмотря на все это, если нет энергичной поддержки со стороны европейского посольства, можно быть все-таки уверенным в проигрыше судебного процесса.

Утром 20 февраля отряд прослушал в последний раз мессу, отслуженную польским ксендзом, и радостно и смело поляки отправились в путь. Храбрые солдаты не думали ни об опасностях, ни о личной выгоде, существенным и высочайшим их желанием было вступить в борьбу с русскими. Я застал Измаил-пашу уже на корабле. Из 200 предметов обмундирования, закупленных им,

паша приказал погрузить на пароход только 70, а остальные – на парусник. Из оружия он принес с собой 4 ружья различных калибров и 20 сабель, кроме того, еще палатку и 100 штук фесок ⁷. Он клялся всеми святыми, что у Сефер-паши в Абазии я найду еще 4000 пехотных ружей, множество сабель, седел и других вещей, которыми я могу воспользоваться до его приезда. Когда я увидел приготовленный для путешествия провиант, нашел только скверные испорченные турецкие галеты и немного маслин. От всей этой лжи и явного желания Измаила накормить меня блестящими обещаниями и ничего не дать у меня наконец лопнуло терпение. Я бросил ему в лицо в резких выражениях все, что думал о его мошенничестве, грязной скупости и лживости, и отдал приказ выгружать обратно солдат и боевые припасы. И здесь бывший раб Измаил обнаружился во всем своем мерзком характере. Он умолял меня, плакал, падал передо мной на колени, клялся Мухаммедом и Кораном, признавал свою вину, короче говоря, пробовал все, чтобы отвести меня от моего намерения. Его вид был так жалок, что мои офицеры, которые его не знали, стали ходатайствовать за него передо мной. Стремление осуществить мой долгие годы лелеянный замысел было так сильно во мне, что, несмотря на то, что я больше чем наполовину понял гнусности Измаил-паши, все-таки ухватился за соломинку надежды. Я думал про себя: если хотя бы десятая часть обещаний Измаила исполнится (а к этому, я надеялся, будут его в случае необходимости понуждать турки), то еще ничего не потеряно; по крайней мере мы будем твердой ногой стоять на Кавказе, и тогда, быть может, Польша и Европа доставят нам материальную помощь. Я решил в конце концов рискнуть и отправиться в экспедицию. В течение одного часа Измаил сумел доставить нам все продукты, необходимые для путешествия.

Мы должны были отправиться после обеда и по дороге взять на буксир находящееся в Бююк-дере на якоре судно, нагруженное орудиями, боевыми припасами и другими принадлежностями; но сама природа решила воспрепятствовать нашим намерениям: поднялась такая буря, что даже старейшие моряки не могли вспомнить ничего подобного. В Босфоре поднялось такое волнение, что сообщение между Стамбулом и Скутари прервалось. В гавани Золотого Рога многие суда сорвались с якорей и были выброшены на берег. В течение двух дней мы не имели сообще-

ния с суши, хотя стояли на якоре на расстоянии всего 100 локтей от берега. В продолжение всего этого времени Измаил-паша был на борту и старался рассеять новой ложью тяжелое впечатление, произведенное на меня его поведением. Он особенно советовал мне высадиться на берегах Убухии и войти в соприкосновение с его родственником Хаджи-Керандуком и его другом Измаил-Беркоком и больше всего остерегаться наиба Мохамед-Эмина. Эти весьма настойчивые рекомендации Измаила вызвали мое недоверие, с чем я мог только себя поздравить.

23 февраля буря слегка улеглась, мы покинули свою стоянку напротив Галаты и отправились в Бююк-дере. Там Измаил-паша взял лодку, чтобы найти парусник с боевыми припасами и привести его к нам. Через час он вернулся с известием, что не нашел судна, вероятно, оно было сорвано с якоря бурей и ушло в гавань Золотого Рога. Он просил нас немного подождать; через несколько часов он приведет корабль. Измаил отплыл, оставив меня в самом скверном настроении; но что было самое плачевное – в 11 часов утра я получил из верных источников известие, что русское посольство осведомлено о моей посадке на корабль и снарядило пароход, который должен сообщить русской эскадре в Одессе о нашем отплытии. Действительно, в час дня мимо нас прошел русский пароход и отправился дальше, несмотря на бурно волнующееся море. Само собой разумеется, что мы с парусником на буксире не могли бы двигаться так быстро, как одинокий пароход; мы изучили с капитаном карту Черного моря и установили с точностью, что если мы задержим еще на 24 часа наше отправление, то после поднятой тревоги мы встретим на нашем пути русский крейсер. Я ожидал с нетерпением Измаил-пашу и имел тем больше оснований на него сердиться, что в течение уже 6 дней я беспрерывно повторял ему, что он должен поставить несколько моих солдат в качестве стражи на паруснике с боевыми припасами как для того, чтобы быть спокойным за судно, так и для того, чтобы предупредить попытки кражи со стороны турецких матросов. Он успокаивал меня всегда ответом, что на борту находятся двое его преданнейших слуг. Только около 7 часов вечера Измаил возвратился обратно. Он не нашел корабля. Я должен был изо всех сил сдерживать себя, чтобы не разделаться со всем этим и не бросить пашу в воду. Капитан заявил мне, что если мы не отправимся в 8 часов утра, он не надеется на хороший исход

и будет лучше уехать нам одним, чем рисковать почти наверняка напороться на русские крейсера, а парусник может приехать и попозже, через 5 или 6 дней. Я уже настолько потерял голову, что готов был идти на все. В 3 часа утра Измаил-паша снова отправился, чтобы найти заколдованное судно. В 6 часов утра приехала к нам лодка с одним хорошо мне знакомым турком, который советовал не ждать ни одной минуты, а выходить в море, иначе в любое мгновение нас могут задержать; в 7 часов утра пришла вторая лодка с известием, что наш корабль с боевыми припасами ушел в Синоп и будет нас там дожидаться. Были это интриги Измаил-паши или правда – я не знаю до сих пор. Однако вследствие того, что Измаил-паша не приехал и в 8 часов утра, мы снялись с якоря и вышли в открытое море.

Корабль с боевыми припасами оставался в гавани и не выходил в Синоп. Измаил-паша, который из каждого происшествия стремился извлечь выгоду для своего кармана, использовал последствия бури для того, чтобы снять с парусника еще 80 мундиров, парусину и соль, т.е. именно то, что было мне нужнее всего в начале экспедиции. Остальные предметы я получил только через два месяца. В каком состоянии – об этом я расскажу в следующей главе.

Измаил-паша потирал руки. Он истратил только 5000 талеров; следовательно, собранные, по его собственным словам, 6000 кيسетов золота были едва затронуты. Он провел турок и, разыгрывая патриотического мусульманина, добился денег и почестей; он обманул абазов и использовал для личных целей их моральную поддержку, он провел нескольких англичан; но больше всего он обманул меня и поляков и воспользовался нами, как занавесью для своего мошенничества. И все это сумел сделать человек без всякого образования, не умеющий ни писать, ни читать, который почти всю свою жизнь был рабом или лакеем. Пусть европейский читатель, которого судьба приведет на Восток, хорошо запомнит эти строки, потому что нигде так часто не встречаются подобные личности, как на Востоке.

Примечания

¹ Как у турок, так и у отуречившихся абазов Константинополя есть обыкновение называть Абазию Черкесией, а абазов – черкесами, хотя, как я уже показал, это обозначение неверно.

² Кисет золота равняется 500 пиастрам (около 28 талеров).

³ Центр торговли в Константинополе.

⁴ Маленькое местечко на Босфоре, в часе езды от Константинополя.

⁵ Кавасы – турецкие полицейские.

⁶ Турки прикладывают свою печать вместо подписи; это объясняется тем, что даже многие высокие сановники не умеют писать, Исмаил на первом договоре приложил свою собственную печать, на втором – чужую. Когда англичанин захотел добиться выполнения договора, Исмаил заявил, что ничего не знает. Вызванный в суд, он доказывал с большим апломбом, что никогда не видел этого англичанина и не имел с ним дела. Несчастный капитан вел процесс четыре года и совершенно разорился, потому что не мог выставить свидетелей для доказательства своих требований. Только после моего возвращения с Кавказа он доказал правоту своих притязаний перед английским судом, и османское правительство было вынуждено выдать ему плату и оплатить издержки из секвестрированного имущества Исмаил-паши.

⁷ Феской называется турецкий головной убор красного цвета, который носят как штатские, так и военные.

Глава тринадцатая

Морское путешествие. – Высадка в Туансе на Кавказском берегу. – Первое впечатление от страны и народа. – Недружелюбный прием со стороны жителей. – Первоначальные трудности. – Прибытие Сефер-паши. – Партии в стране. – Я соединяюсь с Сефер-пашой и выступаю в поход в северную часть Абазии. – Марш через горы.

Когда мы утром 24-го покинули Босфор, буря еще не вполне улеглась, до Синопа стояла очень плохая погода. 25-го в 10 часов утра мы бросили якорь перед Синопом, чтобы взять уголь и некоторых пассажиров. Так как мои люди порядочно пострадали от морской болезни, я разрешил им провести несколько часов на берегу, приказав им на все вопросы о цели их путешествия отвечать, что они едут в Трапезунд.

Нашего парусника с амуницией и боевыми припасами, найти который в Синопе имели еще слабую надежду, мы, конечно, не увидели. В 5 часов вечера я приказал трубить сбор, чтобы созвать на борт рассеянных по городу солдат. Ни один из них не пропал, и они даже привели с собой еще нескольких волонтеров. Один по-

ляк-портной, давно проживавший в Синопе, впал в такую боевую радость при известии, что его соотечественники будут биться с русскими, что бросил все и появился на борту корабля с предложением или выбросить его в море, или взять с собой. Я счел более удобным последнее.

В 7 часов вечера подняли мы якорь и направились теперь уже прямо к абазскому побережью. Буря улеглась, сильный норд-вест позволил нам поднять все паруса, и мы могли надеяться через 30 часов добраться до земли. Измаил-паша указал капитану местечко Вардане в Убыхии как место для высадки. Я отменил этот приказ, потому что ни в коем случае не хотел приехать к его превознесенным до небес друзьям, кроме того, у меня были еще другие серьезные причины, о которых будет сказано позже. Поэтому я назначил местом высадки Туапсе в Шапсугии. Если все начало путешествия благодаря буре и Измаилу было достаточно отвратительным, то плавание от Синопа до Туапсе было чудесным. В ночь с 26-го на 27-е мы могли уже заметить огни на абазском берегу. 27 февраля 1857 года в 6 часов утра мы спустили якорь в Туапсе. Разгрузка корабля шла быстро, потому что, как я уже говорил, у нас было очень мало припасов. В 10 часов утра пароход отплыл в Вардане для того, чтобы взять с собой князей Убыхии, как их называл Измаил-паша, и привезти в Туапсе. Они должны были до прибытия Измаила взять на себя заботы о содержании и продовольствии отряда.

Я забыл сказать, что Измаил на вербовал в Константинополе еще множество людей под разными предложениями. Он был, как уже упомянуто, щедр на обещания и сулил каждому, кто хотел ему служить, золотые горы, это давало ему еще ту выгоду, что он мог показывать вид перед людьми, пожертвовавшими ему деньги, что он имел большие издержки. Но так как он все только обещал и не хотел дать людям, набранным в Константинополе, даже самые незначительные и необходимые вещи, а только обнадеживал их, что в Абазии они все могут найти, то большая часть их осталась там до его предполагаемого отъезда. С ними поехали: венгерский офицер-ренегат, венгерский еврей, который тоже стал ренегатом, и один американский оружейный мастер, кроме того, три турецких артиллерийских унтер-офицера и два молодых человека из Константинопольской военной школы; пять последних были по рождению абазами, которым Измаил-паша обещал блестящую

карьеру. Кроме того, мне был дан в качестве курьера один старый турок по имени Ахмет-Ага. Но больше всего мог нам послужить вначале один старый имам из Шапсугии по имени Хаджи Бороку, который немного говорил по-турецки и знал местных жителей. Не только ничего необходимого не было приготовлено к нашему приезду в стране, но жители даже не имели никакого представления о том, кто мы такие и что нам от них нужно. Туапсе был мне описан как маленький городок, но оказался пустынным местом на побережье. Русские построили на этом месте перед Восточной войной крепость, лежавшую теперь в развалинах. На берегу было возведено 16 домиков из камня, скудно покрытых соломой; только в трех из этих саклей мы встретили лазских купцов, у которых можно было найти холст, соль и столько продуктов, сколько было нужно этим семи или восемью людям на два дня. Во время нашей высадки мы увидели только нескольких абазов, которые боязливо и недоверчиво держались в отдалении с оружием наготове; только после многих и долгих воззваний нашего Хаджи они осмелились приблизиться. Перед обедом стало оживленней: с гор спустилось множество адыгов, они удивленно рассматривали нас своими сверкающими глазами. Так как русские много лет держали в крепости Туапсе гарнизон, с которым окружающие адыги находились в известном общении, то некоторые из этих людей немного понимали по-русски, и звуки польской речи их изумили. Мой Хаджи потратил много труда, чтобы растолковать им, что между поляками и русскими есть различие.

Я расположил мой отряд, насколько это было возможно, под крышей; мы сильно страдали от холода, ветер проникал сквозь каждую щель в стенах, а в саклях мы не могли разжечь большой огонь из опасения спалить соломенные крыши. Морозы были в этом году необычайно сильны, а снег лежал еще повсюду.

Обещанный Измаилом и так называемыми депутатами в Константинополе провиант, как и все остальное, оказался ложью. Мне пришла в Синопе хорошая мысль купить там несколько мешков муки и рису, чего, несомненно, могло нам хватать приблизительно на две недели. Мясо и масло можно было здесь купить по очень низкой цене. Приехавший с нами турецкий фурьер, которому Измаил-паша на все возможные случаи дал 10 000 пиастров¹ (мне Измаил-паша сказал на корабле, что выдал ему 100 000 пиастров), взял на себя заботы о провианте, а так как за деньги ничего нельзя

было получить, то купил на них у лазских купцов американские бумажные материалы и менял их потом на продукты. Впрочем, все было так дешево, что за два куса бумажной материи, которые, правда, в Туапсе стоили вдвое против их настоящей цены (три талера за кусок), можно было вполне снабдить провиантом 100 человек в течение одного дня; мы могли, таким образом, если бы наш фурыер не был турком, в течение двух месяцев обходиться тем, что мы имели.

28-го после полудня возвратился наш пароход из Вардане и привез с собой нескольких людей из Убыхии, среди которых были также оба друга Измаила – уорки Хаджи-Керандук и Измаил-Беркок. Через полчаса после их приезда мне стал ясен весь обман. Эти люди, не обладавшие большим влиянием в их родном краю, в Туапсе вовсе ничего не значили, даже, напротив, были приняты жителями очень недоверчиво. Поэтому они хотели добиться, чтобы мы отплыли отсюда и прибыли к ним, пытаюсь при этом уговорить меня, что они были очень опечалены плохим приемом нас в Туапсе, жителей которого они сильно ругали, уверяя меня, что удобные квартиры и провиант для всего отряда давно уже приготовлены ими. После ознакомления с Измаил-пашой у меня возникло намерение все открыто обсудить и принять решение. Зная хорошо, что в стране очень много различных партий, решил я поэтому, что о каждой из них мне нужно собрать достаточные сведения. В это время как раз собрались из окрестных мест многие тамады и более тысячи человек из Туапсе, привлеченные любопытством. Я попросил старшин собрать совет и вступил в него со своим переводчиком и людьми из Убыхии. После того как я объяснил им цель нашего прибытия и предложения людей из Убыхии, я задал вопрос их совету, должен ли я отправиться в Убыхию и там ждать второго транспорта или делать то же самое в Туапсе. Мой вопрос к их совету очень польстил тамадам. Единогласно шапсуги обрушились на двух уорков. В их присутствии они заявили, что эти два человека – самые большие обманщики в стране, которые всегда сидят на двух стульях и обманывают и турок, и русских, что у них даже гостеприимство не свято ² и что они в состоянии всех нас продать русским. Заготовленного провианта эти люди не имеют, это ложь, они не могут ни дать его нам, ни продать, потому что у жителей Убыхии ничего нет, они сами приходят к шапсугам и абадзехам воровать или просить милостыню.

Поэтому тамады убеждали меня не поддаваться на хитрость этих уорков, ибо эти люди всегда замышляют что-нибудь недоброе.

Я знал все это очень хорошо, поэтому решил позволить открытое обсуждение вопросов. Еще в Константинополе я наводил справки и меня особенно предостерегали против убыхских уорков. Вскоре после нашей высадки в Туапсе пришли к моим солдатам несколько дезертиров из русской армии, среди них один старый солдат из бывшей польской армии, который после восстания 1831 года был сослан в Кавказскую армию, перешел от русских к абазам и теперь уже около 20 лет находится в рабстве. У него были жена и дети, с которыми он, разумеется, не обращался как со своей собственностью. Он очень хорошо знал абазский язык и обычаи страны, и я узнал от него за 24 часа гораздо больше, чем можно узнать от недоверчивых абазов за месяцы. Как все перебежчики, он особенно уважал Мохамед-Эмина; Сефер-пашу он описывал именно таким, каким впоследствии я сумел его узнать, но особенно он заклинал меня не верить ни в чем уоркам из Убыхии. Оба убыхских дипломата совершенно опешили, когда услышали речь туапсинских тамад. Они возражали им, как умели; но я положил конец совету, объявив, что я во всяком случае буду ждать транспорта в Туапсе.

Люди из Туапсе были правы; два уорка едва только несколько часов находились вблизи нас и успели уже наделать нам много неприятностей. А именно: они сказали вскользь одному абазу, что мы только потому высадились в Туапсе и остались здесь, что хотим заманить к себе наиба, так как имеем тайное приказание от Высокой Порты арестовать его и привезти в Константинополь. Эта ловко пущенная ложь должна была держать наиба в отдалении от нас и достигла своей цели. После того как они еще сотню раз попытались уверить нас в своей дружбе и готовности к услугам, оба эти хищника и достойных друга Измаил-паши уехали; пароход «Кенгуру» взял на борт этих людей, которых он совершенно бесцельно возил вперед и назад, и доставил их снова в Вардане, забрал там свыше двух сотен пассажиров и возвратился в Константинополь. Так как Измаил-паша нанял пароход на прямой и обратный рейсы, то плата за людей из Абазии попала в его карман. Таким образом, наш переезд почти ничего ему не стоил. Английский пароход по настоянию российского посольства был задержан в Константинополе, а против владельца был возбужден

процесс, из которого, однако, он вышел счастливо. Между тем в Туапсе все вокруг нас стало тихо и пустынно. Мы выкатывали глаза из орбит, всматриваясь в морскую даль в надежде увидеть на горизонте наших товарищей или по крайней мере наш парусник с боевыми припасами и амуницией. Мороз был порядочный, и плохо одетые абазы сидели в своих саклях; только те, которые чем-нибудь торговали, приходили к нам на берег. Турецкие деньги, особенно мелкие серебряные монетки, не были им знакомы, медь они уже совершенно не хотели брать, за курицу они просили или серебряную монету, или локоть американского ситца, или ружейный патрон. Особенно жадно просили порох и молодые и старые, и за несколько патронов можно было нанять абазу на целый день на беготню по разным поручениям.

3 марта в 6 часов утра часовой донес, что в море виден парход. Я приказал солдатам немедленно вооружиться винтовками и запаковать наши припасы и вслед за тем вышел на берег. Не могло быть сомнения, что корабль этот неприятельский, потому что Измаил еще не мог приехать. У меня было только 30 вооруженных главным образом саблями людей, потому что 4000 ружей и другое оружие, которое я должен был найти в Абазии, оказалось, как и все остальное, сказкой. В развалинах крепости я нашел только 17 испорченных чугунных пушек, оставленных русскими. После тщательного осмотра нашли мы, однако, еще 3 орудия, из которых можно было стрелять. Еще в первые дни я приказал сделать деревянные подпорки и соорудить подобие лафета, на который и было поставлено одно 12-фунтовое орудие. Я приказал приготовить четыре патрона из нашего собственного пороха, а вокруг крепости мы нашли множество снарядов, которые и забили в орудие. Неприятельский корабль вошел в гавань; лодки были полны людьми; следовательно, неприятель предполагал высадить десант. Когда корабль подошел на половину орудийного выстрела, я приказал открыть огонь, во время которого мои люди начали движение между саклями, чтобы ввести в заблуждение противника о нашем числе. Наш первый выстрел не попал в цель, второй – ударил по кораблю. Русские, по-видимому, рассчитывали на нечто иное, потому что их корабль быстро повернулся и отплыл в открытое море после того, как кинул в нас пять гранат. Выйдя за пределы досягаемости выстрелов, корабль остановился, и множество подозрных труб нацелилось на берег. Через полчаса всякая

опасность для нас уже миновала, потому что с гор сбегались абазы, услышавшие орудийные выстрелы; они неслись в диком беге и на конях, и скоро собралось больше сотни вооруженных людей. Русские рассматривали нас издалека в течение недолгого времени и потом продолжали свой путь дальше в Сухум-Кале.

Раскаяние в моем преступном легкомыслии, благодаря которому я отплыл без оружия и не дождался судна с боевыми припасами, было во мне очень сильно, но, к сожалению, пришло слишком поздно. Все время я искал способ скрыть от абазов мой недостаток оружия. Солдатам я приказал демонстрировать как можно чаще их немногочисленные ружья, сабли и револьверы и не выходить из домов невооруженными. Солдаты так хорошо проводили этот маневр, что за все время моего пребывания в Туапсе абазы не заметили нашей невооруженности. Только при походе из Туапсе должен был я раскрыть эту фатальную нашу слабость, что произвело на горцев весьма своеобразное и далеко не очень благоприятное впечатление.

Мы не могли оставаться дольше на берегу, потому что русские могли в любое мгновение вернуться, и, возможно, мы не сумели бы выйти из этого дела с целой шкурой; если бы неприятель высадил отряды на землю, то мы могли бы потерять и те небольшие припасы, которые у нас были. Поэтому я направился на полчаса езды в глубь страны, оставив в гавани только один пост из 10 человек. Так как погода стала мягче, мы могли уже устроить бивуак в палатках.

Я отправил письма как к Сефер-паше, так и к наibu с просьбой, чтобы они оповестили народ о нашем приезде и созвали народное собрание. Старший Сефер, который жил дальше 10 дней езды, не заставил долго звать себя и тотчас же отправился в путь, но Мохамед-Эмин, который находился всего в двух днях езды, послал к нам человека с ответом, что русские тревожат границы Абадзехии, поэтому он очень занят, но скоро приедет; как я, однако, узнал позже, он был тайно предупрежден против нас, а предостережение это шло из Убыхии.

Наиб и почти все абазы были убеждены, что мы солдаты султана, и хотя, с одной стороны, это приносило нам известную пользу, но, с другой стороны, это же нам сильно вредило. Особенно в Туапсе, где очень мало людей следуют заповедям Корана, на мусульманских солдат смотрели очень хмуро; абазы стали гораз-

до приветливей, когда выяснили, что мы не являемся магометанами. Во всем Туапсе я не видел ни одной мечети и ни одного имама; похоже, что жители вообще не знают никакой религии, но втайне они соблюдают греческо-языческие обряды³. Один очень влиятельный в крае старик по имени Арслам Кери из рода Кеблэ сказал мне однажды: «То, что вы все, как мусульмане, так и христиане, говорите об одном боге, я не могу постичь, и кажется мне, что вы не правы. Ничто из того, что мы видим своими глазами, не едино, все многообразно; как же это возможно, чтобы то, что мы считаем высшим и что мы не можем видеть, так отличалось от наших представлений? Когда мы молимся многим богам, больше порядка, потому что у каждого есть своя часть, у этого – вода, у того – огонь, у одного – горы, у другого – лес, люди, звери и т.д.; но как может один-единственный бог сделать все те бесчисленные вещи, которые мы находим на земле? Именем этого единого бога приходили раньше к нам турки и хотели нас поработить; с именем единого бога приходят русские и тоже хотят нас превратить в рабов; именем единого бога зовут нас против русских, и русские снова именем единого бога бьются с мусульманами. Где же правда? Вы приходите снова именем единого бога, но опять-таки другого, чем турки и русские; мы посмотрим, чего вы в конце концов захотите от нас». Эти слова, которые, так сказать, представляли собой образ мыслей многих тысяч семейств, живущих в горах вокруг Туапсе, убедили меня в том, насколько лживы различные черкесские политиканы вроде Измаила и других, которые описывают Оттоманской Порте положение дел так, будто бы адыги ничего сильнее не хотят, чем стать мусульманами и подданными султана, в то время как в действительности мы видим нечто совершенно противоположное.

10 марта приехал в Туапсе Сефер-паша и вместе с ним около 20 всадников. Хотя этот человек и не имел в Абазии никаких реальных заслуг, но в истории этой страны он занял такое значительное место, что ознакомление с этой личностью будет небезынтересно. Когда я его увидел в первый раз, ему было приблизительно около 80 лет, хотя он сам не знал точно свой возраст. Очень трудно было узнать его годы, потому что он был необычайно крепок, каждый день ездил на коне 12 часов, не уставая от этого, и обладал исключительным телосложением. Дородный, с серебряной бородой, он был одним из красивейших старцев, ко-

торых я когда-либо видел. Черты его лица имели явный отпечаток степенного татарина, и среди 1000 абазов его можно было мгновенно распознать, как чужеземца, так же как и его сына, молодого человека не старше 30 лет, который по внешнему виду был точной копией своего отца. Благодаря своей длительной бездеятельности в Турции он стал тяжеловат и любил покой; его образ жизни и манеры были совершенно турецкими; он носил турецкую униформу низама, а не национальный костюм абазов; его свита также состояла почти исключительно из турок, татар и нескольких черкесских уорков. Он обладал очень посредственным умом и не имел никакой энергии, но зато у него было много пассивного упрямства и порядочная доза хитрости и лицемерия, столь свойственных всем народам туранской расы. В его свите был некий Хаджи-Измаил-паша. Будучи лет на 20 моложе Сефера, он был значительно энергичней его, обладал большим природным умом и влиянием на абазов, среди которых являлся, так сказать, единственной опорой князя Сефера.

Сефер-паша приветствовал нас с большой сердечностью и сказал, что ожидает нас уже в продолжение четырех месяцев и все уже приготовил к нашему прибытию. Я заметил ему с усмешкой, что нахожусь здесь уже больше двух недель и не вижу ни малейших следов этих приготовлений, помещаясь в нескольких палатках и сам покупая себе провиант. На это он возразил с большой живостью, что Туапсе – плохое место, здесь никто никого не слушается, что у него здесь почти нет сторонников, потому что жители плохие или вовсе не мусульмане, которые не хотят знать ни бога, ни падишаха. Но совсем другое в северной стране Адыгее, где он сам живет и куда нас приглашает. Первый мой вопрос был об орудиях, боевых припасах и ружьях, которые я должен был у него найти. О ружьях он ничего не знал. Орудия у него были – две достаточно подержанные турецкие шестифунтовые пушки с шестью парами упряжи и 80 снарядами. Из боевых припасов у него было 100 бочек пороха и 120 ящиков ружейных патронов в Джубге, но жители не хотят их ему отдать. Я был очень расстроен известием, что там нет никаких ружей, но, так как со дня нашего приезда прошло уже полмесяца, я надеялся, что Измаил-паша приедет через две недели со всем необходимым. С другой стороны, неприбытие судна с боевыми припасами я не мог ничем дру-

гим объяснить, как тем, что Измаил-паша задержал его до второго транспорта.

На предложение князя Сефера заключить с ним союз и отправиться на север Черкесии я возразил ему, что не могу до приезда Измаила делать свои заключения и становиться на сторону той или другой партии. Он представляет собой партию султана, но есть еще партия наиба шейха Шамиля, и, кроме того, больше двух третей страны не хотят ничего знать ни об одном, ни о другом. Когда прибудет все необходимое из Стамбула, я пойду туда, где этого потребует присутствие русских, но не примкну ни к одной партии. Я заметил, что мой ответ не очень понравился Сефер-паше, но то, что я от него услышал, тоже не доставило мне особенного удовольствия, и я не хотел с ним сближаться, потому что не только его влияние в Абазии не было достаточным, но он не был также в состоянии в продолжение почти двух лет восстановить в Шапсугии порядок, созданный наибом и нарушенный его прибытием. Но что меня больше всего отталкивало от него – это то, что он восстановил уничтоженный наибом обычай обращать в рабство перебежчиков из русской армии и сам первый подавал в этом пример. Наоборот, известия о наибе были для него благоприятны, и даже сопровождавшие князя Сефера и его подчиненные не могли отказать наибу в энергии и уме; все бедняки в стране его благословляли. Но, кроме того, меня расположил в пользу Мохамед-Эмина рапорт одного из моих офицеров лейтенанта Штоха, которого я послал к наибу и который провел в его доме три дня. По донесению этого офицера, между наибом и князем Сефером была огромная разница. Значение наиба и его влияние на абадзехский народ было огромно; ему повиновались там со страхом и вместе с тем с любовью. Мехкеме, чиновники, судьи и муртазики действовали с величайшей регулярностью, и офицер уверял меня, что, как только перешел границу, почувствовал, что попал в совершенно организованную страну. Наиб сказал моему посланному откровенно, что нас не ждал, поэтому ничего не мог подготовить к нашему приезду, но если мы все-таки захотим прийти в Абадзехию, то он в течение восьми дней соберет на том месте, где мы пожелаем, необходимое количество лошадей и жизненных припасов; предварительно, однако, требовал письменного заявления о том, что мы хотим прийти. Перебежчики из русской армии в Абадзехии все были свободны; наиб обещал собрать их

вместе и предоставить в мое распоряжение. Единственное, что не понравилось моему офицеру, было явно преувеличенное мусульманское ханжество наиба и его приближенных.

Можно легко себе представить, с каким настроением ожидал я прибытия Измаил-паши или хотя бы корабля с орудиями, боевыми припасами, ситцем и солью. Мой турецкий фурьер так «хорошо» хозяйствовал, что 18 марта объявил мне, что съестных припасов у него хватит еще только на несколько дней. Я не мог принудить старого турка дать отчет в израсходованных деньгах; арест его также ничем не помог, потому что когда я это сделал, то единственным последствием было то, что князь Сефер, знавший этого турка больше 30 лет, стал со всем своим турецким обществом ходатайствовать за него. К тому же возникли и новые неприятности. Жители Туапсе, которым присутствие князя Сефера казалось опасным, принуждали его ехать дальше. Старый князь в свою очередь хотел какой бы то ни было ценой заставить нас ехать с ним. Были пущены в ход всевозможные сказочные слухи, которые только могли ускорить наш отъезд.

В ночь с 17-го на 18 марта пришел в мой лагерь очень взволнованный Сефер-паша со всей своей свитой и встревожил нас сообщением о том, что наиб во главе 1000 человек выступил в поход, чтоб захватить нас и увести в Абадзехию. Я был бы очень рад соединиться с наибом, но твердо решил оказать сопротивление малейшему насилию, с чьей бы стороны оно ни исходило. Мы провели всю ночь в угнетенном настроении. Приблизительно около полуночи внезапно раздались три ружейных выстрела из ближайшего лесочка. Вопреки предложениям Сефер-паши я приказал ответить выстрелом из пушки, уже сослужившей нам службу против русского парохода, и с восемью вооруженными ружьями и револьверами солдатами бросился в рощу. Мы никого не нашли и через полчаса возвратились назад в лагерь. Вскоре после выстрела из пушки вся окрестность уже была под ружьем, а так как мы запретили кому бы то ни было приближаться к лагерю, то абазы расположились в небольшом отдалении, недоумевая, что же, собственно, случилось. Когда настал день, все разъяснилось. Наиба не было и в помине. Предполагали, что какие-то бродяги вздумали над нами позабавиться. Но Сефер и его приближенные уверяли твердо и настойчиво, что это были люди наиба. Я сам не

знал, что думать об этом; только через год я узнал, что это была комедия, разыгранная Сефер-пашой.

19 марта Сефер-паша получил известие из Натухая, что русские концентрируют силы на Кубани. Он поделился со мной этим сообщением и просил послать одного офицера и нескольких канониров для того, чтобы привести в порядок находящиеся у него два орудия. Мне было неприятно дробить мой маленький и невооруженный отряд, но я считал неполитичным отказать в просьбе Сефер-паше; особенно же в случае возможного несчастья, если наш второй транспорт попадет в руки неприятеля (чего я имел все основания опасаться), я мог тогда рассчитывать на эти два орудия лишь как на единственное оружие. Поэтому я послал лейтенанта Станкевича с двумя унтер-офицерами и 16 канонирами в землю натухайцев, и 20-го утром они отправились в сопровождении Хаджи-Исмаил-паши. В этот же день я отправил унтер-офицера в сопровождении двух абазов с письмом к наибу, чтобы еще раз пригласить его в Туапсе. Но Мохамед-Эмин стал настолько подозрителен после прибытия ко мне Сефер-паши и уорков из Убыхии, что уехал на границу Кабарды и даже не думал о том, чтобы приехать к нам. Он только оставил в своем доме распоряжение, если мы появимся в Абадзехии, принять нас как можно лучше и тотчас же известить его об этом.

Благодаря моему безрассудному легковерию я попал в критическое положение. У моего турецкого фурьера не было больше денег; из 850 талеров, которые я получил в Константинополе от Исмаил-паши, я выплатил жалованье офицерам за три месяца и унтер-офицерам и солдатам – за два; было еще множество расходов, в результате чего у меня осталось очень мало денег. Поэтому я решил согласиться на неотступные уговоры князя и поехать с ним, но без того, однако, чтобы связывать себя чем-либо по отношению к нему. Наиб не станет из-за этого моим врагом, так как он сам, несмотря на мои неоднократные приглашения, не приехал ко мне; в то же время если бы я ушел в Абадзехию, то тяжело оскорбил этим князя Сефера и сделал бы его своим смертельным врагом. Я решил подождать до 26 марта, и если к этому дню не придет известие из Стамбула, то отправиться с Сефер-пашой. Так как и 26 марта мои ожидания оказались тщетными, я нанял два турецких сандала и приготовился отправлять весь отряд в Мезиб.

Но Сефер-паша стал меня так настойчиво просить, чтобы я отправился сушей, что я ясно увидел, что у него на это есть особый расчет и интерес, и должен был согласиться с ним. Поэтому я отправил багаж и три найденных в крепости Туапсе вполне пригодных пушечных ствола с 30 невооруженными людьми морем, а 25 более или менее вооруженных солдат должны были маршировать пешком; так была велика беспомощность и бессилие князя Сефера и так сильно равнодушие местных жителей, что, несмотря на все старания, ему едва удалось достать для нас трех лошадей ⁴.

В то время как сандалы при очень благоприятном ветре в течение 16 часов прибыли в Мезиб, нам понадобилось восемь дней форсированного и утомительного марша. Многие дни перед тем шли сильные дожди, снег в горах растаял, и это еще более утяжелило сам по себе трудный переход через множество сильно разлившихся горных речек. Мы двигались вблизи от берега по едва различимым тропинкам в горах, поросших густым лесом. Я имел возможность удивляться абазским лошадям, которые с большой легкостью и осторожностью проходят там, где наши пехотинцы пробирались лишь с большим трудом. Сопровождавшие нас абазские всадники мчались все время на гору и вниз, без усталости обрабатывая нагайками своих лошадей; и казалось почти чудом, что на множестве опасных мест лошади и наездники сотни раз не сломали себе шею. И все-таки я не видел ни одного несчастного случая. Чем больше мы удалялись от берега, тем красивее и плодороднее становилась страна, имевшая очень дикий и неприветливый вид, когда мы смотрели на нее с моря.

Только в 9 часов вечера мы устроили первый привал в походе; нас ждали квартиры, но они показались нам отвратительными после утомительного марша. Во время нашего пребывания в Туапсе мы сами заботились о своем пропитании и стояли либо в бараках, либо в палатках. Это был первый случай, когда мы воспользовались абазским гостеприимством; также и абазы впервые принимали у себя европейцев и христиан. Солдаты мои нашли, что квартиры и угощение великолепны и далеко превосходят военный рацион. Впрочем, я должен заметить, что мои храбрые люди – сплошь старые заслуженные солдаты русской армии – с редкой выдержкой переносили все лишения, постигшие нас с минуты нашего отъезда. Всегда мои люди были в хорошем настроении и с нетерпением ждали настоящего дела, той минуты, когда

мы должны схватиться с русскими; никогда я не слышал никаких жалоб, хотя они имели к тому достаточно оснований и все это утяжелялось моим легкомыслием, из-за которого я повел их безоружными в страну, где почти каждый ребенок носит оружие. Но с помощью моих храбрых людей я сумел так хорошо скрыть этот недостаток вооружения, что даже сам старый Сефер-паша не заметил нашего больного места.

На другой день перед моей квартирой собрался наш маленький отряд и вместе с ним множество абазов; каждый хозяин сопровождал своих гостей, и гостеприимные абазы нагружали еще солдат холодным мясом, сыром, медом, пирогами и хлебом, чтоб они не испытывали в дороге голод. Сефер-паша распустил повсюду слух, что он ведет 500 человек; чем дальше распространялась новость, тем больше становилось наше число; зато потом, когда абазы увидели, как мало было нас в действительности, они очень удивлялись, но Сефер-паша сумел их убедить, что остальные уже прошли вперед, многие едут морем и еще большее число придет потом, и абазы вполне были удовлетворены. Впрочем, и Сефер-паша, который не спрашивал меня о нашем числе и сам был плохим математиком, считал, что наши силы доходили приблизительно до 200 человек. Мы двинулись в поход после полудня и в 6 часов вечера пришли на вторую остановку. Здесь прием был очень холодный.

Гостеприимство не позволяло отказать нам в приюте и пище, но и то и другое было предложено нам вначале с недружелюбным оттенком. Несмотря на это, мы были накормлены так же хорошо, как и на первом привале, даже еще лучше, потому что эта местность была плодороднее и зажиточнее. Только старый князь Сефер был принят исключительно плохо. Абазы привели с собой русского перебежчика, который хорошо говорил на адыгском языке, и допрашивал моих солдат, кто мы такие, откуда и зачем явились в Абасию и так далее; когда их любопытство было удовлетворено, они начали настойчиво советовать нам не идти дальше с князем Сефером. Когда мы уже были готовы к отправлению, выступили некоторые старшины этой области и попрощались с нами, заявив, что мы всегда будем в горах желанными гостями, но не должны больше приходить в обществе Зан-оглы, о котором они не хотят ничего знать, так как он не их соотечественник и служит то русским, то туркам. Однако это не помешало Сефер-

паше доказывать мне в течение всего пути, что он единственный настоящий владелец всей Абазии и что только наиб возмущает против него страну; он обещал, однако, скоро с ним покончить. Он вытащил старую турецкую газету, которая утверждала, не знаю, на основании каких источников, что Зан-оглы в продолжение пяти столетий являются законными князьями страны абазов. Частое чтение этой газеты способствовало тому, что старый Сефер наконец сам уверился в суверенности своего рода и захотел заставить всех разделить с ним эту веру. Он всегда носил эту газету в очень хорошо сделанном футляре вместе с талисманом и, как только я начинал смеяться над его претензиями, немедленно вытаскивал ее и, торжествуя, держал перед моими глазами напечатанное, а следовательно – неопровержимое доказательство.

Следующие три перехода были похожи на первые. По дороге, во время остановок в аулах, Сефер-пашу часто приглашали для разрешения того или другого из бесчисленных судебных разбирательств абазов. Я должен был в таких случаях, несмотря на мои протесты, садиться вместе с переводчиком среди старшин и играть роль судьи, что мне казалось чрезвычайно комичным, а абазами принималось очень серьезно, в полной уверенности, что европеец все должен знать и лучше всех может вынести приговор по земельному делу или по делу об украденной корове; подобные случаи были еще в Туапсе. 1 апреля мы дошли до Джубги, где, как говорил мне Сефер-паша, в доме Али Зази-ока находился порох. После некоторого сопротивления все боевые припасы, состоящие из 81 бочки пороха и 57 ящиков ружейных патронов, были нам выданы. Я приказал погрузить порох на сандал и отвезти в Мезиб, куда прибыл в пешем строю со своим отрядом 3 апреля и где застал лагерь солдат, посланных раньше из Туапсе.

Примечания

¹ Приблизительно 420 талеров.

² В 1849 году известный капитан Гордон, поляк, о котором я уже раньше упоминал, отправился в Абазии и хотел оттуда пробраться к шейху Шамилю, не подозревая, что выбрал на самом деле труднейший путь. Он высадился в Убыхии и был гостем горца Хаджи-Керандука, которому он был рекомендован из Константинополя. Однажды Гордон отправился на охоту в сопровождении раба Хаджи-Керандука, а несколько дней

спустя его обезглавленный труп был найден в лесу. Раб исчез. По Константинополю разнеслась очень романтическая история, основанная на том, то Гордон был убит одним армянином, подкупленным русскими, но убийца был казнен жителями по приказанию Хаджи-Керандука. В Туапсе я услышал впервые, а в Шапсугии и Абадзехии каждый, кого я спрашивал, подтверждал, что Хаджи-Керандук за голову поляка Гордона получил от русского начальника в Сухум-Кале 400 серебряных рублей. О казни же армянина никто не знал.

³ См. главу 3.

⁴ Я оставил в Туапсе письма, чтобы в случае, если прибудет наш второй транспорт, его выгрузили и ожидали от меня известий.

Глава четырнадцатая

Наше поселение в Шапсугии. – Прибытие оружия и боевых припасов. – Недостаток продуктов. – Равнодушие черкесов. – Неприятельский корпус переходит Кубань. – Наше первое сражение с русскими. – Настроение народа изменяется в нашу пользу. – Договор с народом. – Организация артиллерийского отряда.

Еще в предисловии я объяснил причины, по которым не могу дать топографического описания страны. Я не могу обрисовать этап нашего перехода и набросать картину страны, потому что все это, при нынешних обстоятельствах, может пойти на пользу русским.

После моего приезда в Мезиб собрались окрестные жители, среди которых было много приверженцев Сефер-паши, для того, чтобы обсудить вопрос о нашем поселении. Князь Сефер предложил, несмотря на оппозицию со стороны Хаджи-Измаила-паши и большинства старшин, направиться в находящийся на расстоянии 6 часов езды от Мезиба Шапсогур, где он имел свое жилище, и там расположиться. Для меня это место было так же безразлично, как и все другие, потому что до прибытия ожидаемого вспомогательного транспорта я не мог избрать какой-либо определенный план. В тот же вечер отправился прибывший с первым отрядом лейтенант Станкевич в Шапсогур и донес мне, что он нашел у Сефер-паши два старых шестифунтовых турецких полевых орудия, у которых, правда, многого не хватает, и шесть пар упряжи

с семью запасными скулами. Четыре довольно плохих лошади доставил сын Сефер-паши Карабатыр Ибрагим-бей. О сносном убежище в Шапсугуре не могло быть и речи. Обещанный склад провианта состоял из небольшого запаса муки, которого могло хватить едва на один месяц.

5 апреля наши боевые припасы и багаж были погружены на телеги, запряженные быками, и мы медленно двинулись через Геленджик и через горную дорогу, проложенную русскими между Добой и Абином на Шапсугур.

Абазские телеги, или, вернее, повозки на двух высоких колесах, так слабы, что на них нельзя погрузить больше 5–6 центнеров; нам потребовалось поэтому больше, 40 таких повозок. Это было нелегким делом – вести этот транспорт в полном порядке, хотя на каждой повозке находился один или двое солдат. Абазы, по своему обыкновению, хотели курить и ехать как им было угодно, и я прилагал все усилия, чтобы заставить их повиноваться, что нередко приводило к комическим и вместе с тем досадным последствиям. Через четыре дня мы прибыли в Шапсугур, где весь отряд соединился и раскинул лагерь.

Та часть страны, где мы теперь находились, была хорошо известна русским и часто подвергалась их нападениям. От Шапсугура до русской границы не больше пяти часов езды; хотя страна поросла густыми лесами, она здесь не гориста. Я скоро увидел, что Сефер-паша и здесь не пользуется большим авторитетом. Однако же тут у него было несколькими сторонниками больше, чем в Южной Шапсугии, и он привел нас сюда главным образом для того, чтобы увеличить их число и укрепить свое положение. Двадцать артиллеристов, которые были отправлены раньше с лейтенантом Станкевичем, должны были несколько дней питаться в Шапсугуре только одним хлебом, потому что в доме князя Сефера ничего нельзя было найти. Пришлось потратить остаток моих денег для того, чтобы ввести порядочный рацион для солдат.

Во время нашего перехода из Туапсе в Мезиб я осматривал вдоль морского побережья множество лежащих разрушенными русских крепостей; абазы сожгли или разрушили находившиеся внутри их постройки и казармы, но рвы и валы оставили в прежнем состоянии, так что каждый высадившийся неприятельский отряд мог здесь найти готовую точку опоры. Все мои увещевания окончательно разрушить эти крепости не производили на жите-

лей ни малейшего впечатления. В большинстве этих крепостей я нашел железные орудийные стволы, брошенные русскими. В общем я насчитал 67 орудийных стволов, из которых 11 были еще пригодны для употребления, остальные же могли нам послужить только как материал для ядер. Снова и снова приказывал я свозить собранные орудия в Мезиб, в надежде использовать их, когда увеличится мой отряд.

Сейчас же по приезде в Шапсогур лейтенант Станкевич устроил небольшую полевую кузницу, чтобы сделать нужные исправления в найденных там двух орудиях. Он привлек к этому делу также пятерых перебежчиков, среди которых был один прекрасный кузнец. За время нашего похода через горы мы встречали каждый день множество перебежчиков, которых я был вынужден кормить надеждами до прибытия боевых припасов и оружия; однако я все же записывал имена этих людей; предупреждая жителей, у которых они служили рабами, что они не имеют права их продавать и отвечают за них. Абазы принимали это с явным неудовольствием, но не протестовали.

На следующий день после нашего прибытия в Шапсогур я отправился в сопровождении 12 всадников, чтобы разыскать в ближайших горах надежное место для нашего лагеря, потому что нам, а особенно нашему пороховому складу, было очень небезопасно оставаться в Шапсогуре, так как до меня доходили тревожные известия о движении врага на правом берегу Кубани. Я нашел в горах на речке Адерби, на полдороге между Шапсогуром и Мезибом, хорошее и безопасное место для лагеря, к которому русские могли бы добраться только с большим трудом.

Единственное неудобство было то, что между Шапсогуром и Адерби не было проезжей дороги, приходилось делать объезд через Геленджик, а это увеличивало в три раза расстояние. Но так как я предполагал только после прибытия второго транспорта искать определенное место для расквартирования отряда, то выбор Адерби был временным.

При моем возвращении в Шапсогур я получил известие, что наша долгожданная амуниция прибыла в Геленджик. Корабль, который мы должны были взять на буксир, отплыл несколькими днями после нас и направился в Трапезунд. Там турецкий капитан судна отказался ехать дальше, и вещи пришлось перегрузить на три сандала, которые наконец прибыли в Геленджик.

Я поспешно отправился вместе с Сефер-пашой в Геленджик, куда мы прибыли 9-го вечером. Я начал тотчас же осматривать пришедшие припасы и был как громом поражен. Холст и соль, которые означали деньги и в моем положении были необходимейшими вещами, были сняты Измаил-пашой в Константинополе с судна, из 130 предметов обмундирования он удержал 80 шинелей, мундиров и брюк. Из орудий был только один трехфунтовик с лафетом и принадлежностями, следовательно – годный к употреблению; кроме того, я нашел еще один четырехфунтовый орудийный ствол, один тридцатидвухфунтовый и два двадцатифунтовых ствола гаубиц без лафетов, одну полевую кузницу, которую нельзя было возить; из 30 центнеров пороха недоставало 5,5 центнера, из 50 центнеров свинца – 26 центнеров; все небольшое количество железа и стали пропало. Из 24 топов не было ни одного, из дюжины лопат и ломов недоставало половины. Венский пиротехник, один из бесчисленных людей, приглашенных в Константинополе на блестящих условиях в Черкесию, прибыл с этим транспортом; без его присутствия мы бы вовсе ничего не имели бы, кроме орудийных стволов. Это было, таким образом, то много раз обещанное подкрепление, которое мы получили от магометанских патриотов в Константинополе; оно было также и последним, потому что за три года мы больше не получили от них ни одной нитки.

Я приказал отправлять прибывшие вещи на найденное мной место в Адерби, где я решил пока устроить склад; так как из Константинополя не прибыло ни одного письма, то я все еще крепко надеялся на прибытие нашего главного транспорта. За исключением лейтенанта Станкевича, который с 20 человеками и двумя орудиями остался в Шапсугуре, весь отряд двинулся в Адерби, где я тотчас же после сооружения хлебопекарных печей, порохового склада и склада пищевых припасов приказал начать работу в кузнице и каретной мастерской.

В Константинополь я отправил письмо с просьбой сообщить мне, получу ли когда-нибудь подкрепление. Я описывал мое тяжелое положение и откровенно заявлял, что могу оставаться в этих условиях только до середины мая; если не прибудет подкрепление из Константинополя и жители не предоставят нам пищевые припасы, мы должны будем сесть на корабль и возвратиться в Стамбул, так и не увидев русских. Остатка взятых из Стамбула

денег и моих собственных небольших средств будет едва достаточно для того, чтобы оплатить нашу жизнь до 15 мая.

Утром 16 апреля пришло несколько старшин из Шапсугии в наш лагерь в Адерби, где мы расположились за два дня перед этим. Сефер-паша и лейтенант Станкевич также слали мне письма из Шапсугура. Причиной прихода старшин было нападение русских на страну. Неприятель перешел через Кубань вблизи острова, лежащего у впадения речки Адагум, построил на втором рукаве Кубани мост и имеет намерения двинуться в глубь страны по рекам Абин и Шапсугур. Старшины пришли, чтобы именем народа просить нас прийти с орудиями на помощь против врага. Они брали на себя обязательство доставить как необходимое число лошадей, так и провиант, т.е. зерно, мясо, масло и соль. Само собой разумеется, что это приглашение, вызвавшее среди польских солдат всеобщий восторг, было принято мной с радостью.

Я немедленно отправился в Шапсугур, где нашел уже значительное число собравшихся адыгов. Сын Сефер-паши Карабатыр Ибрагим-бей собрал у различных абазов 20 лошадей, и я застал моих артиллеристов занятыми одеванием сбруи и упряжкой этих лошадей. Сефер-паша также собрал уже для нашего отряда около 10 коров. После непродолжительного отдыха я собрался в дорогу на реку Кубань; около 100 абазских всадников образовали мой эскорт. После трехчасовой поездки я встретил корпус, состоящий приблизительно из 600 абазов, которые заняли дорогу в лесах около Кубани и выставили пикеты против неприятеля. Лежащие близ Кубани абазские аулы были уже оставлены женщинами и детьми; имущество спрятано в надежные места, а пустые сакли служили квартирами для воинов. Неприятель устроил лагерь на Кубанском острове и уже перебросил сильную колонну на левый берег рукава реки. Остров, имеющий приблизительно пять часов хода в окружности, очень лесист и богат травой, но так низменен, что весной и осенью часто покрывается водой. Поэтому остров необитаем, абазы только собирают там сено и пускают туда пастись свой скот. Неприятель, понятно, не встретил там никакого сопротивления и при переходе второго рукава отбросил без всякого труда собравшихся там в небольшом количестве абазов, пытавшихся затруднить ему переход. Расположив лагерь, я определил силы неприятеля в шесть батальонов пехоты, два полка казаков и две батареи, из которых один батальон, четыре орудия и

отряд конницы находились на левом берегу, где они спешно возводили бруствер. Позднейшие сведения показали, что я не ошибся в моем подсчете. За время рекогносцировки неприятель открыл сильную канонаду по нашему отряду, но не причинил нам никакого вреда, кроме того, что две наших лошади были тяжело ранены. Я заметил с внутренним удовлетворением, что абазские всадники переносят артиллерийский огонь с несравненно большим спокойствием, чем турецкие баши-бузуки и даже регулярная турецкая кавалерия, которую я наблюдал на Дунае и в Крыму¹.

Я возвратился той же ночью обратно в Шапсогур, куда уже прибывали лодки из Натухая и Шапсугии, для того чтобы скорее собрать воинов на реке Адагум. Я послал в Адерби приказание немедленно выслать 15 человек в Шапсогур, по возможности ускорить лафетирование двадцатифунтовой гаубицы и для этого использовать остов трехфунтовой зарядной повозки, грубо обрабатывать кожу скота, убитого для моего отряда, чтобы как можно скорее получить материал для упряжи лошадей, а также собрать необходимые боевые припасы. Наступление русских вызвало в нашем отряде такую деятельность, что все офицеры и солдаты работали день и ночь, чтобы привести в исправность четыре орудия, которые должны были нам служить.

Вечером 17 апреля я отправился из Шапсогура с двумя орудиями в запряжке и приблизительно с 2000 конных и пеших абазов и ночью пришел на сборное место у реки Адагум. Несколько седел, привезенных с собой и найденных в турецкой упряжи, позволили мне посадить на коней 10 моих солдат, которые с этого времени образовали мой постоянный эскорт.

При известии, что загадочные чужестранцы хотят принять участие в сражении с русскими, собрались в необычайном количестве воины от земли натухайцев до Абина; около 3000 конных и больше чем вдвое пеших соединились на поросших лесом и кустарником берегах Адагума.

Я еще раз ночью и на следующее утро произвел рекогносцировку расположения русских и нашел его неизменившимся. 18-го был созван общий военный совет, в котором я принял участие вместе с тремя моими офицерами. Против своего обычая и, вероятно, для того, чтобы выказать нам свое почтение, старшины с самого начала заявили, что они полностью передают нам руководство и готовы делать все, что я найду лучшим; это, однако,

не значило, что они знали, каким образом я предполагаю начать атаку на неприятеля.

Я считал несвоевременным сразу нарушить их старинные обычаи главным образом потому, что я предпринял эту первую экспедицию больше от скуки и из любопытства и твердо решил, если обещанное подкрепление не прибудет из Константинополя, возвратиться туда. После того как я сделал абазскому военному совету, состоящему из 10 000 членов, несколько замечаний о не-правильности в их предложениях, я изложил свой план наступления. Приблизительно на расстоянии орудийного выстрела от неприятельского авангарда, расположившегося лагерем на левом берегу Кубани, растянулся полукругом высокий и густой лес, который был глубже, чем на час езды. В четвертьчасовом расстоянии от левого фланга неприятеля, расположившегося на острове, был хорошо известный жителям широкий брод через Кубань, о котором неприятель не имел представления, так как никогда не занимал это место.

Я потребовал 300 пехотинцев для прикрытия двух моих орудий, которыми я хотел обстреливать и тревожить неприятельский фронт. Вся остальная масса пехоты, приблизительно 6000 человек, должна была под начальством курдского князя Фарис-бея ² образовать наше левое крыло, спрятаться в лесу и тотчас же по первому приказанию вырваться в атаку и немедленно вступить в рукопашную стычку с неприятельским авангардом, находящимся на левом берегу.

Конница под командованием сына Сефер-паши, которому в первый раз была оказана честь вести отряд в бой, должна была пройти указанный брод и угрожать массе врага, расположившегося на правом берегу. Если конница будет атакована и сильно затруднена в движении, то она должна пройти на расстояние часа вверх по реке к острову и там перейти по второму, очень широкому и удобному, броду.

Абазский военный круг принял это предложение. Никто не возражал, но я не заметил также большого удовлетворения, напротив, мне казалось, что на лицах стариков и молодежи было написано недоверие. Впрочем, весь мой авторитет был основан только на двух пушках; если б у меня их не было, то не подлежит сомнению, что абазы совершенно не стали бы мне повиноваться.

Я видел по всему, что могу рассчитывать только на Фарис-бея, который хорошо понимал мои мысли.

19 апреля в 6 часов утра весь корпус адыгов стоял под ружьем. Я отправился посмотреть, не произошло ли каких-нибудь изменений в расположении врага после того, как я отдал приказ обоим указанным начальникам о медленном продвижении на позиции. Все осталось по-прежнему, но я заметил, что русские усердно работают над возведением предмостного укрепления и насыпи для батарей.

В 7 часов утра адыги заняли позицию по моим указаниям и два моих орудия были выставлены против моста и прикрыты кустарником. Все продвижение, хотя оно и было проведено только на расстоянии орудийного выстрела от неприятеля, было совершенно закрыто лесом и, следовательно, осталось незамеченным. Я отрядил лейтенанта Арановского с четырьмя солдатами к Фарис-бею с приказанием после 12-го выстрела прорваться вперед и атаковать находящийся на левом берегу неприятельский авангард. Фейерверкер Линовский с двумя конными солдатами был откомандирован к князю Карабатыру, командовавшему правым флангом. Враг был частично настолько закрыт высоким тростником, что мы могли видеть лагерь, только сидя на деревьях. Поэтому я поместил одного унтер-офицера на высокий дуб и отдал ему приказ следить за попаданием наших орудийных выстрелов. Я слез с лошади и, так как для меня было большим удовольствием лично направить первый пушечный выстрел, который услышат русские со стороны абазов, взял на себя обязанности унтер-офицера, навел орудие и приказал открыть огонь. Второй выстрел был направлен лейтенантом Станкевичем. Мы открыли медленный, хорошо нацеленный огонь по мосту. В первое мгновение неприятель был настолько ошеломлен, что казаки вскочили на коней и помчались через мост. Форпосты у предмостного укрепления бросились в бегство назад, пехота, занятая саперной работой, побросала лопаты и ломы и побежала к своим ружьям. Уже после восьмого нашего выстрела неприятель начал отвечать из четырех, а затем – из шести орудий. После 12-го выстрела я приказал участить огонь и в полной уверенности, что молодой князь Зан-оглы начнет с конницей проводить задуманный маневр на правом фланге, сел на лошадь и поскакал на левое крыло, чтобы направить и ускорить наступление пехоты. Я нашел Фарис-бея,

лейтенанта Арановского с его четырьмя солдатами и приблизительно сотню адыгов готовыми к выступлению из леса против неприятеля – они кричали и неистовствовали, но не могли, однако, побудить всю массу к наступлению. Я поскакал в лес, гнал их вперед, молил, угрожал. Все напрасно! Абазы не желали двигаться. Между тем неприятель, заметивший движение на нашем левом фланге, также открыл огонь по лесу из шести орудий островной батареи правого фланга. Теперь нельзя было и думать о наступлении абазов. Я приказал поэтому Фарис-бею оставаться тихо в лесу, чтобы удержать его при возможном наступлении неприятеля, и поехал к орудиям, которые стойко выдерживали огонь восьми, а затем и двенадцати русских орудий. Я нашел уже трех человек и двух лошадей небоеспособными.

На правом крыле Карабатыр не двигался с места. Неприятель, который между тем приобрел снова полное самообладание и явно не имел представления о столь опасном броске и поэтому считал свой лагерь на острове совершенно безопасным, направил в атаку три батальона через мост и выстроил их шестью колоннами против нашего левого фланга. Полубатарея конной артиллерии поддерживала его атаку. Я думал уже готовиться к отступлению почти стесненный перекрестным огнем неприятельской артиллерии; я был твердо уверен, что наша пехота сейчас побежит отсюда, но здесь я, к своей радости, ошибся; адыги, спрятавшиеся за кустами и деревьями, встретили неприятеля сильным и метким ружейным огнем, и большие толпы их собирались, чтобы драться холодным оружием. В полосе действия адыгских ружей неприятель подался назад и снова развил сильный орудийный и ружейный огонь, в котором штуцера батальона черноморских казаков давали ему существенный перевес.

Я решил использовать ослабление неприятельского отряда на острове и проделать конную атаку на лагерь. За исключением казаков у неприятеля остались для охраны лагеря только два батальона пехоты. Я отдал приказ Фарис-бею сделать все, чтобы повести пехоту на предмостное укрепление в тот момент, когда наша конница перейдет Кубань. Я сам поехал на правый фланг и понуждал Карабатыра немедленно перейти реку и атаковать неприятельский лагерь. Но все уговоры не помогали. Абазы только жадно прислушивались к орудийному грому; Карабатыр, проявлявший столько дикой энергии в разбойничьих набегах, здесь,

став предводителем многочисленной конницы, совсем потерял голову: хотя он был начальником, но ему никто не повиновался.

Настало время прекратить бесполезную артиллерийскую дуэль. В моем отряде был один убитый, четыре тяжело и два легко раненных и два орудия и четыре лошади вышли из боя. Мне казалось, что этого достаточно для развлечения господ абазов. Я утешал себя тем, что русские должны были потерять гораздо больше, потому что наши ядра падали в их густые толпы и в их лагерь, в то время как мы были достаточно хорошо укрыты за дубами. Мои два орудия пять раз меняли свою позицию, что было довольно утомительно проделывать с этими тяжелыми, мерзкими турецкими машинами в густом лесу. Я не хочу говорить о том, что мой маленький отряд в этой первой схватке держался хорошо, ведь это были, как я уже раньше говорил, почти сплошь старые солдаты и поляки.

В 11 часов мы возвратились обратно в лагерь. Здесь наконец прорвался наружу дикий, долго сдерживаемый восторг адыгов. Изумленные и восхищенные горцы едва не задушили моих солдат в объятиях. Только тогда я понял, что еще утром эти люди не хотели поверить в то, что мы будем драться с русскими. Абазы посадили на высокие деревья разведчиков, чтобы наблюдать, не стреляем ли мы друг в друга холостыми зарядами. Отсюда их недоверие и их нежелание повиноваться моим приказам. Они несли мертвых и тяжело раненных солдат по очереди на руках до самого лагеря, где последних стали осматривать и перевязывать абазские «хирурги». Эти импровизированные врачи так опытни, что никто из раненых не умер у них на руках и только один остался негодным к военной службе. У абазов в этот день было только пять раненых.

На следующий день я приказал устроить павшим солдатам достойное погребение. Когда мы сняли шапки, присутствующие здесь 10 000 адыгов тоже сбросили свои папахи, а когда я приказал дать в честь павших орудийный выстрел, внезапно все абазские воины без всякой нашей просьбы разрядили свои ружья в память о своих новых погибших боевых товарищах,

С этого момента отношение абазов к нам совершенно изменилось. При известии о нашем сражении с русскими, во время которого пушки «на самом деле стреляли ядрами», из Шапсугии потекли в наш лагерь новые отряды воинов. К 24-му собралось

около 5000 конных и 12 000 пеших. Сефер-паша также прибыл в лагерь; он был в полном восторге и выражал благодарность от имени абазов за то, однако, что султан прислал пушки и таких храбрых аскеров. При этом он не забыл также вытащить свою газету и вразумить абазов, что его род уже в течение столетий управляет ими. Правда, они ничего об этом не знали, но не могли и сомневаться, потому что Сефер-паша подтверждал свои слова документом, напечатанным в Стамбуле, столице султана. Я попросил у совета сумму и, кроме того, должен был уплатить еще 20 голов рогатого скота в качестве штрафа; выдача же русским перебежчика подлежала теперь смертной казни.

В три дня я довел мой отряд до 120 человек, т.е. до такого числа, на которое у меня хватило обмундирования. Кроме того, я собрал 108 молодых и дельных солдат, поляков по национальности, в Адерби; они должны были в своей порванной абазской одежде помогать нам до прихода главного транспорта, все еще ожидаемого нами с большой надеждой. Кроме того, в течение месяца я выдал только в Натухае, Шапсугии и Бжедугии 736 свидетельств русским перебежчикам. Все эти люди, опытные солдаты, нуждались только в оружии и обмундировании, и тогда их легко можно было повести на врага.

Между тем наши каретники и кузнецы в Адерби поставили на лафет гаубицу, а шорники приготовили четыре пары вполне приличной упряжи. И так как у меня было теперь достаточно людей и лошадей, то я отправил эту гаубицу и хорошо отремонтированную трехфунтовую пушку из Адерби в лагерь на Адагуме.

В Натухайской области было найдено несколько пушечных стволов, которые в разное время были захвачены у русских; в стране нашлись также еще 15 орудий, подаренные абазам во время султана Махмуда. Как я уже раньше говорил, абазы не помышляли о том, чтобы стрелять из таких больших и тяжелых орудий, и ничего с ними не сделали, кроме того, что содрали железо с лафетов и колес, так что из 15 орудий я нашел только два с достаточно сохранившимися лафетами; остальные орудия были превращены в простые стволы. Шестифунтовый турецкий орудийный ствол, шестифунтовый русский единорог и двенадцатифунтовую русскую мортиру я приказал отправить в Адерби, чтобы там снова поставить их на лафеты и катки.

Примечания

¹ 17 февраля 1855 года русский корпус в количестве 16 000 человек под командой генерала Липранди атаковал защищаемый Сердар-Экрем-Омер-пашой укрепленный лагерь под Евпаторией в Крыму. Русский отряд был на несколько тысяч человек слабее турецкого. Последний стоял за рядом возведенных укреплений, но был все-таки гораздо лучше укрыт для того, чтобы легко держаться против широко растянувшегося врага. Бригадный генерал Искандер-паша (Илинский) командовал турецкой кавалерией, состоявшей только из трех регулярных эскадронов и двухсот вольных татарских всадников. Моя служба привела меня к Искандер-паше. Когда левый фланг неприятеля прорвался к укреплениям и русская пехота начала их штурмовать, главнокомандующий отдал приказ нашему правому флангу и генерал-аншефу египетского корпуса Селим-паше бросить кавалерию на край неприятельского левого крыла. В то время как Селим-паша с саблей в руке, пронизанный неприятельскими пулями, упал на укрепления и его несчастные арабы, мстя за смерть любимого начальника, вырвались из редутов в открытое поле и опрокинули штыками неприятельскую пехоту, Искандер-паша, храбрейший из храбрых оттоманской армии, сопровождаемый европейскими офицерами, сделал тщетную попытку повести турецкую конницу против скачущих русских эскадронов. Несколько выстрелов со стороны подвижной русской казацкой батареи, сопровождавшей свою кавалерию на расстоянии трехсот локтей перед турецкими укреплениями, было достаточно для того, чтобы привести нашу конницу в дикое бегство. Несколько дней спустя тот же генерал при посещении форпостов подвергся нападению русских и на глазах турецкого эскадрона, поспешно показавшего спины, был так изрублен, что только благодаря героической самоотверженности одного курдского добровольца он, весь покрытый ранами, все-таки остался в живых и на свободе. Несколько месяцев лежал Искандер-паша между жизнью и смертью в Евпатории, однако турецкие паши были очень на него сердиты за то, что он показывает плохой пример. Собственными ушами я слышал одного толстого пашу, который говорил: «Этот Искандер не понимает военной службы: разве может паша драться как амбал?»

² Фарис-бей был племянником последнего владельца Курдистанского княжества Ахмет-паши, который после десятилетнего сопротивления туркам раненый попал к ним в плен не столько благодаря успехам армии султана, сколько из-за измены своего брата Солиман-паши; два его сына еще и сейчас находятся во власти турок как заложники, а его семья интернирована в разных местах Оттоманского государства. Сам Ахмет-паша получил позволение жить во Франции, где Порта назначила ему

небольшую пенсию для поддержания его существования. До 1853 года Фарис-бей был интернирован в Адрианополе; там он познакомился с черкесом Зан-оглы, позднее ставшим Сефер-пашой и, когда началась война Турции с Россией, он попросил разрешения поехать с последним на Кавказ, на что и получил согласие. Во время моего пребывания в Абазии я получил от этого храброго, гордого, воинственного и благородного юноши существеннейшую и вернейшую поддержку во всех моих военных предприятиях.

Глава пятнадцатая

Дальнейшие сражения с русскими. – Известия из Константинополя. – Управление Сефер-паши. – Продвижение русских. – Неприятельское нападение на Геленджик. – Наиб Мохамед-Эмин едет в Константинополь. – Его арест, интернирование и бегство.

После первого столкновения абазские отряды непрестанно наблюдали за врагом и беспокоили его. По очереди с моими офицерами мы ежедневно разведывали расположение врага и пытались ввести известный порядок и планомерность в дозорную службу горцев.

Я решил сделать 28 апреля генеральное нападение на вражеский лагерь и после того, как все без исключения старшины и воины обещали мне повиноваться, не расспрашивая заранее обо всем, я выработал следующую диспозицию: на левом фланге, где в прошлый раз стоял Фарис-бей с пехотой, были поставлены два шестифунтовых орудия под прикрытием 2000 человек пехоты; на позицию, занятую 19-го артиллерией, была поставлена одна двадцатифунтовая гаубица и одна трехфунтовая пушка под прикрытием приблизительно 2000 пехотинцев; эти два отряда должны были открыть орудийный огонь против предмостного укрепления и, смотря по обстоятельствам, начать наступательные действия. Там, где в первом сражении стояла наша конница, теперь была выставлена основная масса нашей пехоты, около 8000 человек под командой Фарис-бея, чью военную энергию и боевые способности я с каждым днем ценил все больше; задача пехоты заключалась в том, чтобы быть готовым к переходу находившегося перед ее фронтом ранее описанного брода. Пехота эта

была хорошо закрыта лесом и удалена от глаз неприятеля. Адыгская конница, состоящая приблизительно из 5000 человек, должна была сконцентрироваться в часовом расстоянии вверх по реке, одновременно с началом артиллерийского огня перейти второй находящийся там очень широкий и удобный брод и медленно двигаться на вражеский лагерь. Не было никакого сомнения в том, что неприятель, увидев на острове такую массу всадников, должен будет направить против них большую часть сил; это было мгновение, в которое две части левого фронта, подкрепленные пушками, должны были атаковать главное мостовое укрепление, а основная часть пехоты перейти брод и напасть на неприятельский лагерь. На смелость абазов я мог вполне положиться; если они будут следовать диспозиции, то мы, превосходя неприятеля численно в три раза, могли рассчитывать на его полное уничтожение.

На рассвете 28 апреля я произвел разведку расположения неприятеля и нашел, что оно ни в чем не изменилось. Русские успели только построить предмостное укрепление и разместить несколько полезных батарей на острове, а также вырыть на другом берегу окопы для стрелков. О наличии двух бродов они, казалось, ничего не знали, так как оставили их совершенно без всякой охраны. Два дезертира, пришедшие ночью к нашим форпостам, рассказали, что неприятель ждет подкрепление, которое каждую минуту может подойти.

Нельзя было терять время. Я отправил Карабатыра Зан-оглы с его конницей вперед уже в 5 часов утра с поручением перейти отдаленный брод и двинуться на лагерь. Я дал ему еще одного моего офицера с семью конными солдатами, чтобы помочь поддерживать порядок среди его людей. Через час, когда я думал, что конница находится уже близко от условленного места, и когда как раз собирался привести в движение абазскую пехоту и польскую артиллерию, внезапно мы услышали сильную канонаду.

Я приказал отрядам быстро продвигаться вперед и поскакал бешеным галопом на неприятельскую позицию. Здесь увидел, к моему отчаянию, что Карабатыр, этот ни к чему не пригодный, безголовый и к тому же упрямый дикарь, совершенно нас скомпрометировал. Вместо того чтобы незаметно для неприятеля перейти брод и угрожать на острове неприятельскому лагерю, он поступил по своему разумению и послал большую часть конницы

на второй брод, а с меньшей частью перешел ближайший брод перед глазами всего неприятельского лагеря. Само собой разумеется, что застигнутые врасплох русские выставили все свои силы против этой кавалерии. В то время как три батальона пехоты и казаки с артиллерией гнали абазскую конницу на втором броде, ближайший брод был занят батальоном и четырьмя орудиями, так что о переходе его абазской пехотой нельзя было и думать.

На острове тем временем разгорелась дикая схватка между русскими и абазами. Первые не удалялись от своего лагеря, так что наша конница не была потревожена в своем медленном движении. Я увидел, что тут нельзя много сделать, но все-таки послал нашу пехоту, подкрепленную четырьмя орудиями, чтобы взять предмостное укрепление. Русские были так ошеломлены неожиданным появлением абазов на правом берегу Кубани, что уже не могли оказать длительного сопротивления на левом берегу, отступили назад и сожгли мост. Неприятельская артиллерия поддерживала против нас через реку сильный огонь и принудила нас оставить занятое уже предмостное укрепление. Опасаясь, что наша конница на острове при своем возвращении через дальний брод будет сильно задета неприятелем, я поспешил с двумя легкими орудиями, чтоб прикрыть переправу. Но, к счастью, неприятель не догадался преследовать абазов.

Карабатыр скакал навстречу мне очень радостный, в надежде услышать от меня комплименты. Я был настолько разозлен, что очень плохо обошелся с ним и заявил ему, что потребую от народа его смещения или сам уеду в Стамбул. Я зашел слишком далеко в первом приступе гнева, и мой язык повредил мне не столько у Карабатыра, сколько у Сефер-паши. Карабатыр, который первый раз в своей жизни был предводителем такого большого числа конницы, не придавал особого значения моим упрекам; он был вне себя от радости и обещал в следующий раз повиноваться лучше. Впоследствии он еще часто обещал мне это, но ни разу не сдержал свое слово.

Адыги были очень довольны своим боевым делом. Они заставили русских отступить, видели неприятельский мост сожженным, слышали сильный орудийный огонь и ничего больше не хотели. Польский отряд оставил на поле сражения одного человека и двух лошадей; адыги имели четверо убитых и 22 раненых,

из которых трое умерло в тот же день. Они потеряли также около 10 лошадей.

Я описываю эти сами по себе незначительные сражения так подробно потому, что они были первыми, которые мы провели вместе с абазами против русских, первые, в которых русские увидели действующую против них артиллерию, и еще потому, что я хочу дать читателю представление о способе ведения войны горцами. Я сделал одно наблюдение, наполнившее меня большой надеждой на будущее, а именно: если бы мне удалось сформировать польские пехотные и кавалерийские отряды, то абазы никогда не оставят без поддержки регулярную армию, но будут за ней в бою всюду следовать и убедятся в необходимости правильной военной организации и планомерного ведения войны. Я могу без преувеличения сказать, что если бы в обоих сражениях 19-го и 28 апреля у нас была рота пехоты и пол-эскадрона кавалерии регулярных войск, чтобы управлять массами абазов, то мы могли бы уничтожить и взять в плен столь неосторожно расположившийся русский корпус силой приблизительно 5000 человек; но так мы сумели с почти с 18 000 храбрых и решительных, но очень плохо руководимых и непослушных абазских воинов причинить русским только очень незначительный урон. Неприятель в тот же день свернул свой лагерь и отступил назад, на северный рукав реки Кубани, оставив два казачьих полка, один батальон пехоты и восемь орудий для охраны и защиты обоих бродов. О новой атаке на остров в настоящий момент не могло быть и речи. Я с нетерпением ждал прибытия второго транспорта из Константинополя и хорошо понимал, что со средствами, которыми я располагал, нельзя и думать о серьезном сопротивлении русским.

Между тем наш лагерь на Адагуме становился все меньше и меньше. Адыги хорошо питались, быстро израсходовали привезенные с собой припасы и стали расходиться по домам. Вдобавок они вообразили, что теперь пушки не позволят врагу проникнуть дальше и что совершенно излишне присутствовать при канонаде. Впрочем, адыг, который считает, что он далеко превосходит русскую пехоту и кавалерию, питает очень большое почтение к русским пушкам. Он полагает поэтому, что если он, несравненно более мужественный, боится пушек, то русские должны быть от них в смертельном страхе. Поэтому они возлагали так много надежд на два моих незначительных орудия.

К 1 мая я насчитал в лагере едва 3000 человек. Караулы и форпосты были организованы настолько хорошо, насколько это было возможно, и мы ежедневно беспокоили неприятеля несколькими орудийными выстрелами. Я не мог скрыть до основания оставленное русскими предмостное укрепление, потому что как только я предпринимал эту попытку, неприятель открывал против нас огонь из нескольких орудий, которые наша слабая артиллерия не могла заставить замолчать; а абазы ни за что не хотели работать под неприятельским огнем.

4 мая, в час пополудни, было сообщено о большом движении неприятеля на острове. Я мгновенно помчался к форпостам и увидел, что предмостное укрепление уже занято. Неприятельский отряд перебрался через реку в лодках, и русская артиллерия стреляла по всем направлениям, чтобы затруднить наше приближение к берегу. При лунном свете можно было также заметить, что неприятель занят наводкой моста. Мои четыре орудия и все находящиеся в лагере абазы уже прибыли, поэтому я немедленно атаковал предмостное укрепление. Абазы день ото дня становились все более дерзкими и смело пошли с шашкой и пистолетом в руках на окопы. Противник, находившийся там, встретил нас частым артиллерийским и ружейным обстрелом, но не небольшой огонь из укреплений, а внезапный гром приблизительно 30 орудий с правого берега реки, откуда нас осыпали градом ядер и гранат, принудил нас к отступлению. Мы теперь начали артиллерийскую перестрелку на далеком расстоянии, продолжавшуюся до самого рассвета. Как только стало светло, неприятель в составе четырех батальонов пехоты выступил под прикрытием своей многочисленной артиллерии через ближайший брод, в то время как 18 эскадронов казаков с шестью ракетометателями прошли верхний брод и стали угрожать нашему правому флангу.

В 5 часов утра русские закончили мост и отправили остальные четыре батальона на левый берег, где они построились колоннами справа от предмостного укрепления. В то время как около 40 орудий открыли продолжительный огонь по занятому нами лесу, восемь батальонов противника, стоявших на левом берегу, перестроились в штурмовые колонны и атаковали лес, предшествуемые густой цепью стрелков. Мои орудия дали еще несколько залпов, а потом я приказал совершенно вывести из боя два неповоротливых шестифунтовика, которые легко мог потерять, и

остался только с трехфунтовиком и гаубицей, с которыми пытался то здесь то там сделать картечный залп. Абазская пехота защищала лес с дикой энергией. Адыги испустили свой пронзительный боевой клич, и после того, как русские проникли уже в лес, началось отчаяннейшее сражение.

Я приказал разделить немногочисленные боевые припасы между людьми, и они хотели хорошо их использовать. Дело часто доходило и до рукопашной схватки с холодным оружием. Адыги защищали каждое дерево, каждый овраг; многие карабкались на деревья и оттуда стреляли вниз. Фарис-бей казался в этот день умножившимся, и стойкое сопротивление адыгов в значительной мере является его заслугой. Я выделил лейтенантов Арановского и Штоха, так же как унтер-офицеров и солдат Мачинского, Новака, Орлинского, Пахолака, Даманского, Оссовского, Беднарека и Щипера, которые сопровождали меня, и приказал им руководить в бою адыгами. Эти молодцы выполнили свое задание с редким мужеством и величайшим самопожертвованием. Благодаря своим мундирам, которые их особенно выделяли ¹, они в сильной степени были подвержены неприятельским пулям, но это не мешало им своим примером побуждать абазов к стойкой выдержке. Орлинский упал, пронзенный девятью пулями, все остальные были в большей или меньшей степени ранены. Все реже раздавались орудийные залпы, только еще слышались треск ружей, бой барабанов, автоматические возгласы «ура» московитских батальонов и дикий пронзительный боевой крик адыгов.

Это сражение в лесу продолжалось до 10 часов утра. Русские увидели, что чем глубже они продвигаются в лес, тем яростнее становится сопротивление и тем больше их потери, и начали возвращаться назад под защиту своих батарей. В сражении принимали участие с русской стороны около 6000, с нашей стороны – не больше 2000 человек. Если бы у нас было превосходство в силах, как 28 апреля, то неприятелю пришлось бы плохо; но русские обыкновенно бывают хорошо осведомлены о противостоящих им силах адыгов и пускаются только в надежные предприятия.

Абазская конница силой около 800 человек, которая составляла наш правый фланг, столкнулась с казаками и, несмотря на их значительное превосходство, отогнала их на правый берег. Казаки оставили в руках адыгской кавалерии 3 мертвых, 2 пленных и 2 лошади.

В польском отряде было 3 убитых и 14 раненых, что при его скромной численности было большой потерей. Было также убито орудиями 2 лошади и 1 сделана небоеспособной. У абазов был 51 убитый и в три раза больше раненых.

Русские должны были, во всяком случае, потерять гораздо, больше людей, так как они были более открыты нашему огню; в наших руках осталось 16 пленных; в лесу абазы нашли 21 убитого русского. Генерал-лейтенант Филипсон, который лично командовал атакой, был ранен.

По рассказам военнопленных, неприятель за день перед тем получил очень значительное подкрепление и стоял теперь против нас в составе 14 батальонов 4 казачьих полков и 52 полевых орудий; в пути еще находились крепостные орудия и строительный материал, потому что русские предполагали возвести на острове сильную крепость. Мы не могли думать о том, чтобы помешать этому, и принуждены были довольствоваться тем, что наблюдали за неприятелем и беспокоили его.

8 мая получил я наконец долгожданные известия из Константинополя. Это были первые письма со времени нашего отъезда, и они объяснили мне отсутствие второго транспорта. Через несколько дней после нашего отплытия по требованию русского посольства был арестован Измаил-паша; против него был возбужден процесс, в результате которого он был выслан в Малую Азию. Это, конечно, не помешало бы ему дать средства моим соотечественникам, представлявшим меня в Константинополе, чтобы вызволить нас из положения, в которое он нас поставил, но это не входило в его расчеты. Он сам подстроил, чтобы его арестовали и сослали, потому что никто ему не помешал бы освободиться. Но он думал только о том, чтобы запрятать собранные им деньги, и искал всевозможные предлоги для этого. Он умел, однако, так хорошо водить за нос моих соотечественников, что они отнеслись к нему с той же снисходительностью, как и я вначале. Свое последнее мошенничество – снятие с нашего транспорта холста, соли и мундиров он приукрасил заявлением, что не доверяет турецкому капитану парохода, поэтому хочет сам привезти эти вещи; как будто легче кому-либо доверить орудия и боевые припасы, чем полотно и соль! Тем не менее все мои друзья считали, что отправка второго транспорта вполне надежна, и советовали мне какой

угодно ценой держаться и ждать. Оставленные в Скутари отряды также терпеливо ждали своего отъезда.

Я немедленно отправил в Константинополь письма, в которых, описывая благоприятный поворот в моем положении, вместе с тем указывал, что нас ждет печальная будущность, если вскоре не придет обещанная помощь. Перспектива остаться в нынешнем положении, быть может, еще несколько месяцев заставила меня опять отправить собранных мною солдат, которых я не мог одеть, к абазам, где они должны были ждать прибытия вещей. Незащищенность пункта, в котором я находился, побуждала меня выбрать определенное место для нашего поселения, и я остановился на Адерби.

Между тем Хаджи-Измаил-паша, собравший предназначенное нам зерно, основал и у натухайцев два мехкеме, в одном из которых посадил уже известного читателю Фарис-бея, в другом — Хаджи-Яхья-эфенди, молодого, очень способного человека, уроженца Дагестана. Оба эти офицера собрали корпус из 54 конных муртазиков и равного же числа пеших и ввели в своих мехкеме очень хороший порядок. Но все, что делал Хаджи-Измаил-паша, обычно разрушали Зан-оглы Сефер-паша и его сын Карабатыр.

Сефер-паша вообразил, что абазы собирают для него подати, и начал делать подарки зерном своим по большей части ни на что не годным приверженцам, и вскоре большая часть зерна была растрачена. Под тем предлогом, что отряд требует жалованье, он продал за бесценок (30 000 пиастров ²) 6000 сапеток зерна лазским купцам. Я сумел получить от него едва только четвертую часть этих денег. Его сын вел себя еще хуже. Он занимался сбором лошадей и рогатого скота и орудовал так ловко, что я получил вместо 78 лошадей только 43 и вместо 156 голов рогатого скота только 82. Хотя все это были мелочи, но в моем тяжелом положении, когда я сам должен был одевать в форму оставшихся солдат новых рекрутов, всякая потеря была особенно чувствительна. Я рассказал все это Хаджи-Измаил-паше, но было уже поздно, чтобы чем-нибудь помочь. Я горько упрекал князя Сефер-пашу и сказал ему, что вижу, что люди, которые считают, что они стоят во главе абазского народа, как здесь, так и в Константинополе, спекулируют на наших бедствиях. Поэтому я посоветовал ему приготовиться к тому, что, если хоть на один-единственный день у

нас не хватит необходимых припасов, я созову народ, расскажу ему все и отплыву назад. Старый князь стал плакаться и сваливать всю вину на свое дурное окружение, и особенно на своего сына, который, негодяй, не может жить без воровства и не хочет его слушаться. Действительно, Карабатыр никогда не заботился о своем отце, которого он часто по месяцам не видел. Он старый человек, причитал дальше Сефер-паша, который не может все делать сам, поэтому начинаются беспорядки; но я должен быть совершенно спокоен насчет содержания моего отряда, ибо в сто раз большее число солдат найдет, чем прокормиться, в стране Адыге; до сих пор только четвертая часть шапсугов выплатила подати; теперь приходит черед других частей, затем абадзехов и убыхов. Я не мог удержаться, чтобы не заметить ему, что еще очень сомнительно, даст ли вообще что-нибудь остальная часть шапсугов, настроенных против него очень враждебно; что же касается абадзехов, то о соединении с наибом или об изгнании его нечего и думать; Сефер-паша утешал меня всячески, но не мог совершенно успокоить. Впрочем, он был человек, которому была чужда скупость и алчность, ни в коем случае его или его полудикого сына нельзя сравнивать с таким систематическим обманщиком, как раб Измаил, людей, похожих на него, я никогда не встречал среди абазов. Но у князя Сефера была бесконечно слабая голова, он был недоверчив и упрям, а его сын был его точным портретом, как духовным, так и телесным.

14 мая получил я из трех различных мест очень тревожные известия о движении русских. Одна половина перешла Нижнюю Кубань около лежащей на левом берегу крепости Коркуй, другая – верховья Кубани около впадения реки Иль; оба этих отряда стояли приблизительно на расстоянии 8 часов вправо и влево от корпуса, расположенного на Кубанском острове. Русская флотилия ворвалась в гавань Геленджик, высадила на берег десант и сожгла несколько сандалов и складов лазских купцов.

Эти известия заставили меня опасаться комбинированной операции против Адерби, где мы имели порох и 25 металлических и железных орудийных стволов, которые я собирал, имея в виду, в случае если мои средства увеличатся, поставить их на лафеты и распределить между мехкеме.

Я только собирался отправиться в Адерби, как вдруг прибывший в этот момент командовавший там унтер-офицер сообщил

мне, что неприятель снова высадился в Геленджике. Я повернул поэтому опять на реку Иль, откуда шли одна за другой угрожающие новости. 15-го утром я прибыл на Иль и нашел там уже 3000 собравшихся абазов, среди которых было 600 всадников. Я и мой маленький эскорт были встречены с большим восторгом, но абазы тотчас же спросили меня о пушках. Я обещал, что они скоро придут, и хотел между тем обследовать расположение и силы неприятеля. Известия были по абазскому обыкновению сильно преувеличены. Неприятель перешел Кубань в составе батальона пехоты, двух сотен казаков и четырех орудий, проник в страну приблизительно на полчасовое расстояние и добрался до небольшого леса, где он рубил деревья для отправки в Черноморскую область ³; около двух сотен повозок сопровождало отряды. Одно наспех возведенное на реке Кубани земляное укрепление, представлявшее собой предмостный форт, было еще раньше занято двумя ротами пехоты и двумя орудиями. Как только русские заметили наше продвижение, они отослали все повозки к реке и приготовились к отпору. После прибытия пехоты я отправил ее под командованием старого Абата Карачая, одного из опытных в военном деле старшин, которому я дал в помощь четырех солдат, против занятой русскими рощи, в то время как сам с конницей пошел на казаков. Но после незначительного сопротивления неприятельский пехотный батальон отступил из леса, русские ретировались под прикрытие своих пушек, которые сдерживали нашу кавалерию на известном расстоянии перед их предмостным укреплением. Впрочем, вся эта диверсия противника на реке Иль не имела никакого значения; я предложил поэтому на военном совете оставить в лагере 500–600 человек, чтобы наблюдать за противником, и если он придет с большой военной силой, то известить меня; пока же прекратить дальнейший сбор военного ополчения. Уже в эту ночь я возвратился в лагерь на Адагуме.

Мне очень улыбалась перспектива иметь в своем распоряжении какое-либо место на берегу хотя бы потому, что у меня давно была мысль ввести небольшую, но регулярную пошлину для турецких купцов. Здесь существовал уже вид произвольной пошлины, которую время от времени вымогали у купцов некоторые тамады побережья под предлогом того, чтобы они защищают против возможных насилий и русских набегов местных жителей. Но эта защита была настолько недостаточна, что со времени наше-

го прибытия купцы неоднократно просили поставить в различные места побережья сборщиков пошлины, употребив для этого солдат.

Ограниченное число моих людей и то обстоятельство, что немногих грамотных едва хватало для службы в отряде, а особенно неуверенность, в которой находился я в отношении Константинополя, заставили меня отложить это предложение. После того как я теперь знал, что дольше двух месяцев нечего и думать о прибытии второго транспорта, я решил использовать это время для того, чтобы ввести систему пошлин, и поэтому установка нескольких орудий на каком-нибудь пункте побережья была полезна, так как давала мне перед народом известное право на это. Трудности заключались в том, что лафетирование орудий в Адерби не очень далеко продвинулось, не хватало также упряжи, а из лагеря на Адагуме я не мог выделить ни одного орудия. Но, чтобы положить начало, я решил составить береговую батарею из тринадцатифунтовой гаубицы, которая из-за своей тяжести не могла быть перевезена в Адерби и лежала погребенная в Геленджике, так же как и другие оставленные здесь русскими тяжелые железные орудийные стволы, и таким образом пустить пыль в глаза как русским, так и абазам. Я направил поэтому унтер-офицера Савицкого с 12 солдатами в Геленджик и заказал в Адерби, где наша кузница и каретная мастерская находились уже в сносном порядке, сделать несколько необходимых деревянных подставок, которые могли бы служить орудиям в Геленджике как лафеты.

Сам я отправился в Геленджик, где и начал вводить пошлину. После предварительного совещания и обмена мнениями с купцами была установлена следующая пошлина на вывоз: за сапетку зерна – полпиастра, за кожу крупного рогатого скота – 2 пиастра, за овечьи или козьи шкуры – полпиастра, за око меда или масла – полпиастра, за око воску – 2 пиастра, за бочонок пива – 30 пиастров. С тамадами окрестностей было заключено условие, что они поставят стражу и должны оберегать купцов от всякой несправедливости. Был поставлен сборщик пошлины, который должен был находиться в Геленджике и работать под контролем командированных унтер-офицеров или офицеров. Пошлина должна была делиться следующим образом: сборщик пошлины берет одну десятую, тамада области – одну десятую, стража – две десятых; шесть десятых должны были отсылаться к Сефер-паше,

с которым мы условились делиться пополам; он – для содержания своего двора и для политики, как он выражался, а я – для отряда. Как только сбор пошлины был введен в Геленджике, я поехал в Суджук, где точно так же вместе со старшинами и купцами был установлен подобный порядок и поставлен сборщик пошлины.

На обратном пути через Геленджик начальник поста донес мне, что в течение нескольких дней почти никто не приходит охранять орудия. Как и все обещания Сефер-паши, это – сформировать в Геленджике лагерь из 200 абазов – оказалось мыльным пузырем. За время моего пребывания в Геленджике пришло на стражу человек 30, и те еще требовали за это вознаграждения боевыми патронами. Когда же я уехал, то уже никто не приходил. Я не мог здесь ничем помочь и послал об этом сообщение Сефер-паше в надежде, что он созовет совет, но это были напрасные усилия. Абазы смеялись над его приказаниями.

Я объехал пункты Мезиб, Пшад и Чепсин и везде удачно ввел систему пошлин и оставил сборщика. Эти сборщики пошлин – турки или абазы, хотя и взимали пошлину очень регулярно, но многие из них очень быстро сговорились со старшинами и начали делиться с ними. Сефер-паше они посылали ровно столько, сколько они хотели. В Геленджике, где мои солдаты контролировали пошлину, общая сумма с 24 мая по 24 июня составила 12 800 пиастров, из которых 3840 пиастров пришлось на нашу долю. Позже из-за частых набегов русских торговля в Геленджике пришла совершенно в упадок, и так как у меня не было больше людей, чтобы ставить их в другие места побережья, то я должен был радоваться, если в течение месяца получал больше, а часто даже меньше 2000 пиастров. Но и этим я должен был быть доволен, потому что без этого добавочного содержания, как будет дальше видно, я не мог бы добыть для моего отряда провиант.

Во всяком случае за время краткого пребывания на побережье я достиг большего, чем даже мог ожидать, и, к удовольствию польского отряда, ввел до той поры совершенно неизвестные две вещи – налоги и пошлины. Я мог также с уверенностью рассчитывать на то, что если отряд будет планомерно сформирован и сумеет дать стране серьезную поддержку в борьбе против русских, то подати и пошлины распространятся на всю страну и могут быть вполне достаточными для содержания 1000 человек. Я ожидал поэтому с большим нетерпением помощи из Константинополя.

12 июня я вернулся в Геленджик из поездки по таможенным делам. За время моего отсутствия 12 солдат возвели в гавани некий род батареи и поставили в нее три тяжелых орудия, среди которых была металлическая тридцатифунтовая гаубица и два железных двадцатичетырехфунтовика на деревянных подставках, изображавших лафеты. Для черкесов все это выглядело чрезвычайно импонирующе: в случае надобности эти орудия действительно могли обстреливать гавань. Но оборона против десанта все же была невозможна. К несчастью, всегда приходила только очень слабая охрана и унтер-офицер Савицкий доносил мне, что в течение нескольких дней никто не появлялся. Я решил поэтому приказать увезти гаубицу в Адерби и оставить в гавани только железные орудия, на перевозку которых у меня не было средств. Но суждено было случиться иному.

Я хотел остаться на несколько дней в Геленджике, чтобы принять морские ванны, которые я считал необходимыми для моего здоровья, сильно расстроенного из-за многих тягостей и особенно из-за вечного беспокойства, которое причиняло мне неопределенность моего положения. На ночной дозор мною было назначено 30 абазов и среди них небезызвестный Мустафа, которого я знал лично, так как он был слугой у Сефер-паши и хорошо говорил по-русски и по-турецки. Мустафа сообщил также, что русский военный корабль стоит на якоре в Добе, т.е. приблизительно в полутора часах езды от Геленджика. Я велел разделить немного пороха между дозорными, чтобы повысить их боевое рвение, и приказал им отправиться на северную сторону гавани приблизительно в получасовом расстоянии от нашей батареи, развести там большой огонь и караулить, а также выставить дозор на ближайшей горе на берегу. Если дозорные увидят неприятельские корабли вблизи гавани, то они должны дать частые ружейные выстрелы, чтобы предупредить нас, и затем возвратиться на батарею. Я назначил Мустафу, который казался мне самым сметливым и с которым мы могли понимать друг друга, предводителем маленького отряда и, кроме того, послал двух всадников в Добу, чтобы узнать новости о неприятельском корабле. Через три часа они возвратились с вестью, что неприятельский корабль спокойно стоит в Добе. Тем временем в северной части гавани абазский дозор занял позицию и зажег большой огонь. Я охотно бы отправил кого-нибудь из моих солдат для наблюдения за этим

дозором, но пост был так мал, что в случае вражеского нападения едва хватило бы людей для обслуживания орудий. В половине первого ночи я сел в лодку и поехал навестить абазский дозорный пост. Я нашел все в порядке, сигнальный огонь горел на берегу, и посты были выставлены. После того как я поощрил людей к большей бдительности, причем Мустафа служил мне переводчиком, я отправился опять обратно на батарею. Здесь пост всю ночь оставался при орудиях, а турецкие купцы и матросы трех сандалов, которые как раз в это время находились в гавани, также держали себя ночью в полной готовности. Ночь была ясная, и можно было достаточно хорошо видеть гавань.

Приблизительно за час до рассвета часовой доложил мне, что вдоль берега справа от нас как будто движется несколько барок. Один взгляд через подзорную трубу заставил меня почти оцепенеть. На расстоянии в половину пушечного выстрела от нашей батареи у берега стояли борт о борт пять больших канонерских лодок, с которых высаживались на землю войска. Эти лодки должны были вплотную пройти мимо абазского дозора, чей огонь мы все время видели. Как это случилось, что абазы не подали нам сигнала? Однако не было времени ломать над этим голову. Хотя я совершенно не надеялся удержаться против этого нападения и спасти орудия, решил я по крайней мере оказать неприятелю возможное сопротивление и повел большой огонь по неприятельским канонеркам, которые также не замедлили ответить и медленно пошли на веслах к нашей батарее. Едва раздались первые пушечные выстрелы, как русский паровой фрегат ворвался в гавань и атаковал батарею с фронта, тогда как лодки обстреливали нас с правого фланга. Я приказал навести два железных орудия на неприятельскую флотилию и повернул гаубицу против наступающей пехоты, которая была встречена сначала гранатами, а затем картечью. Русский десантный отряд в составе одного батальона под командой майора Левашова подвигался очень медленно и нерешительно вперед и открыл против нас совершенно бесполезный ружейный огонь, на который мои ординарцы отвечали револьверными выстрелами; кроме того, с нами было только два абазы, которые держались мужественно. Турецкие купцы и матросы, хотя все они и были вооружены, думали только о том, чтобы спасти свои товары. Неприятельская пехота, должно быть,

опасалась наткнуться на засаду за стенами и руинами старой крепости; иначе ее медлительность необъяснима.

Я думаю, что, если бы мои орудия могли поддерживать огонь, русские должны были бы возвратиться ни с чем; но несчастная судьба пожелала, чтобы импровизированные лафеты двух орудий не выдержали силы выстрелов, только гаубица могла еще поддерживать огонь. Только теперь раздались первые возгласы «ура» русской пехоты, победоносно врывавшейся в крепость, которую никто не защищал. Было уже больше 6 часов утра, когда я вынужден был покинуть батарею. Между тем продолжительная канонада привлекла горцев ближайших дворов, но так как окрестности Геленджика мало населены, то в 7 часов утра в моем распоряжении была едва ли сотня человек.

Неприятель потратил немало труда с погрузкой на корабль тяжелых орудий, я пытался отбить у него добычу, но огонь русской пехоты, поддержанный канонадой военных судов, пресек наши попытки. В половине восьмого неприятель погрузился и ушел со своими трофеями в Анапу; он захватил кроме трех пушечных стволов еще ящик с двадцатью патронами и одну палатку; почти полную бочку с порохом, которую нельзя было спасти, в последнюю минуту под градом пуль скатился в море солдат, едва достигший шестнадцатилетнего возраста, израильтянин Лейба Браун. Из трех турецких сандалов, которые стояли в гавани, неприятель взял два на буксир и поджег третий, который был вытасчен на берег. Мы все-таки еще сумели потушить огонь. У меня было пять раненых солдат. Один из двух черкесов, находившихся при мне, Мехмет Чурок, был ранен в живот и умер в тот же день, так же как и один из моих солдат. Русский рапорт указывает трех убитых и около двадцати раненых, среди последних и майор Левашов. Эти скромные успехи все же доставили генерал-лейтенанту Филиппону, лично руководившему этой экспедицией, материал для баснословного рапорта, согласно которому он взял шесть превосходных металлических орудий и убил тысячи людей, хотя абсолютно не требовалось особенного искусства и смелости для того, чтобы захватить с такими силами три орудийных ствола почти без лафетов и земляные укрепления, защищаемые шестнадцатью по большей части невооруженными солдатами, в особенности если на помощь, кроме всего, пришло еще предательство ⁴.

Само собой разумеется, что едва я пришел в себя, как приказал найти Мустафу и бывших в дозоре абазов, чтобы получить объяснение и потребовать удовлетворения за их небрежность, которая сделала возможным нападение врага. Мустафу нигде нельзя было найти, но дюжина человек из ночного дозора была приведена ко мне. Дело обстояло таким образом. Когда Мустафа отправился в дозор на указанное место, он сказал адыгам, что мой приказ гласит: если до полуночи они не увидят неприятеля, то могут идти домой. Когда я в полночь внезапно посетил дозор и, пользуясь Мустафой как переводчиком, призывал людей к бдительности, он перевел им, что они немного должны подождать, а потом могут идти домой. Стража была очень довольна тем, что может расходиться домой, и едва лишь я отплыл прочь, как абазы разбежались один за другим, а Мустафа отправился в крепость, объявив, что идет к нам. Понятно, что вместо этого он вернулся к сторожевому огню и поддерживал его, чтобы обмануть нашу бдительность.

Предательство, жертвой которого мы очень легко могли стать (если б не бдительность польского караульного, русская пехота могла бы на нас напасть раньше, чем мы сумели бы сделать хоть один выстрел), произвело на меня тем более тяжелое впечатление, что в стране было множество таких, как Мустафа, и я с моим невооруженным отрядом, следовательно, легко мог быть выдан в руки русских. Шпионы не считали даже необходимым тщательно скрывать свою работу, хорошо зная, что двух разинь – Сефер-паши и его сына им нечего опасаться.

18 июня я пригласил старшин натухайцев и шапсугов на народный совет в лагере Адагум. Совет был очень многочислен. Я жаловался на позорную шутку, которую сыграли над нами в Геленджике, и требовал розыска и примерного наказания тех, о ком было известно, что они поддерживают сношение с врагом. Хаджи-Измаил-паша с начальниками мехкеме Фарис-беем и Хаджи-Яхья-эфенди энергично поддерживали мое предложение. Старшины также согласились с нами и убеждали народ указать на тех, против кого имелись обоснованные подозрения. Выступило много обвинителей, и количество оговоренных сразу достигло 30. Большинство из них предстали перед судом и были частью обложены большим или меньшим денежным штрафом. Но десять натухайцев, среди них шесть черкесских уорков, дали посланным гонцам пре-

зрительный ответ и не явились на суд. Измена этих людей была, впрочем, так очевидна, что они сами не делали никаких попыток оправдываться, а ответили, что не хотят признавать суд, в котором заседают гяуры (подразумевая под этим нас).

Народный совет присудил этих бесчестных предателей, как он сам их назвал, к высшим наказаниям, но когда дело дошло до исполнения декрета, старшины ничем не могли помочь и обратились ко мне, предоставляя мне полную свободу привести приговор в исполнение по моему усмотрению. Я заметил еще раньше, что боязнь кровной мести и своеобразная организация фамилий и племен в Абазии делает очень трудным, если не невозможным, всякий законный порядок. Так, кто убьет или ранит кого-нибудь, подлежит затем частной мести или самосуду и везде преследуется фамилией обиженного. Я хотел и должен был импонирующим примером достичь личной безопасности и посоветовался с Фарис-беем и Хаджи-Яхья-эфенди, единственными людьми, на чье активное содействие я мог рассчитывать. Они попросили у меня 16 вооруженных солдат, так как на муртазиков можно было рассчитывать лишь в малой степени. Они принялись так энергично за дело, что в две ночи были пойманы все осужденные. Юнэ, в которых они жили, были по очереди осаждены, и после более или менее сильного сопротивления, во время которого не обошлось без раненых с той и другой стороны, предатели были связаны, их оружие и лошади конфискованы. Я приказал заковать этих людей по двое и отправить для выжигания угля в Адерби. Только через три месяца после множества просьб их фамилий и поручительства их старшин я отпустил их на свободу. Этот до тех пор совершенно неизвестный и неожиданный для абазов поступок распространил священный ужас, и на долгое время всякие перебежки к русским и от них были абсолютно прекращены.

Между тем русские спешно работали над возведением крепости на Кубанском острове; ежедневно между нашими форпостами происходили мелкие стычки, но мы при наших ограниченных средствах не могли оказать серьезного сопротивления внедрению неприятеля на нашей территории. Нападение на один из прибывших из Анапы отрядов не удалось благодаря легкомыслию Карабатыра и окончилось незначительной кавалерийской схваткой.

В Абадзехии неприятель в количестве около 12 000 человек перешел Кубань и остановился в двух часах от границы на реке

Шавготча, где он начал строить крепость, но там он мог встретить еще меньше препятствий, чем на Адагуме. На Малой Кубани и Лабе русские также заняли много оставленных в последнюю войну и не уничтоженных абазами крепостей.

Наше соединение с Сефер-пашой весьма вредило наibu Мохамед-Эмину. Слухи о чудесном действии орудий, о множестве солдат, которые пришли на помощь к Сефер-паше, были в Абадзехии, естественно, значительно сильнее, чем в Шапсугии, и враги наiba, пши и уорки, раздували эти сказки к выгоде Сефер-паши и к вреду Мохамед-Эмина. Последний находился в весьма критическом положении среди абадзехов, потому что все большее число людей начинало его упрекать за то, что он не имеет такого большого значения, как Сефер-паша, которому шлют пушки и солдат; недовольство увеличилось после вторжения русских в Абадзехию. Наиб также пытался найти поддержку в Константинополе, и если, с одной стороны, в Абадзехию приходили письма с увещеваниями подчиниться Сефер-паше, то, с другой стороны, наиб получал уверения в том, что стоит только ему приехать в Константинополь, так он тотчас же получит солдат и пушки. Теснимый в стране и приглашаемый в Турцию, наиб попал в ловушку и отплыл, дав обещание абадзехам скоро вернуться и привести помощь против русских. Но едва он прибыл в Константинополь, как был Портой по требованию русского посольства арестован и интернирован в Дамаск.

В этих интригах играл серьезную роль Измаил-паша, который хотел удалением наiba из Абадзехии доставить удовольствие князю Сеферу; его ссылка не мешала ему быть деятельным там, где он мог раздобыть деньги; но как только друзья обращались к нему с требованием исполнить свои обещания, он обнадеживал их со дня на день, отговариваясь тем, что все его имущество секвестировано, в чем, однако, не было ни слова правды.

Наиб Мохамед-Эмин не думал о том, чтобы по примеру князя Сефера удовлетвориться вынужденным гостеприимством султана⁵ и состариться в ссылке. В ноябре он убежал ночью из Дамаска и после того, как загнал до смерти нескольких лошадей, добрался до анатолийского берега Черного моря, где нанял сандал и отплыл в Абазию. 28 ноября он был снова в Абадзехии. Его возвращение сильно подняло дух абадзехов, и, хотя он вернулся с пустыми руками и как беглец, население приняло его с восторгом.

Примечания

¹ Мундиры польского отряда мало отличались от мундиров французской пехоты.

² Около 1600 талеров.

³ В Черномории, на правом берегу Кубани, нет совсем леса. Поэтому часто бывает, что русские войска переходят на левый берег только затем, чтоб грабить абазские леса.

⁴ Московский генерал называет меня в своем рапорте, перевод которого я прочел позже в «*Yournal du Nord*», «начальником контрабандистов». Эта остроумная шутка очень плохо подходит к такому весьма патетическому описанию сражения.

⁵ Наиб был принят как паша и получал от Порты в ссылке ежемесячное содержание в размере 5000 пиастров.

Глава шестнадцатая

Вести из Константинополя. – Внутренние неурядицы в Шапсугии. – Кровавая вражда. – Перемирие. – Наше положение. – Набег русских на Шапсугию и Абадзехию. – Тяжелая зима. – Экспедиция в Черноморье. – Нападение на русские пограничные посты и уничтожение их. – Продолжение военного и гражданского устройства страны. – Собрание депутатов всех адыгских племен на реке Догай. – Наступление русских на Адагум. – Действия наиба в Абадзехии. – Его неудачи. – Волнения в Абадзехии.

16 июля получил я письма и известия из Константинополя. Положение, в сущности, не изменилось. Волонтеры ждали средств, чтобы прибыть к нам. Измаил-паша все время давал блестящие обещания, но не дал ни гроша. Эта его постоянная ложь была так же возмутительна, как и растрата собранных сумм, между тем все это препятствовало всяким другим попыткам выбраться из нашего положения. Действительное благодеяние оказал мне генерал Замойский посылкой некоторых вещей. А именно: я получил 30 пар сапог, 50 пар ботинок, 100 пар летних брюк, шерстяных одеял и некоторые мелкие предметы. Если б Измаил своими постоянными обещаниями не обманывал нас, я стал бы вместе с моими политическими друзьями искать и, вероятно, нашел бы другой выход. Моя деятельность в Абазии доставляла мне необ-

ходимое сообразно моим потребностям, но мы считали это положение временным и благодаря лживым посулам Измаила не могли создать какой-либо определенный план.

Между тем Сефер-паша занялся сбором податей в Шапсугии, или, вернее сказать, поручил это дело Хаджи-Измаилу, придав ему в помощь своего сына Карабатыра. Если Карабатыр, несмотря на свое личное мужество, был мало пригоден против неприятеля, то для административной деятельности он годился еще меньше. Жители Шапсугии не хотели давать подати и отговаривались тем, что были недостаточно представлены на народном собрании у Адагума и что только небольшое число их старшин вотировало за подати. В стране также уже было известно, как плохо распорядились князь Сефер и его сын податями, собранными для солдат.

5 августа на реке Антхыр дело дошло до жаркой схватки между Карабатыром и его спутниками с одной стороны и некоторыми жителями – с другой. Карабатыр приказал задержать одного из злейших крикунов. Это было сигналом к общему восстанию на реке Антхыр. Жители напали на Карабатыра и его свиту, и один уорк, друг и товарищ Карабатыра, был убит – ему прострелили горло. Сам Карабатыр потерял свою лошадь. Но два дня спустя он собрал большую банду и внезапно напал на несколько дворов, которые разграбил и сжег; среди них и двор Алиби Хантоху, одного из влиятельнейших шапсугских старшин. При этом случае были взяты в плен 10 черкесов из Антхыра. Тогда половина Шапсугии взялась за оружие, и Карабатыр, так же как и Хаджа-Измаил-паша, должен был спешно бежать за реку Абин, чтобы спасти свою жизнь. С обеих сторон были убитые и раненые, и Хантоху, который стал во главе шапсугов и собрал около 4000 человек, появился на Абине и угрожал находящемуся в Шапсугуре Сефер-паше. Последний в страхе вызвал к себе на помощь артиллерию, стоявшую против русских на Адагуме.

Я как раз собирался предпринять круговой объезд побережья по делам о пошлине, как ко мне пришло с гонцом это фатальное известие. Я спешно направился в Шапсугур и нашел там около 2000 собравшихся абазов; пленные, взятые Карабатыром, находились под охраной моих канониров. До 8 августа между абазами партии Сефера и шапсугами происходили небольшие стычки, причем шапсуги уже перешли Абин. К счастью, офицер, начальствовавший во время моего отсутствия, несмотря на все прось-

бы Сефера и его сына, отказался принять участие с орудиями в сражении. Я сделал выговор офицеру за то, что он покинул без моего ведома свой пост на Адагуме и вмешался в эту домашнюю распрю абазов, а особенно за то, что он взял под стражу пленных. Я распорядился немедленно освободить 10 пленных и велел им передать своим, чтобы ни один из них не оставался на левом берегу Абина, иначе мы вынуждены будем враждебно против них выступать. На совете же старшин я объявил Сефер-паше, что буду защищать его только в том случае, если шапсуги перейдут свою границу – реку Абин и начнут агрессивные действия, иначе же в этой внутренней войне он не может рассчитывать на активную поддержку с нашей стороны. Князь Сефер был в высшей степени возмущен моим заявлением, а также освобождением пленных и требовал, чтобы я пошел вместе с ним против шапсугов; но я не двинулся с места, несмотря ни на его просьбы, ни на его угрозы. Я ничего не предпринимал не из-за упрямства или по злобе к Сефер-паше. Если бы у меня было 300 хорошо вооруженных стрелков, я бы сам стал побуждать его подавить восстание силой, но на его силы я мог тем менее положиться, что наши абазы совершенно не скрывали свое нежелание идти против своих братьев по крови в интересах Сефер-паши; к тому же я уже знал характер князя достаточно хорошо для того, чтобы понимать, что он в случае победы противоположной партии может принести меня и нас всех в жертву, чтобы выйти самому из затруднительного положения. Мой отказ идти против адыгов произвел хорошее впечатление даже на тех, кто стоял на стороне Сефер-паши, и, кроме того, сделал весь лагерь шапсугов нашими друзьями.

Со стороны Сефера никто не мог отправиться в неприятельский лагерь, так же как и оттуда никто не мог прийти к нам, потому что уже была пролита кровь и отвратительная кровная месть вступила в свои права. Сефер-паша, который, несмотря на свое кажущееся добродушие, был очень мстительным, радовался этому, потому что ждал каждую минуту, что Хантоху двинется и упадет на нас, и был твердо уверен, что, как только орудия начнут стрелять, шапсуги тотчас же разбегутся. Я предложил старшинам, собравшимся в Шапсугуре, взять на себя роль посредников, и так как они пошли на это с большой радостью, то послал офицера с тремя солдатами в лагерь шапсугов, чтобы склонить их к миру и соглашению. Сефер-паша был против соглашения и особенно

старался напугать меня тем, что наши посланные, несомненно, будут убиты шапсугами.

10 августа моя артиллерия снова вернулась в лагерь на Адагуме, где все время на форпостах стояло 300 всадников и 800 человек пехоты, и так как в тот же день неприятель, вероятно, осведомленный о гражданской войне, выслал сильную колонну для рекогносцировки, то вместо канонады против шапсугов началась канонада против русских, и в то время как несколько тысяч абазов враждебно стояли друг против друга, в нескольких часах расстояния от них маленькая горсточка защищала родную землю.

В тот же день лейтенант Арановский с тремя солдатами в сопровождении Карабатыра и 50 всадников тоже покинул Шапсугур и направился на реку Абин, где на правом берегу были выставлены форпосты шапсугов. В продолжение всей поездки от Шапсугура до реки Абин Карабатыр старался запугать Арановского и отговорить его от встречи с шапсугами, но тот, конечно, не испугался расписанной ему опасности и продолжал свой путь.

Впрочем, я уже с самого начала заметил, что князь Сефер очень неохотно смотрел на всякие близкие сношения между нами и жителями и старался их затруднить. Он окружил меня своими приверженцами, и так как я тогда только лишь начал говорить по-турецки и еще совсем не понимал адыгского языка, то должен был полагаться на владеющих русским языком переводчиков, которыми меня снабдил Сефер-паша. Только после нападения на Геленджик я взял к себе одного из моих вновь набранных солдат, который много лет провел в Абазии и в совершенстве знал язык страны, и лишь тогда узнал множество таких вещей, которые Сефер охотно утаил бы от меня. Наши сношения с Хантоху и шапсугами ¹ очень не понравились князю Сеферу, потому что он с полным правом опасался, что от них мы узнаем многое про его не совсем ясную личность.

Лейтенант Арановский перешел со своими тремя ординарцами через Абин, на правый берег которого ни один из черкесов не захотел его сопровождать, и поехал по направлению к тому месту, где он видел, как пылал большой огонь. Едва он проехал несколько сажень, как из кустов выскочили абазы и окружили маленький отряд. Один из ординарцев достаточно прилично говорил на адыгском языке, потому что жил несколько лет у адыгов и теперь был завербован мной на службу. Он сообщил абазам, что офи-

цер послан мной к Хантоху и к старшинам их партии. Мое имя было уже почти повсеместно известно абазам, они знали также, что я отпустил на свободу их пленных и запретил применение артиллерии против них. Несмотря на пророчества Сефер-паши и его сына, офицер не был убит, а, наоборот, с триумфом отведен к Хантоху. Восставшие абазы соревновались в радушном приеме посланных, но последним было очень трудно привести их к какому-нибудь соглашению. О верховном правлении князя Сефера и выплате податей они не хотели и слышать; мало того, они требовали возмещения за сожженные дворы и разграбленные вещи, в противном случае они угрожали кровной мстью. Что касается нас, то они относились к нам очень дружески и настоятельно приглашали нас поселиться в Шапсугии, ибо лишь в этом случае народ даст нам хлеба и мяса, сколько мы потребуем, но для черкесского паши Зан-оглы и его уорков они не хотели доставлять ни горстки кукурузы, потому что эти люди совершенно бесполезны для страны и абазский народ испытывал от них только один вред. Лейтенант Арановский сумел так уговорить горцев, что двое тамад и сын предводителя Алиби Хантоху поехали с ним в Шапсугур, чтобы договориться о соглашении. Прибыв в Шапсугур, эти делегаты все время находились при нас и не отходили ни на шаг от меня из боязни, что сторонники Сефера сделают с ними что-нибудь плохое. Это продолжалось до тех пор, пока я не отправил со стороны Сефера также трех делегатов в их лагерь.

Целых восемь дней продолжались переговоры, в которых я принимал деятельное участие отчасти для того, чтобы ближе познакомиться с обычаями горцев, отчасти же, чтобы доказать ненужность и опасность внутренней войны перед лицом русских. Хаджи-Измаил-паше, который во многом со мной соглашался, удалось добиться того, чтобы князь Сефер по крайней мере не противился моему вмешательству. Наконец пришли к соглашению, после которого с обеих сторон не могло иметь места кровомщение, награбленные вещи были возвращены владельцам, полный мир наступил между враждующими партиями. О признании князя Сефера вождем страны и об уплате податей шапсуги ничего не хотели знать, хотя Хаджи-Измаил-паша, так же как и я с моими офицерами, изо всех сил старался добиться этого. Старшины постановили образовать комиссию из них и некоторых офицеров и солдат; эта комиссия должна была вести визи-

мание податей со всей страны, князь же Зан-оглы при этом не должен был играть никакой роли. Неразумная горячность Сефер-паши, которую я впервые узнал позднее, сыграла с нами скверную шутку. Это было, уверяли старшины, единственное средство заставить народ платить подати, так как в этом случае подать будет рассматриваться скорее как выполнение гостеприимства по отношению к нам, чем как введение какого-нибудь верховного господства. Но Сефер-паша с негодованием отклонил это предложение и объявил, что только он один отвечает перед султаном за нас и что он без помощи шапсугов в состоянии позаботиться о нашем пропитании. Из-за этого упрямства Сефера мы потеряли возможность получить с 21 800 дворов лошадей, скот и зерно, т.е. 218 лошадей, 436 голов скота и 65 400 сапеток зерна! Мне же он наврал много разных вещей и пытался меня убедить, что не мог поступить иначе.

Я часто был вне себя от гнева из-за постоянных плутней старого татарина, который делал нас орудием своей эгоистической неуклюжей и неровной политики, и после этого случая я бы с ним непременно расстался, если бы все еще не переставал ждать второго транспорта из Константинополя, в чем меня не переставали обнадеживать и утешать сообщения моих корреспондентов.

В отношении пропитания я мог быть вполне спокоен, потому что для 120 человек подати давали достаточные средства.

Наступающая осень вынуждала меня подумать и о зимней квартире для маленького отряда, который до тех пор стоял или в палатках, или в шалашах в лагере на Адагуме. Я приказал поэтому сделать в Адерби небольшие землянки, сооружение которых шло быстрее и которые к тому же были теплее для зимы, чем деревянные домики, для основательной постройки которых у нас не было ни времени, ни средств.

Наша батарея была доведена до шести орудий и снабжена полной упряжью. Это было все, что могли сделать наши немногочисленные мастера, особенно потому, что нам недоставало всего – необходимых инструментов, сухого дерева для лафетов и перевозочных средств.

Неприятель закончил крепость на Кубанском острове и вооружил ее 50 тяжелыми орудиями. Кроме маленьких стычек, которые происходили почти ежедневно, ничего особенного не случилось. Русские все время очень сильно страдали от лихорадки, и

рассказы всех дезертиров согласно свидетельствовали о том, что половина корпуса больна лихорадкой. Отощавшие, похожие на мертвецов фигуры перебежчиков подтверждали их рассказы.

29 ноября 1857 года почти весь корпус, работавший над возведением крепости, перешел Кубань и двинулся по направлению к Шапсугуру. От 29 ноября до 3 декабря продолжались бои с быстро собравшимися абазами, которые защищали леса у Адагума. 3-го утром с нашей стороны собралось уже 2000 всадников и около 5000 человек пехоты. Я страстно ждал, что русские проникнут дальше в страну, но они удалились лишь на полчаса от своей крепости и после того, как сожгли в эти несколько дней около 40 оставленных дворов, возвратились в 3 часа пополудни назад за Кубань. Мы имели за эти дни 9 убитых и около 40 раненых, среди них двое солдат. Потери неприятеля мне неизвестны; мы взяли в плен только пять человек. В этом году число дезертиров из лагеря на Кубанском острове достигло 166 человек, хотя простые солдаты и даже офицеры не знали, что мы поляки, ибо наши издалика видимые головные уборы заставляли, наоборот, считать нас за турок. Я также не делал ни малейших усилий для того, чтобы организовать дезертирство, хотя это было нетрудно сделать, так как я еще не был уверен в том, какими средствами буду в состоянии располагать. Поэтому среди перебежчиков было очень мало поляков и русинов (только восемь), а большинство – москвиты и татары; последние были особенно многочисленны, потому что они надеялись найти здесь турок.

13 декабря русский корпус, оставив в крепости, которая русскими была названа Святая Троица, а черкесами – Хатохай, гарнизон в 2500 человек, перешел через второй рукав Кубани назад в Черноморье, где у него находились зимние квартиры.

Отряды, оперировавшие в Абдзехии, также выстроили на реке Шавготча крепость и все лето вели себя спокойно. В то же самое время, что и отряды из Хатохая, т.е. 29 ноября, войска на Шавготче перешли в наступление, и так как они встретили в Абдзехии гораздо менее энергичное сопротивление, то опустошили равнину с одной стороны до реки Пшады, с другой – до реки Лабы. Около 300 дворов, лежавших близ русской крепости и покинутых жителями, было сожжено, после чего неприятель, оставив в крепости гарнизон, ушел в Черноморье на зимнюю квартиру.

Погода стала плохой: со 2 декабря до нового года почти постоянно шел дождь, смешанный со снегом; сообщение сделалось крайне тяжелым и часто совершенно прекращалось на несколько часов или дней. На равнине появилась такая грязь, что нельзя было даже проехать верхом на лошади, не говоря уже об орудиях; в горах же разлились ручьи, и часто связь между ближайшими соседями прерывалась.

Сефер-паша в продолжение всего года давал мне обещания устроить в Адерби склад провианта и обнадеживал меня со дня на день. По обыкновению всех мусульманских вельмож он не держал свое слово. Я собрал весь отряд в Адерби и находился в худшее время года без провианта, почти со 120 людьми и 56 лошадьми. Если бы я не получил благодаря податям партию хлопчатобумажной материи, то мы буквально должны были бы голодать. Я теперь ездил по ужасным абазским осенним дорогам в ближайшие окрестности для закупки провианта и платил вдвое и втрое дороже настоящей цены, не думая уже о том, что мои бедные солдаты из-за тяжелых условий транспорта потеряют здоровье и одежду.

С большим трудом удалось мне наполнить на месяц склад, и я мог немного спокойнее ждать морозной погоды и лучших дорог, как вдруг вмешательство Карабатыра опять оказалось для меня пагубным. Этот дикий бездельник был всегда там, где можно было чем-нибудь поживиться, часто нельзя было прогнать его с предложением его услуг, но когда он, бывало, сыграет надо мной какую-нибудь шутку, то потом в течение месяцев не показывается мне на глаза. Как только он, по собственному побуждению или посланный своим отцом, являлся к нам на помощь, я должен был приготовиться к какой-нибудь неприятности. Хуже всего было еще то, что его спутники воровали, как вороны, и мои солдаты, которые и без того мало что имели, часто становились их жертвой. Карабатыр приехал теперь с письмом от своего отца к жителям окрестностей Адерби с указанием, что он должен получать сено для наших лошадей. Он попросил меня приложить на письмо около печати Сефер-паши также и мою печать, уверяя, что абазы тогда легче дадут требуемое. Я не умел читать турецкие буквы и, веря, что речь идет о сене, дал ему мою печать. Что же теперь сделал мой Карабатыр? Он быстро объехал со своей бандой окрестности от Геленджика до Чепсина и благодаря письму, в

котором написано, что он послан взимать подати, собрал со всех портов предназначенную нам хлопчатобумажную материю, которую я не трогал в течение двух месяцев и сохранял как последний ресурс; после того как украл 438 штук хлопчатобумажной материи стоимостью в 876 серебряных рублей, он ушел в горы и не показывался мне на глаза до мая. На все упреки, которые я делал князю Сеферу, он горько жаловался на плохое поведение своего сына, но сам ничего не предпринимал и по существу покрывал его. С этого времени я поставил на каждой скеле ² одного солдата для взимания подати; было еще счастьем, что в январе 1858 года приходило много сандалов, иначе мы ничего не имели бы в продолжение зимы.

20 января я послал в Константинополь лейтенанта Штоха с письмами к Измаил-паше и моим соотечественникам; кроме того, я поручил ему лично удостовериться, можем ли мы рассчитывать на помощь или нет. К несчастью, сандал, на котором ехал лейтенант Штох, много дней находился в море, застигнутый сильной бурей, и наконец пошел ко дну вблизи берега. Находившиеся на судне спаслись только благодаря какому-то чуду. Так как долгое время не отплывали другие сандалы, Штох должен был ждать до 16 февраля, когда он наконец мог уехать. В конце января зима стала необычайно крепкой, сообщение стало легче, а на плоскости грязь и небольшие реки замерзли. Пограничная река – широкая и глубокая Кубань также покрылась толстым слоем льда, так что самые тяжелые повозки могли по нему пройти.

Я стал серьезно подумывать о посещении Черноморья, а так как надеялся, что абазы, которые летом с готовностью собирались на любой призыв, с удовольствием предпримут набег в Черноморье, то приказал тайно известить старшин на реках Абин, Богондур, Антхыр, Хаплъ и Афипс, чтобы они держали в боевой готовности свое войско, потому что мы хотим 10 февраля перейти Кубань и напасть на русских в их зимних квартирах. Против всех ожиданий тайна была так хорошо соблюдена, что когда я 9 февраля приблизился с батареей к реке Антхыр и, сопровождаемый многими всадниками, начал рекогносцировку пограничных постов вдоль берегов Кубани, то убедился в том, что неприятель не имеет никаких известий о нашем намерении. Но суждено было встретить другое неожиданное препятствие. Когда я на сле-

дующий день в 2 часа пополудни собрал на условленном месте воинов, то нашел только лишь 1000 человек. Я рассчитывал на количество по меньшей мере в шесть раз большее. Я еще плохо знал страну и не думал, что бедные абазы, которым всегда нравятся военные забавы, на этот раз не пойдут навстречу моему желанию. Мои солдаты были хотя и не очень тепло, но все же хорошо одеты и обуты, но абазы, из которых только немногие имели необходимую зимнюю одежду, не могли выдержать холода, превышавшего 20 градусов. Все, кто только мог как-нибудь выдержать мороз, все же пришли. Так как я не хотел оставить в покое русских в их теплых квартирах, то решил с 1000 адыгов и двумя легкими орудиями перейти Кубань и уничтожить хотя бы сторожевые казармы на реке.

11 февраля в 7 часов утра мы перешли Кубань, немного выше устья речки Антхыр. Напротив нас, в половине пушечного выстрела от берега, находился русский блокгауз, занятый ротой пехоты и одним орудием. В расстоянии версты ³ были выставлены небольшие сторожевые посты от 10 до 15 человек, большей частью казаков, которые протянулись вдоль берега Кубани. Наш переход через лед прошел так быстро и незаметно, что неприятель дал тревожные сигналы только тогда, когда мы уже были на том берегу. Мы бросили несколько гранат в блокгауз, в результате чего охрана поспешно оставила свой пост и начала отступление. Меньшие посты сделали это еще раньше. За исключением нескольких солдат, мы не имели конницы, с которой могли бы преследовать неприятеля, потому что неподкованные абазские лошади не могли свободно переходить через лед. Поэтому мы должны были удовлетвориться тем, что сожгли оставленные сторожевые посты. Не теряя времени, мы прошли маршем вдоль берега реки, разгоняя неприятельские караулы и зажигая сторожевые дома. Двадцать шесть маленьких и больших сторожевых домов находились в огне. Мы двигались быстрее, чтобы не дать сконцентрироваться неприятелю, которому не могли оказать серьезного отпора нашими незначительными силами. Орудия ехали большей частью рысью, и легко одетые адыги, сердца которых радовались пожару русских сторожевых домов, ликуя, бежали за нами. Держась все время вблизи берега Кубани, мы к полудню пришли к месту, где река Иль впадает в Кубань. В получасовом расстоянии перед собой мы увиделидвигающуюся на нас многочисленную

колонну. Так как зимнее солнце ясно освещало степи, я мог хорошо рассмотреть в подозрную трубу неприятельский отряд, он состоял из 4 батальонов пехоты и от 10 до 12 сотен казаков и вез за собой орудия. Ждать их было бы опасным бахвальством. Мы возвратились поэтому на левый берег и стояли там, наблюдая за движением неприятеля. Русские двинулись к берегу и скоро открыли против нас огонь из 8 орудий. После короткой канонады, чтобы не терять бесполезно людей и не подвергнуться атаке русской конницы, что в степи при нашем слабом прикрытии было бы опасно, мы возвратились в безопасные леса, находившиеся в двух часах езды. Неприятель не делал попыток перейти Кубань.

Была темная ночь, когда мы достигли квартир на Убине. Около 10 часов вечера абазы привели ко мне русского перебежчика, который рассказал, что неприятель боится нападения на Екатеринодар, поэтому из зимних квартир Коркуя вызваны все отряды, которые маршируют вверх по реке. Я хотел извлечь из этого сообщения возможную пользу и создал следующую диспозицию. Я послал в ту же ночь конных гонцов в Абадзехию и Бжедугию с письменным требованием ко многим тамадам собрать 18 февраля их воинов на реке Пшиш, куда я приду в тот же день с контингентом шапсугов и нутухайцев и с орудиями. Такое же требование послал я ко всем шапсугам. Я знал очень хорошо, что неприятель будет немедленно поставлен в известность о таком большом ополчении, и мне казалось, что он, ожидая нападения на Екатеринодар, будет его еще больше укреплять. Но я тотчас же послал приказ в Антхыр, чтобы четыре стоявших там орудия еще ночью выступили в путь и отправились к нутухайцам; Фарис-бею и Хаджи-Яхье я отправил приказание собрать в ночь на 16 февраля возможно большее количество воинов. Жители Нутухая гораздо зажиточнее, чем шапсуги равнин, и лучше снабжены зимними одеждами; к тому же эта часть страны была поделена на мехкеме и два их начальника были храбрые и энергичные люди. Я мог поэтому рассчитывать на то, что они соберут до 4000 человек, конных и пеших. Чтобы еще больше воодушевить их, я обещал обоим начальникам мехкеме за каждого вооруженного 10 боевых патронов. 12-го утром поехал я к бжедугам; 14-го я сделал в сопровождении 200 всадников рекогносцировку положения под Екатеринодаром; стоявшие на Убине два орудия также прибыли в Бжедугию. Из

Бжедугии, где не был введен никакой административный порядок и где русские имели множество тайных сторонников, неприятель мог получать лучшие сведения о каждом нашем движении. 16-го я послал унтер-офицеру Мачинскому, командовавшему двумя орудиями, письмо, которое он должен был только 17-го утром переслать указанным старшинам. В этом письме я отменял приказ о военном сборе. Только бжедугская конница должна была с двумя орудиями демонстрировать против Екатеринодара. 15-го в 4 часа после полудня я покинул Бжедугию, сопровождаемый только двумя солдатами и тремя муртазиками, под предлогом ускорить движение пересылаемых из Анткыра орудий. Ни один человек не знал, что я спешу к натухайцам. Я должен был проехать почти 25 часов, чтобы из Бжедугии добраться до назначенного сборного пункта. 16-го в 3 часа пополудни я был в Пзипсе, не сменив лошади; это прямо невероятно, что может выдержать абазская лошадь.

Во время скачки я заметил с беспокойством, что мороз проходит и наступает оттепель. К полудню на дороге уже лежала грязь, а к вечеру пошел легкий дождь. Я нашел храбрых начальников мехкеме Фарис-бея и Хаджи-Яхью уже в Пзипсе. Собралось около 3000 всадников и почти столько же человек пеших. Все натухайцы прибыли на сбор. Каждый всадник имел с собой мешок с землей, которую рассыпали по льду, чтобы облегчить лошадям переход через реку. Фарис-бей сообщил, что лежащие вблизи Коркуя станицы и колонии совершенно обнажены от отрядов, которые созваны в Екатеринодар. Но в этой стране на погоду можно было полагаться так же мало, как и на все остальное. В течение вечера дождь становился все сильнее, напрасно ждал отряд целую ночь в снегу и грязи в надежде, что погода изменится. Тщетно! Когда настал день, мы увидели, что экспедицию нужно отменить, можно было еще с трудом пройти по льду, но как возвращаться назад? К тому же наступила оттепель, которая, по предположениям стариков, должна была продолжаться по крайней мере дней восемь. Я должен был распустить войско и еще вдобавок разделить между ними 30 000 патронов. Все же я расположил на остаток зимы мои четыре орудия у натухайцев и благодаря этому сберег мой плохо поставленный склад провианта в Адерби. Между прочим, я заметил, что как только мы двигались против неприятеля, на-

род охотно давал и делал все, что от него требовали, но как только мы некоторое время ничем себя не проявляли, становилось невозможным что-нибудь получить или добиться. Я проклинал ежедневно предателя Измаил-пашу, который довел нас до такой бездеятельности и слабости.

Хаджи-Измаил-паша усердно работал над организацией страны, и как только мне позволяло время, я охотно помогал ему, потому что таким путем я изучал характер страны и народа. Мы начали вести среди нутхайцев учет народонаселения, вероятно, первый, который был в этих горах со дня сотворения мира; кроме того, каждый юнэ-из был как только возможно лучше организован в военном отношении, а мехкеме был введен контроль военнообязанных. Жители были этим довольны, и до 10 апреля мы основали еще два мехкеме на реках Шипс и Абин, так что в начале 1858 года имелось уже четыре мехкеме, каждое от 2500 до 3500 юнэ, достаточно хорошо организованное как в военном отношении, так и в отношении суда, муртазиков и налогов. Начальником Шипс-мехкеме был назначен Хаджи Бороку-эфенди, тот самый, который прибыл с нами в Туапсе, начальником Абин-мехкеме – сын Хаджи-Измаила-паши Хуссейн-эфенди, по-настоящему храбрый и способный молодой человек. Относительная легкость, с которой в пятой части независимой Абазии было введено административное управление, в то время как наш авторитет поддерживался только несколькими несчастными пушками и нашим добрым желанием, давало мне надежду на то, что если только я получу малейшую поддержку из Европы, то в скором времени буду в состоянии объединить всех адыгов.

В середине апреля пришли несколько уорков из Убыхии к Сефер-паше с известием, что народы Убыхии, Абадзехии и маленьких пограничных стран хотят собраться и приглашают шапсугов на большой народный совет, в котором партийные распри, раздирающие страну, должны быть улажены. Посланные из Убыхии убеждали князя Сефера, что большое число абадзехов присоединятся к нему, так что это обстоятельство он легко сможет использовать для того, чтобы уничтожить или убить своего врага – наиба.

Сефер-паша дал себя уговорить убыхским уоркам и принял приглашение, но, чтобы поднять свой вес перед собранием всей

страны, он попросил меня сопровождать его с орудиями. Хотя я много не ожидал от заигрывания убухских уорков, которые давали наibu такие же обещания, как и князю Сеферу, для того, чтобы с обеих сторон получить подарки, я не мог отказать старому Сеферу в его настойчивой просьбе и послал с ним два орудия. Я провожал их до реки Афипс, но там, обдумав, решил, что на этом большом собрании, вероятно, вспыхнет партийная борьба, в которой я по многим причинам не хотел принимать участия, и поэтому возвратился в Адерби, оставив лейтенанту Арановскому приказ ни в коем случае, несмотря на настойчивые требования Сефер-паши, самому не вмешиваться в возможное столкновение абазов.

Едва только я повернул назад, как убухские уорки, для которых было большим огорчением, что они не могли ни продать нас, ни извлечь из нас какой-нибудь пользы, начали уговаривать моего офицера и канониров, находившихся при двух орудиях, пойти с ними в Абадзехию, а оттуда – в Убухию, потому что Измаил-паша якобы прибыл в Убухию со вторым транспортом и привез солдат, оружие, деньги и все необходимое и просит прибывшие раньше отряды прийти туда же; он не сообщил мне об этом, потому что Измаил-паша не хочет со мной иметь никакого дела, так как я слишком упрям, деспотичен и неподобающе обращаюсь с мусульманами. Само собой разумеется, что офицер не удостоил посредника серьезным ответом, но эта ложь незаметно деморализовала простых солдат, которые долгое время думали, что только мое личное нерасположение к Измаил-паше было причиной нашего тяжелого положения и лишений. Так же и князь Сефер, которому не нравились мои резкие выступления, к которым меня почти всегда вынуждала забота о содержании моего маленького отряда, часто не сдерживаемый своим достоинством князя и паши, тайком содействовал все большему распространению среди солдат сказочных слухов обо мне. Безнадежное ожидание, тяжелая работа и сильная нужда ослабили хорошее расположение духа у многих солдат, и хотя большинство с несравненной выносливостью разделяли мою участь, но нашлись и такие, которые подвергли опасности существование отряда, и дело зашло настолько далеко, что 2 февраля я должен был подавить открытый мятеж кровавым путем – расстрелом двух зачинщиков.

Как было уже упомянуто, я оставил князя Сефера одного продолжать его путешествие на Догай, пограничную реку между Шапсугией и Абадзехией, где состоялось собрание адыгского народа, и скоро я уже имел возможность только радоваться своему решению не посещать это совещание. Через несколько дней возникло сильное столкновение между партиями наиба и князя Сефера и другие были не в состоянии их примирить, так что 20 000 абазов, пришедших с мирными намерениями, расстались гораздо враждебнее, чем были до своей встречи. Хитрые уорки из Убыхии, которые видели, что все абадзехи и большая часть шапсугов настроены против Сефер-паши, также оставили его и примкнули к партии Мохамед-Эмина. Совет продолжался до 20 апреля; в продолжение всего этого времени мы с Хаджи-Измаил-пашой совершали ежедневные поездки в Натухай, чтобы ускорить там военную организацию. 19 апреля пришло известие, что неприятельская флотилия из семи пароходов вошла в гавань Суджук и высадила на берег войска, которые собираются занять бывшую крепость. 20-го я в сопровождении приблизительно 200 всадников обследовал расположение врага. Русские высадили на берег два батальона пехоты и четыре орудия и заняли находящиеся еще в хорошем состоянии укрепления старой крепости. Нам очень недоставало бесполезно разъезжавших с Сефер-пашой двух орудий. Натухайские воины собрались очень быстро, так что к вечеру 20 апреля было уже около 5000 человек. Я решил 21-го утром напасть на неприятеля и попытаться его расстроить, прежде чем он утвердится в Суджуке, так как оккупация этого места, связанная с движением неприятеля из возведенной в прошлом году крепости Хатокай, отрезала бы натухайцев от шапсугов и поставила бы независимость этого края под вопрос. Мы подготовились вместе с Хаджи-Измаил-пашой, Фарис-беем и Хаджи-Яхьей к наступлению, как вдруг несчастье принесло в наш лагерь дорогого Карабатыра, Зан-оглы. Я не видел его уже в течение нескольких месяцев и так привык связывать его появление с какой-нибудь неприятностью, что принял его очень плохо. По своему обыкновению он оправдывался тысячей неловких и лживых доводов о том, что сыграл над нами зимой скверную шутку, и сказал, что пришел помочь нам в нашей тяжелой работе. Он помог так хорошо, что 21-го утром нападение на Суджук не состоялось, после полудня в лагере начались ссоры и столкнове-

ния, в результате которых Хаджи-Измаил-паша, Фарис-бей и по их примеру большая часть воинов покинула лагерь.

23 апреля утром мы насчитывали в лагере около 1500 человек, и Карабатыр не дал мне покоя до тех пор, пока я не согласился обстреливать неприятеля, хотя и видел всю бесполезность этого. Абазы (это были самые воинственные, которые остались в лагере) бросились с большой отвагой на неприятельские укрепления, одна часть даже проникла внутрь и вступила в рукопашную схватку с русской пехотой. Карабатыр, который хотел загладить свои глупые поступки, лично вел этот отряд. Но перевес неприятеля, особенно артиллерии, был слишком велик. Кроме четырех русских орудий на суше против нас действовало до 50 судовых орудий флотилии. Мы должны были поэтому оставить дальнейшие попытки и отступили назад за пределы досягаемости русских орудий.

Мы потеряли без всякой нужды 35 убитых и больше 100 раненых, но убедились, что если бы мы обрушились на врага силами, бывшими три дня тому назад, то могли бы его уничтожить. Я задержал абазов в лагере и в тот же день погнался за рассерженными Хаджи-Измаил-пашой и Фарис-беем, которых я нашел в трех часах от Суджука на реке Бакан. Мне стоило немалого труда и уговоров побудить их возвратиться в лагерь; но я доказывал им, что уничтожение русских настолько реально – и опасность потери Суджука настолько серьезна, что наконец они согласились. Фарис-бей и Хаджи-Яхья тотчас же поехали созывать вооруженных людей из своих мехкеме: Хаджи-Измаил-паша возвратился со мной в лагерь около Суджука, куда я 28-го доставил орудия, посланные с Сефер-пашой в Догай. Но в ту же ночь приехал лично в лагерь Фарис-бей с известием, что русские большими силами перешли через Кубань ниже крепости Хатокай. На следующий день гонцы сообщили, что неприятель разбил лагерь приблизительно в пяти верстах от Хатокая на реке Адагум и, кажется, хочет двинуться по дороге в Суджук. При этом известии нельзя было удержать абазов под Суджуком; все мои уверения, что это не препятствует нам напасть на стоящих перед нами русских, а напротив, изгнание неприятеля из Суджука теперь стало еще более необходимым, были бесполезны; все помчались на Адагум, и я должен был последовать за толпой, потому что с моими злополучными орудиями без пехоты и конницы я не был в состоянии что-нибудь предпринять.

29-го я обследовал расположение врага на реке Адагум. Его силы доходили приблизительно до 12 000 человек, и он стоял в легко укрепленном лагере на равнине между Хатокаем и Адагумом; он не делал никаких приготовлений к дальнейшему продвижению, но начал постройку новой крепости. Такая же «маленькая война», как и в прошлом году, началась и теперь: частые перестрелки, стычки, нападения на неприятельские форпосты и обозы чередовались ежедневно. Моя артиллерия, которую я довел до восьми упряжных орудий, все время стояла в часовом расстоянии от неприятельского лагеря, чтобы быть готовой к действию против возможного наступления русских в глубь страны и для того, чтобы поддержать доверие жителей. Каждое из уже организованных мехкеме, за исключением Суджукского, которое стерегло врага, выставило для прикрытия орудий 150 конных и 600 пехотинцев, которые каждые 10 дней должны были сменяться.

В общем в лагере на Адагуме было все время 450 всадников и 1800 человек пехоты, и этими отрядами командовал поочередно кто-нибудь из начальников мехкеме. В Абадзехии также появился на реке Лабе неприятельский корпус и восстановил ранее оставленные крепости. Наиб Мохамед-Эмин, который после последнего народного собрания на Догае распространил свою власть на убыхов и на горы Туапсе, занялся своей обычной деятельностью – установлением внутреннего порядка и основал одно мехкеме в Убыхии, а другое – в Туапсе; он занял также гавани от Вардане до Туапсе и ввел там налоги. Сефер-паша был серьезно напуган успехами наиба, который все время угрожал продвинуться дальше в Шапсугию, и поэтому старик пустил в ход против него все свои интриги. Обстоятельства на этот раз сами играли ему на руку. Мохамед-Эмин, когда бежал из Дамаска, пригласил с собой в Абазию одного бывшего абазского раба, который дослужился в турецкой армии до чина юз-баши ⁴. Этот юз-баши по имени Хаджи-Хасан поехал с ним, и наиб назначил его начальником мехкеме в Туапсе. Этот человек был очень энергичен, но и очень алчен. Он не понравился абазам уже тем, что он, бывший раб, сделался их начальником; но, когда он начал разыгрывать строгого магометанина и облагать неисполнение религиозных обрядов денежными штрафами, доход от которых, естественно, оставлял себе; когда, наконец, он захотел насильно жениться на девушке, семья которой стыдилась родства с рабом, внезап-

но началось восстание, которое стоило жизни Хаджи-Хасану, а наибу навсегда преградило дорогу к шапсугам. Рвение наиба к распространению Корана вызвало реакцию и в Убыхии, и опасность для наиба стала настолько серьезной, что он вынужден был спешно покинуть Убыхию и возвратиться в Абадзехию. Но этим дело еще не кончилось. Пограничные с шапсугами абадзехи на реках Невгиокохабль и Псекупс в количестве около 6000 дворов также прогнали судей и мулл, поставленных наибом, и сожгли по примеру Туапсе и Убыхии свои мехкеме. Во всей остальной Абадзехии начался также полнейший беспорядок: виной этому было сначала слишком сильное стремление наиба к обращению черкесов в правоверных и пренебрежение наиба к старым, глубоко укоренившимся в обычаях народа предрассудкам.

В Турции и во всех магометанских странах сегодняшний слуга или раб завтра может стать пашой, министром, генералом; никто не будет против этого возражать, потому что это лежит в обычаях магометанских народов. Но у абадзехов больше обращается внимание на возраст, на заслуги перед страной и на чистоту крови в фамилии. Назначение бывшего раба начальником абазов было поэтому большой ошибкой со стороны всегда столь умного Мохамед-Эмина. Я стал все больше и больше понимать, почему Измаил-паша ни за что не хочет приехать в Абазию. Он действительно ничего не мог здесь найти, но это, конечно, не давало ему права обманывать турок, так же как и абазов, и растрачивать средства, собранные для поддержки страны.

Примечания

¹ Я называю противную партию в отличие от сторонников Сефера, в большинстве живших в Натухайской области, шапсугами, хотя это название применяется обычно ко всей стране до устья Кубани.

² Скела – пристань, на которой товары выгружаются с кораблей и грузятся на них.

³ Семь русских верст равняются одной немецкой миле.

⁴ Капитан: от юз – «сотня» и баши – «голова, начальник».

Глава семнадцатая

Крупные неприятности с Сефер-пашой. – Вести из Константинополя. – Небольшие схватки с русскими. – Письмо Шамилю. – Прибытие некоторых припасов для польского отряда. – Политическое положение Абазии. – Народный совет шапсугов. – Процесс с Сефер-пашой. – Невыясненное покушение. – Известия из Абадзехии. – Вылазка русских из пяти крепостей против натухайцев. – Поездка верхом по Абазии. – Набег русских на Натухай. – Оборонительные действия адыгов. – Отступление неприятеля.

Враг наиба – Сефер-паша был, конечно, чрезвычайно обрадован всеми препятствиями, которые встречал Мохамед-Эмин, но для того, чтобы извлечь из них пользу, у него не хватало ни силы, ни тем более энергии и ума. Мое отрицательное отношение к нему возрастало со дня на день, так как ясно видел, что старый татарин заботится больше о том, чтобы за наш счет содержать своих черкесских приверженцев и свой турецкий двор, чем о нашем пропитании. Под предлогом сбора для солдат обещанных податей Сефер-паша и его сын снова собрали зерно, лошадей и скот и удержали их при себе. Раздраженный этим вечным обманом и недостатком искренности, которые сопровождали каждый шаг благочестивого мусульманина, я решил прервать всякие сношения с Сефер-пашой, подождать до 10 июля и, если до этого времени не получу подкрепления из Европы, отплыть назад. Мы сделали все, что было в человеческих возможностях; скромные средства, которыми мы располагали, приходили к концу, и мы в силу обстоятельств день ото дня становились слабее.

Я содержал мой отряд как мог лучше на то, что мне давала пошлина, и не хотел ничего брать из рук Сефер-паши, в результате чего абазы, как только они это узнали, перестали ему что-либо давать, и так как он, будучи иностранцем, не имел имущества, то скоро в его окружении началась сильнейшая нужда. Сефер, по-видимому, увидел, что его упрямство, в сущности, было гораздо хуже для него, чем для нас, и поэтому попытался через посредство Хаджи-Измаил-паши, с которым я всегда находился в лучших отношениях, снова прийти к примирению. Но так как я не мог положиться на его слова, то отложил нашу встречу до ближайшего народного совета, который был назначен на 5 июля; мы

должны были либо распрощаться, либо окончательно урегулировать наши взаимоотношения.

Приблизительно в конце мая приехал из Константинополя молодой польский офицер, лейтенант Конарцевский, который привез мне письма и новости. Необходимо напомнить, что еще в январе я послал туда лейтенанта Штоха и до сих пор еще не имел от него никаких известий. Я узнал определенно, что на Измаил-пашу абсолютно не могу рассчитывать. Мои соотечественники в Константинополе также пришли к этому убеждению. Вместо этого я получил несколько лучше обоснованные надежды на помощь князя Чарторыйского. Старый князь и его племянник, генерал Замойский, писали мне, не давая блестящих обещаний, но они ободряли меня к дальнейшей выдержке и обещали по возможности помочь мне. Между прочим я должен был получить около 100 ружей, дюжину револьверов, некоторые саперные инструменты, одежду и обувь. Однако это было все, что мне было нужно в моем нынешнем положении. Если бы мой отряд был вооружен, то я мог бы укрепить свое положение, а так как я больше не рассчитывал на многое, то смог бы обойтись этими незначительными средствами и сообразно им преобразовать свою деятельность. Мои солдаты были, за немногим исключением, воодушевлены лучшими чувствами. Недостаток жалования не вызывал с их стороны ни одной жалобы; если у них был только хлеб и табак, они были довольны, но недостаток оружия они непрестанно проклинали и были вполне правы. Надежды, которые дали нам князь Чарторыйский и наш прежний командир генерал Замойский, снова наполнили нас мужеством.

Между тем на Адагуме и в Натухае ежедневно происходили небольшие стычки с неприятелем. Русские несколько раз проходили своими отрядами между Суджуком и Анапой, что наполнило души жителей Натухая беспокойством и робостью. Ввиду того, что я не мог оттянуть в Адагум ни отряды, ни орудия, то целиком предоставил начальнику мехкеме Хаджи-Яхье, во владениях которого находились две русские крепости, сторожить их. Так как он с некоторого времени просил у меня несколько солдат для начальствования над караулами, то я послал новоприбывшего лейтенанта Конарцевского с четырьмя конными солдатами в Натухайскую область, где он скоро получил возможность отличиться. 10 июня форпостами, стоявшими у Анапы, было сообщено о про-

движении неприятельской колонны на Суджук. Хаджи-Яхья поспешно собрал около 120 всадников и при поддержке лейтенанта Конарцевского начал тревожить неприятеля. Неприятельский отряд состоял из 1 батальона, 100 казаков, 4 орудий и эскортировал около 30 нагруженных возов.

Несмотря на свою небольшую численность, наши люди отбили у русских 8 человек, 3 подводы с боевыми припасами, 2 подводы с саперными инструментами, 11 лошадей и 14 быков. Кроме того, на руках неприятеля осталось 5 человек убитых. Потери нашей конницы состояли из 7 убитых, 14 раненых и 7 лошадей. Унтер-офицер Каминский был очень тяжело ранен и умер несколько дней спустя, другой солдат был легко ранен. Мои весьма плохие отношения с Сефер-пашой вынуждали меня подумать о безопасности отряда и принять необходимые для этого меры. Я твердо решил, что больше не буду терпеть столь оскорбительную для меня власть Сефер-паши. Долгое время я искренне старался содействовать его попыткам заставить Абазию повиноваться ему, но с самого же начала больше девяти десятых абазов было весьма враждебно настроено против его господства, к тому же все его домогательства были неуклюжи и мало серьезны. Для него, окруженного толпой раболепных турок и татар, каждое слово его турецких трубокуров казалось гораздо более значительным, чем мои предложения. С другой стороны, я мог быть вполне уверен, что он захочет мне отомстить, и так как я не считал себя серьезным противником из-за материальной слабости моего отряда, на который только, в сущности, и мог всецело положиться, то мне пришлось искать новую поддержку со стороны.

Мое выступление на процессе Сефера с восточными шапсугами завоевало мне среди последних много друзей. Особенно же сердечную симпатию выказывал мне значительнейший тамада равнинных шапсугов – Алиби Хантоху. Я условился с ним, что в случае насильственного разрыва с князем Сефером буду поддержан им и его сторонниками. Шапсуги обещали помогать мне во всем, что я только захочу предпринять против князя Сефера. В лесу на Абине, где я встретился с 60 тамадами шапсугов 15 июня, мы составили по абазскому обычаю военный карар (договор). С другой стороны, я снова все серьезнее подумывал о том, чтобы связаться с наибом Мохамед-Эмином, энергию и деятельность которого очень высоко ценил. Объединение всех адыгов

под верховным управлением одного человека было моим самым страстным желанием, и наиб был, несомненно, единственным человеком, который мог это сделать.

Однако для того, чтобы не подпасть слепо под влияние наиба и чтобы не зависеть всецело от доброй воли этого очень дельного, но и очень фанатичного магометанина, я на этот раз захотел себя от этого гарантировать. Так как наиб всегда и во всех своих действиях выступал как представитель и заместитель шейха Шамиля, то я решил обратиться непосредственно к последнему, с тем чтобы получить от него повеление наибу соединиться со мной. Случаю было угодно, чтобы два дервиша из Дагестана, возвращавшиеся из своего паломничества в Мекку, пустились в обратный путь через Абазию. Они обещали передать мое письмо шейху в сохранности и как можно скорее. Я написал письмо Шамилю, разъяснив ему цель нашего прибытия в Абазию, и попросил его отправить представлявшему его наибу Мохамед-Эмину инструкцию, согласно которой он должен вступить со мной в сношения. На словах, однако, я просил дервишей передать шейху, что было бы лучше всего, если бы он смог послать своего сына Джемал-Эддина ¹ в Абазию. Благодаря этому не только будет положен быстрейший конец всем партийным междоусобицам, но и ведение войны с русскими может быть надлежащим образом организовано; его личный авторитет также значительно выиграет от этого, и моральное значение независимых народов Кавказа чрезвычайно возрастет в глазах Европы, если все они будут повиноваться одному верховному правителю. Ввиду того, что сообщение между Абазией и Дагестаном было очень затруднительно, ибо нужно было переехать занятую русскими Кабарду, я не мог надеяться на скорый ответ; было также вероятно, что корреспонденция попадет в руки русских.

Я очень долго ждал обещанное оружие и припасы. Только 2 августа получил я письмо от лейтенанта Штоха, в котором он доносил, что прибыл в Джубгу и привез с собой различные припасы, но он, однако, не писал, из чего они состояли. Я немедленно отправился в Джубгу. Но велико было мое разочарование, когда я увидел привезенные вещи. Я нашел очень мало из того, что было мне необходимо, но зато многое, без чего прекрасно мог бы обойтись. Я получил 65 дождевых плащей, 96 железных лопат, 48 ломов, 24 фашинных ножа, 12 топоров, 100 пар ботинок, 100 пар

тиковых брюк, 180 шерстяных рубаш и 2 револьвера. Нужнейшее, т.е. оружие и обмундирование, отсутствовало.

Я все же не имел права жаловаться, потому что ни князь Чарторыйский, ни генерал Замойский не давали никакого обязательства поддерживать мое предприятие, но если, поняв его важность, они начали это делать, то само собой разумеется, что они должны были проводить эту поддержку так, как я этого желал. Чего мне не хватало, я знал сам лучше всех. Стоимость полученных вещей была достаточна для того, чтобы доставить необходимое вооружение и экипировку для 50 или 60 человек, стоимость транспорта была весьма низкой, и я мог отослать половину людей в Константинополь, а с другой половиной спокойно ждать дальнейшей помощи и лучших возможностей. То, что вооружение, бывшее в наличии, не было мне прислано, объяснялось в значительной степени небрежностью моих корреспондентов в Константинополе, а частью также неблагоприятными обстоятельствами. Я утешался обещаниями, что оружие в скором времени прибудет, но особенно тем, что князь Чарторыйский начал нам помогать.

К концу лета 1858 года внутреннее положение страны становилось все хуже. Заседавший 5 июля народный совет не вынес никакого серьезного решения; Сефер-паша не высказывал своего отношения ко мне; я тоже считал это несвоевременным, потому что у меня еще не было средств, а главное – не было оружия, и, таким образом, мы взаимно терпели друг друга, не вступая ни в открытую вражду, ни в сердечное соприкосновение. Область натухайцев, зажатая между крепостями Анапа, Суджук, Коркуй, Хатокай и Адагум, была настолько подвержена неприятельским набегам, что нельзя было и думать о помощи с этой стороны для содержания моего отряда. Очистить эту область от русских было при жалких средствах, которыми мы располагали, совершенно невозможно, поэтому не приходилось удивляться тому, что абазы Натухая, которые до Восточной войны находились в своего рода перемирии с русскими, теперь начали подумывать о том, чтобы возвратиться к прежним взаимоотношениям. Русские агенты работали с большей энергией и сулили народу блестящие выгоды, которые повлечет за собой прекращение войны. Сефер-паша, насчитывавший среди натухайцев большинство своих, так сказать, единственных сторонников, смотрел с обычной апатией на все это, и всюду было известно, что он сам не отклонил бы сделку с

русскими. Это было, разумеется, неверно, и что еще больше придавало этим слухам видимость правоты – это то, что зять Сефера, черкесский уорк по имени Баста-оглы с женой и детьми перешел к русским и обосновался в Суджук. Дюжина черкесов, которых постоянно видели в свите Сефера и его сына, также перешла к русским и в качестве проводников неприятельских летучих отрядов сделалась бичом нутухайцев. Были даже случаи, что такие предатели, после того как пробыли несколько недель или месяцев на русской службе и заработали деньги, снова появились на стороне Сефера и его сына и брались ими под защиту.

Доставать провиант приходилось нам все с большими трудностями. Из пяти мехкеме выплачивали подати только два, и то очень нерегулярно. И эти два мехкеме, на Абине и Пшате ², были наименьшими и насчитывали едва 2900 дворов, три других (Суджук, Псибебс и Шипе), которые насчитывали 8500 дворов, были как раз подвержены всей тяжести неприятельских набегов, и для них было достаточно и того, что они заботились о семьях, оставшихся без хлеба и крова. Большая часть шапсугов (16 400 дворов), которые жили в полном мире, еще не были организованы и не хотели организоваться под началом или под влиянием князя Сефера.

Хотя тамады шапсугов неоднократно делали мне предложение направиться в их страну, после чего шапсугам будет удобнее перейти к уплате податей и организации, но только благодаря влиянию старшин, и хотя теперь я по многим причинам охотно последовал бы этим приглашениям, но все же не мог покинуть ту часть страны, которая с самого начала нас так сердечно приняла и предоставила мне все, что могла; я не мог ее оставить как раз в момент ее величайших бедствий, и если мы не могли противодействовать утверждению неприятеля на пограничных и в прибрежных пунктах, так же как и возведению крепостей, то само по себе наличие орудий и некоторое, хотя и очень недостаточное, руководство сопротивлением вынуждало русских к известной осторожности, которой они обычно не придерживались в своей войне с горцами, стесняло их продвижение и держало под угрозой набегов небольших отрядов. С другой стороны, требовалось напряжение всех средств, чтобы ободрить нутухайцев и поддерживать в них волю к войне; наш уход в Шапсугию, несомненно, явился бы сигналом к заключению перемирия нутухайцев с

русскими. Наше постоянное сопротивление и умение держать врага в сильной тревоге и под обстрелом имело те последствия, что русские были вынуждены строить новые крепости гораздо основательней, поэтому медленней и с применением более значительных средств, чем обычно: с апреля 1857-го до ноября 1858 года неприятель продвинулся в низменностях едва лишь на полчаса дальше границы и оккупировал лишь один-единственный пункт на побережье – Суджук. За это время он также сумел сжечь на Адагуме в целом примерно 60 дворов, тогда как в Абадзехии около 1000 дворов погибло в пламени.

Положение нутухайцев было, в сущности, наиболее угрожающим. Нутухай представляет собой, как я уже говорил, узкую, заключенную между низовьями Кубани и Черным морем, малогористую, но достаточно богатую лесом полосу земли. От крепости Адагум до Суджука расстояние равняется только четырем с половиной часам, если эта дорога занята, то тогда Нутухайская область совершенно отрезана от Шапсугии и остальной Абазии.

Русские к концу 1858 года имели 14 батальонов пехоты на Адагуме, где кроме крепости был устроен еще укрепленный лагерь; 2 батальона в Хатокае, 4 батальона в Суджуке, 2 батальона в Анапе и 2 батальона в Коркуе – всего 24 батальона пехоты, 30 сотен казаков и 80 упряжных орудий, что вместе с крепостной артиллерией, саперными и административными частями достигало 25 000 человек.

18 октября снова собрался большой народный совет нутухайцев и шапсугов. Он длился 14 дней, в продолжение которых происходили постоянные стычки около русского лагеря на Адагуме. Наконец после долгих дебатов, в которых чередовались угрозы, предложения и просьбы, нутухайский народ решил пока не входить в переговоры с врагом, а сопротивляться ему, идя даже на самые тяжелые жертвы. Я должен был отправить в Нутухай 4 орудия – эта часть страны дала обещание заботиться о пропитании людей и лошадей. Другие 4 орудия должны были занять позицию в лесах на Абинь, в двухчасовом расстоянии от крепости Адагум, и при каждой из этих 2 батарей была установлена постоянная охрана из 100 всадников и 300 человек пехотинцев, которую поочередно выставляли пять уже организованных мехкеме. Шапсуги обещали в случае крайней опасности выставить от каждого юнэ

из 20 всадников и 40 человек пехоты, что составляло 3280 всадников и 6560 человек пехотинцев, в общем – 9840 воинов.

Во время заседания народного совета князь Сефер выступил как мой открытый противник и обвинитель. Он жаловался, что я с ним совершенно не считаюсь, самовластно взимаю подати, состою в тайной связи с его смертельным врагом – наибом и, наконец, восстаю против моего повелителя-султана, так как я не признаю правителем страны его заместителя и назначенного им губернатором Сефера. Само собой разумеется, что при этом случае он не забыл старую турецкую газету, где было напечатано о законных привилегиях его рода. Я возражал, что прежде всего султан не является моим повелителем, так как я, так же как и мои товарищи, не магометанин и не райят Порты, поэтому мы никоим образом не можем бунтовать против султана. Что же касается его сана губернатора Абазии, то я бы его признал таковым при условии, если бы Порты подтвердила это и если бы абазский народ признал его таковым. Впрочем, долгое время я не только не сторонился его, но даже сам поддерживал его притязания, однако теперь он сам довел меня до крайности и принудил прервать с ним всякие сношения. Короче, это был настоящий процесс, который казался мне скорее комичным, чем серьезным, и который я решительно выиграл, потому что военный круг все время мне аплодировал, а князь и паша Сефер, несмотря на свою газету, был осмеян даже своими сторонниками. Но я должен был согласиться на то, чтобы он разбил свое жилище при нашей зимней квартире на Абине, так как в Шапсугуре вблизи от врага он не был больше в безопасности. Сефер особенно хотел сделать это для того, чтобы под ширмой нашего присутствия и за наш счет кормить свой турецкий придворный штат.

Возвращаясь с народного совета, я заехал 3 сентября в 5 часов вечера к тхфокотлю Сеин Яттаоку из рода Джемис, живущему на реке Абин, чтобы остановиться у него на ночь. Меня сопровождали восемь солдат и восемь конных муртазиков. В получасовом расстоянии от юнэ Сеина я направился через маленький лесок, как вдруг внезапно на нас обрушилась дюжина выстрелов. Унтер-офицер Орлинский и один муртазик были ранены, лошадь ехавшего вплотную следом за мной солдата Крыштафика упала, мимо меня просвистело несколько пуль. Мы мгновенно бросились в лес, но он был слишком густ, было уже почти темно и вдо-

бавок падал легкий снежок, и поэтому мы никого не нашли; приехав во двор Сеина, мы выяснили, что унтер-офицер ранен легко, но муртазик получил довольно тяжелое ранение, и лошадь также была тяжело ранена.

Я никак не мог объяснить себе это предательское нападение из-за угла: после почти двухлетнего пребывания в Абазии это случилось в первый раз. Ни я и ни один из офицеров и солдат до сих пор не подвергались открытому или тайному нападению, хотя мы объезжали страну по всем направлениям, и часто в очень незначительном количестве. Мой домохозяин Сеин, как и все сбежавшиеся на мою квартиру абазы, был вне себя от гнева, особенно потому, что это случилось в их местности. Он предоставил своему брату заботы о гостеприимстве и, созвав всех всадников из ближайших юнэ, помчался, несмотря на неприглядную ночь, отчаянный дождь и метель, преследовать виновных. На следующее утро Сеин вернулся из своего ночного пробега, но не нашел ни напавшего, ни его следов. Конфиденциально, один на один, он уверял меня, что этому делу не чужд князь Зан-оглы, и рассказал, что вчера после полудня и вечером можно было заметить банду приблизительно из 60 всадников, разъезжавших без всякой видимой цели вперед и назад вдоль реки Абин. Эта банда состояла только из черкесских уорков и их рабов, и только они могли совершить это покушение.

У меня было много оснований поверить этой версии, но так как я все-таки не имел доказательств, то мне было невозможно указать на Зан-оглы. Но, имея даже наивернейшие доказательства, что я мог бы сделать? Мое выступление против Сефер-паши могло вызвать огромное волнение в стране, и без того раздраемой партийными распрями. Оно могло, вероятно, повредить князю Сеферу, но мне и делу, которое я защищал, было бы весьма мало полезно. Я решил быть настороже и больше не упоминал об этом происшествии, которое все же, как я предполагаю, произвело в стране большой шум, потому что всюду, где ни появлялся я или кто-нибудь из моего отряда, мы слышали громкие проклятия по адресу Зан-оглы.

1 декабря мы получили 14 ружей с письменным извещением, что было послано 24. Таким образом, 10 было потеряно. Остальные 83 ружья было обещано мне скоро дослать. Я уже знал по горькому опыту ожидания это «скоро», но что мне причиняло

немалые огорчения – это потеря небольшого вооружения, которое я ждал с таким нетерпением почти два года. Я написал моим соотечественникам в Константинополь, чтобы они ни под каким видом не доверяли ничего купцам или другим людям, едущим из Абазии, но всегда ждали, пока я пришлю кого-нибудь лично. Но там обращали мало внимания на мои письма и легкомысленно доверяли первому, кто находился под рукой и предлагал свои услуги, вещи сами по себе невысокой ценности, но для меня бывшие неоценимыми. Из дальнейшего будет видно, как пагубно было для меня это неумное легковерие.

8 декабря пришли из Абадзехии известия, что неприятель опустошил равнины вдоль рек Шавготчи и Лабы и сжег много сотен дворов, после чего со 2-го до 6 декабря происходили серьезные сражения между жителями Абадзехии и русскими штурмовыми колоннами.

7 декабря русский корпус, оперировавший в Абадзехии, оставив гарнизоны в Шавготче и других крепостях на Лабе, возвратился за Кубань на зимние квартиры. Впрочем, усилия русских в Абадзехии были очень незначительны и послужили больше к тому, чтобы организовать диверсию и занять ею абадзехов в их стране. Действительно серьезные операции были предприняты против натухайцев из Адагумского лагеря и других крепостей.

В лагере на Адагуме началось передвижение русских отрядов, которое, казалось, должно было завершиться их скорым выступлением. Можно было предвидеть, что неприятель теперь попытается совершить набег против натухайцев, потому что в лагерь прибыли три свежих казачьих полка.

С 6 декабря начался достаточно сильный мороз, что чрезвычайно облегчило русским продвижение. 10-го я отправил стоявшие на реке Абин 4 орудия, после того как довел их прикрытие до 300 всадников и 900 человек пехоты, продвигаться ближе к русскому лагерю и занял на лесистой возвышенности над речкой Шипс позицию, которая господствовала над дорогой между Адагумом и Суджуком. 13 декабря (1-го по ст. стилю) неприятельские колонны выступили из Адагумского лагеря. Неприятель знал о нашем расположении и отрядил против нас 4 батальона, 1 полк казаков и 1 пехотную батарею из 12 орудий. Несмотря на перевес неприятеля, мы удержали за собой нашу позицию, но не могли выбить русских с дороги на Суджук, которую они заняли. Вторая

колонна в составе 5 батальонов, казачьего полка, пехотной полубатареи из 6 орудий и горной батареи из 8 орудий повернула вдоль реки Бакан на дорогу, ведущую к Мазге, ныне разрушенной русской крепости. Третья колонна, состоявшая из 3 батальонов, 2 полков казаков и конной батареи, двинулась по берегу Кубани через равнину на Коркуй. Из Суджука по дороге в Адагум выступили 2 батальона, 100 казаков и 4 орудия и уже около полудня соединились с колонной, с которой мы утром имели сражение. Из Суджука и Анапы, кроме того, двинулись еще 1 батальон, 100 казаков и 4 орудия против Мазги. Из Коркуя пришли 1 батальон, 1 казачий полк и 6 орудий, которые и оперировали на равнине, чтобы поддерживать колонны, двигавшиеся из Адагумского лагеря.

Состоящая из 5400 дворов и, как я уже указывал, малогористая и плохо приспособленная к обороне область натухайцев была, таким образом, пересечена 17 батальонами пехоты и 33 сотнями казаков (то есть около 20 000 человек с 54 орудиями) и совершенно отрезана от всякой поддержки. Каждая из вражеских колонн, сжигая все, что встречала на своем пути, уничтожала посевы и увлекала за собой людей и скот, который могла захватить.

В полдень с горы, на которой стояли, мы увидели бесчисленные столбы дыма, свидетельствовавшие об опустошении Натухая. Иногда слышался заглушенный орудийный гром. Мое положение было невыносимым. Потеря орудий, находившихся в Натухае, была не только возможна, но и очень вероятна. Однако двинуться на помощь с тем, что имелось у меня под рукой, было невозможно, ибо неприятель, стоявший перед нами, сторожил каждое наше движение. Дважды после полудня пытался я прорвать неприятельскую линию на дороге из Адагума в Суджук, но безуспешно. К тому же мороз, этот верный союзник московитов, достиг больше 12 градусов и наши плохо одетые абазы дрожали, замерзая у лагерных костров. Поэтому нельзя было и думать о том, чтобы провести с ними такой трудный маневр, как прорыв неприятельской линии ночью. Повсюду были разосланы муртазики и гонцы, чтобы оповестить все контингенты военных сил из мехкеме Шипса и Абина и созвать сюда воинов из Шапсугии, но далекие расстояния и, в особенности, холод были причиной того, что к вечеру силы наши дошли едва только до 2000 человек.

Я передал командование всем отрядом лейтенанту Станкевичу, при котором остались также начальники мехкеме Шипс и

Абин, и в 8 часов вечера отправился в сопровождении 60 всадников, среди которых было 10 моих солдат, по направлению к неприятельской линии, которую я решил во что бы то ни стало перейти. Так как я мог рассчитывать, что ближайшие окрестности крепости Адагум охраняются меньше, чем дорога на Суджук, то прямо пошел на крепость и свободно прошел мимо нее на расстоянии двух ружейных выстрелов от крепостных валов. Мы остались бы совершенно незамеченными, если б на нас не наткнулся небольшой казачий патруль. Раздалось несколько выстрелов, два казака остались в наших руках и должны были против своей воли, с ногами, крепко связанными под брюхом лошади, сопровождать нас. Когда крепость открыла огонь, мы были уже вне опасности.

Эта ночь была одна из самых тяжелых, которые я испытал когда-либо в своей жизни, а ведь я перенес так много тяжелого. Недостаточно было того, что стоял невыносимый мороз, неприятель окружал нас со всех сторон и нас мучил голод, потому что со вчерашнего вечера мы ничего не ели, но злосчастной судьбе было еще угодно, чтобы среди моих абазских всадников не нашлось ни одного, который бы хорошо знал дорогу в Натухай, хотя все они были дома у Абина, т.е. на расстоянии всего лишь нескольких часов езды. Абазы настолько беззаботны, что нимало не печалются о том, что происходит в нескольких часах от них или как выглядит их страна. Хотя я и очень часто ездил по Натухайской области, но не мог разобраться ночью в лабиринте бесчисленных лесных тропинок. Так как никто хорошо не знал дороги, то все начали советоваться и каждый настаивал на своем. Такие случаи уже часто бывали со мной, и я поставил себе за правило следовать в таких обстоятельствах советам одного, но ни в коем случае не многих индивидуумов или рассчитывать на свою собственную голову. Сегодня я решился на последнее, потому что видел, что, к сожалению, ни один из моих спутников не знал больше, чем я сам.

Хуже всего было то, что я не мог определить расположение неприятельских войск, только огни абазских дворов, сияние которых видел то вблизи, то в отдалении, служили мне для некоторой ориентации и советовали мне держаться от них на почтительном расстоянии. Несмотря на это, мы могли невзначай натолкнуться на неприятельский отряд, потому что русские при таких ночных экспедициях не раскладывают костры в своих лагерях и держатся очень тихо. И так это и случилось с нами. Мы успели проехать

только часа два, как вдруг были остановлены громким «Кто идет?». Вопрос сопровождался выстрелом из ружья, вслед за которым раздалось несколько других, и в одно мгновение мы очутились под градом пуль. Это недолго продолжалось, но зато грянули два пушечных выстрела. Мы поспешно повернули и бросились назад, но, на наше несчастье, пушечное ядро, упавшее в нашу толпу, убило лошадь и тяжело ранило сидевшего на ней абазы. Мы оставили несчастного под надзором двух его товарищей, потому что никак не могли взять его с собой (он был позже перенесен в его дом, но умер через несколько дней). Мои абазы по обыкновению подняли пронзительный военный крик, что, естественно, отбило у русских охоту к преследованию, так как они легко могли ошибиться в нашем числе. Поэтому их два орудия (я думаю, что у них там больше не было) начали пальбу во все стороны, и еще полчаса спустя мы слышали единичные выстрелы.

Мы кинулись вправо на первую тропинку, чтобы обойти русские дозоры, но едва лишь проскакали по ней четверть часа, как были задержаны новым «Кто идет?» и отброшены назад ружейным огнем. Не оставалось больше ничего, как только повернуть налево или возвратиться назад. Идя налево, мы должны были прийти на дорогу в Бакан, где утром маршировала сильнейшая русская колонна; чтобы возвратиться, мы должны были снова пройти мимо крепости Адагум, что, вероятно, на этот раз не удалось бы нам так легко и к тому же означало бы, что все наши труды были напрасны. Через час езды мы выехали на широкую дорогу, которую я признал как дорогу на Бакан.

Всегда бывает приятно после долгих блужданий в конце концов попасть на знакомую дорогу, это все равно, что встретить старого друга. Но удовольствие было для меня омрачено мыслями о том, что мы теперь попали из дождя в кадку с дождевой водой. Баканская дорога тянется вдоль речки Бакан, которая впадает в Адагум, в узкой ложбине между двумя низкими, густо поросшими лесом горными хребтами, вплоть до Мазги. Лежащий справа от нас горный гребень мы только что покинули, лежащий слева был узок и замыкался дорогами на Бакан и Суджук. Мы не могли знать, не были ли и там расположены неприятельские отряды, но не подлежало сомнению, что долина Бакана была блокирована. Где неприятель – впереди или позади нас, это было неизвестно.

Мы могли находиться приблизительно на полпути между Мазгой и Адагумом.

Не оставалось ничего другого, как идти наудачу вперед. Луна светила так ярко, что наш отряд можно было видеть издалека. Мы проехали едва лишь полчаса, как унтер-офицер Новак, который с двумя солдатами и шестью абазами образовывал авангард, внезапно остановился. Мы также остановились. Один из солдат авангарда прогалопировал назад и доложил, что, по всей видимости, долина занята неприятельскими отрядами, так как издали видно движение по дороге и блеск ружей. Солдат еще не успел кончить свое донесение, как со стороны наших всадников, находившихся позади, раздался воинственный клич. Тотчас же затрещали беспорядочные залпы русской пехоты в нашем тылу, барабанный бой, и крики «ура» звучали сзади, спереди и справа от нас. Мы попали в настоящую западню. Не теряя ни секунды на размышление, мы бросились в кустарник, лежащий слева от нас. К счастью, горы не приостановили наше бегство, но там не было ни дороги, ни тропинок, только абазы и абазские лошади могли пробираться. В такие моменты ни один европейский солдат не может сравниться с абазом. Едва лишь военный клич и ружейные залпы раздались в нашем тылу, как пятеро абазов упали сраженными с лошадей; трое из них были убиты, двое ранены, еще шестеро оставшихся на конях, и среди них унтер-офицер Багинский, потерявший два пальца, были ранены. Но ни один труп, ни один раненый, ни одно ружье не остались в руках русских, даже седла двух убитых лошадей были спасены. Произошло все это быстро, и прежде чем русская рота, надвигавшаяся сзади на нас боевым маршем, открыла во второй раз огонь, прежде чем сбежавшиеся со всех сторон русские успели приблизиться, наша толпа была уже в кустах. Я больше не вел отряд – он вел меня. Едва мы углубились на сотню шагов в кустарник, как большинство абазов соскочило с лошадей, бросив на них поводья и оставив их глубже пробираться в лес, а сами со взведенными курками и диким военным криком кинулись навстречу настигавшим нас русским. Их меткий огонь, а также, как я думаю, и их пронзительные крики привели русских в замешательство, но это продолжалось недолго, неприятель открыл огонь из двух, а затем уже из четырех орудий по роще. Этот столь же отважный, как и находчивый переход абазов к пешему

строю и отстреливанию спас если не нас самих, то хотя бы наших лошадей, потому что мы продвигались в густом лесу с таким трудом, что русские ядра еще довольно долгое время падали среди нас.

На горном хребте, где мы теперь находились, ни днем ни ночью не видно было дыма или огненных столбов, мы могли поэтому сохранять единственную надежду, что русские сюда еще не проникали, но мы не чувствовали себя в безопасности. Только в немногих местах можно было сесть на коней, чаще продираться пешком сквозь густой кустарник и вести за собой лошадей. Мы продвигались таким образом с неописуемыми усилиями и затруднениями приблизительно часа три, наши лица и руки были в крови, наши одежды были изодраны колючками. Наибольшие трудности были с нашими ранеными, которые очень страдали; трупы трех павших абазов мы также везли с собой на лошадях. Держась посередине узкого горного хребта, мы должны были неизбежно в конце концов дойти до абазского двора, и эта надежда поддерживала наши силы.

В 4 часа утра мы наконец натолкнулись, к нашей радости, на первый абазский дозор. Двор, или, собственно, пять дворов, находился от нас на расстоянии нескольких сотен шагов. Мы могли бы пройти мимо, если бы дозорные нас не увидели и не окликнули. В одном из дворов жил Хуссейн-эфенди, храбрый тамада и имам, которого я знал очень хорошо. Мы сделали привал на несколько часов, потому что смертельно устали и наши лошади едва могли передвигать ноги. Мы нашли здесь пищу для себя и корм для лошадей, а также оставили трупы товарищей, передали раненых попечению женщин, а двух взятых в плен казаков, которых тащили связанными целую ночь за собой, – надзору тамады. Около 50 вооруженных людей собралось у Хуссейна: женщины и дети все уложили, и население пяти юнэ приготовились к бегству и сопротивлению. Хуссейн сказал мне, что неприятель занял всю дорогу до Мазги, но часть его войск пошла на Мазгу и там соединилась с колоннами из Анапы и Суджука. Я спросил, нельзя ли собрать несколько сот людей, чтобы вынудить неприятеля прервать его слишком растянувшуюся линию, но Хуссейн сказал мне, что все потеряли голову и стараются только спасти свою семью и имущество. О нашей артиллерии знал он только то, что вчера

после полудня со стороны Мазги была слышна сильная канонада, следовательно, орудия должны быть там и сейчас. Он также уверял меня, что оба начальника мехкеме – Фарис-бей и Хаджи-Яхья со всеми их муртазиками уже в течение нескольких дней находятся при орудиях. Я считал, что до Мазги еще три хороших часа пути, если я только снова не стану блуждать, как недавно. Но этого больше можно было не опасаться, потому что уже настал день и Хуссейн дал мне двух хороших проводников, знавших в совершенстве каждую тропинку.

Через час после нашего прибытия к Хуссейну я попросил у него гонца, чтобы без промедления отправить письмо к лейтенанту Станкевичу.

Хуссейн предоставил мне для этого своего сына Цекери, который немедленно отправился с одним проводником. Я приказал офицеру оставить небольшой отряд с одним орудием на пригорке, а с большей частью его войск, которые к утру, с прибытием созданных контингентов, должны были удвоиться, выступить вниз по горам влево от занятой русскими дороги на Суджук и угрожать коммуникации неприятеля. Если вышедшие из Суджука колонны начнут отступать в крепость, то он должен идти за ними вплоть до крепости, занять там позицию вне пределов досягаемости крепостного огня и не сдавать ее без энергичного сопротивления.

Люди и лошади оправались, поэтому мы выступили в 8 часов и к полудню пришли к Мазге, где я нашел мою полубатарей на зимней квартире. Фарис-бей и Хаджи-Яхья находились там со всеми своими муртазиками, но все же с очень немногими базами. Даже обычная охрана в сильном страхе убежала домой, чтобы спасти находящиеся в опасности семьи. Я нашел около 400 человек почти сплошь кавалеристов, из них едва было 100 человек пехоты, да и эти почти все были бедные ребята, из которых только немногие имели 3–4 патрона, хотя все они были воодушевлены лучшими намерениями. Мои ординарцы, всегда возившие с собой запас патронов, разделили их насколько это было возможно, чтобы не обделить самих себя, так что в конце концов у каждого оказалось по меньшей мере 10 патронов.

Я спросил обоих начальников мехкеме и нескольких значительнейших старшин, нельзя ли собрать большее число войск. Они ответили, что все их усилия со вчерашнего дня оказались бесплодны, потому что панический страх охватил весь народ и

каждый думает только о своем собственном спасении. Они едва смогли собрать эту небольшую группу, чтобы не оставить пушки под ударом. Накануне вечером лейтенант Корнацевский обстреливал неприятеля, сконцентрировавшего у Мазги свои силы в составе 5 батальонов, 700 казаков и 16 орудий и опиравшегося на бывшую крепость. Утром наша артиллерия снова сделала около 20 выстрелов. Вследствие этого русские не захотели покидать свою позицию у Мазги и ближайшие дворы остались непотревоженными. Абазская конница, кроме того, со вчерашнего дня взяла в плен 16 человек.

Мы советовались, что же теперь делать дальше. Хаджи-Яхья предлагал поехать в нижнюю горную цепь Шевгагай, которая тянется вдоль побережья между Суджуком и Анапой. Эта часть страны густо населена и до сих пор не была потревожена неприятелем, поэтому там было бы легче всего собрать к завтрашнему дню большое число воинов. Предложение было хорошим, и я решил с конницей и тремя орудиями двинуться на Шевгагай, но Фарис-бей должен был с пехотой, 50 всадниками и пушкой под командой унтер-офицера Матчинского остаться на прежней позиции, следить за неприятелем у Мазги, тревожить его и стараться собрать воинов из ближайших окрестностей. В 3 часа мы выступили в поход, обошли с севера Мазгу и двинулись по равнинам Анапы на Шевгагай. От неприятеля не ускользнуло наше продвижение по направлению к Анапе, и хотя он основательно занимал это место, все же отрядил из Мазги в Анапу принадлежащие к тамошнему гарнизону отряды, т.е. пехотный батальон, сотню казаков и четыре орудия. Мы маршировали долгое время в одном направлении, на расстоянии больше двух верст друг от друга, в полудне езды от Анапы. Мы приблизились друг к другу и обменялись несколькими пушечными выстрелами. Неприятель двинулся в крепость, а мы – по направлению к Суко (в двух часах езды от Анапы), место, где находились первые абазские дворы. После полудня мы услышали здесь доносящуюся со стороны Мазги сильную канонаду.

В юнэ-из Суко мы расквартировали наш отряд. Однако Хаджи-Яхья, этот неутомимый и храбрый молодой человек (ему было только 24 года) после краткого отдыха поехал с несколькими тамадами и своими муртазиками дальше, чтобы позаботиться о созыве своих воинов, так как мы находились в его мехкеме. Мы

условились потребовать с каждого большого двора двух воинов, с других – по одному; это войско должно было собраться в Суббаше, находившемся в двухчасовом расстоянии от Суджука. На следующее утро мы и 60 всадников и свыше 100 человек пехоты двинулись из юнэ-из Суко в поход на Суббаш. Мы вошли туда в 10 часов утра и застали там Хаджи-Яхью, уже окруженного приблизительно 500 кавалеристами и 1000 пехотинцев. Храбрый юноша в течение двух дней и двух ночей не смыкал глаз, ни часу не отдыхал и почти не слезал с лошади. Наши силы доходили приблизительно до 2000 человек, среди них – 800 всадников. Тамады предлагали выступить против русских отрядов, расположенных около Мазги, но мы получили утром известие, что неприятель очистил Баканскую дорогу и сконцентрировал все свои силы вокруг Мазги; таким образом, совершенно не было надежды на успешное сражение с ним. Зато я надеялся путем угрозы Суджуку вызвать расстройство в действиях русских и облегчить лейтенанту Станкевичу очищение дороги от Суджука на Адагум. Я отрядил поэтому Хаджи-Яхью с 600 всадниками и одной шестифунтовой пушкой под командой фейерверкера Линовского против Мазги. Хаджи-Яхья должен был на этой дороге пройти мимо неприятельской позиции и наладить связь с Фарис-беем, находившимся на противоположной стороне. Сам же я, имея приблизительно 1500 человек, среди которых было 200 всадников, и с двумя гаубицами двинулся на Суджук.

Около двух часов мы подошли на расстояние пушечного выстрела к крепости. Я приказал бросить несколько гранат в крепость, которая сейчас же начала нам энергично отвечать. Мои гаубицы маневрировали таким образом, что появлялись то на одной, то на другой позиции позади холмов, лежащих вблизи от крепости, делали несколько выстрелов и потом быстро возвращались назад, чтобы бесполезно не попадать под перекрестный огонь крепостных фортов, вооруженных более чем 40 тяжелыми орудиями.

Уже во время похода на Суджук мы слышали с Адагумской дороги отдаленный орудийный грохот. Он звучал все ближе и отчетливей. Около трех часов к югу от фортов на горной тропе появилась русская колонна, отступавшая под орудийным и ружейным огнем в крепость. Я понял, что лейтенант Станкевич получил мое письмо и совершенно точно принялся исполнять приказ. Если бы

я только мог соединиться со Станкевичем, то участь отступавшей колонны была бы решена, но это было абсолютно невозможно, потому что между восточной стороной крепости, где я стоял, и южной, где двигалась неприятельская колонна, протянулось почти на получасовое расстояние длинное болото, а дальше, в часовом расстоянии, находились высокие и крутые горы, едва проходимые для пешеходов. Я не мог поэтому легко наладить связь со Станкевичем. Он дал еще несколько выстрелов по крепости и отступил на безопасное расстояние. Я послал ему письменное приказание оставить 200 человек для наблюдения за Суджуком, а с большинством отряда направиться на Баканскую дорогу и блокировать ее.

Между тем Хаджи-Яхья, который за полтора часа со своей конницей и шестифунтовиком прибыл к Мазге, так энергично беспокоил неприятеля и с другой стороны был так хорошо поддержан Фарис-беем, что русские, которым канонада под Суджуком, где был оставлен только один батальон в качестве прикрытия, причиняла много забот, бросили свою первоначальную идею о том, чтобы предпринять набег в направлении Коркуя и там соединиться с колоннами, ожидавшими в стенах, и отступили из Мазги на Адагум и Суджук. Неприятель был достаточно осторожен для того, чтобы отправить батальон из Суджука в сопровождении еще двух батальонов Адагумского корпуса. Там, где расходятся дороги на Адагум и Суджук, неприятель перестроился в две колонны. Одна, состоявшая из 4 батальонов, 600 казаков и 12 орудий, направилась через долину Бакана на Адагум, другая, состоявшая из 3 батальонов, казачьей сотни и 4 орудий, отступила по дороге на Суджук. Хаджи-Яхья и Фарис-бей, который имел уже больше 500 человек, соединились и, отправив за врагом по Баканской дороге только около 100 всадников, со всеми своими силами атаковали арьергард неприятеля. Они имели около 1000 человек и 2 шестифунтовика, но только 200 пехотинцев, и так как поверхность земли была повсюду изрезана и поросла кустарником, то конница большей частью должна была спешиваться и стараться настигнуть врага в пешем строю.

Я слышал приближающуюся перестрелку со стороны Мазги, и так как отчасти предвидел то, что случилось, оставив всадников перед Суджуком, направился по дороге навстречу противнику. Но неприятель, внимательно следивший за нашими движения-

ми, сделал вылазку из крепости с 2 батальонами, сотней казаков и 4 орудиями и пошел вслед за нами. Мы едва успели обменяться несколькими выстрелами с авангардом возвращающейся из Мазги колонны, как увидели, что наш собственный тыл находится под угрозой. Я был вынужден занять позицию слева от дороги и обстреливать противника моими гаубицами и ружейным огнем, однако не мог противодействовать тому, чтобы обе колонны соединились и продолжали свой путь в Суджук, находившийся на расстоянии приблизительно пяти верст. Мы также соединили наши отряды и теперь со всей энергией стали беспокоить русских. Абазы – чем многочисленней, тем воинственней и отважней. Некоторые всадники и пехотинцы врезались с шашками наголо в части неприятельской пехоты и находили смерть в отчаянной схватке. Это были всегда те, кто потерял либо свое имущество, либо кого-нибудь из своей семьи. Казаки, которые несколько раз пытались выступить против абазской конницы, каждый раз оказывались отброшенными назад и должны были искать защиты у пехоты. Во многих местах вспыхивали отчаянные схватки холодным оружием. Наши орудия стреляли без передышки по густым толпам русских. Под давлением непрерывных атак неприятельская колонна отступила к крепости, орудия которой наконец положили предел преследованию. Мы отбили у врага около 200 голов рогатого скота и приблизительно 1500 овец и коз. Уже наступила ночь, когда замолкли последние пушечные и ружейные выстрелы. Мы условились, что дадим нашим сильно утомленным воинам несколько часов для отдыха, а в полночь выступим и попытаемся догнать ушедшую по дороге на Бакан русскую колонну. Я имел некоторые надежды на то, что лейтенант Станкевич запер или затруднил для противника этот путь. В полночь приблизительно 2500 человек с 4 орудиями двинулись в поход и в 5 часов утра наш авангард встретился с форпостами Станкевича. Вскоре после этого явился он сам и доложил, что в 9 часов вечера его отряд пришел на Баканскую дорогу, но уже не застал там никакого неприятеля, а жители сообщили ему, что они видели неприятеля, поспешно двигавшегося по направлению к Адагуму. Отступление противника должно было быть очень торопливым, потому что во время нашего марша мы нашли несколько сотен голов рогатого скота, овец и коз, убитых или раненых ударами штыков и валявшихся на дороге.

Корпус Станкевича оказался гораздо сильнее, чем я ожидал: 14-го вечером мехкеме Шипс и Абин прислали подкрепление в составе 200 всадников и 600 человек пехоты. 15-го утром приехали 460 всадников из Шапсугии. Станкевич оставил против Адагума только 1 орудие с 600 воинами и направился с 2600 человек и 3 орудиями на Суджук. В 11 часов утра он атаковал сторожившую верхнюю дорогу колонну и преследовал ее до крепости. Перед Суджуком к нему присоединились еще 200 всадников и 500 человек пехоты, которых Гафус-эфенди призвал в Пшат-мехкеме. Таким образом, в момент нашего соединения мы располагали силами приблизительно в 6000 человек с 7 орудиями. Если бы такие силы объединились на каком-нибудь пункте три дня тому назад, то русские не могли бы и думать о том, чтобы предпринять набег против Натухая. Преследовать врага мы не стали, потому что русские, без сомнения, пришли уже в свой укрепленный лагерь на Адагуме. 1000 всадников, имевших лучших лошадей, и 3 орудия были назначены идти на Адагум и наблюдать за неприятелем; остальной корпус с 4 орудиями должен был разместиться как можно лучше в ближайших трех юнэ-из и не расходиться, так как неприятель, вполне вероятно, мог снова сделать вылазку. Бедные люди действительно находились в очень печальном состоянии; конница, состоявшая из зажиточных, была почти вся хорошо одета, но пехота находилась в самом жалком виде. При холоде 10–12 градусов большинство было едва одето, а очень многие были босиком. В продолжение нескольких дней каждый съел столько, что этого едва ли хватило бы, чтобы наесться досыта один раз, и почти постоянно все были на ногах. Мои солдаты, которые были лучше одеты и сравнительно больше ели, выглядели смертельно усталыми, хотя они и не были особенно изнеженными; в то же время эти страдающие от голода и холода орды горцев повсюду, где они только могли разложить костер и немного согреться, весело прыгали вокруг и пели свои военные песни ³.

По данному позволению все рассеялись с молниеносной быстротой по квартирам и взяли с собой валявшийся на дороге убитый русскими скот. Я отдыхал до 11 часов, после чего с конницей и тремя орудиями направился к Адагуму. При остальных орудиях я оставил капитана Станкевича. Фарис-бей и Хаджи-Яхья также остались там, чтобы не дать разойтись расквартированным воинам. Утром мы получили из Коркуя известие, что оперировавшие

на равнине русские отряды, большей частью состоявшие из конницы, причинили очень мало вреда и вчера вечером вернулись в свои крепости. В 2 часа мы появились перед русским лагерем и соединились со стоявшим там нашим сторожевым постом. Неприятель, по сообщению наших дозорных, еще в полночь пришел в свой лагерь. Одно орудие под прикрытием 300 человек было оставлено на форпостах, а мы расположились на квартирах по речкам Шипс и Шапсогур.

Казалось, что враг был готов к отступлению, и действительно, наше сторожевое орудие 18-го утром сигнализировало двумя выстрелами его обратное движение. Он перешел через мост у Хатокая и затем пошел дальше на зимние квартиры в Черноморье. Наша почти целиком состоящая из конницы армия была быстро сосредоточена. Мы не могли оказать серьезного противодействия неприятелю в его продвижении от Адагумской крепости на Хатокай через широкую безлесную степь, поэтому удовлетворились тем, что преследовали его и время от времени давали орудийные залпы, на которые, однако, противник всегда отвечал так щедро, что мы не могли часто прибегать к этому. В крепости Адагум в качестве гарнизона остались кроме артиллерии и двух сотен казаков еще три батальона пехоты.

Сбор наших воинов больше не имел смысла, поэтому они были распущены по домам. Каждое мехкеме держало дозор при крепости, находящейся на территории. Четыре орудия под командой капитана Станкевича разместились в своих зимних квартирах в Натухае, остальные под начальством лейтенанта Конарцевского возвратились на свои квартиры в Абин.

Примечания

¹ Джемал-Эддин был мальчиком взят в плен русскими и получил образование в европейском духе в С.-Петербурге; в результате он стал офицером в гвардии царя. В 1854 году он был обменян на взятых в плен шейхом Шамилем грузинских княгинь Чавчавадзе и Орбелиани и возвратился в Дагестан. Он умер там в 1859 году в возрасте около 20 лет, как утверждают жители, от медленного отравления.

² В течение лета было организовано еще одно мехкеме, охватывавшее горы от Геленджика до Пшата. Вообще, у нас было только пять мехкеме, а именно: Суджук, 2100 дворов, начальник Хаджи-Яхья; Псибебс, 3300 дворов, начальник Фарис-бей; Шипс, 3100 дворов, начальник Бо-

рок-эфенди; Абин, 1600 дворов, начальник Хуссейн-эфенди; Пшат, 1300 дворов, начальник Гафус-эфенди. В целом 11 400 дворов с населением около 200 000 душ и 28 768 хорошо вооруженных воинов. Только упомянутое последним мехкеме было гористым, остальные, находившиеся либо на плоскости, либо в очень невысоких горах, были расположены очень выгодно для вражеских операций.

³ Хотя я был весьма серьезно настроен, не могу забыть анекдот, который показывает характер абазов. У меня в руке был кусок хлеба, который я с аппетитом ел. Совсем оборванный, босоногий абаз все время бежал рядом с моей лошадью и неотступно смотрел на меня черными сверкающими глазами. Я думал, что он очень голоден, разломал мой хлеб и протянул ему кусок. «Хунэп, – сказал он, – гюнэ кессет, буо ори хупка» («Нет, я не хочу, но если ты так добр, то дай мне пороху»).

Глава восемнадцатая

Последствия русского набега. – Загадочный выстрел. – Неудачная попытка арестовать князя Сефера. – Мне угрожает опасность в доме Сефера. – Окончательный разрыв. – Устройство Шапсугии. – Антхыр. – Я схожусь с Мохамед-Эмином. – Наше первое совещание. – Возвращение в Шапсугию. – Вторжение русских. – Сражение на реке Бакан. – Народный совет. – Временное оставление Натухая. – Положение дел в Абадзехии. – Сражение при Шавготче. – Письмо от Шамиля. – Планы.

Четырехдневный русский набег тяжело отразился на жителях Натухая. Неприятель сжег около 400 дворов, уничтожил много зерна и сена, взял в плен 137 человек, главным образом женщин и детей, кроме того, увел или убил около 300 голов рогатого скота и 2000 овец и коз.

Абазы, кроме того, имели 143 убитых и большое число раненых ¹. Русские оставили в руках абазов 67 убитых и 81 пленного, последние большей частью были раненые. Насчитывалось также 16 перебежчиков, но не подлежит ни малейшему сомнению, что потери неприятеля должны были достигать нескольких сотен убитых.

Несмотря на эти потери, которые для немногочисленных и находящихся в вечной войне горцев должны были быть очень значительными и чувствительными, воинственный дух натухайцев

поднялся очень высоко; вместо прежних предложений о перемирии и сношениях с русскими наступила жажда мщения и войны. Артиллерия снова в воображении абазов возвысилась до небес, и мы завоевали себе право не испытывать голода зимой. Это тоже было счастьем, потому что князья Зан-оглы так хорошо хозяйничали, что я получал от них чрезвычайно мало. Сына князя Сефера я не видел уже в течение двух месяцев.

Я ждал терпеливо и доверчиво помощи с Запада. День ото дня мы становились слабее, 24 человека были вырваны из наших рядов сражениями и болезнями, и мой отряд был доведен до 96 человек. Запас пороха все уменьшался, обмундирование становилось все хуже. И никакого оружия! Такова была ситуация, когда один случай привел к тому, что давно подготовлявшаяся катастрофа между мной и Сефер-пашой наконец разразилась.

В ночь с 19-го на 20 декабря я остановился у Пшимаф Омера, одного уорка на реке Шипс. Был мой 31-й год рождения.

У меня не было обыкновения, когда я ночевал вне пределов русских набегов, выставлять около своей квартиры караул. Несколько сот раз я задерживался в гостях у абазов и никогда не подвергался ни малейшей опасности. При мне было восемь солдат и шесть муртазиков, из которых двое по очереди присматривали за лошадьми, а другие в кунацкой сакле спали возле меня. Из описания абазского жилища, которые все строились одинаково, читатель знает, что по обеим сторонам камина находятся импровизированные постели, на которые кладут камышовые циновки и уже сверх них – постельные принадлежности. Дымовая труба всегда широка и низка, так что ловкий человек без труда может в нее влезть. Тягости прошедшего дня обеспечили нам крепкий сон, и никто не вставал, чтобы поддержать огонь в камине, который мало-помалу угасал. Вдруг громкий выстрел в одно мгновение поднял всех нас на ноги. Пуля влетела в комнату из трубы. В то время как часть моих людей раздувала угасший огонь, другие выскочили из дверей с заряженными пистолетами. Никого не было видно. Напрасно в сопровождении дворни они обыскивали вдоль и поперек двор и близлежащие кусты – никто не был найден. Между тем в комнате мы исследовали направление выстрела и нашли, что пуля проникла к доске моей постели. Я вспомнил, что таким же образом мой соотечественник Зверковский, который задолго до Восточной войны был послан князем Чарторыйским в Абазию,

был убит во время сна выстрелом в живот. Я вспомнил, однако, и о другом случае. В ночь с 15-го на 16-е, когда мы шли из Суджука на Бакан, я ехал между Фарис-беем и одним старшиной по имени Гакар. Сзади нас ехали двое солдат, а сразу за ними шла толпа пешеходов. Внезапно из этой толпы раздался выстрел, пуля задела бурку старого Гакара, который ехал рядом со мной. Мы остановились и спросили, кто стрелял, но никто не признавался. Наконец мы решили, что ружье случайно разрядилось и что хозяин его боялся ответственности, а его товарищи не хотели его выдать, и не стали больше расследовать это происшествие. Я совсем забыл об этом случае, но сейчас он непроизвольно ворвался в мою память, и я пожалел, что тогда был так неосторожен. Мне было ясно, что со времени моего расхождения с Сефер-пашой я больше не был в безопасности.

Уже давно я решил положить предел влиянию Сефер-паши, столь же вредному для абазов, сколько и для нас, и ожидал только прибытия оружия. Но так как оно заставляло себя ждать и я не знал, не пройдет ли целая зима, пока я получу вооружение, то решил ускорить проведение моих давно задуманных планов. Моя собственная безопасность до известной степени сделала это необходимым. Прибыв на зимнюю квартиру на Абине, где, как мы можем вспомнить, основал свое жилище и Сефер-паша, я был встречен старым князем с такой преувеличенной сердечностью и с таким множеством знаков дружбы, что только еще больше укрепился в решении открыто выступить против него. 24 декабря я послал лейтенанта Арановского, переодетого абазом, в Антхыр, чтобы пригласить Алиби Хантоху и некоторых старшин на собрание. 28-го у нас было собрание со старшинами с рек Богондур, Антхыр, Халль, Азипс и Иль и с прибрежных гор от Пшата до Чепсина. Были представлены 3800 дворов. Мы заключили карар, чтобы отныне во всяком внешнем и внутреннем вопросе держаться вместе и помогать друг другу против всех и каждого. Старшины дали обязательство организовать мехкеме на названных пяти реках, набрать муртазиков и привести народ к уплате податей; я же должен был устроить мою квартиру у них и перевести мой склад из Адерби в Чепсин.

Но самое важное было то, что должно было произойти с Сефер-пашой. Алиби Хантоху и большинство старшин, исполненные ненавистью и жаждой мести к Зан-оглы, не говорили ни о

чем, кроме смерти. Но на это я все-таки не мог пойти – у меня было достаточно моральной уверенности в разнообразных преступлениях Сефера, но никаких доказательств. Да и глубокая старость князя защищала его от такого крайнего насилия, к тому же смерть Сефера могла бы, по всей вероятности, вызвать мщение его друзей в стране и, без сомнения, была бы воспринята как тяжелое оскорбление Османской Портой, под покровительством которой Сефер-паша прибыл в Абизию и которую он еще до известной степени представлял.

Все эти соображения, которые, конечно, шапсугам казались незначительными, но для меня ни в коем случае не были мало-важными, заставили меня поднять голос против решения старшин. Поэтому я предложил взять под стражу князя Сефера и под охраной выслать его в Турцию. Таким образом был бы устранен самый большой камень преткновения для организации и объединения страны, а Порта могла бы убедиться в том, что в отношении положения дел в Абизии все идет к лучшему. После долгих возражений со стороны врагов Сефера, мое предложение было принято. Проведение ареста было значительно труднее, чем убийство, и было возможно только в том случае, если Сефер-паша не был осведомлен о наших намерениях. Было решено, что Алиби Хантоху с 200 всадниками появится 1 января 1859 года в моем лагере на Абине и поможет мне провести это внезапное нападение. Двое тамад из Чепсина должны были держать в готовности сандал, на котором паша должен был немедленно отплыть. Когда мы разошлись, лейтенант Арановский вместе с тамадами Шапсугии отправился в Антхыр, чтобы собрать там конный отряд и привести его к 1 января.

Случилось так, что Сефер-паша обо всем этом проведаль. Каждый день я видел его по два раза, но по его виду ничего не мог заметить.

1 января в 10 часов утра должна была прибыть конница из Антхыра. Обыкновенно окружение Сефер-паши состояло из 12 турок и татар и 3–4 абазов. О сильном сопротивлении этих людей не стоило думать, кроме того, я принял все меры к тому, чтобы никакого сопротивления не было.

1-го в 8 часов утра мы заметили необычайное волнение перед жилищем Сефера. Хаджи-Исмаил-паша приехал в сопровождении около 30 всадников, большей частью уорков и их рабов. Я на-

чал догадываться, что наш замысел выдан, но решил, не показывать виду, идти навстречу опасности и направился, как обычно, в сопровождении двух солдат в саклю Сефер-паши. Само собой разумеется, что мы были хорошо вооружены.

Как только мы вошли в саклю, внезапно замолк очень страстный разговор, и все взглянули на меня с удивлением и некоторым страхом. Сакля была полна людей. Сефер-паша принял меня со своей обычной сердечностью и с учтивостью турецкого сановника. На лицах его турок не было никакого особенного выражения, но один взгляд на Хаджи-Измаил-пашу и на абазов убедил меня, что я предан. Я попытался скрыть от хозяина мое волнение и непринужденно занял место на другой стороне дивана около Хаджи-Измаил-паши. Слуги принесли кофе и чубуки, и мы начали разговаривать о разных пустяках. Сефер-паша был особенно разговорчив и весел. Я сидел как на пылающих углях. Наш разговор продолжался около часа, который показался мне годом, как вдруг перед домом началось сильное движение. Абазы поспешно выскочили из сакли, за ними последовал и Хаджи-Измаил-паша. В сакле остались кроме Сефера и меня еще восемь турок и двое моих солдат. Несколько минут спустя сюда вошел Карабатыр с двумя уорками. Не поздоровавшись со мной, он подошел к отцу и начал с ним долго и тихо разговаривать. На лице старого черкеса нельзя было увидеть ни малейшего движения. Это спокойствие заставляло меня ожидать страшную катастрофу. Во время разговора отца с сыном я значительно поглядел на одного из моих ординарцев, унтер-офицера Шулецкого. Солдат понял мой взгляд и вышел из сакли. С совершенно спокойным выражением лица я вытащил мой револьвер из кобуры и усердно занялся очисткой мнимой ржавчины, но при этом не терял из виду старого князя. Это от него не укрылось, и я перехватил брошенный им на меня взгляд, подобных которому я никогда не видел в жизни. В этом взгляде отражалось столько сдерживаемой ярости, столько безграничной ненависти, что лицо Сефера, который всегда был очень красивым стариком, совершенно обезобразилось. Он стал отвратительнейшим татаринном, с которым я когда-либо встречался, а я ведь, слава богу, видел достаточно некрасивые экземпляры этих неославян.

В это страшное мгновение (потому что уже отсутствие Хаджи-Измаил-паши и абазов, из которых, я знал, ни один не стал

бы открыто бросаться на меня, и присутствие всех турецких слуг Сефера заставляло меня ожидать худшего) вошел в саклю лейтенант Конарцевский с 11 вооруженными солдатами. За ними сотни блестящих глаз абазов, тесно обступивших дверь, следили за исходом этой сцены. Сефер-паша казался совершенно сбитым с толку такой дерзостью, его лицо стало бледным, или, вернее, пепельно-серым, и он наполовину приподнялся с сиденья. Его сын стал перед ним и взвел курок своего пистолета. Турецкие слуги не знали, что, собственно, они должны делать. Только Мустафа, бывший турецкий кавас, приблизился к своему господину и угрожающе смотрел на меня. Я хотел окончить это для всех томительное положение.

– Хаджи-паша на дворе? – спросил я у одного абаза, который дальше всех просунул голову в дверь.

– Да, – был ответ.

– Попроси его войти сюда.

Хаджи-Измаил, который по привычке был достаточно привержен к старому Сеферу, но и ко мне очень дружески расположен, вошел совершенно расстроенный в саклю.

– Я не хотел уйти, – сказал я еще с улыбкой, – не попрощавшись с тобой. Надеюсь, что ты будешь настолько добр, что позже посетишь меня.

Я встал, попрощался с князем Сефером, ответившим мне по всем правилам восточной вежливости, и в окружении моей охраны вышел из сакли. Перед жилищем Сефера собралось больше сотни вооруженных абазов, всадники спешили и привязали лошадей к плетням. Все дружески отвечали на мои приветы, и я заметил, что некоторые вовсе не порицали мое поведение. Никто не думал о том, чтобы нас задержать или оскорбить.

Я нашел мой отряд при орудиях, которые были запряжены и сняты с передков, багаж был упакован. Я зашел в свою саклю, чтобы оправиться от моих внутренних переживаний, потому что был сильно взволнован и скорее согласился бы простоять несколько часов под ураганным огнем, чем просидеть эти последние полчаса на диване князя Зан-оглы. Я не мог ничего другого предположить, как то, что Хантоху получил сведения о предательстве и поэтому не прибыл. Но дело обстояло значительно хуже. Через час после этого пришел ко мне Хаджи-Измаил-паша и с ним Карабатыр, без всякого сопровождения и невооруженный, так как у

него был только кинжал. Это доверие понравилось мне, и я дружески пожал его протянутую руку. Хаджи-Измаил был вне себя. Он делал мне горчайшие упреки, проклинал Сефера, Карабатыра, наиба, шапсугов, весь мир. Я узнал также, что мой замысел был известен. В стране есть поговорка: «Если три абаза знают тайну, то не успеет зайти солнце, как уже в трехчасовой окружности все старые и малые будут о ней говорить». Так случилось и на этот раз. Едва только тамады шапсугов пришли с нашего совета, как уже вся Шапсугия знала о нашем замысле и, так как абазы всегда присочиняют и если не сами выдумывают, то рассказывают чужие сказки, говорили, что наиб тайно явился к Антхыр, что я перехватил переписку Сефер-паши с русскими, что Сефер, Карабатыр, Хаджи-Измаил и несколько дюжин других должны быть убиты и т.д.

Хантоху и его друзья еще в конце декабря собрали не только 200 всадников, но больше 1000 человек и выступили ночью. Сегодня утром они сделали привал на Богондуре, но лейтенант Арановский, как всегда, пылкий и неосторожный, помчался вперед с 20 всадниками, чтобы поставить меня в известность. У реки Абин он неожиданно встретил в пять раз большую группу всадников под предводительством Карабатыра. Люди Карабатыра крикнули шапсугам, что они могут теперь прийти, так как Теффик-бей уже убит и орудия увезены в Натухай. В полном отчаянии возвратился Арановский к Хантоху, отряд которого, несмотря на все доводы решительного Хантоху, считавшего меня убитым и жаждавшего отмщения, не хотел дальше двигаться и повернул назад. Последнее было, однако, к лучшему, потому что мы не могли теперь больше захватить князя Сефера и это привело бы только к бесполезному кровопролитию.

Я заверил Хаджи-Измаил-пашу и Карабатыра моим словом, что известие о присутствии наиба на Антхыре неверно, так же как и то, что жизнь Сефер-паши или их собственная находится в опасности, в таком случае я сам бы был первым, который закрыл бы их своим телом. Но все же я считал бесполезным дальше скрывать мои намерения и теперь начал настойчиво уговаривать Карабатыра, чтобы он побудил отца уехать в Константинополь, где мог бы уютно и спокойно завершить свою старость, вместо того чтобы навязываться стране, где огромное большинство народа не хочет о нем и слышать. Мое предложение удивило как Хаджи-Из-

маила, так и Карабатыра, но, казалось, не произвело на них того отрицательного впечатления, которое можно было ожидать, особенно от сына. Но они уверяли меня, что Сефер-паша никогда на это не пойдет, и хотели во что бы то ни стало добиться нашего примирения. Если бы Сефер-паша был абазом, то, может быть, я пошел бы на это, но у меня был принцип – никогда не верить татарину, и я был уверен, что Сефер никогда не забудет шутку, которую я хотел над ним сыграть, и при подходящих обстоятельствах станет мне мстить. Однако для того чтобы не устранить мысль о мирном соглашении, я сказал обоим посредникам, что этот вопрос нужно отложить до нового года, когда народ соберется на совещание, и когда обещал не предпринимать ничего враждебного против старого князя, если он сам меня к тому не вынудит. Я заявил, что больше не останусь на Абине, а хочу перенести свою квартиру на Антхыр. Я просил также Карабатыра не чинить мне по дороге затруднений в моем передвижении, так как в этом случае я буду защищаться из последних сил. Он обещал оставить меня в покое.

Затем они ушли к Сефер-паше, но через час возвратились. Сефер предлагал, чтобы я не шел в Антхыр, он хочет сам освободить меня от своего присутствия и перебраться со своей свитой на реку Шипс. Я не мог ничего им обещать до тех пор, пока не посоветуюсь с тамадами шапсугов. Мы попрощались с Хаджи-Измаил-пашой и Карабатыром с уверениями в обоюдной дружбе и больше никогда не видели друг друга. В тот же день после полудня Сефер-паша оставил наше соседство и удалился на расстояние трех часов на речку Шипс, где он прожил еще один год, никем не замечаемый, и умер 1 января 1860 года.

Через день после отъезда Сефер-паши я послал фейерверкера Линовского с двумя муртазиками в Антхыр, чтобы узнать, что там, собственно, случилось, и препроводить ко мне лейтенанта Арановского. В тот же вечер он вернулся с тамадами Натхо Ибрагимом, Гактосом и сыном Алиби Хантоху Махмудом и подтвердил известия обо всех глупостях, которые там совершались и так тяжело меня скомпрометировали. 3 января прибыл Хантоху приблизительно с сотней всадников, и я послал два орудия под начальством лейтенанта Арановского в Антхыр, чтобы удовлетворить шапсугов и получить от них хлеб. Но другие два под командой лейтенанта Конарцевского я должен был оставить в Абине

из-за настоятельных просьб жителей Абина, Шапсогура и Шипса, которым всегда угрожали русские гарнизоны Адагума и Хатокая. Полубатарей под начальством капитана Станкевича осталась в Натухае. Я проводил зиму то там то здесь, но большей частью в Антхыре или Адерби.

В стране Адыге говорят, что самые дикие и необузданные из адыгских народов – шапсуги, самые дикие из шапсугов – с реки Антхыр, а самые бешеные на реке Антхыр – это юнэ-из на речке, которая называется Окецикос. В этом юнэ-из, где фамилия Хантоху пользуется почти неограниченным уважением и достигает 500 душ, я провел большую часть зимы.

На реке Антхыр турки, так же как и русские, всегда встречали жесточайшее и до сих пор непреодолимое сопротивление. Нога чужестранца, христианина или мусульманина, до сих пор не ступала на девственную почву этой части Шапсугии. Никогда турецкий паша, даже когда Анапа и Суджук еще находились во владениях Порты, не мог переступить через маленький Антхыр. Также и Сефер, когда он выступал как представитель султана, ни разу не отваживался посетить нижнее течение этой реки.

Признаюсь, жители Антхыра показались мне не хуже, чем другие абазы, но жители Окецикоса кажутся мне все же лучше, чем все другие, и я сохранил самые дружеские воспоминания об этих храбрых людях, особенно же об Алиби Хантоху и его многочисленной фамилии.

Вскоре после моего прибытия в Окецикос, 12 января, послал я вестовых и письма к наibu, чтобы предложить ему союз. Я решил остаться еще в Абазии до конца 1859 года и только в том случае, если до этого времени не получу серьезную помощь, покинуть страну.

Между тем в Шапсугии было организовано на реке Антхыр мехкеме; оно состояло из дворов на реках Хаплъ, Азипс, Иль, Антхыр и Богондур – всего 3200 дворов. Хантоху и Хако-эфенди были выбраны кадиями, было набрано 32 конных и столько же пеших муртазиков и введены подати. Я не хотел бесполезно и, пожалуй, напрасно одалживаться и брал поэтому лишь столько, сколько мне было действительно нужно, т.е. по одной сапетке зерна со двора; лошадей и рогатый скот я вовсе не брал, а если мы иногда ими пользовались, то отсылали их назад. Да в этом теперь не было и необходимости, потому что я должен был из-за недо-

статка обслуживающей команды свести полубатарею в Натухае до трех упряжных орудий, оставив в Антхыре также одно орудие в упряжи, а два лишних орудия отослать в Адерби. Я отправляя письма за письмами в Константинополь, так как уже в течение нескольких месяцев не получал оттуда известий.

Наиб Мохамед-Эмин был вне себя от радости из-за моего окончательного разрыва с Сефер-пашой и приглашал меня хотя бы лично приехать в Абадзехию, чтобы договориться с ним и абадзехами. 2 февраля я выехал на дорогу, ведущую в Абадзехию, сопровождаемый 50 всадниками. Жители последних рек в Шапсугии (Абин, Афипс и Шепш) неодобрительно смотрели на эти сношения с наибом, отговаривали меня от свидания с ним и обещали объединиться в мехкеме по примеру Антхыра, но не хотели и слышать о наипе, так же как и о Сефере. Я успокаивал их тем, что вовсе не имею намерения подчинить их чьей бы то ни было власти, и продолжал свой путь.

6 февраля я прибыл в Пшиш, где встретился с Мохамед-Эмином. Как его друзья, так и враги столь противоречиво описывали мне этого человека, игравшего такую выдающуюся роль в Абазии, что я ожидал первого свидания с ним с большим интересом. Внешность Мохамед-Эмина очень располагала в его пользу. Лицо, окаймленное темной бородой, красиво и благородно и носит отпечаток лезгинской расы; он бодр, крепкого телосложения и выше среднего роста. В то время ему было около 40 лет.

По магометанскому обычаю он бреет голову и носит элегантную абазскую одежду, но с белым тюрбаном и белой мантией, которые свидетельствуют о его духовном звании. Он происходит из кумыков Дагестана, и его легко распознать как чужестранца среди абазов.

После совещания, продолжавшегося на первый раз много часов, я вполне убедился в высокой интеллигентности этого, по нашим понятиям, необразованного сына гор. Он горько сетовал на Оттоманское правительство, ведущее Абазию к гибели благодаря интригам, которые как в Константинополе, так и в стране пущены в ход против него. Он откровенно объяснил мне затруднительность своего положения. Былое повиновение исчезло, мехкеме стоят запущенными и пустыми, интриги со всех сторон смутили здравый рассудок народа. Большая часть абадзехов, особенно равнинных, хотят войти в сношения с русскими; пши

и уорки больше не боятся открыто посещать неприятеля. Короче, картина, нарисованная мне наибом Абадзехии, где я надеялся найти больше порядка, была очень мрачна. Он спросил меня, сколько у меня людей. Я ответил, что из-за двухгодичных потерь от войны и болезней у меня больше нет моей сотни, но я каждое мгновение надеюсь получить оружие и одежду и тогда легко сумею увеличить свой отряд. Он спрашивал меня по меньшей мере раз пять, уверен ли я в прибытии ожидаемой помощи, и когда я это подтвердил, он взял меня за руку и сказал: «Теффик-бей! Если ты остановишься у меня с 1000 польских солдат и с 10–12 орудиями, то до рамазана будущего года мы соберем абазский народ от устья Кубани до Ингура и Эльбруса и соединимся с Шамилем, а ваша сила возрастет до 10 000, а может быть, и до 20 000 человек».

Я был обрадован этой речью, потому что не привык слышать подобные слова от Сефера, который мне все время болтал про падишаха, про себя и про свой род, что могло меня, конечно, очень мало заинтересовать. Я спросил Мохамед-Эмина, нет ли у него новостей от шейха Шамиля. У него не было никаких известий уже в течение четырех месяцев, но последние сообщения, полученные от Шамиля, были достаточно скверны. В Дагестане все идет так же, как и в Абадзехии. Даниэль-Султан и многие татарские ханы интригуют против имама с одной стороны, русские – с другой. Народ устал от сражений и со времени последней Восточной войны получил твердое представление о непобедимости России ², и бывшее повиновение совершенно прекратилось, Шамиль сам у него запрашивал, не может ли он в случае необходимости явиться в Абазию. Мне очень захотелось узнать, что ответил ему Мохамед-Эмин, и я спросил его об этом. Он помолчал несколько минут, потом сказал, что он отсоветовал это шейху Шамилю. Абазы, полагал наиб, еще и через 20 лет не станут истинными мусульманами, если это вообще когда-либо случится. Шамиль будет принят некоторыми с энтузиазмом, большинством же – с недоверием и, вероятно, здесь, в этой стране, найдет могилу для себя самого и еще скорее – для своей славы. Мохамед-Эмин уверял меня, что он сам вначале предполагал, что магометанство, раз введенное в Абазии, сохранится здесь так же прочно, как и в Дагестане, но в действительности это оказалось не так, и большинство врагов, которых он имеет в стране, он создал сам рвением к служению Аллаху и его пророку. Я сказал ему между прочим, что еще летом написал Шамилю,

но не получил никакого ответа. «Я знаю это, – сказал он. – Твое письмо в Тифлисе». Неприятно задетый, я спросил его, откуда он это знает и были ли пойманы дервиши. «Эти дервиши – не дервиши, а шпионы, – сказал он с улыбкой. – Из Дагестана ни один человек не приходит в Абасию без того, чтобы не посетить меня, кроме тех, кто чего-нибудь боится».

Во время моего пребывания наиб созвал народный совет абадзехов 21 февраля. Но, хотя зима была очень мягкая, собралась только половина абадзехских старшин, а также несколько человек из Убыхии. Наиб достиг по крайней мере того, что на речках Пшиш и Пшада снова были восстановлены мехкеме и набраны муртазики. Но на 26 апреля был назначен народный совет всего адыгского народа на Адагуме.

24 февраля я распрощался с Мохамед-Эмином и возвратился в Антхыр. Зима прошла без единого серьезного столкновения с русскими, совершенно спокойно сидевшими в своих крепостях. Из Константинополя я не имел известий, что приписывал бурной погоде на Черном море, но виной чему, в сущности, были различные слухи, которые Сефер-паша через своих друзей распространял в Стамбуле. Согласно им я был то взят в плен, то убит; говорили, что Сефер-паша приказал меня расстрелять, затем, что меня убили собственные солдаты, наконец, что меня погубил наиб. Некоторые газеты повторяли эти слухи, и этому не приходится удивляться. Но меня удивляют мои соотечественники в Константинополе, принимавшие все это за чистую монету. В то время как я с нетерпением ожидал известий и использовал зимнее время для постоянных объездов и попыток доказать абазам необходимость военной и политической организации страны, русские войска 13 апреля (по русскому стилю 1-го) перешли, как они это обыкновенно делают в начале каждого года, через реку Кубань. На Адагуме появился корпус из 16 батальонов и 12 сотен казаков и продвинулся 14-го на пять верст от крепости Адагум до устья речки Бакан, где разбил лагерь, поспешно его укрепил и приступил к возведению новой крепости. Это был последний смертельный удар натухайцам, сообщение которых с шапсугами теперь совершенно прервалось. 26 апреля на Адагуме собрались депутаты от всех племен адыгского народа. Начальники мехкеме Суджук, Псибепс, Шипс, Абин, Антхыр и Пшат привели свои контингенты в лагерь. Собралось больше 14 000 воинов. Но с этими

силами и с моими шестью орудиями мы не могли серьезно атаковать ни неприятельский лагерь, ни крепости. Мы должны были поэтому удовлетвориться тем, что беспокоили частой канонадой неприятеля, работавшего на Бакане, и нападали на его обозы, что при небольшом расстоянии между крепостями и при сильных прикрытиях, сопровождавших обозы, было очень трудно. Однако нам удалось 30 апреля в 7 часов утра отбить у противника 11 телег с продуктами, 44 быка и 3 лошади и взять в плен 23 человека, не понеся даже незначительных потерь.

Народный совет продолжался до 10 мая. Решили сдать Натухай, который нельзя было отстоять; жители должны были переселиться в Шапсугию. Тем, которые предполагали остаться в своих домах, было разрешено заключить перемирие с русскими, но при условии, что они не будут сдавать свое оружие врагу и не обратят его против своих соплеменников, в противном случае им угрожает мщение всего адыгского народа.

В сущности, этот народный совет был очень печален. Жители Абадзехии повесили головы и видели, что их большей частью равнинную страну скоро постигнет такая же участь, как и Натухай; натухайцы были в отчаянии; убыхи были ко всему этому равнодушны, так как полагали, что в своих недоступных горах никогда не будут бояться врага; только рыцарские шапсуги не потеряли мужества и заявляли, что лучше всем погибнуть, чем входить в сношения с ненавистными русскими. Они гостеприимно открыли страну беженцам из Натухай, но сказали, что не потерпят действительного подчинения Натухая и будут рассматривать как врагов тех, кто сдаст оружие русским или будет связан с ними общими целями.

Большая часть жителей Натухая, свыше 2000 дворов, перешла в Шапсугию, два мехкеме были распущены, оба начальника мехкеме – Фарис-бей и Хаджи-Яхья вступили в мой отряд. Затем Фарис-бей взял себе мехкеме в Антхыре. Оставшиеся в Натухайской области жители начали мирные переговоры с русскими. Эти последние пошли с большой готовностью на все поставленные им условия, надеясь путем всевозможных уступок вызвать охоту к мирным переговорам и у шапсугов, но те поняли эту политику и не позволили себя ослепить.

Я оставил четыре орудия на Абине, а с двумя остальными двинулся в Абадзехию, чтобы там поддержать наиба. 12 июня уда-

лось после больших усилий собрать представителей всей Абадзехии. Я заключил с ними и наибом договор, такой же, как раньше с шапсугами, и тотчас же после этого послал лейтенантов Штоха и Арановского в Константинополь. Я полагал, что там уже лежит приготовленное оружие и обмундирование, и отправил офицеров для того, чтобы получить и перевезти вещи, потому что написал моим соотечественникам, чтобы они ничего не доверяли чужим людям, так как из-за такой доверчивости я уже многого лишился.

В Абадзехии неприятель держался достаточно спокойно. Только из маленьких крепостей на Лабе и занятой четырьмя батальонами большей крепости на реке Шавготча небольшие русские отряды делали набеги на ближайшие равнины. В Абадзехии порядок был гораздо хуже, чем в наших мехкеме, и воинственный дух народа был значительно ниже чем у шапсугов. Магометанство наиба в этом отношении принесло очень плохие плоды. Большинство народа думало больше о мирных переговорах, чем о войне; уорки и другие русские агенты обрабатывали народ в этом направлении.

Чтобы поднять боевой дух народа, мы с наибом решили дать абадзехам театральное представление канонады, что на шапсугов всегда производило хорошее моральное воздействие. С нашими двумя полевыми орудиями мы, конечно, не могли предпринять что-либо более серьезное. С большим трудом мы собрали 28 июня около 800 всадников и 2400 человек пехоты и двинулись 29-го в 7 часов утра на крепость у речки Шавготча. Так как крепость лишь на расстоянии половины пушечного выстрела господствует над окружающими ее многими пригорками, то я мог приблизиться к ней, и, не причиняя себе вреда, бросить несколько гранат в деревянные, крытые соломой русские казармы. Велик был восторг абадзехов, когда построики внутри крепости, зажженные нашими гранатами, вспыхнули ярким пламенем. Неприятель, который, несмотря на свое превосходство в артиллерии, не мог нас истребить, так как нам благоприятствовал рельеф местности, отправил из крепости три батальона, две сотни казаков, один эскадрон драгун и два полевых орудия и принудил нас отступить с занятой позиции; абадзехи оказали лишь очень слабое сопротивление.

Это небольшое сражение, стоившее нам только 3 убитых и 18 раненых, имело для нас моральную пользу, потому что у абадзехов снова немного возросло мужество и наиб мог немного легче вздохнуть.

8 июля Мохамед-Эмин получил известия из Дагестана. Шейх Шамиль писал ему, что всякий порядок в Дагестане нарушился, что введенное им устройство совершенно поколеблено и ему больше никто не хочет повиноваться. Однако он, как верный мусульманин, будет до последнего стоять на своем, хотя, в сущности, у него остается мало надежды, потому что на него надвигается русская орда, а народ не имеет никакого желания ей сопротивляться. Наиб был почти приведен в ужас этими известиями, из которых он, может быть, утаил от меня самое худшее. Я пытался утешить его и заявил, что раз мы здесь так долго держимся и подаем хороший пример, то если даже народы Дагестана в настоящий момент и сдадутся, все же они используют каждое благоприятное обстоятельство для того, чтобы опять поднять оружие.

Чтобы предпринять диверсию против русского продвижения в Дагестане, я решил предупредить все народы Абазии о близкой опасности, созвать все ополчения, и не только северных абазов, но и южных до Ингура, Эльбруса и ущелья Дарьяла, для совместных действий во имя общей цели. В случае же если соберется большинство, что было маловероятно, то соединение полуторамиллионного народа, который насчитывал около 300 000 воинов, могло иметь совершенно иное значение, чем если бы каждое маленькое племя отдельно заботилось о своей шкуре.

Мохамед-Эмин с готовностью пошел на мое предложение. Если б мы не смогли его провести, то все же нашей обязанностью было попытаться сделать все для спасения нашего дела, и мы условились пригласить 20 августа депутатов всех абазов на военный совет на реке Лабе. После предварительного совещания с наиболее влиятельными абазами брат наиба отправился в Южную Абазию, один тамада Хаджи-Мустафа с двумя абазскими армянами направился к осетинам, а я взял на себя побуждение к совместным действиям небольшого христианского народа сванетов.

Примечания

¹ В польской артиллерии было двое убитых, один тяжело раненный и один легко раненный солдат.

² Последствия войны европейских западных держав и Турции против России произвели на Крайнем Востоке совершенно противоположное впечатление, чем в Европе. В то время как здесь значению русского государства был нанесен очень тяжелый удар, там оно чрезвычайно поднялось. Небольшие племена Кавказа и туркестанских стран, большинство которых в течение полувека и больше сопротивлялось русским силам, никогда не считали их настолько значительными, чтобы предполагать, что царь в состоянии один противостоять столь многим державам и даже может победоносно выйти из войны. Когда они узнали конец войны и ее последствия, были словно поражены громом и начали смотреть на силу своего старого врага совсем иными глазами, чем они делали это до сих пор.

Глава девятнадцатая

Посещение Сванетии. – Вторжение русских в Абадзехию. – Вести от Шамиля. – Шамиль – пленник русских. – Абадзехи пытаются начать мирные переговоры. – Я уйду к шапсугам. – Сражение на Бакане. – Мое положение. – Наиб вступает в мирные переговоры с русскими. – Народный совет в Шапсугии. – Я уезжаю в Константинополь. – Никаких надежд на поддержку. – Возвращение польского отряда с Кавказа. – Наиб едет в С.-Петербург. – События 1860 и 1861 годов в Абазии. – Современное положение. – Несколько замечаний о польском отряде на Кавказе.

22 июля 1859 года вступил я в страну до тех пор неизвестного мне небольшого христианского народа сванетов. За время моего лишь двухдневного пребывания там у меня не было возможности ознакомиться с различиями в нравах и обычаях между адыгами и сванетами. Впрочем, при беглом рассмотрении эти различия показались мне незначительными. Сакли, одежда и оружие были здесь такими же, как и у адыгов; гостеприимство то же самое; диалект похож на убыхский, но многие говорят на адыгском языке. Религия состоит из христианских обрядов, священников нет; на дорогах и в домах встречается много крестов, которые носят

также как амулеты. Люди показались мне гораздо более бедными, значительно более грязными и дикими, чем адыги; впрочем, как уже сказал, я не имел времени изучить их обычаи, потому что был целиком занят тем, чтобы доказать сванетским старшинам необходимость совместных действий с их соплеменниками-адыгами. Так как за два дня до моего приезда сюда прибыли посланные нами гонцы, то я застал здесь уже значительную часть тамад собравшимися. Прием со стороны этих людей был лучше, чем предсказывал мне наиб, который никогда здесь не был, но имел укоренившееся недоверие ко всему христианскому. Он рекомендовал мне принять все предосторожности, и со мной были, кроме 10 конных солдат и такого же числа шапсугских муртазиков, еще 50 всадников из Абадзехии для прикрытия.

Я предполагал прежде всего использовать те две недели, которые собирался провести у сванетов, для того, чтобы настроить их против русских, с которыми они жили в своего рода молчаливом перемирии. Так как они с самого начала не имели ничего против того, чтобы соединиться с нами, то я предложил, чтобы они прекратили всякие мирные отношения и тоже, как адыги, выступили против русских; но лучшим свидетельством их доброй воли было бы, если бы они вместе с нами предприняли набег на Грузию. С этой целью я привез с собою на лошади легкую двенадцатифунтовую мортиру, чтобы обстрелом какой-нибудь русской крепости еще больше ободрить сванетов. Мое предложение, казалось, произвело на присутствующих очень хорошее впечатление, и я был почти уверен, что оно пройдет на народном совете, который должен был собраться через два дня, как вдруг меня вызвало назад в Абадзехию письмо от Мохамед-Эмина.

Наиб писал мне, что тотчас же после моего отъезда русский корпус из 50 000 человек (в действительности их было только 10 000) перешел через Кубань и занял позицию у крепости Шавготча, другой корпус такой же силы сконцентрировался на Лабее, кажется, собирается действовать в равнинах Абадзехии; страна охвачена паническим страхом, и партия, которая с давних пор настаивает на переговорах с русскими, угрожает выдать наиба, если он каким-либо образом не задержит русских. Он требовал, чтобы я как можно скорее вернулся. Мне также не оставалось делать ничего другого, особенно же потому, что мой абадзехский

эскорт умолял меня не терять ни часу, так как их семьям угрожает набег неприятеля.

С другой стороны, сванеты, которые, несмотря на наше краткое знакомство, прониклись ко мне и моим польским спутникам большим доверием, особенно когда узнали, что мы иные христиане, чем москвиты, просили меня оставить им хотя бы маленькую мортиру и двух или трех солдат. Они обещали дать им лучших лошадей, отборную еду и даже девушек-рабынь. У меня было много оснований не отказать в настойчивой просьбе сванетам. Поэтому я пригласил собравшихся старшин явиться 20 августа в возможно большем числе на огромное народное собрание всех абазов на реке Лабе и, после того, как они обещали мне это своим словом и ударом по рукам, выехал рано утром 20 июля в дорогу. Около сотни всадников сопровождали меня до следующего вечера.

Я встретился с наибом 1 августа на реке Пшат. Он был весьма опечален и, казалось, потерял всякую надежду на сопротивление абадзехов русским. Я посоветовал ему отступить в горы Пшиша вблизи Туапсе и предоставить тамадам равнин самим вести переговоры с русскими. Через несколько месяцев это во всяком случае приведет к разрыву, потому что либо русские, либо абадзехи не сдержат своих обещаний. Он возразил, что народ принуждает его принять в этом участие, в противном случае его могут выдать неприятелю. Я был немало испуган, когда Мохамед-Эмин мне это сказал.

– Но, – возразил я, – в таком случае, они могут то же самое сделать и со мной.

– Нет, – сказал наиб, потому что ты шапсуг, а шапсуги будут за тебя мстить.

Я увидел теперь, как было хорошо, что я имел предусмотрительность со всеми обычными формальностями стать членом народа шапсугов, племени Иемис, фамилии Хантоху. Это дало мне защиту, которую я иначе не смог бы найти ни в своих нескольких орудиях, ни в кучке своих большей частью невооруженных солдат.

Между тем неприятель, разбив два лагеря на реках Шавготче и Лабе, удовлетворился тем, что принял угрожающий вид, не принимая, однако, набегов на абадзехские дворы. Это был очень

умный расчет со стороны русских, показавший, что они хорошо знают характер абазов, так как если бы они начали опустошать страну, то побудили бы, на что я всегда надеялся, народ к кровавой мести и сопротивлению.

Брат наиба и Хаджи Мустафа возвратились из своих посольств; жители Южной Абазии с готовностью приняли наше предложение, осетины выказывали меньше готовности, однако и они обещали послать своих представителей. Я предполагал, что этот всеобщий народный совет наполнит абадзехов новыми надеждами и по крайней мере приведет к какому-нибудь серьезному решению, как неожиданное происшествие дало совершенно иной оборот всему делу.

Вечером 14 августа в моей квартире появился Мохамед-Эмин. Он попросил всех присутствовавших людей выйти и, когда мы остались одни, вытащил какое-то письмо и прочел его взволнованным голосом. Это было письмо от его главы и учителя – от Шамиля, но военнопленного!

Шейх Шамиль писал, что он, оставленный своим народом, был вынужден сдаться русским. Он предоставлял наибу выбор последовать его примеру или нет, но хвалил обращение русских с ним и его близкими. Письмо было написано под влиянием и под контролем русских и было скорее пространной мольбой, чем ясным объяснением обстоятельств. Я просил наиба держать это письмо в тайне, но к несчастью, некоторые его доверенные люди были уже извещены о катастрофе, так что в последующие дни новость о взятии в плен Шамиля распространилась как пожар.

Само собой разумеется, что при господствовавшей в Абадзехии деморализации эта фатальная новость ускорила мирные переговоры с неприятелем. На народный совет 20 августа большая часть абадзехов не послала своих депутатов. Представители шапсугов и убыхов заявили, что они ни в коем случае не желают вступать в мирные переговоры с русскими; из абадзехов к ним присоединились только жители Псекупса, составлявшие приблизительно 6000 дворов. Южные абазы прислали своих депутатов. Из княжества Абазии было 38 всадников, из Сванетии – 62, из Осетии – только 9 человек. Недостаточное присутствие абадзехов препятствовало всем дальнейшим попыткам организовать сопротивление; наиб не явился на совет, он был или представлялся очень серьезно больным. Совет, таким образом, разошелся,

не обсудив положение дел. Южные абазы возвратились назад, но обещали всегда, если это понадобится, явиться по первому требованию адыгского народа. 24 августа я с моими двумя орудиями оставил Абадзехию и возвратился в Шапсугию. Я видел ясно, что стою поперек дороги людям и что значительнейшие тамады, принимавшие меня раньше очень дружески, теперь явно меня избегали.

Я объехал равнины Шапсугии до реки Абин и нашел, что этот воинственный народ абсолютно не деморализован. 8 сентября я подъехал к неприятельскому лагерю на реке Бакан, где русские уже почти достроили крепость. 10-го собрали мы около 800 всадников и 2000 человек пехоты и обстреляли неприятельский лагерь. Русские выдвинули против нас 8 батальонов пехоты, 10 сотен казаков и 24 орудия, и в перелесках Бакана завязался жаркий бой, который продолжался до поздней ночи, после чего неприятель отступил в свой укрепленный лагерь. Я пробыл в нашем лагере до 15-го, и ежедневно у нас были стычки с русскими. Незначительное число людей и лошадей и недостаток боевых припасов заставили меня довести число упряжных орудий до двух шести-фунтовиков и двух гаубиц. Впрочем, я решил тотчас же после прибытия оружия и обмундирования перенести мой склад в горы Шапсугии между Джубгой и Туапсе и так держать 40 человек. Так как множество перебежчиков ожидало только оружия и одежды, то я мог тогда легко создать пехотную роту в 100 человек, взвод конницы в 30 человек и 2 упряжных орудия, и с этим небольшим отрядом мог бы передвигаться по своему желанию и постоянно тревожить русских.

Для наблюдения за неприятельским лагерем на Бакане я оставил лейтенанта Конарцевского с 4 орудиями, дав ему для прикрытия 300 всадников и 600 пехотинцев, и поехал 18 сентября в шапсугские горы с намерением заняться организацией этой части страны. Прибрежные горцы были воодушевлены лучшими чувствами и отнюдь не думали о том, чтобы открыть свою труднодоступную страну отрядам и интригам русских. В Джубге было основано мехкеме, охватившее 3700 дворов. Горные шапсуги были возмущены малодушием абадзехов, отдавших без серьезного сопротивления свою страну под власть царя. Но старики говорили, что это следствие магометанской веры, которая расслабляет людей и превращает их в рабов. Можно вспомнить ¹, что

горы Шапсугии в наименьшей степени затронуты магометанством, напротив того, абадзехи, среди которых уже давно было сильно влияние наиба, в большинстве приняли Коран и часто становились орудием насильственного распространения новой веры. Этого шапсуги не могли им простить.

Я думал, что найду в Туапсе новости от посланных в Константинополь офицеров, но напрасно прождал несколько дней и, оставив в Туапсе двух унтер-офицеров, отправился в Убыхию, где надеялся укрепиться в случае подхода русских. Эта маленькая, но почти недоступная страна также не думала ни о каких сношениях с русскими. Тамады убыхов, а также уорки, которые там очень многочисленны, очень просили меня устроить здесь квартиру моего отряда. Но, так как это в данный момент было бесцельно и вдобавок убыхи были настолько бедны, что сами должны были покупать зерно у абадзехов и шапсугов, я отклонил это предложение. В Убыхии я особенно поработал над тем, чтобы наладить более тесную связь этой части страны с шапсугами.

5 октября я вернулся в Туапсе, где меня ожидало страшное известие. Я не получил писем из Константинополя, но лазские купцы, которых я очень хорошо знал и которым мог вполне доверять, рассказали мне, что предназначенные для меня ружья потеряны в Трапезунде и больше не придут. Дело обстояло таким образом. Несмотря на мои повторные предостережения, мои соотечественники в Константинополе передали 83 ружья некоему Хашиму, слуге Сефер-паши, по происхождению персу, возвращавшемуся из Константинополя в Абазию. Если было неправильно, несмотря на мои просьбы, доверять транспорт оружия чужому человеку, то почти непостижимо, как можно было предназначенное для поляков оружие передавать в руки слуги моего врага – Сефер-паши. Этот Хашим сложил ящики с ружьями в деревянном бараке Трапезундской гавани, а ночью начался пожар, от которого сгорели деревянные части ружей. О том, что случилось с дулами и замками, благородный Хашим ничего не знал. Но это еще не все: транспорт, заключавший в себе 80 пар сапог, 100 рубашек, 100 брюк и 50 шерстяных одеял, столь же легкомысленно был передан одному армянскому купцу и ренегату, который прежде состоял на службе у наиба. Ренегат по имени Мехмед привез эти вещи в Трапезунд, там выгрузил их, продал по грошовой цене и уехал с деньгами в Тифлис.

В 1859 году было определено положить конец моему предприятию. Редко в действительности случается так, чтобы сразу приходилось бороться со столькими препятствиями, как мне в этом году; казалось, что само провидение хотело помешать моей работе.

Никогда столько материальных и моральных испытаний не посещали страну Адыге, как в этом году. Все лето летали тучи саранчи, опустошавшей посевы. В результате этого вскоре начался убийственный падеж скота, захвативший не только рогатый скот, но и овец, и коз, и, наконец, даже домашнюю птицу, так что в некоторых местностях почти не осталось животных. Вскоре после этого начала свирепствовать холера; смертность, особенно в долинах Кубани, была очень высока. И мои солдаты, которые, несмотря на неописуемые лишения, до сих пор почти не были подвержены никаким болезням, теперь в большинстве своем были захвачены господствовавшей здесь лихорадкой, что было особенно плохо при отсутствии у нас врача и лекарств. Русские в этом году выдвинули против Абазии около 60 000 человек, третья часть страны находилась в серьезной опасности и была вовлечена в мирные переговоры. К этому нужно еще прибавить отступничество абадзехов и известие о взятии в плен Шамиля. Все это усугубляло тяжелое положение польского отряда, но все же не вынудило бы меня покинуть Абазию, если бы потеря так легкомысленно посланного снаряжения, и особенно оружия, не нанесла мне смертельный удар.

Мой отряд был низведен со 122 до 93 человек; 11 пали в сражениях с врагом, 18 умерли от ран и болезней, еще 23 были более или менее серьезно больны. Одежда и обувь были в ужаснейшем состоянии; о жалованье не могло быть и речи, и при незначительных услугах, которые мы могли оказать стране, так же как и при тяжелых испытаниях, постигавших ее, было очень трудно получать необходимые продукты питания. У нас было всего лишь 340 оружейных снарядов и 14 ящиков с ружейными патронами. Если бы я получил ружья, то смог бы свести артиллерию до двух или даже до одного орудия и пороха могло бы хватить еще на некоторое время, но теперь это было невозможно.

10 ноября я созвал на реке Антхыр собрание старшин шапсугов, убыхов и части абадзехов, не хотевших входить в сношения с русскими. Мы обсуждали положение страны. В сущности, оно было

еще не безнадежным. Натухай была единственная действительная потеря, но эта часть страны в продолжение всей длительной войны адыгов с русскими никогда не могла быть серьезно защищена и всегда жила в известного рода перемирии с неприятелем. Отпадение наиба с 15 000 абадзехских дворов можно было рассматривать только как временное явление. Шапсуги и убыхи еще совсем не были затронуты: чтобы взять равнины первых, врагу потребовалось бы несколько лет. А затем еще горы! За три года неприятель выстроил пять крепостей и принудил натухайцев к перемирию: это вовсе не было большим шагом вперед. Деморализация, вызванная взятием в плен Шамиля и той незначительной помощью, которую мы против ожиданий адыгов могли им оказать, была гораздо сильнее, чем действительные неудачи или действительная опасность.

Я описал народному совету мое положение, рассказал, что мне все изменило и что, по всей вероятности, я не могу рассчитывать на серьезную поддержку. Я сказал, наконец, что вынужден оставить их страну, но напрягу все мои слабые силы для того, чтобы наwerben им в Европе друзей и вызвать симпатию к их правому делу, и что милостивый бог, вероятно, позволит мне вернуться к ним с более сильной помощью, чем это было до сих пор. До этого я заклинал их не допустить никаких сношений с русскими, потому что обещания и красивые слова московитов опаснее для независимости, чем их полчища.

Мое решение покинуть страну вызвало всеобщий крик, я вынужден был услышать горячие упреки, за которые, конечно, не мог обидеться на бедный народ, возлагавший на нас так много надежд. Абазы ничего не хотели слышать о нашем отъезде, многие грозили прогнать ружейными выстрелами все турецкие сандалы, чтобы мы не могли отплыть. Четыре дня продолжался этот бурный совет. Чтобы немного успокоить абазов, я предложил им, что сначала уеду в Константинополь один; если найду хоть малейшую поддержку, то вернусь назад или тотчас же напишу письмо; если же не встречу помощи и в течение 40 дней не будет получено от меня письма, то польский отряд должен сесть на корабль и отправиться в Константинополь. Я вынужден был пустить в ход все способы убеждения и все обещания на будущее, чтобы успокоить храбрых шапсугов. Прежде всего я напомнил им карар, который мы заключили в отношении беглых русских

солдат, и они торжественно обещали мне остаться верными своим обязательствам ².

После того как сделал необходимые распоряжения по моему отряду, я отправился 20 ноября в Абадзехию, чтобы еще раз повидаться с наибом. Но казалось, что он намеренно меня избегает, потому что переговоры с русскими были уже в полном разгаре. Он выслал ко мне только своего брата, с которым я 28 ноября имел беседу в Ципсисе. Оттуда я поехал в Туапсе, где собралось большое число тамад из Шапсугии. Среди тысяч горячих пожеланий обоюдного благоденствия и среди тысяч обещаний я распрощался с прекрасным народом, в рядах которого я, первый европеец, в течение почти трех лет переносил неописуемые тяготы, но также провел и много приятнейших часов моей жизни.

Я выехал в сопровождении пяти моих солдат на баркасе, которым управляли три лазских матроса, 5 декабря в 3 часа пополудни. Ветер был благоприятный, и мы высадились между 7 и 8 часами утра в Трапезунде. Самое неприятное было то, что здесь мы должны были еще выдержать десятидневный карантин. 18-го выехали мы на французском пароходе и приехали, перенеся один из страшнейших штормов, 21-го в Константинопольскую гавань.

Я скоро убедился, что ни с чьей стороны не могу рассчитывать на серьезную поддержку, и дал одному как раз в это время уезжавшему абазу письмо, чтобы ускорить возвращение моего отряда. Турецкие сановники, перед моим отъездом на Кавказ обещавшие мне такие прекрасные вещи, теперь прятались от меня; но Измаил-паша, главный виновник, был наконец наказан божьим судом ³.

К концу января приехал весь мой отряд из Абазии. Турецкое правительство было так озабочено тем, чтобы не причинить Измаилу слишком большие расходы, что взяло на себя содержание солдат в течение месяца и разрешило выплатить из имущества Измаила каждому приблизительно восемь талеров.

Я встретил в Константинополе лейтенанта Штоха. Но лейтенант Арановский уехал в Абазию с несколькими письмами ко мне, в дороге, однако, заболел и прибыл в Туапсе уже тогда, когда последний польский солдат был готов покинуть страну. Так как у него было много друзей среди абазов, то он остался там еще на

несколько месяцев и только в сентябре 1860 года возвратился в Константинополь.

Вскоре после моего отъезда Мохамед-Эмин с большим числом старшин из Абадзехии прибыл в русский лагерь у Шавготчи и был принят русскими с военными почестями. В сопровождении 24 старшин он сначала отправился в Тифлис, где объявил русскому генерал-губернатору о своем подчинении. По возвращении его в Абадзехию была создана депутация во главе с наибом, которая отправилась в С.-Петербург и там принесла присягу на верность царю. Более счастливый, чем его шеф, наиб мог вступить в столицу России свободным и в сопровождении своего рода вооруженного штата придворных и был там принят как подчинившийся владетельный князь. Тех из моих читателей, которых интересует этот эпизод, я приглашаю взять в руки русские газеты того времени и их отголоски в Европе, где можно прочесть очень обстоятельные статьи о приеме, оказанном Мохамед-Эмину и его депутации, и о полном подчинении Черкесии. Хорошо зная страну и народ, я мог только улыбаться по поводу этих иллюзий, которые, быть может, разделял и сам царь.

В трактате, заключенном абадзехами и натухайцами с русским правительством, адыги выговорили себе условия, что, кроме ранее возведенных крепостей, русские не будут строить новых, что, кроме районов, занятых крепостями, русские ни в единственном, ни во множественном числе не будут показываться в стране и что от них не будут требовать ни рекрутов, ни податей.

Русские удовлетворились этим показным подчинением, но это было нужно русскому правительству отчасти для того, чтобы представить перед лицом Европы кавказский вопрос решенным, но еще больше для того, чтобы свободнее обратить войска, бывшие в Дагестане, Натухае и Абадзехии, против непокорных шапсугов, после покорения которых действительное овладение Абадзехией не представляло уже серьезных трудностей.

Весной 1860 года три неприятельских корпуса, каждый силою до 15 000 человек, двинулись на равнины Шапсугии. Первый из этих корпусов выступил из Адагума на реку Абин, второй перешел Кубань близ устья реки Иль и продвинулся вдоль по этой реке на двухчасовое расстояние, третий переправился за Кубань выше впадения реки Шепш и продвинулся приблизительно на один час

вперед. На Абине, Иле и Шепше русские разбили укрепленные лагерь, и в то время как одна часть войск была занята возведением крепостей, другая часть пыталась проложить по равнине дороги, связывающие между собой три лагеря.

Война, перенесенная на шапсугские равнины, вызвала яростное сопротивление жителей. Воины из Антхыра и на этот раз, как и в незапамятные времена, были впереди всех. Алиби Хантоху, поддержанный такими храбрейшими воинами Шапсугии, как Гактос, Хаджи Брам, Ибрагим Нетхо, Арслан-Бек, Гако, Шеретли и другие, все лето непрерывно беспокоил неприятеля и сделал невозможным сообщение между тремя русскими лагерями. Хаджи-Измаил-паша, после смерти князя Сефера снова заботясь о положении страны, делал со своей стороны все возможное для того, чтобы ободрить абазов к борьбе ⁴, и даже Карабатыр, который из-за своих прежних проделок в отношении русских не рисковал к ним перейти и после смерти своего отца, хотел завоевать у народа лучшую славу для себя, пользовался каждым случаем, чтобы вредить русским и энергично помогал Хаджи-Измаил-паше. Один из влиятельнейших тамад шапсугов Ту-эфенди, который пользовался на побережье большим уважением ⁵, всегда держал наготове около 2000 воинов с гор для поддержки охваченных войной равнин. Из Убыхии время от времени тоже отправлялись военные отряды на помощь шапсугам. При нашем отъезде мы, естественно, оставили наши орудия и остатки боевых припасов шапсугам, которые не знали, что с ними делать. Лейтенант Арановский отобрал нескольких русских перебежчиков для службы при орудиях и принимал участие с одним шестифунтовиком во всех походах абазов против русских в 1860 году, расстреляв, таким образом, остатки оставленных нами боевых припасов.

Русские к концу октября покинули свои позиции на реках Иль и Шепш и возвратились назад за Кубань, не докончив постройку своих крепостей и не заняв их войсками. Они лишь снова восстановили крепость на реке Абин, которую уже занимали в 1854 году. Все это вторжение неприятеля сопровождалось очень значительными потерями для жителей шапсугских равнин, около 300 дворов было сожжено, а многие абазы потеряли все скошенное ими сено в кубанских степях, а также значительную часть урожая хлеба. Зимой 1860/61 года неприятель делал различные набеги из Адагума и Абина на Шипс, Шапсогур, Богондур и Верхний Абин, но

всегда бывал отброшен назад с потерями. Операции неприятеля против этих гористых и богатых лесом областей, которые были ему почти совсем неизвестны, оказались уже несравненно более трудными, чем действия в Натухае или на равнинах Шапсугии и Абадзехии. Но что было наиболее чувствительным для адыгов, особенно для прибрежных – это строгая блокада портов. Кроме разрешенных по Парижскому трактату 10 военных пароходов русские имели еще находившуюся в непрерывном рейсе легкую парусную флотилию, которая охотилась за идущими из Анатолии сандалами.

Весной 1861 года два русских корпуса в количестве около 12 000 человек оккупировали прошлогодние позиции на реках Иль и Шепш. Большой же корпус, до 30 000 человек, разбил лагерь между крепостями Адагум и Абин и начал оттуда действия двумя колоннами по направлению к Геленджику, где высадилось несколько тысяч человек. Одна колонна двинулась через Шапсогур и Малый Абин на дорогу в Добу, вторая вторглась по лесной тропе, налево от дороги, в Адерби и оттуда – на Геленджик. «Инвалид» опубликовал в 1861 году блестящий рапорт об этой операции и восторгался особенно тем, что русские войска расположились лагерем в бывшей главной квартире «флибустьеров» (так остроумно называет нас московитская газета). Впрочем, этот совершенно бесполезный поход так много стоил русским, что они больше не пользовались этой дорогой, но отступили назад, в свой лагерь через Суджук и Натухай. При защите Адерби Хаджи-Измаил-паша развил большую энергию. В продолжение всего лета 1861 года неприятель неоднократно пытался устроить коммуникационные дороги между лагерями в Шапсугии, но встретил такое решительное сопротивление, что должен был оставить свое намерение.

В продолжение этих двух лет ни натухайцы, ни абадзехи не принимали участия в войне, так что храбрым шапсугам пришлось сражаться одним. Но осенью народ в Абадзехии начал все более волноваться. Наиб совершил паломничество в Мекку и по возвращении оттуда больше не показывался среди русских. Единичные стычки случались на реках Шавготче и Лабе между русскими и некоторыми отрядами абадзехов. Зимой, однако, война вспыхнула с новой силой, теперь уже все племена Адыге, за исключением жителей Натухая, приняли участие в сражениях.

С 1856 года, т.е. в течение 6 лет, русская армия и государственные политики были в состоянии привести только пятнадцатую часть независимых абазов к видимому подчинению или, лучше сказать, к кратковременному перемирию. К тому же Натухай – область, которая была лучше всего известна русским и благодаря своей открытой поверхности и своему географическому положению могла быть защищена только с большим трудом. И в продолжение этих шести лет царское правительство не жалело ни денег, ни людей. Это заставляет думать о еще достаточно долгом сопротивлении адыгского народа, хотя не подлежит сомнению, что по истечении еще нескольких лет жители шапсугских равнин будут истреблены и загнаны в горы. Тогда уже начнется решительная борьба, и хотя система крепостей приносит очень запоздалые плоды, но рано или поздно страна Адыге попадет в руки русских.

Хотя, как я уже указывал в начале этой работы, абазы никогда не смешаются с москвитями, как дагестанские потомки татар и лезгинские потомки иудеев, участь которых уже решена, но если одна часть их погибнет в бою и в ссылке, то другая часть будет стараться спастись от русского рабства эмиграцией в Турцию и попадет из огня в полымя.

Русские начнут тогда заселять столь важное для них побережье колонистами из Великороссии и казаками, а окончательное разоружение Грузии, Имеретии и других народностей Кавказа потребует еще некоторой борьбы, но может быть проведено уже без особых трудностей.

Всегда столь губительная для абазов моральная интервенция турок может только облегчить горцам переселение в Турцию. Еще в Абазии я заметил усилия со стороны Турции в том направлении, чтобы абазы колонизировали Румелию и Анатолию; тотчас же после моего прибытия в Константинополь я, к моему ужасу, увидел, что организована форменная пропаганда для того, чтобы побудить абазов, так же как и крымских и казанских татар, к переселению в Турцию. Иммиграция татар имела еще некоторый смысл, хотя для этого потребовались бы иные средства и иная администрация, чем турецкие. Но чтобы уговаривать абазов к бегству из их гор и чтобы сдачей этого пункта, не стоящего Порте ни гроша, очистить важнейшую позицию между Россией и Малой Азией – для этого действительно нужно было, чтобы господа наши совершенно потеряли голову.

Я приложил в Константинополе все усилия к тому, чтобы разъяснить туркам этот безграничный faux pas их политики, но добряки полагали, что смещением болгарского населения вдоль по Дунаю и по обеим сторонам Балкан с татарскими и абазскими, или, как они называют, черкесскими, переселенцами им удастся создать преграду между Константинополем и Европой и подавить местное христианское население этой магометанской иммиграцией. Они не догадываются, что благодаря этой глупой политике они материально и морально работают как на Кавказе, так и в Европе в пользу России и поэтому сами не достигают ни малейших успехов. Турецкая администрация так ничтожна, что благодаря татарской колонизации обогащаются лишь несколько сановников, имеющих на это полномочия, а тысячи несчастных татарских семейств подвергаются ужаснейшим бедствиям. Почти половина татарских переселенцев, состоящих из многих сотен тысяч людей, умерла от голода и нищеты, другие без всякого порядка были брошены в дома болгар и сделались бичом для христианских крестьян, и без того очень тяжело угнетенных. Большая часть переселенцев ушла назад в Россию, хотя со стороны русского правительства было поставлено условие, что каждый возвращающийся принимает христианскую религию.

Около 6000 семейств из Большой и Малой Кабарды постигла та же участь, что и татар.

Из независимой Абазии переселилось только несколько фанатичных мусульман, а другие имели время узнать о плачевной участи татар, которые искали защиты и гостеприимства падишаха. Это, к счастью, повернуло вспять поток переселения, ибо без примера татар, русские, благодаря остроумию Оттоманской Порты, уже сегодня были бы господами Абазии, в то время как большая часть населения переселилась бы в Турцию. Я думаю, что русские не отказались бы предоставить в распоряжение подобной эмиграции свои собственные корабли.

На этом я кончаю рассказ о нашей экспедиции на Кавказ.

В продолжение трех лет, считая начальную экипировку, вся поддержка, которую мы получили деньгами и частью припасами, достигла едва 5000 талеров. И вдобавок все это было дано не одновременно, а совершенно нецелесообразно разделено на части. Измаил, который обещал мне все, выдал едва лишь 2000 талеров, больше чем вдвое дороже стоили припасы, присланные нам кня-

зем Чарторыйским и генералом Замоиским. К тому же, как указано выше, значительнейшая и важнейшая часть их была потеряна благодаря небрежности корреспондентов.

С этими средствами, с несколькими орудиями, которые мы сами должны были ставить на лафеты, с небольшим количеством железа и пороха мы держались почти в продолжение трех лет, испытывали все, что в состоянии испытать несколько человек, открыли пути европейцам в эту до тех пор замкнутую страну; немного ознакомили абазов с известным административным порядком, намного улучшили и обеспечили участь многочисленных перебежчиков из русской армии, и, наконец, после всех потерь, возвратились на 16 человек сильнее, чем при выезде.

Если в отряде время от времени происходили беспорядки, то при тяжелом положении, в котором мы находились, в этом не было ничего из ряда вон выходящего, и я твердо убежден, что всякий другой отряд на нашем месте должен был бы погибнуть. Если среди нас и нашлось несколько единичных слабых личностей, то большинство было воодушевлено той энергией и тем духом самопожертвования, какой требовало тяжелое задание, которое мы сами себе поставили. Почти все без исключения солдаты и офицеры были готовы немедленно возвратиться назад, если бы мы только хотя бы наполовину нашли средства для новой экспедиции.

Примечания

¹ См. главу 3.

² В первый год после своего отъезда я получил успокаивающие известия по этому пункту, но, к сожалению, за последнее время горцы, оставленные без присмотра и руководства, вернулись к своим прежним обычаям и, как прежде, обращаются с перебежчиками как с рабами и часто выдают их русским.

³ По возвращении в Константинополь я нашел эту миленькую птичку в клетке; он был обвинен во множестве мошеннических проделок, но главным образом в том, что убил христианского врача, и в том, что обманул и продал убыхам одного отставного турецкого солдата, завербованного им в Абазию для того, чтобы завладеть его деньгами, около 600 талеров. Но оттоманское правительство очень снисходительно к преступлениям пашей, особенно тех, у кого есть деньги. Измаил, которого каждый ожидал увидеть казненным, отделался лишь потерей

своего звания паши и трехлетним тюремным заключением, которое он должен был отбывать на острове Эйперн. Он добился этого некоторым количеством денег и еще большим числом обещаний. Но так как потом от него стали требовать исполнения его обещаний и ему было весьма опасно отказываться от них, то он нашел более удобным для себя не платить, а удрасть. Он убежал в Грецию, оттуда – во Францию, где имел бесстыдство выдавать себя за потомка суверенных черкесских князей, за патриота, преследуемого Портой, и за жертву русских интриг. Но так как у него есть деньги и, несмотря на недостаток образования, он обладает в огромной степени низкой хитростью, а Черкесия является почти terra inkognita, то он найдет еще достаточно легковых людей, и я думаю, что сделает еще много подлостей, прежде чем попадет в руки европейской юстиции. Возможно так же, что он снова попадет в милость у Порты; кто знает, может быть, станет еще министром иностранных дел, хотя он не умеет ни писать, ни читать. Все это возможно в Турции.

⁴ Двое храбрых начальников мехкеме – Фарис-Бей и Хаджи-Яхья эфенди, когда увидели, что мы не можем держаться и покидаем страну, также не захотели оставаться в Абазии и уехали в Константинополь.

⁵ Ту-эфенди, возвращаясь в 1859 году из Трапезунда в Абазию на турецком сандале, был взят русскими в плен на море и должен был освободиться посредством очень тяжелого выкупа. Во время его пребывания в плену русские обращались с ним очень плохо. В результате этого он из тайного врага, каким был до тех пор, превратился в неумолимого и деятельнейшего противника. Ту-эфенди умер в октябре 1862 года.

Глава двадцатая

Рост московитского могущества на Востоке. – Успехи в Туркестане и Китае. – Расовое единство московитов, туркменов, монголов и китайцев. – Нынешний либерализм московитов. – Необходимость для Европы вовремя подготовиться против неизбежного вторжения с Востока.

Да будет мне разрешено сделать под конец несколько невольно напрашивающихся замечаний об опасности со стороны все более растущего могущества России. Так как я описал только положение на Кавказе, и особенно среди абазской нации, это отступление может показаться слишком разросшимся, но, в сущности, оно находится с предыдущим во внутренней связи. Кавказ является единственной границей между Европой и Азией. Горы, в ко-

торых теперь обитает абазский народ, задерживали величайших завоевателей мира. Никто до сих пор не занял Кавказа целиком и не превратил его в опорный пункт своих сил.

Стены и ворота сделались теперь развалинами и памятниками прошлого; роль диких, нецивилизованных, несогласных между собой и тем не менее столь страшных варваров взяли на себя, в сущности, настолько же дикие, хотя внешне слегка цивилизованные московиты. Двуглавый орел направил свой полет далеко за Дербент и Дарьял. Герой Дагестана взят в плен и присоединил свой голос к хвалебной песне в честь царя; его мюриды позволяют записывать себя в казачье сословие; Грузия с ужасом ожидает указа, который отнимет у нее оружие и последний остаток ее национальной независимости. Только еще горсточка адыгов сопротивляется гигантскому колоссу. Она будет еще пять, самое большее, десять лет сопротивляться, но затем должна будет сдаться; насколько быстро это произойдет, зависит теперь уже от искусства русских полководцев на Кавказе.

Через десять лет или раньше Россия будет действительным владыкой Кавказа, хозяином единственной границы между Европой и Азией, господином созданного самой природой неприступного лагеря размером в 8000 квадратных миль. Важность завоеваний этой горной долины сама Россия понимает лучше всех, и поэтому для того, чтобы овладеть этой позицией, она в течение столетия пожертвовала миллионы солдат и миллиарды рублей; по всей вероятности, эти долгие усилия скоро увенчаются полным успехом.

Очень часто, особенно во Франции, сравнивают покорение Кавказа с завоеванием Алжира. Это слишком смешная параллель для того, чтобы против нее можно было серьезно возражать. Кавказ для России то же, что Пиринеи для Франции, Тироль и Швейцария для Германии, и даже больше, потому что занятие Кавказа делает Россию единственным властелином Каспийского моря и является главным ключом к покорению Малой Азии. Европейская Россия, чья обороноспособность заключается только в скудно населенных равнинах и в ее армии, найдет в горах Кавказа между двумя неприступными морскими побережьями свой естественный базис, свой конечный опорный пункт. Петр Великий, едва только затронувший Кавказ и имевший там в качестве противников такие в то время еще могущественные державы, как Турция и

Персия, а также еще не обладавший близлежащим Крымом, одно время совершенно думал о том, чтобы основать столицу России на Куме. Кто знает, не придет ли один из его потомков к этой же мысли после завоевания Кавказа!

На востоке Каспийского моря и дальше на востоке Азии у России нет больше преград. Степи пройдены столетними тягостями и жертвами, этапы установлены, военные линии, насколько это необходимо, усилены людьми – жатва начинается ¹. Теперь больше нет исхоженных номадами степей, которые в течение нескольких лет не были бы заняты войсками царя. Но есть цветущее, густо населенное государство, в котором воинственные жители, приученные к азиатскому рабству, почти без сопротивления принимают русское господство. Китай в этот момент может быть уже оккупирован; Бухара, Коканд, Самарканд и другие небольшие ханства падают из-за простого продвижения русских вдоль широкой судоходной реки Аму ², по которой русских может сопровождать паровая флотилия Арабского моря и по которой они могут быть снабжены всем необходимым. Не будет ничего удивительного, если названные лежащие на правом берегу Аму ханства с их населением от шести до восьми миллионов душ еще в ближайшие два-три года попадут под власть русских. Нельзя и думать о сопротивлении этих невоинственных народов в их больших городах и безлесных развалинах. Несколько десятков сотен казаков с несколькими орудиями могут с ними быстро расправиться.

От Аму до Инда расстояние не дальше, чем от Дуная до Босфора, и на этом пути Англия не найдет ни турецких крепостей, ни Балкан, ни многочисленной турецкой армии, ни Австрии на фланге и ни Франции в резерве, чтобы задержать проникновение русских.

Продвижение русских дальше на Восток еще опаснее. Китайская стена, прежняя защита Небесной империи от татарских орд, не сможет задержать казаков, она служит посмешищем для русского лейтенанта и давно перейдена русскими. Орды киргизов, калмыков, тунгусов и других кочевых народов на границах Китая в большинстве своем превращены в оседлых, крещены, русифицированы и зачислены в армию. Теперь они образуют собой авангард для завоевания Китая.

Со времени заключения последнего мира в Париже Россия завоевала на востоке вдвое больше земли, чем сложенные вместе площади Германии и Франции. Страшная опасность угрожает миру с этой стороны. На Амуре работает целая армия поденщиков, солдат и каторжан над устройством гавани и крепости, которая должна стать новым, но совершенно неприступным Севастополем Японского моря. Русский флот на Черном море уничтожен, развитие флота на Балтийском море задержано, и вся энергия русского морского министерства теперь обращена на создание мощного флота на Японском море, где Россия не может опасаться соперничества; по газетным сообщениям, сделаны заказы на постройку пароходов и броненосцев в Англии и Америке. Итак, в то время как Россия тихо и незаметно создает новые морские силы, которые не будут, как раньше, замерзать во льду Северного моря и Невы или заперты в Черном море и не могут быть больше стеснены в свободном движении и в своем развитии, русская граница все время продвигается дальше; с острова Сахалина русские смотрят на Японию; по правому берегу Амура Маньчжурия и большой, хорошо населенный полуостров Корея оккупированы, и вот уже русские стоят на расстоянии только 80 миль от Пекина! И европейские газеты говорят об этом с такой невинностью и с таким огромным равнодушием, как будто речь идет о смене министерства в Гессен-Касселе.

В газете «*Patric*» от 10 мая 1862 года я прочел длинную статью, проводящую параллель между азиатскими завоеваниями России и Англии и строящую также иллюзии о будущей роли Франции в Азии. Я не могу понять, как можно проводить подобные параллели. Все, что Англия завоевала в Азии, — это колонии и только колонии. Несколько несчастливых морских сражений, и обладание этими колониями поставлено под сомнение. Алжир, хотя он и лежит перед воротами Франции, — в случае войны с Англией может быть удержан только с величайшими жертвами. Французы инстинктивно это чувствуют и поэтому считают колонизацию опасной до тех пор, пока Гибралтар, Мальта и Корфу находятся в руках бриттов.

Напротив, оккупированные русскими страны в Восточной Азии с момента их захвата как бы приросли к России. Никакая заслуживающая внимания держава не может затруднить ей об-

ладание ими: оккупированная страна не является уже больше колонией – она называется и вскоре делается русской.

Наибольшее значение здесь имеет единство расы между туранскими племенами Восточной Азии и их новыми господами – московитами. Индокитаец никогда не станет англичанином, араб – французом, даже если он перенимает язык и религию победителя, что, впрочем, и не часто случается. Даже самое смешение рас здесь происходит реже, чем, к примеру, между белыми и неграми, напротив того, тунгус, киргиз, калмык, монгол, татарин, маньчжур, японец и китаец в несколько десятков лет станет московитом и примет русский язык и восточную религию. Русское государство насчитывает сейчас 75 миллионов человек. Из них около 20 миллионов – говорящих только на своем собственном языке, т.е. поляки, малороссы, финны, небольшая часть татар и большинство кавказцев; 45 миллионов говорят на официальном великорусском языке без диалектов, около 10 миллионов говорят на двух языках, т.е. кроме великорусского еще на своих туранско-финских языках, но все больше и больше их забывают и становятся целиком русскими. Среди них остается еще около трех миллионов магометан и язычников, остальные уже крещены.

В Европе это добродушно называют «нести цивилизацию на Восток», но там это означает ужасную деморализацию. Сколько умерло под бичами, сколько погибло на рудниках Урала, прежде чем они приняли крещение. Дети и родители были разлучены, первые воспитывались в казачьих станицах, вторые до конца своих дней использовались на принудительных работах. Кому пришло бы в голову во Франции или Англии делать таким образом из арабов или индусов соотечественников и христиан-католиков или протестантов?

Однако этот зверский способ денационализации и обращения в новую веру не всегда бывает нужен. Обычно русификация легко проходит при помощи коррупции и благодаря самому положению вещей на месте. Во Франции житель колонии на родине рассматривается почти как иностранец, даже если он сам там родился. В России, не имеющей колоний, житель оккупированной страны немедленно считается русским и становится по своему положению и религии полноправным русским. Хан киргизов, башкир или калмыков, уздень черкесов, мандарин маньчжуров получает

соответственно своему рангу и пользе, которую из его положения может извлечь правительство, титул князя, графа или дворянина. Большинство нынешних русских аристократов подобного происхождения. Хан, ага, уздень, мандарин и т.д., ставший благодаря указу русским боярином, усердно работает над тем, чтобы сделать и простой народ русским.

Эта система, не давшая результатов в Польше, Малороссии и в некоторых областях Кавказа, особенно там, где под властью России находятся индоевропейские народы, приносит хорошие плоды на Востоке, и это еще больше подтверждает единство московитов с туранской расой. Легко сделать из монгола русского дворянина, но было бы невозможно шейха бедуинов или князя индусов превратить при помощи простого декрета в маркиза или лорда.

Пустынные степи уже пройдены, в настоящее время русские занимают хорошо населенные и богатые страны. Занятие полуострова Корея и лежащих между ним и Амуром маньчжурских стран даст царю свыше 20 миллионов новых подданных и явится важнейшим этапом в завоевании Японии и Китая. Кто может с достаточными основаниями опровергнуть необходимость того, что прежде чем пройдет срок человеческой жизни, Россия должна стать властелином китайского царства? Какая держава имеет средства задержать там наступление русских? До тех пор пока Европа, может быть, примет еще серьезные предосторожности, Россия сделает из этих миллионов рабов, которые уже сейчас почти находятся в ее руках, страшную армию. Можно не рассчитывать на то, что китаец трус. Он изнежен, ленив и плохой солдат, пока организован по своему обычаю. Но завербованный в русские полки, включившие уже столько азиатских народов, он при своем рабском, пассивном послушании, в котором этот народ возрос в течение тысячелетий и приобрел свою вторую натуру, сделается идеалом русского солдата.

Не пройдет, может быть, и 50 лет, как русский генерал-губернатор начнет посылать царю свои рапорты из Пекина. Для китайца, японца и маньчжура европейская цивилизация, католическая или протестантская вера никогда в широком масштабе не будут приемлемы, это противно всему их духу, всей их натуре, но московитский деспотизм, пустой, бездушный блеск восточной церкви, разделение на 14 классов, общность государственного устройства

и множество других вещей, которые связываются с москвитом, очень легко сделаются ему понятными. Поэтому введение русского порядка для этих восточных людей является единственной формой прогресса, которую они могут понять и принять ³.

Бытует воззрение, базирующееся, впрочем, на историческом опыте, что слишком распространившиеся государства не могут долго существовать и что, следовательно, Россия, которая уже сегодня занимает седьмую часть земного шара, сама, благодаря своей обширности, не будет долго прочна. Ничто не вечно на свете, но Рим, историю которого всегда цитируют, существовал много сотен лет и покорил мир, пока не пал сам. Тогда, и даже 50 лет тому назад, широко раскинувшиеся государства были слабее, чем теперь, но два великих открытия этого столетия – пар и электричество представляют необычайное облегчение в управлении каждому правительству, особенно же централизованному и деспотичному. Армия из С.-Петербурга, если будут проложены железные дороги, прибудет в Пекин скорее, чем несколько лет назад в Москву; полки царя легче и быстрее попадут из столицы к отдаленным границам государства, чем некогда легионы Цезаря из Рима в Анкону. Приказ царя в ту же минуту станет известен его полководцам во всех концах государства, где бы они ни находились. Трудность управлять страной из-за ее огромного протяжения уничтожили пароходы, железные дороги и телеграф. Либералы в Европе потирают себе руки и думают, что именно эти открытия опрокинут деспотизм во всем мире. Этого можно вполне ожидать, но до этого должны пройти столетия. Искусство книгопечатания, это божественное изобретение, до сих пор оказало мало влияния на моральное развитие московитского народа, но зато в искусстве применять порох Россия не отстала ни на шаг от остальной Европы. Утешаются еще плохим состоянием русских финансов, но правительство, имеющее в изобилии людей и землю, никогда не почувствует недостаток в деньгах и всевозможных военных припасах. До сих пор России не хватало людей, теперь перенасыщенный Китай предоставит ей сотни миллионов.

Как бы ни казалась слишком смелой наша точка зрения, мы повторяем ее с глубоким убеждением, и это убеждение разделяют в русской армии все – от поручика до фельдмаршала: не пройдет и срока человеческого возраста, как Китай станет русским, потому что никакая сила не сумеет задержать там продвижения

русских. Вслед за более или менее полным завершением этого завоевания, которое беспечная Европа рассматривает с роковым равнодушием и даже поощряет, царь сорвет бесполезную затем маску и заговорит как господин Европы.

Потребовалось вмешательство двух великих держав и кровопролитная и дорогостоящая война, чтобы остановить наступление русских на Константинополь. К этому времени у России было 74 миллиона жителей, среди которых 20 миллионов были готовы к восстанию против царя. Какая же огромная сила потребуется и хватит ли всей Европы для сопротивления, если царь, как повелитель нескольких сотен миллионов рабелепных подданных, с несколькими миллионами хорошо обученных, автоматичных и жадных к добыче солдат нападет на беззаботные и несогласные между собой индогерманские расы?

Предчувствие нового нашествия монголов живет, так сказать, в груди каждого мыслящего европейца. Полководцы, чиновники, ученые, писатели, публицисты и поэты говорили и писали об этой возможности, но никто не поставил точку над «i», т.е. не объяснил, при каких условиях эта возможность станет реальной.

Правда, Россия с ее нынешними силами еще не может быть столь опасной для самостоятельности Европы, хотя она уже достаточно причинила ей неприятностей, но как только Россия выполнит свою миссию в Азии, она с удесyтеренной силой обрушится на Европу.

С какой хитростью и лицемерием москoвит при каждой возможности берет слово, чтобы поплакаться на то, что его хотят изгнать в Азию. Он делает это так, как будто для него это равнозначно ссылке на Камчатку. Потому что это нужно ему для того, чтобы не пробудить Европу из ее летаргии, чтобы любой ценой удержать то, что он добыл насилием и хитростью, и не потерять свои позиции на Западе; а между тем он марширует неумолимо, как судьба, гигантскими шагами на Восток. Границы Азии пройдены, завоевание началось, и никакими силами его больше не остановишь.

Туранская раса вечно была бичом всего мира. Она принимала различные имена, различные языки, различные религии, но в сущности она оставалась всегда такой же. Под именем скифов она была ужасом древнего мира; в обликии языческих аваров и гуннов она впервые дала себя знать христианской Европе; потом

она изменила имя и религию и снова напала на Европу как монголо-татары и магометане; одна из ветвей этой расы пришла с юга и под именем османов взяла Константинополь и проникла вплоть до Вены.

Новый, молодой побег вырос из старого дерева. Финно-татарский москвит принял русский язык и религию и самое имя «русс». Он развивает язык и религию не как индо-германцы, для морального развития, но для военной дрессировки масс, необходимой для будущих завоеваний. Само имя служит ему для того, чтобы обманывать 15 миллионов малороссов, которых он считает своими родичами. Он становится еще страшнее от того, что, будучи чуждым духу европейской цивилизации, жадно изучает всякий государственный и военный механизм, чтобы использовать его для военной организации своих грубых масс.

В России есть только одна цель, ради которой работает всякий высоко или низко стоящий. Это армия. Царь, чиновник, священник, боярин, мещанин и крестьянин, даже ученый и поэт ⁴ работают только на армию.

За последнее время так много пишут об успехах России, об отмене крепостного права, о большом недовольстве внутри страны, о страшной готовящейся революции, что многие публицисты в Европе уже предвидят разрушение России как нечто неизбежное. Хитрые москвиты должны втайне от души смеяться над тем, что им так легко удалось ввести в заблуждение общественное мнение Европы.

Кто знает Россию, тот даст надлежащую оценку всем этим красивым вещам. Вопрос о крепостном праве в России целиком находится в руках правительства и, без сомнения, будет решен скорее в пользу царя, чем народа. Вот успехи, сделанные Россией со времени заключения Парижского мира: она продвинула свои границы на 80 миль до Пекина; начала завоевание Туркестана; сильно ускорила подчинение Кавказа; заложила основы для крепости первого класса и флота на Японском море; особенно же усовершенствовала управление и вооружение своей армии. Это на самом деле огромные успехи, которыми может гордиться правительство нынешнего царя, потому что Россия за шесть лет приобрела больше, чем за тридцатилетнее царствование Николая I.

О других успехах, которых ждут в Европе и о которых говорят и пишут, мы ничего не знаем. Отмена крепостного права долж-

на сначала принести плоды и прежде всего должна сначала стать действительностью, чтобы можно было вынести о ней серьезный приговор. Свобода, возникшая как подарок царя, всегда обоюдоостра, и история дает нам право рассматривать такие подарки с недоверием. Царь Николай запретил указом продажу отдельных крестьянских семей. Все либеральные газеты восторгались успехами России, но русские крестьяне страдали еще больше, чем раньше, и почему? По указу царя продажа была, конечно, запрещена, так же как и пожизненная отдача внаем, но не отдача внаем на определенное количество лет. Теперь бояре стали отдавать внаем своих крестьян на 99 лет! Раньше семья не могла по крайней мере быть разрознена, но должна была быть продана вместе. Теперь их стали отдавать внаем поодиночке: одного брата в Архангельск, другого – в Одессу, мать – в Москву, отца – в Астрахань или Иркутск. Это было разрешено и это было единственным благодеянием царского подарка.

Не может ли хваленая отмена крестьянского права привести к подобному же результату. Строят очень большие иллюзии по поводу внутренних беспорядков, по поводу поджогов в С.-Петербурге, Москве и других городах и хотят уже в этом увидеть предвестие революции. В России еще много городов могут сгореть, еще много кровавых крестьянских бунтов может разразиться, но никогда там не возникнет революции в европейском смысле этого слова. Восстание Пугачева было гораздо страшнее, чем нынешние манифестации, и было подавлено правительством с такими незначительными усилиями, что на Запад едва дошли вести об этом.

В Европе, особенно во Франции, где очень охотно судят все народы по себе, думают, что новый дух времени сделал гигантские успехи и в России. Было бы очень желательно, чтобы публицисты Запада лучше ознакомились с внутренними условиями России и не полагались бы на известия, распространяемые очень усердно с некоторого времени русскими правительственными органами и либеральными туристами, которые во многих вопросах с удивительным единодушием идут рука об руку.

Нет страны в Европе, за исключением Турции, на внутреннее устройство которой не оказали бы более или менее благоприятное влияние последствия Великой Французской революции. Но что же мы видим в России со времени столь либерального царя, как Александр I? Никто не может этого отрицать, и москвиты

сами это удостоверяют, что с этого времени, как никогда, деспотизм сделал здесь огромные успехи и создал крепкую организацию.

Нынешнее недовольство России вызвано не образом правления, но покачнувшимся политическим положением России в Европе, потерей флота на Черном море, сдачей армии. Если бы русское войско отбросило союзников в море у Севастополя, оторвало кусок от Турции или даже взяло Константинополь, то никому бы в России не пришло в голову говорить о реформах. Можно бы задать вопрос первому, лучшему из бесчисленных либералов, разъезжающих сейчас по Европе: «Что вы хотите? Свободную конституцию и спокойное внутреннее духовное и материальное развитие? Хорошо, но бросьте ваши завоевательские инстинкты, ведь у вас достаточно земли; позвольте народам Кавказа дышать их свободным воздухом; отдайте то, что вы приобрели силой и тайными интригами и только благодаря этому держите крепко, отдайте назад Польшу и Финляндию!» – и не найдется ни одного, который честно пойдет на это; большинство вскричит, а кто этого не скажет, тот подумает: «Лучше уж мы будем переносить жесточайшее рабство, если это нужно, чтобы выполнить нашу священную миссию». Священная миссия москвитов – это, прежде всего, принести цивилизацию на Восток, т.е. захватить Китай и Туркестан и пробудить славян к национальной жизни, т.е. присоединить их к России, а затем владычество над миром.

Россия сейчас слишком слаба для того, чтобы выступать открыто. Царь Николай, бывший слишком нетерпеливым, тяжело скомпрометировал политику России; наследник поэтому будет достаточно осторожен, чтобы не принимать в Европе тон хозяина, и будет дожидаться своего времени. Нет ничего более опасного для России в настоящую минуту, чем изолированно вступить в войну с какой-нибудь одной европейской державой. Поэтому она будет делать все возможные мнимые уступки общественному мнению, пока не наступит ее время. Она жадно смотрит на вооружение и соперничество Франции и Англии и всеми способами раздувает их тайные раздоры, она втихомолку работает над развитием Австрии, хорошо зная, что разногласия встречающихся на этой почве мадьяр, румын и славян могут быть легко использованы к ее выгоде, и они вернее попадут в ее руки; ее влияние в Пруссии безгранично, ее рука замешана во всех неприятностях, день ото

дня возникающих в Османской Порте; она торжествует по поводу гражданской войны в Соединенных Штатах, чье внимание становится теперь слабее на Японском море; она льстит европейским либералам и старается их привести к тому, чтобы они взяли себе в пример Вольтера; она признает Италию, и все это рассматривается теперь как знак ее либерализма ⁵. Это верная картина современного положения России, потому что будет глубоким заблуждением описывать его так же неверно, как это делают сами москвиты, которые здесь действуют, по-видимому, по определенной системе. Рисуя взаимоотношения в России столь нежными красками, они оказали тем самым себе очень значительную услугу, потому что усыпляли бдительность Европы. Я не хочу говорить здесь об агитации в Польше, которая сохраняет свое собственное значение и ничего не имеет общего с московитской.

Этот беглый взгляд на опасность распространения московитской мощи в Восточной Азии я считал необходимым сделать для того, чтобы представить в настоящем свете значение, которое имеет для Европы спасение Кавказа от окончательного завоевания Россией. После покорения Кавказа и туркестанских ханств сердце России не будет больше находиться в Москве, но между Волгой и Уралом, на Каспийском море. Оттеснение русских с Кавказа, в настоящее время еще сравнительно легко достижимое, после уничтожения адыгов и разоружения Грузии станет невозможным. Адыги – индогерманский народ численностью около 15 миллионов человек, грузино-армяне – народ численностью в 4 миллиона – могут образовать на Кавказе два государства, которые, морально поддержанные Европой, скоро проникнутся идеями западной цивилизации, быстро разовьются и создадут крепкий форпост Европы против неизбежного нападения с востока. Независимость Кавказа является, кроме того, также условием, обеспечивающим Персию и Малую Азию от русского завоевания. Сдача этой позиции для Европы равносильна самоубийству; и одной из величайших ошибок последней Восточной войны была слишком поверхностная оценка этого вопроса. Если бы турки не строили иллюзий о возможных приобретениях на Кавказе, на которые западные державы нехорошо смотрели и не поддерживали и которые, в сущности, мало возможны, так как кавказские народы так же неохотно, а может быть, и с еще большей неприязнью покорились бы туркам, чем русским, чему мог

бы уже научить Порту опыт истекшего столетия. Если бы союзники десятую часть суммы, стоившей истребления нескольких дюжин парусных судов, обратили бы на вытеснение русских с Кавказа, то в действительности был бы достигнут необычайный успех, и это было бы для России несравненно более чувствительным и даже непоправимым ударом, чем взятие части Севастополя.

Величайший гений этого столетия Наполеон I сказал на острове Св. Елены известные всему миру слова: «Через пятьдесят лет Европа станет республиканской или казацкой». Если изучать с глубоким вниманием ход событий за последние 40 лет, то можно прийти к выводу, что казакизм сделал больше успехов, чем республиканизм. Какое роковое совпадение, что в то самое время, когда Россия шествует на завоевание Туркестана и Китая, сила и прочность единственной великой республики мира поставлены под вопрос ужасной гражданской войной!

Когда гениальный герой говорил свои пророческие слова, он, несомненно, думал о Восточной Азии, о Китае и Японии. Человек, который в то время, когда еще не было железных дорог, пароходов и телеграфов, набрасывал в Париже план похода на Индию и, думая об этом походе, должен был принимать в расчет нейтрализацию Австрии, Германии и России, враждебность Турции, связанной с Англией, переход через Кавказ и Персию должен был считать это расширение России и увеличение ее могущества на Востоке вполне естественным, а вовсе не из ряда вон выходящим.

Никто уже не может спасти Китай и Туркестан, их покорение есть только вопрос времени, но долгом самосохранения для Европы является использование времени, которое еще осталось для того, чтобы предотвратить, насколько это возможно, неизбежное вторжение, которое придется переживать еще нынешнему поколению. Англия и Франция должны добиться того, чтобы по крайней мере задержать русское наступление на Японские острова. Было бы лучше, если бы эти две морские державы заняли одновременно эти острова, ибо следует опасаться, что русские, прежде чем они попадут в Пекин (что совершенно неизбежно), сначала попытаются стать господами Японии, что им до некоторой степени облегчит занятие Китая. Революция, война в Европе (Америка и без того ослаблена), представят им лучшие возможности для этого внезапного нападения.

Долг всех индогерманских рас создать фронт против беспрерывно приближающегося урагана с востока. Недостаточно восстановить Польшу в широких границах, возвратить Финляндию ее законным собственникам, освободить и организовать Кавказ; необходимо еще полностью изолировать эту чудовищную державу, чтобы она не оказывала никакого влияния на судьбы Европы.

Примечания

¹ Петр Великий предоставил астраханскому губернатору миллион серебряных рублей для покорения киргиз-казаков. Собственные слова царя гласят: «Хотя это и слабый народ, но он служит ключом и воротами ко всем странам и государствам Азии, всем азиатским странам ключ и врата». (Письмо Петра Великого в «Современнике», с.-петербургском журнале, 1852, часть четвертая, № 10).

² Не смешивать с Амуром, который образует границу с Китаем.

³ Я не могу удержаться, чтобы не процитировать из труда малоросского ученого господина Духинского несколько коротких отрывков для того, чтобы поддержать мою точку зрения об общности китайцев и московитов. Господин Духинский говорит: «Индогерманские (вендские или арийские) и уральские или туранские народы, обитающие в Европе, имеют своих представителей в Азии, а именно: первые – индусов, среди них преимущественно браминов с их древней литературой; последние – китайцев. Но все же есть разница между туранскими народами и китайцами: последние являются именно желтыми монголами, тогда как первые принадлежат к белым. Однако известно, что монголы с давних времен были и остаются сильно смешанными с туранцами. С XIII по XV столетие монголы и туранцы развивались под владычеством династии Чингисхана, что не следует никогда забывать, так как это является одним из основ нынешних взаимоотношений между московитами и китайцами. Но с XVI столетия московиты и большая часть монголов теснейшим образом связались между собой при династии Рюрика, отпрыск которого Иван IV стал ханом Казанским и Астраханским. В то время как индоевропейские нации положили в основу социального и морального существования земледельческую и оседлую жизнь, все это рассматривается китайцами, так же как и московитами и евреями, как временная, хоть и неизбежная необходимость, как своего рода спекуляция. Индоевропейские народы не в состоянии точно определить время, когда у них введено наследственное владение землей. Привязанность к земле у них развита в высокой степени и величайший тиран никогда не осмеливался произвольно распоряжаться земельной собственностью народов... Напротив, китайцы помнят восемь различных произвольных

изменений способа владения землей – изменений, которые всегда были указаны и декретированы богдыханами (царями). Даты этих изменений мы находим точнейшим образом указанными в китайских законодательных сборниках... Древнейший раздел земли, за две тысячи и несколько сотен лет до рождения Христова, был совершенно такой же, как мы сегодня видим у московитов, – по душам... Не только в европейских законодательных книгах, но и в индийских, в Веде и в своде законов Ману нельзя найти и следа произвольного раздела земли, наполняющего законодательные сборники китайцев и московитов, характер московитов и китайцев необычайно схож в основных правовых понятиях. Ни те ни другие не в состоянии самостоятельно выработать свою личность, они ожидают всего – свободы или рабства, добра или зла – не от себя самих, а от монарха. Лучший пример нам дает известный господин Тургенев, умоляющий царя о том, чтобы он повелел землевладельцам отдать их небольшую земельную собственность крестьянам. (Помещики в Великороссии имеют лишь очень мало собственной земли, земля принадлежит общинам, но крестьяне, в свою очередь, являются собственниками помещика. – *Примеч. авт.*) Право распоряжаться землей своего государства по своему усмотрению, присущее московитским монархам, очень обстоятельно доказал господин Тургенев в «*Journal des debats*»... В Европе с давних пор существует наследственная знать, имеющая определенные права, которую никогда не был в состоянии подавить властитель; касты Индии за много сотен лет исторически сформировались и не зависят от расположения духа или доброй воли монарха; даже сам монарх не принадлежит к высшей касте браминов, но к военной касте, которая соответственно ниже и называется кшатрия. У московитов и китайцев знать не имеет такого значения. У них нет собственного земледельческого дворянства, но есть только придворное дворянство, или дворянство номадов. Перед лицом повелителя нет знатных или незнатных людей – все равны перед царем или богдыханом... Представления московитов о женщинах стоят немногим выше, чем у китайцев. Святые и почитаемые женщины-герои известны в Европе до Новгорода и Днепра. Дальше на восток история 45 миллионов московитов, так же как и сотен миллионов китайцев и других туранцев и монголов, больше не оставляет нам мифов... Женщина была эмансипирована указом Петра Великого... Царь приказал, чтобы жены высших сановников и бояр показывались в мужском обществе и протягивали тем, кто танцует с ними, свою руку для поцелуя. Те, которые опаздывали на царский бал, подвергались порке розгами. Вот мифы и права женщин у московитов!» Из бесчисленных доказательств общности китайцев и московитов, выдвигаемых малоросскими учеными, я привожу только эти, потому что я думаю, что они во многом отношении значительней, чем язык, кото-

рый пастушеские народы легко изменяют. Но китайский придворный язык, гуан-хоа, на котором говорят придворные, ученые, чиновники и высшее общество, неизвестен массе китайского народа и встречается только в провинциях Кианг-су и Ниан-гори.

⁴ Достаточно прочесть Пушкина, Лермонтова и других.

⁵ Следует вспомнить, что Екатерина II так заботилась о свободе Польской республики, что отправила в поход свои войска, дабы защитить права дворянства, которым угрожал король, обладавший едва ли той властью, которой теперь располагает президент Соединенных Штатов! Это был важнейший шаг к разделу Польши. Признание Италии является результатом политики, а не либерализма царя.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

Том первый

Глава первая. Географическое положение Кавказа. – Реки. – Горы. – Недостаточное описание страны. – Народы Кавказа. – Разделение по расам и народностям. – Грузино-армяне. – Абазы. – Туранские Народы. – Русские и европейские поселенцы. – Русское господство. Отношение различных народов к русскому правительству. – Численность населения. – Военные силы русских. – Линейные войска. – Черноморские и донские казаки и казаки новой линии. – Милиция. – Некоторые замечания о способе ведения войны русскими и о последнем походе в Малую Азию	8
---	---

Глава вторая. Страна независимых кавказцев. – Географическое и топографическое положение. – Горы. – Реки. – Берег Черного моря. – Климат. – Пути и дороги. – Границы. – Почва. – Земледелие. – Ремесла. – Производство пороха и оружия. – Коневодство и скотоводство. – Овцы и козы. – Пчеловодство. – Дичь. – Рыбы. – Минералы. – Торговля. – Трудности сообщения. – Ввоз и вывоз	29
--	----

Глава третья. Происхождение и значение слова «черкес». – Первая встреча черкесов с абазами. – Вероятное происхождение названий «абаз», «адыге», «сван», «осетин». – Прежние поселения на Западном Кавказе. – Сходство абазов с живущими в европейской Турции албанцами или арнаутами. – Армяне в Абазии. – Разделение адыге по народностям, племенам, фамилиям и дворам. – Разделение по рекам. – Разделение по мехкеме, или судебным дворам. – Статистический обзор народа. – Религия: бывшая католическая часть, языческая часть и греко-армянская часть. – Воспоминания о генуэзцах. Латинский крест. – Христианское богослужение. – Греческая мифология. – Греческий крест. – Магометанство.	44
---	----

Глава четвертая. Законы адыгов. – Коран и адыге хабзе, или обычное право. – Виды суда. – Мехкеме. – Кровная месть. – Наказания. – Языки и диалекты. – Письменность. – Магометанские школы. – Способности и стремление к знаниям молодых абазов. – Отсутствие памятников. – Сказания и сказки. – Объяснители снов. – Сказание о Прометее. – Общественное деление адыгов. – Князья. – Дворяне. – Свободные. – Старшины народа. – Духовенство и судьи. – Рабы и их положение. – Работоторговля. – Рабы, девочки и мальчики, в Константинополе. – Жилище адыгов. Их питание. – Кушанья и напитки. – Одежда мужчин и женщин.....	63
---	----

Глава пятая. Занятия адыгов. – Обычаи. – Характер. – Пороки и добродетели. – Воровство. – Женщины и девушки. – Их занятия. – Гостеприимство. – Прием гостей. – Приют. – Барды и певцы. – Рождение. – Женитьба. – Свадьба. – Похороны. – Поминки. – Праздник вознесения на небо девы Марии..... 82

Глава шестая. Вооружение адыгов. – Ружья. – Пистолеты. – Сабли. – Кинжалы. – Старое оружие. – Лук и стрелы. – Кольчуги. – Приблизительное количество вооруженных. – Пешее и конное войско. – Военные игры и упражнения. – Русские дезертиры и военнопленные. – Их печальное положение. – Адыги, попавшие в плен к русским. – Некоторые примеры осуществляемой русскими деморализации. – Обмен беглых рабов и беглых солдат 100

Глава седьмая. Адыги, поступающие на службу к врагу. – Их ненадежность. – Пример этого. – Способ ведения войны. – Народные собрания и совещания. – Лагерь. – Сигналы. – Оборона и наступление. – Штурм и занятие русского форта, описанные абазским начальником. – Нельзя считать часть страны покоренной, пока другие части находятся еще в состоянии войны. – Солидарность племен 115

Глава восьмая. Малая война. – Экспедиция абреков на русскую территорию. – Охрана границ. – Пример экспедиции, потерпевшей несчастье. – Вторжение в Мингрелию. – Ведение войны русскими. – Положение русских солдат на Кавказе..... 134

Глава девятая. Краткий обзор новейшей истории абазов. – Турки, татары и черкесы. – Соппротивление абазов магометанскому господству. – Христианство. – Уход осман с Кавказа. – Притязания русских. – Начало войны и дальнейший ход ее. – Моральное влияние имама Дагестана шейха Шамиля. – Он посылает своих наибов к абазам. – Смерть первого наиба. – Прибытие Мохамеда-Эмина. – Его первоначальные действия. – Уничтожение дворянства. – Изменение рабства. – Успехи магометанства. – Утверждение господства наиба в Абадзехии. – Военный поход против шапсугов. – Стычки с шапсугами. – Их подчинение. – Повышение авторитета наиба. – Гражданская и военная организация страны 150

Глава десятая. Дальнейшая деятельность наиба. – Введение мюридов. – Недовольство абазов. – Политика русских. – Начало Восточной войны в 1853 году. – Интриги турок против наиба. – Назначение татарского князя Зан-оглы-Сефер-бея пашой и правителем Абазии. – Отступление русских из Абазии. – Прибытие турецких войск и офицеров. – Пассивное сопротивление

наиба. – Политика турок. – Тяжелое положение русских на Кавказе. – Состав выставленной против Абазии, Дагестана, Мингрелии и Анатолии русской армии.	164
---	-----

Глава одиннадцатая. Турецкий корпус под командой мушира Мустафы-паши высаживается в Суджук и Анапе. – Поведение турок в Адыгее. – Сефер-паша и Муста-фа. – Отступление турок из Северной Абазии. – Движение русских. – Адыги держатся во время Восточной войны совершенно спокойно. – Причины этого. – Интриги против усилий англичан. – Сердар Омер-паша в Сухум-Кале. – Ошибочное ведение войны. – Конец войны. – Отступление турецких войск из Абазии. – Депутация в Константинополь. – Положение в Абазии. – Зан-оглы Сефер-паша и наиб Мохамед-Эмин	180
--	-----

Том второй

Глава двенадцатая. Мои первые попытки организовать экспедицию на Кавказ. – Восточная война. – Я поступаю на службу в оттоманскую армию. – Первая встреча с черкесами в Константинополе. – Измаил-паша. – Договор о том, чтобы выставить на Кавказе польский корпус. – Приготовления. – Неприятности. – Посадка на корабль в Босфоре. – Мой отряд и мои средства	195
---	-----

Глава тринадцатая. Морское путешествие. – Высадка в Туапсе на Кавказском берегу. – Первое впечатление от страны и народа. – Недружелюбный прием со стороны жителей. – Первоначальные трудности. – Прибытие Сефер-паши. – Партии в стране. – Я соединяюсь с Сефер-пашой и выступаю в поход в северную часть Абазии. – Марш через горы	211
--	-----

Глава четырнадцатая. Наше поселение в Шапсугии. – Прибытие оружия и боевых припасов. – Недостаток продуктов. – Равнодушие черкесов. – Неприятельский корпус переходит Кубань. – Наше первое сражение с русскими. – Настроение народа изменяется в нашу пользу. – Договор с народом. – Организация артиллерийского отряда	226
--	-----

Глава пятнадцатая. Дальнейшие сражения с русскими. – Известия из Константинополя. – Управление Сефер-паши. – Продвижение русских. – Неприятельское нападение на Геленджик. – Наиб Мохамед-Эмин едет в Константинополь. – Его арест, интернирование и бегство	238
--	-----

Глава шестнадцатая. Вести из Константинополя. – Внутренние неурядицы в Шапсугии. – Кровавая вражда. – Перемирие. – Наше положение. – Набег русских на Шапсугию и Абадзехию. – Тяжелая зима. – Экспедиция в Черноморье. – Нападение на русские пограничные посты и уничтожение их. – Продолжение военного и гражданского устройства страны. – Собрание депутатов всех адыгских племен на реке Догай. – Наступление русских на Адагум. – Действия наиба в Абадзехии. – Его неудачи. – Волнения в Абадзехии 256

Глава семнадцатая. Крупные неприятности с Сефер-пашой. – Вести из Константинополя. – Небольшие схватки с русскими. – Письмо Шамилю. – Прибытие некоторых припасов для польского отряда. – Политическое положение Абазии. – Народный совет шапсугов. – Процесс с Сефер-пашой. – Невыясненное покушение. – Известия из Абадзехии. – Вылазка русских из пяти крепостей против натухайцев. – Поездка верхом по Абазии. – Набег русских на Натухай. – Оборонительные действия адыгов. – Отступление неприятеля 274

Глава восемнадцатая. Последствия русского набега. – Загадочный выстрел. – Неудачная попытка арестовать князя Сефера. – Мне угрожает опасность в доме Сефера. – Окончательный разрыв. – Устройство Шапсугии. – Антхыр. – Я схожусь с Мохамед-Эмином. – Наше первое совещание. – Возвращение в Шапсугию. – Вторжение русских. – Сражение на реке Бакан. – Народный совет. – Временное оставление Натухая. – Положение дел в Абадзехии. – Сражение при Шавготче. – Письмо от Шамиля. – Планы. 296

Глава девятнадцатая. Посещение Сванетии. – Вторжение русских в Абадзехию. – Вести от Шамиля. – Шамиль – пленник русских. – Абадзехи пытаются начать мирные переговоры. – Я ухожу к шапсугам. – Сражение на Бакане. – Мое положение. – Наиб вступает в мирные переговоры с русскими. – Народный совет в Шапсугии. – Я уезжаю в Константинополь. – Никаких надежд на поддержку. – Возвращение польского отряда с Кавказа. – Наиб едет в С.-Петербург. – События 1860 и 1861 годов в Абазии. – Современное положение. – Несколько замечаний о польском отряде на Кавказе 311

Глава двадцатая. Рост московитского могущества на Востоке. – Успехи в Туркестане и Китае. – Расовое единство московитов, туркменов, монголов и китайцев. – Нынешний либерализм московитов. – Необходимость для Европы вовремя подготoвиться против неизбежного вторжения с Востока..... 326

Литературно-художественное издание

Лапинский Теофил (Теффик-Бей)

ГОРЦЫ КАВКАЗА
И ИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА
ПРОТИВ РУССКИХ

Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бей)
полковника и командира польского отряда
в стране независимых горцев

16+

Заведующий редакцией В. Н. Котляров
Художник Ж. А. Шогенова
Корректор Н. В. Римская

Сдано в набор 14.01.21. Подписано в печать 19.03.21.
Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура PT Serif.
Усл. печ. л. 20,22. Тираж 200 экз.

ISBN 978-5-93681-238-5

Издательство М. и В. Котляровых
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19
Тел./факс: (8662) 42-62-09
e-mail: elbrus@mail.ru
www.kotlyarov-publishers.ru
www.издательство-котляровых.рф